КГУ «Дом дружбы - центр общественного согласия» управления внутренней политики Восточно-Казахстанской области
Научно-экспертная группа Ассамблеи народа Казахстана ВКО
Международный научно-исследовательский центр «DIGITAL SOCIAL RESEARCH» Восточно-Казахстанского технического университета имени Д. Серикбаева
Алтайский государственный университет
Иркутский государственный университет
Тихоокеанский государственный университет
УНИЛ «Россия и Восток» Алтайского государственного педагогического университета

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КАЗАХСТАНЕ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

XXIII Международная научно-практическая конференция (04–05 декабря 2024 г.)

Сборник научных трудов

Усть-Каменогорск, 2024

УДК 314
ББК 60.7
Э 91

Под редакцией: Н.Л.Краснобаевой, Ж. С. Аубакировой, А. Н. Алексеенко

Э 91 Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: Сб. науч. трудов XXIII Междунар. науч.- практ. конф., 04–05 декабря 2024 г., Усть-Каменогорск. – Усть-Каменогорск, 2024. – 511 с.

ISBN: 978-601-7887-47-6

В сборнике представлены научные статьи, включенные в программу XXIII Международной научно-практической конференции «Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях». В них рассмотрены дискуссионные вопросы демографии, истории и географии населения в длительной ретроспективе. Представлены различные точки зрения по проблемам численности и расселения населения, репродуктивных и миграционных установок, выявлены социальные и демографические риски. Издание предназначено для уполномоченных государственных структур, общественных организаций, учебных заведений, широкого круга читателей.

ISBN: 978-601-7887-47-6

УДК 314
ББК 60.7

© Краснобаева Н. Л., Аубакирова Ж. С., Алексеенко А. Н.
©Издательство «Медиа-Альянс», 2024

Аблажей Н.Н.

МИГРАЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ В ГОРОДАХ СССР В ПЕРИОД ПАСПОРТИЗАЦИИ 1933–1934 гг.

(*Статья подготовлена в рамках реализации научного проекта AP23485356 по гранту Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан на тему: Паспортизация в Казахстане 1932–1940 гг.)*

Аннотация

Статья посвящена кризису миграционной политики, в связи с неконтролируемым ростом численности городского населения и попыткой союзной власти через паспортизацию решить вопрос о контроле за перемещением населения, регулировании потоков из села в город и снабжении городов. В начале 1930-х гг. имел место кризис миграционной политики, который возник из-за противоречия между наличием, с одной стороны, стихийного рынка труда, основанного на свободе передвижения и, с другой, огосударствлением экономики, в том числе сферы труда.

Текущими задачами паспортизации стала «разгрузка» или «очистка» городов от маргинального и люмпинизированного населения, а также создание системы учета. К среднесрочным целям можно отнести ограничение миграции сельского населения в города при сохранении возможности перетока излишней рабочей силы в зоны приоритетного индустриального развития, а также ликвидацию «социального паразитизма» в условиях нехватки рабочей силы. В качестве долгосрочной цели рассматривалось создание национального реестра населения на территориях приоритетного развития, позволявшего контролировать миграцию методами административного регулирования, с постепенным расширением зоны охвата. В ходе исследования сделан вывод, что паспортизация спровоцировала миграционный кризис в крупных и индустриальных городах СССР. В 1933-1934 г. властям за счет паспортизации удалось резко сни-

зить масштаб миграции в города, но уже в 1935 г. ее уровень вернулся на прежние показатели. Анализ политики и практики в области паспортизации иллюстрирует широкое применение принудительных выселений, как депортационного типа, так и вынужденных, что служит подтверждением репрессивных функций советской паспортной системы. Паспортизация обострила проблему контроля за перемещением населения как в области учета, так и регулирования потоков, что дает основания говорить о низкой эффективности системы.

Ключевые слова: миграционные кризис, города, урбанизация, паспортизация, выселения, отходничество.

Abstract

The article is devoted to the crisis of migration policy, in connection with the uncontrolled growth of the urban population and the attempt of the Union government through introduction of the passport systemto solve the issue of population control, regulation of flows from villages to cities and supply of cities. In the early 1930s, there was a crisis of migration policy, which arose due to the contradiction between the presence, on the one hand, of a spontaneous labor market based on the freedom of movement and, on the other, the nationalization of the economy, including the sphere of labor.

The short-term tasks of the passport system were «unloading» or «cleansing» of cities from the marginal and lumpenized population, as well as the creation of a registration system. Medium-term goals include limiting the migration of the rural population to cities while maintaining the possibility of the flow of excess labor to priority industrial development zones, as well as the elimination of «social parasitism» in conditions of labor shortages. The long-term goal was to create a national population register in priority development areas, which would allow migration to be controlled by administrative regulation methods, with a gradual expansion of the coverage area. The study concluded that introduction of the passport system provoked a migration crisis in large and industrial

cities of the USSR. In 1933-1934, the authorities managed to sharply reduce the scale of migration to cities due to the passport system, but already in 1935 its level returned to previous indicators. An analysis of the policy and practice in the field of the introduction of the passport system illustrates the widespread use of forced evictions including deportations, which serves as confirmation of the repressive functions of the Soviet passporting. The passport system exacerbated the problem of population control both in the field of registration and regulation of flows, which gives grounds to judge on the low efficiency of the system.

Keywords: migration crisis, cities, urbanization, passport system, evictions, seasonal work.

Создание паспортной системы в СССР представляет собой важную веху в истории национально-государственного строительства. В течение трех лет, в 1933–1934 гг., 56 миллионов человек [1] получили внутренние паспорта. На заре своей истории советская власть ликвидировала паспортную систему, но спустя полтора десятилетия возродила. Тема репрессивных функций советской паспортной системы, ее роли в осуществлении контроля за передвижением населения внутри страны, стала общей темой исследований как российских, так и западных специалистов. В советской историографии история советской паспортной системы изучалась исключительно в контексте процессов советизации общества, становления советского человека и деятельности правоохранительных органов. Большинство работ носило исключительно прикладной и ведомственный характер и сводилось к комментированию паспортного законодательства. Более того, часть исследований имела ограниченный доступ. «Архивная революция» 1990-х – начала 2000-х гг. позволила начать изучение паспортной системы в СССР с опорой на документальные данные, вводимые в широкий оборот. Усилиями В.П. Попова [2] в первой половине 1990-х гг. в научный оборот вводились, хотя и крайне фрагментарно, ранее засекреченные решения власти, ведомственное делопроизводство и статисти-

ка, что позволило дать характеристику основных этапов и механизмов внедрения паспортной системы, уделив основное внимание ее запретительным функциям. Часть исследователей, однако, оспорили интерпретацию паспортизации исключительно как инструмента принуждения и давления власти на общества. В этой связи необходимо отметить работы А.Ю. Тарасова [3], трактовавшего введение паспортов как переход от легитимационной политики к плановой и единой. Безусловной заслугой А.Ю. Тарасова является существенное расширение источниковой базы по тематике паспортизации за счет введения в научный оборот делопроизводственных материалов милиции и органов безопасности. На данный момент, несмотря на повышенный интерес к теме как со стороны историков, так и юристов, обобщающих работ по теме явно недостаточно. Можно выделить только монографию А.К. Байбурина «Советский паспорт: история – структура – практики», содержащую развернутое описание эволюции паспортной системы от имперской к советской, ходе паспортизации, формировании паспортного режима и реакции общества [4].

Проблема территориального разнообразия паспортного режима и миграционных аспектов кампании по отселению населения городов в той или иной степени отражены практически во всех исследованиях по этой тематике. Среди наиболее значимых следует выделить работы Потемкиной М.Н., Кузнецовой И.В. [5] по паспортизации Москвы, Ленинграда и Урала, исследования Чернолуцкой Е.Н. [6] по Дальнему Востоку. В контексте проблематики статьи, особый интерес вызывает работа Муан Я. [7], акцентирующая внимание на аспекты территориальной дискриминации в ходе введения паспортной системы, а также на проблематику паспортизации в контексте организации учета миграции (Моисеенко В.М. [8], Исупов В.А. [9]), Остаются актуальными такие вопросы как выяснение обстоятельств введения паспортной системы, выявление ее роли в формировании учетно-надзорного контроля за населением, анализ географических аспектов распространения, практики осуществления

полицейских и репрессивных функций, оценка масштабов дискриминации населения по паспортным признакам, влияние на криминогенную обстановку в городах, оценка миграционных последствий.

Проработка вопроса о введении в СССР внутренних паспортов проводилась ОГПУ СССР по поручению Политбюро, для чего была создана особая комиссия по паспортной системе и разгрузке городов, которой руководил заместитель председателя ОГПУ В.А. Балицкий. Комиссия изучила существовавшую в Российской империи систему учета и регистрации населения, а также зарубежный опыт. Особое внимание уделялось анализу нормативно-правовых основ и практик, сложившихся после отмены внутренних паспортов (1923 г.) и введения упрощенного порядка получения идентификационных документов (1930 г.). Согласно выводам Комиссии, без внутренних паспортов институт прописки был бы неэффективен.

Итоги работы Комиссси, одобренные Политбюро, легли в основу трех постановлений ЦИК и СНК [10]. Паспортизация стартовалала с постановления Политбюро ЦК ВКП (б) «О паспортной системе и разгрузке городов от лишних элементов» от 15 ноября 1932 г. За ним последовало совместное постановление ЦИК и СНК СССР «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописке паспортов» от 27 декабря 1932 г. Конкретизировало его постановление СНК СССР № 43 от 14 января 1933 г. «Об утверждении инструкции о выдаче паспортов». Затем было принято постановление СНК СССР от 28 апреля 1933 г. № 861 «О выдаче гражданам Союза ССР паспортов на территории СССР», утвержденное решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 23 июня 1933 г. [11]. Реализация этих решений была подкреплена реформой милицейского ведомства, ставшего, фактически, частью ОГПУ: 27 декабря 1932 г. введено в действие «Положение об образовании Главного управления рабоче-крестьянской милиции при ОГПУ Союза ССР». В связи с паспортизацией принимается ряд других ведомственных решений: приказ ОГПУ № 009 от 5 января 1933 г. «О чекистских

мероприятиях по введению паспортной системы в СССР» [12] и последовавшая за ним серия циркуляров, среди которых директива № 96 от 13 августа 1933 г. о порядке применения мер внесудебной репрессии в отношении граждан, нарушающих закон о паспортизации населения [13].

Паспортизацию планировали провести за полтора года, что дает основания характеризовать ее как чрезвычайную кампанию по учету населения. Вводилось ранжирование территорий и очередность кампании. К первой очереди были отнесены ряд городов и территорий, перечень которых указан в постановлении ЦИК и СНК СССР от 27 декабря 1932 г., постановлениях СНК СССР № 131 от 3 февраля и № 143 от 5 февраля 1933 г. Среди них: а) крупнейшие новостройки союзного значения; б) ряд крупнейших городов – по особому списку; в) Ленинградская, Западная и Московская области, Украинская и Белорусская ССР, Дальне-Восточный край. Ко второй очереди отнесены: Уральская, Иваново-Промышленная и Центрально-Черноземная области, Нижне-Волжский, Средне-Волжский, Горьковский и Северо-Кавказский края, Крымская и Башкирская АССР, ЗСФСР. Третья очередь: Северный, Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский края и Татарская АССР. Сюда же отнесены крупные новостройки и отдельные города на территории Узбекской, Туркменской и Таджикской ССР, Казакской, Киргизской, Кара-Калпакской и Якутской АССР. Срок кампании обычно ограничивался 2–3 месяцами. Для местностей, отнесенных к первой очереди, для которых не было принято специальных решений СНК СССР в том числе по срокам окончания, был обозначен временной диапазон с 1 апреля по 1 октября, для отнесенных ко второй очереди – с 1 июля по 1 декабря, для отнесенных к третям очереди – с 1 октября по 31 декабря 1933 г. Паспортизацию Узбекской, Туркменской и Таджикской ССР, Казакской, Киргизской, Кара-Калпакской и Якутской АССР планировалось завершить к осени 1934 г.

Статус «режимных» получили 30 городов СССР: Москва, Ленинград, Харьков, Киев, Минск, Одесса, Ростов-на-Дону,

Сталинград, Сталинск/Новокузнецк (Западно-Сибирский край), Баку, Горький, Сормово, Магнитогорск (Уральская область), Челябинск, Грозный, Севастополь, Сталино (Уральская область), Пермь (Уральская область), Днепропетровск (Днепропетровская область), Свердловск (Уральская область), Владивосток, Хабаровск, Никольск-Уссурийск (Дальне-Восточный край), Спасск (Дальне-Восточный край), Благовещенск (Дальне-Восточный край), Анжеро-Судженск (Западно-Сибирский край), Прокопьевск (Западно-Сибирский край), Ленинск (Нижне-Волжский край), Кузнецк (Средне-Волжский край). Паспортизация этих городов проходила в ускоренном порядке, стартовав в основном зимой 1933 г., ее завершение планировалось на лето 1933 г. Таким образом, в список вошли столицы, города-новостройки, индустриальные и приграничные города и даже города-курорты.

Некоторые из вышеперечисленных городов оказались в первой очереди на паспортизацию в силу того, что на их территории или в пригородной зоне оказались крупные новостройки, в частности, Днепрогэс, Харьковский и Челябинский тракторные заводы, Кузнецкий металлургический комбинат. Одновременно существовало немало территорий, которые в ходе паспортизации имели статус «новостроек», но сроки были установлены как для «нережимных».

Вслед за паспортизацией режимных городов в 1933–1934 гг. паспортизацию провели в городах и поселениях городского типа на тех территориях, которые оказались в статусе «нережимных». В начале 1930-х гг. в СССР статус городов имело более 700 поселений, а более 500 относилось к рабочим поселкам и поселкам городского типа. В Сибири, например, на 1933 г. существовало 163 поселения городского типа [14]. Паспортизация поселений городского типа проводилась на основании постановления СНК СССР № 861 от 28 апреля 1933 г. и также предполагала очередность. Отметим, что далеко не во все городах, находившихся на территории субъектов федерации, формально подвергнутых паспортизации, она была проведена фактически. Так, например, в Казахстане из 11 городов в 1933

г. паспортизация прошла только в шести [15]. Судить о численности паспортизированных городов на данный момент можно только на основании косвенных данных. В частности, в целом по СССР в связи с обменом паспортов, из числа городов с населением больше 20 тыс. чел., в 1936 г. кампанией было охвачено 359 городов, а в 1937 г. – 413 [16]. Агрегированные данные по малым городам, рабочим поселкам и поселкам городского типа на данный момент отсутствуют.

По мере расширения зоны паспортизации, охватывавшей все большее количество городов и поселений, начал меняться и статус режимных территорий. Так, на волне обмена паспортов 1936–1937 гг. выросло число режимных городов и этот процесс становится массовым с началом войны. Основанием к получению статуса режимного обычно становилось военно-промышленное значение города, либо его расположение в пограничной зоне. Так, 22 ноября 1937 г. Новосибирский обкома ВКП (б) и президиум облисполкома постановили просить правительство отнести Новосибирск к категории «режимных» городов «в целях прекращения дальнейшего притока и очистки города от социально-чуждого и классово-враждебного элемента». Ходатайство было удовлетворено. Постановлением СНК СССР с 1938 г. Новосибирск был отнесен к числу режимных местностей (с 1943 г. Новосибирск, имел статус города «республиканского подчинения» - авт.). В 1940 г. режимные города были разделены на две категории. Кроме Москвы и Ленинграда большинство столиц союзных республик получили статус режимных городов 1-й категории, хотя, например, Алма-Ата получила статус режимного города 2-й категории, который давался в основном областным центрам. К концу 1940-х гг. статус режимных имели уже 340 городов СССР [17]. Вслед за изменением статуса города, как правило, следовала кампания по «очищению города от социально-вредных элементов». Согласно новому положению о паспортах, принятому СНК СССР 10 сентября 1940 г., срок их проведения был сокращен с 10-ти до 3-х дней. В мае 1953 г. Совет министров СССР принял решение об отмене режимного

статуса и паспортных ограничений, но уже в октябре 1953 г. от этого решения было решено отказаться.

Динамика прироста населения крупных городов, начавшаяся со второй половины 1920-х гг. и резко усилившаяся на рубеже 1920–1930-х гг. в связи с раскрестьяниванием деревни и интенсивным промышленным строительством, не могла не настораживать власти. В начале 1930-х гг. в верхах сформировалось установка, согласно которой «города растут чрезмерно», а перемещение значительных масс населения из деревни создает большие трудности. И к тому были основания: если в 1931 г. городское население составляло 31,8 млн. чел., то в 1932 г. – 35,6, а в 1933 г. – почти 38,4 млн чел. Миграция из сельской местности в города за 1926–1939 гг. превысила естественный прирост сельского населения страны, составив 18,5 млн чел. [18]. Механический прирост городского населения оценивался в следующих цифрах: в 1930 г. составил 2,6 млн, в 1931 г. – 4.1, 1932 г. – 2,7 млн. В целом в 1926–1939 гг. среднегодовой миграционный прирост в городах превышал 2,5 млн чел. [19]. Пиковое значение было зафиксировано в 1931 г. Рост населения крупнейших городов СССР в период 1926–1933 г.: в Москве и Ленинграде почти в два, Киев, Харьков, Баку, Горький (Нижний Новгород), Одесса, Ташкент, Тбилиси (Тифлис), Ростов-на-Дону – в полтора раза, Екатеринослав (Днепропетровск), Юзовка (Сталино), Царицын (Сталинград), Ново-Николаевск (Новосибирск), Казань – в 2–3 раза [20].

В 1932 г. планировалось проведение общенациональной переписи, которую перенесли на 1935, потом на 1936 г., в итоге провели в 1937 г., а результаты засекретили. Перепись 1937 г. показывает лишь частичные данные по 179 городам РСФСР и 58 поселениям городского типа. Региональные городские переписи 1931–1932 гг. позволяют оценить численность горожан, но, заметим, их данные существенно расходятся с данным о численности населения городов периода паспортизации. Наиболее динамичная ситуация была в городах-новостройках. Так, например, в Магнитогорске до паспортизации числилось 250

тыс., фактически же в момент ее проведения оказалось лишь около 75 тыс. чел. [21].

Миграция в города привела к появлению избыточной рабочей силы и высокой текучести населения, обострила жилищный кризис и продовольственную ситуацию. Стоит согласится с мнением специалистов, что в начале 1930-х гг. имел место кризис миграционной политики, который возник из-за противоречия между наличием, с одной стороны, стихийного рынка труда, основанного на свободе передвижения и, с другой, огосударствлением экономики, в том числе сферы труда. Кризис стал явным результатом преднамеренной стратегии неравномерного развития городского и сельского секторов экономики [22]. При этом миграционный кризис и продовольственный кризис 1932 г. взаимозависимы, поскольку государство оказалось не готово к такому резкому росту городского населения и обострению проблемы снабжения городов. В качестве решения данной проблемы было предложено ужесточить административный контроль в сфере миграции [23]. Именно в попытке обезопасить основные центры власти большевиков от потенциальной опасности перерастания продовольственных бунтов в народные восстания был предпринят ряд мер, направленных на избавление городов, признанных стратегически важными, от «ненадежных» элементов и усиление государственного контроля за притоком населения в города.

Ситуация в городах накануне паспортизации в плане миграции была весьма динамичной. Региональная статистика демонстрировала астрономический рост численности населения городов. Так, например, в течение 1926–1931 гг. численность городского населения Западной Сибири выросла почти в полтора раза, а некоторые территории, в частности, Кузбасс, демонстрировали одни из самых высоких темпов урбанизации в стране. Три из четырех режимных городов Кузбасса (Анжеро-Судженск, Сталинск/Новокузнецк, Прокопьевск) получили соответствующий статус в 1931 г. При этом Анджеро-Судженск, Кемерово, Ленинск-Кузнецкий, Прокопьевск и Сталинск характеризовались как города, имеющие сельскую местность. Паспортизация наглядно показала, что даже городские власти имеют весьма противоречивые представления о численности проживающего населения, затрудняются определить городскую черту, зачастую относя рабочие пригороды, промышленные и промысловые объекты к городам, не имеют планов и карт городской застройки, особенно когда речь шла о т.н. «нахаловках».

Власть не афишировала, но и не скрывала цели и задачи, которые решались в связи с паспортизацией. Текущими задачами стала «разгрузка» или «очистка» городов от маргинального и люмпинизированного населения, а также создание системы учета. К среднесрочным целям можно отнести ограничение миграции сельского населения в города при сохранении возможности перетока излишней рабочей силы в зоны приоритетного индустриального развития, а также ликвидацию «социального паразитизма» в условиях нехватки рабочей силы. В качестве долгосрочной цели рассматривалось создание национального реестра населения на территориях приоритетного развития, позволявшего контролировать миграцию методами административного регулирования, с постепенным расширением зоны охвата. Вопрос об эффективности созданной системы, с одной стороны, неотделим от изучения механизмов правоприменения и бытовавших практик, с другой, важен в плане оценки последствий ее введения для развития городской экономики, роста уровня жизни населения промышленных центров, новостроек и городов. С точки зрения региональных и местных властей, цель паспортизации состояла в «очистке центральных городов и важнейших промышленных районов от антиобщественного элемента и взятие на учет классово-чуждого, преступного и деклассированного элемента» [24].

Что собой представлял подобный «элемент», красноречиво показывает секретный раздел инструкции о выдаче паспортов 1933 г. Он устанавливал ограничения на выдачу паспортов и прописку в режимных местностях для следующих групп населения: 1) лица, не занятые общественно-полезным трудом (за

исключением инвалидов и пенсионеров); 2) беглые кулаки и раскулаченные;) 3) прибывшие после 1931 г., «летуны» и «дезорганизаторы» производства; 4) «лишенцы»; 5) лица с судимостью; 6) «перебежчики», за исключением политических эмигрантов; 7) иждивенцы лиц, не получивших паспорта [25]. Исключения были предусмотрены для специалистов, служителей всех религиозных конфессий, а также сезонных рабочих. Последние могли получить временный вид на жительство сроком на три месяца, подлежащий продлению по запросу работодателя. Для лиц, занятых общественно-полезным трудом, а также «лишенцам» из режимных местностей, первоначально допускалось получение права на получение паспорта, но оно было отменено постановлением СНК СССР № 440 от 16 марта 1935 г.

По ходу паспортизации паспортный режим становился все более разнообразным, выступая инструментом сегментации территории страны и провоцируя появление множества маргинальных групп [26]. В связи с установлением паспортного режима циркуляром ОГПУ № 124 от 19 декабря 1933 г. вводились правила освобождения из лагерей. Не получали паспорта и не прописывались в режимных местностях следующие категории вчерашних заключенных: осужденные по политическим мотивам (за исключением лиц, прикрепленных постановлениями ОГПУ к определенным предприятиям для работы, а также амнистированных специальными постановлениями правительства); осужденные за бандитизм, массовые беспорядки, уклонение от призыва, подделку документов и денежных знаков, контрабанду, незаконные выезд и въезд в СССР, нарушение правил о валютных операциях; злостные неплательщики налогов и отказники от выполнения повинностей; лица, совершившие побег из мест заключения; осужденные за самогоноварение; лица, оказавшие сопротивление представителям власти с насилием, совершившие акт насилия в отношении общественников-активистов; осужденные за растрату, взяточничество и взяткодательство, расхищение государственного и общественного имущества; за незаконное производство абортов, растление малолетних, изнасилование, сводничество, повторные кражи, разбой, мошенничество, поджог, шпионаж. В паспортах бывших заключенных, «лишенцев» и «перебежчиков» делалась запись следующего содержания: «Выдан на основании пункта 11 постановления СНК СССР за № 861 от 28 апреля 1933 г.».

Судить о масштабах миграции в городах периода паспортизации позволяют данные милиции. Отчеты о ходе кампании предоставлялась в типовой форме всеми регионами, где она проводилась. Ход паспортизации подробно отражен в спецсводках и сводных отчетах милиции за 1933–1934 гг., которые готовились на местах каждые 5 дней. Эти уникальные источники практически не выявлены и не введены в научный оборот. В сводках информация аккумулировалась по четырем позициям: 1) количество выданных паспортов и временных удостоверений; 2) количество отказов в выдаче паспорта с разбивкой по категориям; 3) количество выданных паспортов после жалоб граждан; 4) количество выбывших, которым отказано в выдаче паспорта. Напомним, что выдавались документы четырех видов, а именно: трехгодичные паспорта, бланки годичных удостоверений личности и два вида временных документов (сезонные и «сомнительные» удостоверения). По данным на конец апреля 1933 г., в десяти крупных городах страны было выдано 6,6 миллиона паспортов, а отказано в выдаче документов 265 тыс. человек [27].

Имеющиеся материалы позволяют судить о количестве бежавших, «отказников» и высланных в добровольно-принудительном порядке. Как нам представляется, самый массовый отток был обусловлен бегством из городов и промзон, пик которого пришелся на начало кампании. О его наличии свидетельствуют данные о росте заявлений об увольнении, особенно с производства; рост числа брошенного жилья, особенно в пригородах и в зонах самовольной застройки; повышенный спрос на железнодорожные билеты и всплеск конокрадства; массовая распродажа имущества.

Отчеты милиции о ходе паспортизации в Москве и Ленинграде позволяют утверждать, что население каждой из столиц за

период кампании удалось существенно сократить. Встречаются данные, что за первые четыре месяца 1933 г. убыль населения Москвы составила 214700 человек, а в Ленинграде – 476182 [28]. В отчете Паспортного отдела ГУРКМ НКВД СССР ВЦИКу от августа 1934 г. указывалось, что «в 1932 г. население города Москвы выросло с 3135000 до 3663300 чел., т.е. на 528300 чел. Если даже предположить, что население в Москве в 1933 г. росло в таких же пределах, то на 1 января 1934 г. оно должно было составлять 4191 тыс. Фактически же численность населения на 1 января 1934 г. составляла 3613600 чел… По Ленинграду на январь 1934 г. уменьшение против вероятной численности оценивалось в 300 тыс.» [29]. С января по август 1933 г. из Москвы в связи с отказом в выдаче паспорта выселили почти 66 тыс. чел., в Ленинграде – 79 тыс. [30]. Однако отток из столиц способствовал росту населения в городах Московской и Ленинградской областей, расположенных за 100-километровой зоной. Власти Тулы, столкнувшиеся с наплывом отказников и высланных из Москвы, начали ратовать за предоставление городу режимного статуса [31].

С апреля 1933 г. на спецпоселении стали появляться высланные из Москвы и Ленинграда. Самые массовые выселения в столицах прошли в июне-июле 1933 г. К середине августа 1933 г. через Западную Сибирь проследовали 129 тыс. чел., из которых 95 тыс. остались в регионе на спецпоселении [32]. Есть данные, что за 11 месяцев 1933 г. из Ленинграда было выселено 78 тыс. чел. из числа «антисоциального элемента». По косвенным оценкам, высылку 1933 г. можно оценить в 300 тыс. чел. Есть неполные данные по открытым городам на август 1934 г., население которых за счет выселения уменьшилось за 2 месяца на 420 тыс. чел.; еще 110 тыс. выслали из Москвы и Ленинграда [33]. Новая волна выселений захлестнула Ленинград в 1935 г., когда после убийства Кирова в городе была проведена новая волна паспортизации, в ходе которой выслано почти 40 тыс. человек.

Итоги паспортизации в РСФСР нашли отражение в отчете

Паспортного отдела ГУРКМ НКВД СССР ВЦИКу за август 1934 г. В нем отмечалось, что кампания проведена в установленные сроки, за исключением трех национальных автономий (Каракалпакской, Якутской и Казахской АССР), здесь срок продлевался специальными решениями правительства. В РСФСР за 1932-1934 гг. было охвачено паспортизацией 27009559 чел., из них: в режимных местностях – 12006 87 чел., вне режимных местностей – 14942572 чел. Отказано в выдаче паспортов 384 22 чел., или 3,3 % от числа выданных паспортов. Выявлено 630613 нарушителей паспортной системы. За злостное нарушение правил паспортной системы: осуждены внесудебным порядком (главным образом, деклассированный и уголовный элемент) – 65661 человек; предано суду – 3596 человек; административно удалено – 175627 человек; оштрафовано – 185080 человек [34].

Нормативные основания и сам механизм выселения с территорий, где проводилась паспортизация, до сих пор не изучен. Циркуляр ОГПУ № 96 августе 1933 г. предписывал сформировать «тройки» при региональных ПП ОГПУ, в состав которых входили помощник ПП ОГПУ по милиции, начальник паспортного отдела и начальник оперотдела ПП ОГПУ. Оформление дел и их рассмотрение должно было занимать не более трех суток. Скорее всего, применялся списочный порядок осуждения, на основании списков, составленных органами милиции. В директивах 1933–1934 гг. рекомендовалось максимально полно использовать «возможности паспортизации для борьбы с преступным и деклассированным элементом» в городах и рабочих поселках. С 1933 г. при некоторых представительствах ОГПУ были учреждены тройки с участием милиции, целью которых являлось вынесение массовых приговоров лицам с криминальным прошлым или связанных с криминальным миром, ведущим бродяжнический образ жизни, бездомным, уклоняющимся от паспортизации и прочим так называемым «паразитическим элементам». Однако на данный момент протоколы собственно «паспортных троек» не обнаружены. В июне 1934 г. в связи с реорганизацией ОГПУ и созданием НКВД милиция потеряла

статус отдельного силового ведомства. Согласно приказу НКВД СССР № 00192 от 27 мая 1935 г., во всех регионах СССР образовывались специальные тройки, которые рассматривали случаи нарушения паспортного режима. Они проработали до середины ноября 1938 г. и были распущены наряду с другими внесудебными инстанциями.

Масштабы паспортизации подтверждают цифры статистики. Согласно постановлению СНК № 861 от 28 апреля 1933 г. [35], статус режимных получили города Сталинск (Новокузнецк), Прокопьевск, Ленинск-Кузнецкий и Анжеро-Судженск, население которых было занято преимущественно в угольной промышленности и на строительстве Кузнецкого металлургического комбината. Паспортизацию, в соответствии с решением руководства ЗСК от 23 февраля 1933 г., здесь планировалось провести с марта до середины мая 1933 г. Согласно итоговым отчетам милиции, в общей сложности по четырем режимным городам документы, удостоверяющие личность, получили более 213,7 тыс. чел. [36]. При этом на 1932 г. население Сталинска городскими властями оценивалось в 185–200 тыс. чел. (на площадках «Кузнецстроя» было занято более 92 тыс.). Значительным было также количество людей, вынужденных покинуть городские территории из-за невозможности получения паспорта. В целом, по данным милиции, на начало мая 1933 г. Сталинск покинуло не менее 10 тыс. чел.; количество уехавших из трех других городов превысило 17 тысяч [37]. Согласно отчетам милиции, паспорта не получили почти 6,6 тыс. чел. Более 4 тыс. чел. было выслано из городов. Статус режимных городов, особенно тех, где располагались новостройки, существенно осложнял найм отходников. Массовый набор работников на производство разрешалось только через оргнабор. При этом, анализ локальной переписи городского населения Кузбасса 1931 г., показывает, что среди новоселов, проживавших в городах региона менее трех лет, доля выходцев из села составляла 87% [38], что наглядно свидетельствует о стихийности рынка труда. В сентябре 1934 г. правительство все-таки разрешило принимать на

работу в паспортизированных местностях колхозников по заявлениям предприятий и без договора колхоза с хозорганами [39]. Но уже в начале 1935 г. законодательство было ужесточено в плане требования получения паспорта до выезда на сезонную работу [40].

В не режимных городах ЗСК паспортизация началась с октября 1933 г. и должна была закончиться к концу года. т.е. к установленному правительственным постановлением сроку для территорий третьей очереди, к которым относился и ЗСК. Но к этому времени паспортизацию закончили только в 80 городах и ряде районов края. В Новосибирске было выдано 157,7 тыс. паспортов (при численности населения города на 1933 г. в 294 тыс.), Омске – 104,6 тыс., Томске – 65,3 тыс. В Новосибирске к началу 1934 г. было паспортизировано 55 % населения, в Томске – 50, в Барнауле – 48, в Омске – 46, в Славгороде – 35 % [41]. За время кампании в ЗСК было выявлено и взято на учет 30,6 тыс. чел. Основной контингент отказников составили лица с судимостью и социально-чуждые [42]. В целом планировалось, что в 1933 г. в Западной Сибири паспорта получат около 2,2 млн чел., но на практике было существенно меньше – 1,4 млн чел. К концу 1933 г., по данным управления милиции ЗСК, в очереди на получение паспорта в целом по краю стояло еще 785,5 тыс. чел.

Казахстан был включен в проект паспортизации СССР в статусе нережимной территории с осени 1933 г. Главной причиной позднего старта кампании стали коллективизация, последовавший за ней массовый голод, поразивший республику в 1931–1934 гг. и связанная с ним масштабная миграции. Дополнительную сложность создала административно-территориальная реформа (декабрь 1933 – январь 1934 г.), проводившаяся в момент подведения первых итогов паспортизации. В 1933 г. в паспортизации участвовали Алма-Ата, Семипалатинск, Чимкент, Актюбинск, Уральск и Петропавловск с прилегающим к ним поселкам, входящим в городскую черту. Статус «новостроек» получили рабочий поселок Алга и г. Риддер [43]. Паспортизация затронула и Караганду. Быстрорастущий населенный

пункт в районе территории строительства государственного треста по эксплуатации Карагандинского каменноугольного бассейна, где на территории рабочих поселков уже в 1931 г. числилось около 100 тыс. жителей, стал центром сосредоточения спецпоселков и лагерей, был преобразован в город Караганда в феврале 1934 г. В таких городах паспортизированными оказались категории из числа нережимного населения, занятого в производственно-промысловых сегментах, а также работников советских государственных учреждений и организаций. В зоне паспортизации также оказались промысловые участки треста «Эмбанефть» в Актюбинской области и Карсакпайский медеплавильный завод. До остальных городов республики паспортизация дошла только в 1934–1935 гг.

Процесс паспортизации предусматривал введение и поддерживание паспортного режима. В 1935 г. принимается серия новых инструкций о порядке проживания на паспортизируемых территориях отходников из сельской местности [44] и ужесточении правил проживания без паспорта и прописки, в рамках которых подлежали обязательному особому учету «кулацкий, уголовный и иной антиобщественный элемент», проживающий в нережимных местностях [45]. В целом к концу 1936 г. паспортизация была завершена, о чем свидетельствует реорганизация в декабре 1936 г. – июле 1937 г. центрального и региональных отделов паспортный отделов ГУ РКМ НКВД. 10 сентября 1940 г. СНК СССР принимает постановление, вводившее в действие новое положение о паспортах, с соответствующей инструкцией, нормативно закрепившее произошедшие изменения в паспортной системы и режиме прописки.

В силу слабой изученности как самого механизма, так и результатов паспортизации в региональном ключе, оценить все аспекты миграционного кризиса, спровоцированного паспортизацией, на данный момент не представляется возможным. В 1933 г. властям удалось резко снизить масштаб миграции в города. Он оценивается на 1933 г. всего в 772 тыс. чел., но уже в 1934–1935 г. вновь произошло возвращение на показатели в 2,5

млн чел. [46]. Паспортизация обострила проблему контроля за перемещением населения как в области учета, так и регулирования потоков, что дает основания говорить о низкой эффективности системы [47].

ЛИТЕРАТУРА:

1. ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 4155. Л. 199–201.
2. Попов В.П. Паспортная система в СССР (1932–1976 гг.) // Социологические исследования. 1995. № 8. С. 3–14; Попов В. Паспортная система советского крепостничества // Новый мир. 1996. № 6. – С. 185–203.
3. Тарасов А.Ю. К вопросу о развитии паспортной системы и паспортного режима в советском государстве в 20-е годы XX века //Актуальные проблемы оперативно-разыскной и административной деятельности органов внутренних дел. сборник научных статей. Руза, 2012. – С. 98–103; Тарасов А.Ю. Становление паспортной системы СССР в начале XX века. Руза, 2010.
4. Бальбурин А.К. Советский паспорт: история – структура – практики Санкт-Петербург: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2017.
5. Потемкина М.Н., Кузнецова И.В. Паспортизация городского населения СССР в 1930-х гг. //Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 4 (46). – С. 167–174.
6. Чернолуцкая Е.Н. Паспортизация дальневосточного населения // Revue des Études Slaves. 1999. Т. 71. № 1. – С. 17–33; «…В порядке паспортного режима»: массовые кампании выдворения «неблагонадежных граждан с Дальнего востока СССР в 1930-е гг. // Bylye Gody. 2013. Vol. 27. № 1/ Былые годы. 2013. № 1 (27). – С. 71–78.
7. Муан Я. Внутрисоюзные границы гражданственности: территориальное выражение дискриминации в Советском Союзе через паспортную систему // Режимные люди в СССР / Отв. ред. Т. С. Кондратьева, А. К. Соколов. М.: РОССПЭН, 2009. – С. 257–276.

8. Моисеенко В. Миграция их сельской местности в городские поселения в СССР в 1920-е годы // Демографическое обозрение. 2018. Т. 5. № 2. – С. 135.
9. Исупов В.А. Численность населения Западно-Сибирского края в расчетах сибирских статистиков 1930-х годов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2010. Том 9, выпуск 1: История. – С. 191–192.
10.Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1997. № 6. – С. 104.
11.РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 921. Л. 65–66.
12.ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 137. Л. 1–2.
13.ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 137. Л. 202–204.
14.Исупов В.А. Урбанизация Западной Сибири: взгляд историка // ЭКО. 2018. № 7. – С. 18.
15.Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР за 1934 г. № 1–43. М.: Госиздат, б. г. Ст. 18.
16.ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 137. Л. 160–164, 179–186.
17.Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х томах. Том 1. Стр. 45-48. (со ссылкой на: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 26. Л. 24–29).
18.Моисеенко В. Миграция их сельской местности в городские поселения в СССР в 1920-е годы // Демографическое обозрение. 2018. Т. 5. № 2. – С. 135-136.
19.Прокопович С. Н. Народное хозяйство СССР. Т. 1. Нью-Йорк, 1952. – С. 102
20.Прокопович С. Н. Народное хозяйство СССР. Т. 1. Нью-Йорк, 1952. – С. 102.
21.ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 141. Д. 1650. Л. 34–27.
22.Kessler G. The Passport System and State Control over Population Displacement in the Soviet Union, 1932–1940 // Cahiers du monde russe. 2001/2. Vol 22. Pp. 477–504. (Кесслер Г. Паспортная система и государственный контроль над потоками населения в Советском Союзе, 1932–1940 годы).
23.Моисеенко В. Миграция их сельской местности в городские поселения в СССР в 1920-е годы // Демографическое обозрение. 2018. Т. 5. № 2. – С. 135.
24.Исупов В.А. Численность населения Западно-Сибирского края в расчетах сибирских статистиков // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2010. Т. 9. Вып. 1: История. 2010. С. 191 (со ссылкой на: ЦХАФАК. Ф. 10. Оп. 5. Д. 19. Л. 500).
25.ГА РФ. Ф. 9401. Он. 12. Д. 137. Л. 59–60.
26.Режимные люди в СССР / Отв. ред. Т. С. Кондратьева, А. К. Соколов. М.: РОССПЭН, 2009. – С. 16.
27.Попов В. Паспортная система советского крепостничества // Новый мир. 1996. № 6. – С. 203 (со ссылкой на: ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 14а. Д. 740. Л. 71–81).
28.Жирнов Е. Не имеют права на паспорт 37% граждан. Коммерсант Власть. 2009. 13 апр. №14 (818).
29.ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 141. Д. 1650. Л. 34–27.
30.Там же.
31.ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 14а. Д. 740. Л. 60–65.
32.Спецтрудпоселения Западной Сибири в 1933 г.: повседневность комендатур, Назинская трагедия. Сборник документов / Составители С.А. Красильников, О.В. Филиппенко. Новосибирск, 2022. – С. 239–241 (со ссылкой на: ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 363. Л. 163–165).
33.ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 141. Д. 1650. Л. 34-27.
34.Там же.
35.С. З. СССР. 1932. № 84. Ст. 516.
36.ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 174. Л. 119.
37.ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 174. Л. 128.
38.Исупов В.А. Урбанизация Западной Сибири: взгляд историка // ЭКО. 2018. № 7. С. 19.
39.ГАРФ. Ф. 5446. Оп. I. Д. 91. Л. 149.
40.Собрание законов и распоряжении Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1935. № 21. Ст. 116.
41.ГАНО. Ф. Р-47. Ф. 11. Оп. 2. Д. 56. Л. 35–35 об; Ф. 47. Оп. 5. Д. 160. Л. 155.
42. ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 160. Л. 155.

43.Государственный архив Актюбинской области. Ф. 85. Оп. 1. Д. 188. Л. 13–14.
44.Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. В 5-ти тт. Т. 4. 1934–1936. М.: РОССПЭН, 2002. С. 354 (со ссылкой на: ЦА ФСБ РФ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 351. Л. 5).
45.ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 137. Л. 88.
46.Прокопович С. Н. Народное хозяйство СССР. Т. 1. Нью-Йорк, 1952. – С. 102.
47.Kessler G. The Passport System and State Control over Population Displacement in the Soviet Union, 1932–1940 // Cahiers du monde russe. 2001/2. Vol 22. Pp. 477-504.

Адильбаева А.С., Бакытжанова А.Б.

ЭТНИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА УРБАНИЗАЦИИ В ВОСТОЧНОМ КАЗАХСТАНЕ МЕЖДУ ПЕРЕПИСЯМИ 2009 и 2021 гг.

Аннотация

На основе анализа тенденций развития урбанизации в современном мире охарактеризованы главные направления и скорость протекания процесса в Республике Казахстан и его восточных областях. Выявлено, что согласно теории урбанизации РК находится на переходе к четвертой стадии по критерию соотношения городского и сельского населения. Показано место страны в мировом рейтинге урбанизации, по которому Казахстан отнесен к категории, находящейся на этапе перехода от средне к высокоурбанизированным государствам.

Особое внимание уделяется особенностям этнодемографической структуры урбанизации в Восточном Казахстане в период между переписями 2009 и 2021 годов. Отмечается, что регион по-прежнему остается в ТОП-3 лидеров по уровню урбанизации, уступая Карагандинской и Улытауской областям.

При этом четко проявилась тенденция, позволяющая утверждать, что в начале второго десятилетия XXI века казахи и другие тюркские народы стали демонстрировать более высокие темпы роста своей численности и удельного веса в составе городского населения Восточного Казахстана. Выявлено, что такая ситуация имеет высокую вероятность продолжения, что может привести к преобладанию казахов в структуре населения городов региона.

Ключевые слова: урбанизация, уровень урбанизации, городское население, Восточный Казахстан, перепись населения, этническая структура.

Abstract

Based on an analysis of trends in the development of urbanization in the modern world, the main directions and speed of the process in the Republic of Kazakhstan and its eastern regions are characterized. It was revealed that, according to the theory of urbanization, the Republic of Kazakhstan is in the transition to the fourth stage according to the criterion of the ratio of urban and rural population. The country's place in the world urbanization ranking is shown, according to which Kazakhstan is classified as being at the stage of transition from medium to highly urbanized states.

Particular attention is paid to the features of the ethnodemographic structure of urbanization in East Kazakhstan in the period between the 2009 and 2021 censuses. It is noted that the region still remains in the TOP 3 leaders in terms of urbanization level, inferior to the Karaganda and Ulytau regions.

At the same time, a trend clearly emerged that allows us to assert that at the beginning of the second decade of the 21st century, the Kazakhs and other Turkic peoples began to demonstrate higher growth rates in their numbers and share in the urban population of Eastern Kazakhstan.

It has been revealed that this situation has a high probability of continuing, which could lead to the predominance of Kazakhs in the population structure of the cities of the region.

Keywords: urbanization, level of urbanization, urban population, East Kazakhstan, population census, ethnic structure.

Процесс урбанизации в современном мире показывает устойчивую тенденцию роста количества городов и численности городского населения. По данным Рейтинга стран по уровню урбанизации 2020 года в пяти государствах горожане составляют 100 % и еще в двенадцати - свыше 90 %. Показатели от 60 до более 80 % демонстрирует 81 страна. Республика Казахстан расположилась на 104 месте с показателем 57,5 %, что близко к среднемировому уровню в 56,6 % [1].

По результатам переписи 2021 года доля городского населения выросла до 61,2 %, что на 7,1 пункта выше, чем зафиксировано предыдущей переписью 2009 года. По состоянию на начало 2024 года процент горожан в РК вырос до 62, 2 %. Исходя из этого Казахстан можно назвать высокоурбанизированной страной, поскольку таковыми являются государства, имеющие свыше 60 % городского населения. Более того, ряд экспертов, в том числе и зарубежных считают, что уровень урбанизации в РК намного выше. По их мнению: «Численность городского населения при учете жителей сел, которые расположены в непосредственной близости от крупных городов может составить почти 15 млн. чел. Это немного не мало 74,1 % от всего населения страны» [2].

Отметим, что по переписи 2009 года по сравнению с ПН 1999 г. наблюдалось снижение процента городских жителей, связанное с последствиями мирового финансового кризиса. После десятилетнего спада с 2010 года происходит постоянный рост уровня урбанизации и роста численности горожан.

На рисунке 1 представлена динамика уровня урбанизации в РК по итогам переписей 2009 и 2021 года.

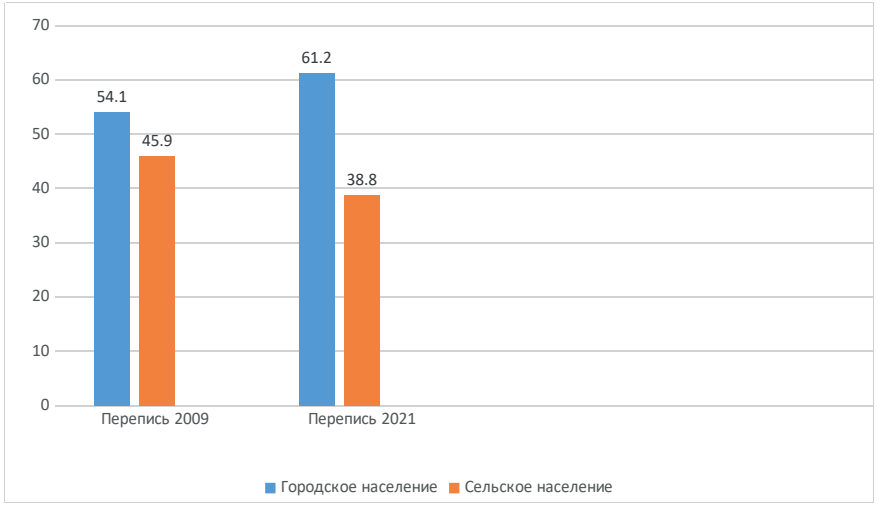


Рисунок 1 – Городское и сельское население РК по материалам переписей 2009 и 2021 гг. в % [3, с.4, с.5].

Отметим, что в статистическом сборнике материалов переписи 2009 года указана цифра в 54,1 % урбанизации, а в Кратких итогах переписи 2021 г. она больше на 2 пункта. На наш взгляд, поскольку «Итоги переписи 2009 года» полнее и содержательнее, чем представленный до сих пор материал ПН 2021 года, то было решено основываться на данных первого источника.

Как видим, в межпереписной период произошло существенное увеличение удельного веса горожан в противовес соответствующему сокращению доли сельских жителей.

Исходя из приведенной статистики можно определить, на какой стадии урбанизации находится Казахстан. Одной из самых распространенных и признанных научным сообществом является теория эволюции урбанизации, предложенная Дж. Джиббсом. Согласно его схеме, существует пять стадий этого процесса. На первом этапе наблюдается преобладание сельских поселений, на втором в силу миграции происходит рост городов и числа горожан, на третьем отмечается депопуляция села и активизация оттока из села в городскую местность, на четвертом

– разворачивается субурбанизация, характеризующаяся опережающим развитием крупных городов и развитием пригородной зоны и, наконец, на пятой стадии начинается деурбанизация, имеющая характеристики обратной миграции в сельскую местность, которая по качеству жизни становится тождественной городской [4, p.119-120].

По мнению Н.К.Нурлановой: «уровень урбанизации в Казахстане соответствует 4 стадии развития, в соответствии с концепцией Дж. Джиббса» [5]. На наш взгляд, наша страна пока только совершает переход к четвертой стадии урбанизации, поскольку в РК имеются только три города-миллионника, а развитие городских агломераций находится лишь на этапе формирования и ограничено локальными рамками вокруг двух столиц.

Источниками роста численности населения являются миграция из сельской местности и естественный прирост. Второй источник не менее важен чем первый, который хотя и ниже, чем в селе, но имеет более высокие показатели рождаемости среди коренного казахского, других тюркских народов и серьезно различается в разных областях страны.

В 2009 году численность городского населения в стране составила 8 662432 чел., к моменту переписи 2021 г. она выросла до 11 741342 чел., то есть более, чем на три миллиона.

Процесс урбанизации коснулся всех областей Казахстана, которые в своем большинстве стали территориями с преобладанием горожан.

В таблице 1 приведены данные о численности городского населения и его удельном весе в составе населения областей Казахстана в период с 2009 по 2021 год.

Таблица 1 – Численность городского населения по материалам переписей 2009 и 2021 гг. по областям [6, с.5].

Области	2009		2021	
	Число городского населения (чел.)	В % к 1999	Число городского населения (чел.)	В % к 2009
Республика Казахстан	8 662432	102,4	11 741342	130,8
Акмолинская	341915	89,9	435819	125,3
Актюбинская	461050	122,1	671579	132,4
Алматинская	416858	89,7	544340	128,2
Атырауская	238936	98,5	371006	139,9
Западно-Казахстанская	277751	110,4	376228	136,5
Жамбылская	404535	89,5	516245	124,1
Карагандинская	1040203	89,8	1 087118	104,5
Костанайская	439554	79,3	510586	110,4
Кызылординская	284248	72,9	381177	134,1
Мангистауская	263182	106,6	322727	134,7
Туркестанская	370434	-	498313	134,5
Павлодарская	504579	98,7	533227	105,7
Северо-Казахстанская	236436	86,4	259532	108,7
Восточно-Казахстанская	801475	89,2	846631	105,6
Астана	613006	186,7	1 234042	201,3
Алматы	1365632	120,8	2 030285	140
Шымкент	730873	118,7	1 112478	152,2

Результаты переписи 2009 года показали, что по сравнению с 1999 годом в целом городское население Казахстана показало рост на 102,4 %, однако в разрезе областей сложилась несколько иная ситуация. Выделилась пятерка лидеров, в которых прирост горожан был довольно значительным. В ТОП-5 вошли Астана (186,7 %), Алматы (120,8 %), Шымкент (118,7 %), Актюбинская (122,1 %) и Западно-Казахстанская области (110,4

%). Определились и аутсайдеры, у которых произошло сокращение численности городского населения. К таким областям относятся Кызылординская (72,9 %) и Костанайская (79,3 %). Снижение процента горожан в сравнение с переписью 1999 года показали еще восемь областей – Акмолинская, Алматинская, Атырауская, Жамбылская, Карагандинская, Павлодарская, Северо-Казахстанская и Восточно-Казахстанская. Следовательно, прирост городских жителей состоялся за счет трех самых крупных городов и двух нефте и газодобывающих областей. Причины снижения численности населения городов имели корни в финансовом кризисе, поразившем весь мир, а также однобоком индустриальном развитии лишь энергетической промышленности РК.

В 2010 году с оживлением индустриального развития страны и началом выхода из мирового кризиса, четко определилась тенденция роста городского населения, темпы которого были впечатляющими как в целом по Казахстану, так и по всем без исключения областям. Прирост населения городов РК составил 130,8 %, численность выросла более, чем на 3 млн. чел. Население Астаны увеличилось вдвое, в Алматы рост составил 140 %, а в Шымкенте – 152,2 %. Десять областей показали прирост от 110, 4 % (Костанайская) до 139,9 % (Атырауская). Самые низкие показатели продемонстрировали самые урбанизированные области –Карагандинская (104,5 %), Восточно-Казахстанская (105,6 %) и Павлодарская (105,7 %). Вероятно, процесс замедления темпов роста городского населения в этих областях связан с достигнутыми ими пределом. Тем более, что в развитых странах темпы урбанизации контролируются государством и снижаются, поскольку ее уровень начинает мешать обеспечению политики устойчивого развития. В развивающихся же государствах урбанизация происходит стихийно и бесконтрольно. В этом исследовании мы не будем касаться угроз, рисков и негативных сторон взрывного роста урбанизации в этих странах, отметим лишь то, что правительство Казахстана должно выстроить более четкую программу развития территорий и размещения промышленности.

Результаты переписи 2021 года показали, что сегодня Казахстан является страной с долей городского населения, превышающего среднемировые показатели. Уровень урбанизации составил 61,2 %. При этом существует довольно резкая дифференциация между областями по этому критерию.

Восточный Казахстан на момент проведения переписи 2021 г. представлен одной Восточно-Казахстанской областью. Исторически регион относился к наиболее урбанизированным, поскольку в нем имеется мощная промышленная база, сконцентрированная в городах. Уровень урбанизации в области по итогам 2009 года составлял 57, %, а согласно переписи 2021 года увеличился до 63,1 %. Этот показатель выше среднереспубликанского, но уступает Карагандинской (80,6 %), Актюбинской (74,1 %) и Павлодарской (70,5 %).

На рисунке 2 показана динамика изменения численности городского и сельского населения ВКО в 1999, 2009 и 2021 гг.

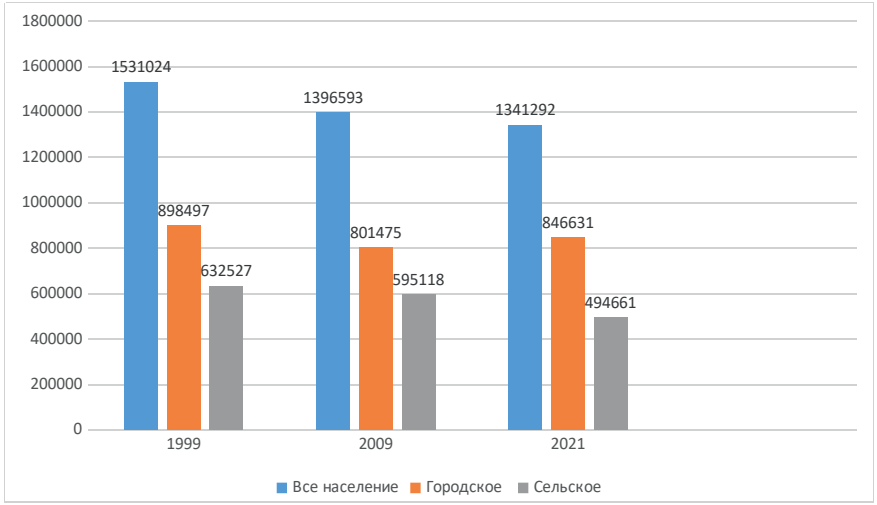


Рисунок 2 – Динамика изменения численности населения Восточно-Казахстанской области по итогам переписи 2009 и 2021 г. (чел.) [7, с.6; 5].

В 2009 г. по сравнению с 1999 годом общая численность населения Восточно-Казахстанской области сократилась на 134431 чел., количество горожан уменьшилось на 97022 чел, сельского – на 37409 чел. процесс связан с эмиграцией европейских и славянских этносов, большей частью затронувший городское население. 2021 год показал продолжающееся сокращения общей численности населения, в том числе сельского, но продемонстрировал увеличение численности горожан в сравнении с 2009 годом. За межпереписной период городское население ВКО выросло на 45136 человек. Прирост горожан был обеспечен за счет миграции из сельской местности в города области.

За 2009-2021 гг. произошли изменения в этнической структуре городского населения, которые показаны в таблице 2.

Таблица 2 – Изменения в этнической структуре городского населения Казахстана между переписями 2009 и 2021 гг. [8, с.11].

Этносы	Доля в городском населении на 2009 г. (в %)	Доля в городском населении на 2021 г. (в %)
Казахи	56,6	67,2
Русские	30,9	19,1
Узбеки	2,8	3,6
Украинцы	2,0	1,9
Уйгуры	1,1	1,0
Татары	1,7	1,5
Немцы	1,0	1,1

Казахи в межпереписной период неуклонно наращивали свою абсолютную численность и удельный вес в структуре городского населения страны. За это время их доля выросла на 10,6 пунктов, достигнув 67,2 %. То есть, казахи превратились в доминирующее большинство среди горожан. Учитывая миграционный потенциал и высокую рождаемость относительно европейских этносов, их доля и абсолютная численность будут

продолжать расти. Доля русских в городах сократилась с 30,9 % до 19,1 %. Третьим по численности и удельному весу являются узбеки, повысившие показатели до 3,6 %.

Украинцы, уйгуры, татары незначительно сократили свое присутствие в структуре городского населения Казахстана, всего на 0,1-0,2 %.

Немного неожиданным стал маленький прирост (на 0,1 %) немцев. В целом можно говорить о растущей урбанизированности казахов и некоторых других тюркских этносов в составе населения городов. Это обстоятельство также связано с большой миграцией из сельской местности, где преимущественно проживали казахи, более высоким уровнем рождаемости среди них и близкородственных к ним народов.

За межпереписной период казахи стали догонять наиболее урбанизированные этносы, прежде всего, славянские, и начали переход к статусу высокоурбанизированного этноса.

Аналогичная динамика урбанизации казахов прослеживается и в Восточно-Казахстанской области. В 2009 году доля казахов и русских была примерно одинаковой, в то время как другие этносы составляли менее 1 % в структуре городского населения.

Изменения в этноструктуре горожан ВКО показаны в таблице 3.

Таблица 3 – Этническая структура городского населения Восточно-Казахстанской области по переписям 2009 и 2021 гг. [9, с.12].

	2009				2021			
	всего	%	городское	%	всего	%	городское	%
Казахи	781732	56	370576	46,2	842385	62,8	484385	57,2
Русские	561183	40,2	396102	49,4	430978	32,1	315730	37,3
Украинцы	7078	0,5	4623	0,6	9429	0,1	6791	0,8
Белорусы	1999	0,1	1133	0,1	-	-	-	-
Чеченцы	1651	0,1	1052	0,1	-	-	-	-
Узбеки	1215	0,1	825	0,1	1466	0,1	1066	0,1
Армяне	756	0,1	542	0,1	-	-	-	-

В 2009 году русские составляли 49,4 % в структуре городского населения Восточного Казахстана, казахи – 46,2 %. При этом доля казахов в общей численности населения достигала 56 %, тогда как русских – 40,2 %. Самый высокий процент в структуре горожан после русских и казахов имели украинцы, их доля составляла 0,6 %. Всего по 0,1 % составляли белорусы, чеченцы, узбеки и армяне. Следовательно, городская структура населения была представлена двумя этносами.

В 2021 году из 846631 горожанина 484385 составляли казахи, их доля достигла 57,2 %. Русские показали снижение как по абсолютной численности, так и по удельному весу. В 2021 г. их насчитывалось 315730 чел., а доля снизилась до 37,3 %.

В межпереписной период произошли серьезные изменения в этнической структуре всей страны и Восточного Казахстана в том числе. Тенденция урбанизации казахов не только определилась, но и и стала доминирующей. Казахи составляют большинство городского населения области. В дальнейшем уровень урбанизированности казахского этноса будет устойчиво расти, пополняясь из двух источников – миграционного и естественного прироста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рейтинг стран мира по уровню урбанизации. 2020. /Департамент ООН по экономическим и социальным вопросам. Режим доступа: //http://www.un.org/en/development/desa/
2. Мейрембаев А. Реальный уровень урбанизации в Казахстане может быть значительно выше статистики. //https://economy.kz/
3. Население Республики Казахстан. Итоги Национальной переписи Республики Казахстан 2009 года. Т.1. Стат. сб. /Под ред. Смаилова А.А. – Астана, 2011 – С.4; Краткие итоги Национальной переписи населения 2021 года в Республике Казахстан. Нур- Султан, 2022. –С.5.
4. Gibbs J.P. The evolution of popular concentration // Economic Geography. – 1963. - Vol.39, №2, P.119-120. Режим доступа: https: doi.org/ 10.2307/142505
5. Нурланова Н.К. Современные тенденции урбанизации в мире и Казахстане. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tendentsii-urbanizatsii-v-mire-i-kazahstane
6. Население Республики Казахстан. Т.1 – Астана, 2023. – С.5.
7.Население Республики Казахстан. Итоги Национальной переписи Республики Казахстан 2009 года. Т.1. Стат. сб. /Под ред. Смаилова А.А. – Астана, 2011. – С.6; Население Республики Казахстан. Т.1 – Астана, 2023. – С.5.
8. Национальный состав, вероисповедание и владение языками в Республике Казахстан. Итоги Национальной переписи населения 2021 года в Республике Казахстан. –Астана, 2023. – С.11.
9. Восточно-Казахстанская область. Итоги Национальной переписи населения республики Казахстан 2009 года. Т.2. Стат. сб. – Астана, 2011. – С.12; Краткие итоги Национальной переписи населения 2021 года в Республике Казахстан. Нур- Султан, 2022. – С.12.

Адильбаева А.С., Кумарханова Е. Б., Ақашева Д.Ж.

ВЛИЯНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ НА УХУДШЕНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ В ВОСТОЧНОМ КАЗАХСТАНЕ В 1990-Х ГОДАХ

Аннотация

В настоящей работе представлен анализ кризисного состояния экологии в Восточном Казахстане в 1990-х годах, вызвавший резкое ухудшение основных демографических показателей. Промышленное загрязнение атмосферных, водных и земельных ресурсов в регионе, критическая ситуация, связанная с последствиями радиационного заражения вокруг Семипалатинского ядерного полигона, явились главными факторами для значительного ухудшения здоровья населения. Рассмотрены вызванные этими причинами рост смертности, заболеваемости

населения, снижение рождаемости и общее ухудшение здоровья жителей региона. Авторы приводят данные о влиянии экологических факторов на демографическую ситуацию в регионе и подчеркивают необходимость срочных реформ в области охраны здоровья и экологии для обеспечения устойчивого развития Восточного Казахстана.

Ключевые слова: Восточный Казахстан, экологическая ситуация, загрязнение атмосферы, Семипалатинский ядерный полигон, демографические проблемы, вызовы для системы здравоохранения, рост смертности и заболеваемости населения, снижение рождаемости.

Abstract

This paper presents an analysis of the critical state of ecology in East Kazakhstan in the 1990s, which caused a sharp deterioration in the main demographic indicators. Industrial pollution of atmospheric, water and land resources in the region, the critical situation associated with the consequences of radiation contamination around the Semipalatinsk nuclear test site were the main factors for a significant deterioration in public health.

The article examines the increase in mortality and morbidity of the population, a decrease in the birth rate and a general deterioration in the health of residents of the region caused by these reasons.

The authors provide data on the impact of environmental factors on the demographic situation in the region and emphasize the need for urgent reforms in the field of health and ecology to ensure sustainable development of East Kazakhstan.

Keywords: East Kazakhstan, environmental situation, air pollution, Semipalatinsk nuclear test site, demographic problems, challenges for the health care system, an increase in mortality and morbidity, a decrease in the birth rate.

Охрана здоровья играет ключевую роль в формировании и поддержании благополучия населения, напрямую влияя на демографические процессы в любой стране. Восточный Казахстан, являясь одним из крупнейших регионов Казахстана, сталкивается с рядом значительных вызовов в сфере охраны здоровья населения. Высокий уровень заболеваемости и смертности, недостаточная доступность медицинских услуг, а также проблемы с качеством здравоохранения оказывают значительное влияние на демографический портрет региона. Важно понимать, как эти факторы сказываются на показателях рождаемости, продолжительности жизни и миграции, и какие меры необходимо принять для улучшения ситуации. Настоящая статья направлена на изучение текущего состояния охраны здоровья населения в Восточном Казахстане и его влияния на демографическую ситуацию в регионе и в стране в целом.

Проблемы охраны здоровья населения имеет первостепенное значение для обеспечения устойчивого развития любого региона, особенно в условиях социально-экономических преобразований и демографических вызовов. Восточный Казахстан, как один из крупнейших и наиболее населенных регионов страны, сталкивается с комплексом проблем в сфере охраны здоровья населения, что значительно влияет на его демографический портрет. В последние годы актуальными становятся работы, посвященные интеграции Казахстана в глобальные медицинские и демографические процессы, анализу реформ в целом и их влиянию на демографическую ситуацию.

Изучение проблем охраны здоровья населения и их влияния на демографические процессы в Казахстане, включая Восточный Казахстан, имеет давние корни и актуально на протяжении многих лет. В советский период вопросами охраны здоровья и экологическими проблемами в Казахстане занимались в контексте общегосударственной политики СССР, где особое внимание уделялось массовой вакцинации, борьбе с инфекционными заболеваниями и улучшению условий жизни. В постсоветский период ситуация начала меняться: в условиях рыночных преобразований и экономических трудностей, состояние здравоохранения заметно ухудшилось, что привело к росту заболеваемости и снижению доступности медицинских услуг.

Современные исследования направлены на анализ не только медицинских показателей, но и их взаимодействия с социально-экономическими и экологическими факторами, такими как экология и уровень жизни населения. Большое внимание уделяется влиянию экологических катастроф, например, последствий Семипалатинского ядерного полигона, на здоровье населения Восточного Казахстана. Исследователи подчеркивают, что ухудшение здоровья населения приводит к негативным демографическим тенденциям, таким как снижение рождаемости, увеличение смертности и миграция населения.

Результаты многочисленных исследований свидетельствуют, что негативные изменения качества окружающей среды приводят к нарушению эволюционно - сложившихся взаимосвязей между средой и человеком, срыву адаптационных свойств и развитию патологических процессов в его организме. Доказано, что внешняя среда, природно-климатические условия определяют 17-20% в формировании здоровья человека, 48-53% приходится на долю образа жизни, 18-22% - на генетику, 8-10% - на здравоохранение.

Среди факторов окружающей среды особое значение имеет атмосферный воздух, его качество. Загрязненность воздуха отнесена к экстремальным факторам, оказывающим прямое и опосредованное влияние на формирование здоровья людей. За последние десятилетия в мире произошли значительные количественные и качественные изменения природной среды в связи появлением огромного количества антропогенных загрязнителей химической, биологической, физической природы со сложным спектром интенсивности и режимов их комбинированного, комплексного и сочетанного воздействия на организм человека.

Ухудшение среды обитания прежде всего сказывается на санитарных и медико-демографических показателях конкретного региона и территории. Установлено, что социально-экономические условия являются основным фактором, влияющим на состояние здоровья человека и общества. К примеру, за 1995-2000 гг. смертность населения ВКО в трудоспособном возрасте

увеличилась на 65%, в т.ч. у мужчин - на 73%, у женщин - на 39% [2].

Последствия негативной экологической политики бывшего СССР ныне испытывают многие союзные республики, в том числе Казахстан. Экологический кризис, возникший в районе Аральского моря, сейчас стал глобальной, всемирной проблемой. Губительные последствия Семипалатинского ядерного полигона стали тяжелым бременем и большим горем для миллионов жителей различных регионов республики, прилегающих к нему.

В 1990-х годах ситуация в Казахстане в отношении общей смертности населения резко ухудшилась. По данным официальной статистики за 1990-1995гг. уровень ее возрос соответственно с 7,7 до 10,2 на 1000 населения или на 33,9%. [2, с.84]. В общей степени неблагополучное положение складывается в Восточно-Казахстанской, Северо-Казахстанской, Карагандинской, Западно-Казахстанской, Костанайской, Акмолинской областях и г.Алматы.

Производство продукции в отраслях цветной металлургии, машиностроения, электроэнергетики, химической промышленности явилось причиной выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух, что в немалой степени послужило причиной заболевания населения различными инфекционными заболеваниями. Так, смертность от болезней органов дыхания, инфекционных и паразитарных болезней в 1999 г. превышала среднереспубликанский уровень в 1,2 раза.

Совместная казахско-французская экспедиция изучавшая состояние здоровья населения, проживающего вблизи Семипалатинского полигона, пришла к выводам, что у жителей 13 посещенных ими населенных пунктов, имеются серьезные проблемы со здоровьем из-за ядерных испытаний. Радиоактивная обстановка вокруг полигона привела к возникновению многочисленных случаев заболевания лучевой болезнью. Здоровье сильно подорвано вследствие проводимых ранее взрывов, в первую очередь, пострадали дети, иммунная система которых

практически подорвана последствиями ядерных испытаний. Специалисты констатировали наличие в районе вблизи полигона радиационной патологии. Тяжелые последствия ядерных испытаний выражаются и в психических расстройствах, развития тяжелых радиофобии. Так, среди 1300 жителей с. Кайнар Абралинского района Семипалатинской области у 90 % населения по нескольку тяжелых диагнозов заболеваний, за 40 лет погибло от рака 310 человек, 34 покончили жизнь самоубийством. В селе проживают 58 детей, родившимися с тяжелейшими формами уродства, а в целом по району эта цифра может быть умножена в 5-6 раз [3].

В 1992 г. по сравнению с 1991-м как среди взрослых, так и среди подростков имел место рост общей заболеваемости в целом по республике и отдельных ее регионах. Общая смертность населения также имела тенденцию к росту. Смертность от БСК в ВКО, Талдыкорганской и г. Алматы в 1,3 раза выше среднереспубликанских данных, а также наблюдается наибольшая смертность от ЗНО. Самая высокая смертность вследствие несчастных случаев, отравлений и травматизма имеет место в ВКО (в 1,5 раза выше среднереспубликанских).

Загрязнение атмосферного воздуха г.Лениногорска Восточно-Казахстанской области свинцом, цинком, хромом, никелем, кадмием и другими металлами увеличивает заболеваемость населения на 40-60%. Возрастание пыли в снеговых пробах на 100 кг/км^2 в сутки приводит к увеличению заболеваемости бронхиальной астмой - на 11 и острым бронхитом - на 33 случая на 1000 населения.

Содержание свинца в крови у жителей г.Зыряновска составляло 0,48±0,04 мг/л, г.Лениногорска 0,63±0,83 мг/л, г.Усть-Каменогорска 0,55±0,02 мг/л (198). Концентрации свинца у населения г.Усть-Каменогорска превышают средние значение от 2,3 раза в почках до 32,5 раза - в мозге. Концентрация кадмия в почках возрастают у мужчин от 15 до 40 лет почти в 3 раза, причем самые высокие концентрации превышают 70 мг/кг [2, с.165].

Зыряновск вообще стал зоной экологического бедствия,

последствия происходящих в городе и его окрестностях процессов тревожат тем, что приобретают необратимый характер. Так, по мнению специалистов, уже невозможно устранить загрязнение поверхностных и подземных вод отходами Зыряновского свинцового комбината, поскольку полностью отсутствуют очистные сооружения. Опасность отравления для населения вредными выбросами усиливается климатическими особенностями Зыряновской котловины, в которой существует слабая продуваемость атмосферы, вследствие чего вредные выбросы концентрируются у поверхности земли. В результате по обследованиям медиков содержание в крови химических элементов у населения Усть-Каменогорска и Лениногорска превышает средний уровень, а у 16 % населения превышает критический уровень. По официальным данным, уровень заболеваемости в Зыряновске в полтора раза превышает среднереспубликанский уровень. Уровень онкологической заболеваемости в Усть-Каменогорске и области является самым высоким в бывшем Союзе. При этом исследования показали, что смертность взрослого и детского населения в районах, примыкающих к Усть-Каменогорскому свинцово-цинковому комбинату, Ульбинскому металлургическому заводу, титано-магниевому комбинату возросла за 1979-1989 г. в 2-3 раза.

Не решены также проблемы захоронения отработанных источников ионизирующего излучения и остатков промышленных радиоактивных шлаковых отходов объемом 1100 м^3 с мощностью экспозиционных доз от 10 до 100 миллирентген/час. Эти техногенные факторы существенно сказываются на санитарно-демографических показателях здоровья населения региона, которые установлены по результатам ряда исследований.

Содержание свинца и цинка в овощах и фруктах, выращиваемых в городе, в 4-38 раз превышает установленные для пищевых продуктов нормативы. Эти результаты свидетельствуют о том, что в ближней зоне и в средней зоне относительно УКСЦК съедобные культурные растения содержат повышенные количества таких техногенных элементов, как свинец, цинк, медь. Так,

в укропе количество свинца превышает ПДК в 38 раз, цинка - в 7,7 раза. В моркови превышение ПДК по свинцу в 1-й зоне очень сильного загрязнения составляет 34 раза, по цинку - 4,0 раза. В корнеплодах свеклы превышение ПДК по свинцу составляет в 36 раз, по цинку - в 9 раз. Овощи, выращенные в радиусе до 25 км от промцентров, содержат от 1 до 6 ПДК цинка, от 3 до 5 ПДК кадмия, от 1 до 18 ПДК свинца. Всего в области загрязнено кадмием до 78% капусты и до 51% - свинцом; огурцов - кадмием и свинцом до 82% и до 100% - цинком; томатов - свинцом и цинком загрязнено до 65%, моркови - свинцом и цинком до 90% и кадмием- до 92% [5].

Итак, на основании проведенного анализа можно сделать вывод о том, что употребление в пищу овощей и фруктов, выращенных в условиях г.Усть-Каменогорска, крайне нежелательно и целесообразно личные подсобные хозяйства жителей вынести за пределы города.

В целом сложившаяся экологическая ситуация по ВКО характеризуется как искусственно сформировавшаяся биогеохимическая провинция, которая диктует необходимость проведения углубленного изучения состояния здоровья населения, прежде всего демографической ситуации и разработки гигиенических мер, направленных на оздоровление окружающей среды и охране здоровья населения области. Подтверждением вышеупомянутого довода является интенсивное снижение рождаемости и по сельской местности региона.

Второй важнейшей демографической проблемой является смертность. Этот показатель также зависит от уровня социально-экономического развития региона, материального благосостояния и возрастной структуры населения, по типу его расселения (город, село), качества окружающей среды, доступности медико-санитарной помощи и ряда других факторов.

Таким образом, можно констатировать, что на территориях экологического риска наступил демографический кризис, характеризующийся процессом депопуляции населения, что служит тревожным сигналом и требовал принятия неотложных чрезвычайных мер со стороны Правительства республики и местных органов власти, включая Агентства по миграции и демографии, министерства здравоохранения.

В ходе анализа экологической ситуации в Восточно-Казахстанской области выявлено, что ее ухудшение, а в некоторых районах и кризисное состояние, оказывает значительное влияние на демографические процессы как на региональном, так и на общенациональном уровне. Высокие показатели заболеваемости и смертности, ограниченная доступность качественных медицинских услуг, а также экологические и социально-экономические факторы приводят к неблагоприятным изменениям в демографическом портрете региона, что отражается на снижении рождаемости, увеличении миграции и сокращении продолжительности жизни.

Для стабилизации и улучшения демографической ситуации в Восточном Казахстане необходимо проведение комплексных реформ в системе здравоохранения, направленных на повышение доступности и качества медицинских услуг. Особое внимание следует уделить профилактике заболеваний, улучшению условий жизни населения и устранению последствий экологических катастроф. Эти меры помогут не только укрепить здоровье населения региона, но и обеспечить его устойчивое социальное и экономическое развитие, что в конечном итоге скажется на демографической стабильности Казахстана в целом.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бокач Т. Охрана окружающей среды. М.: Медицина, 1980. – 179 с.
19. Авцын А.И. Введение в географическую патологию. М.: Медицина, 1972. – 137 с.
2. Пругло Ю.В, Пругло Г.Ю. Социально-демографическая обстановка в Семипалатинской области и её многолетняя динамика // Медицина и экология. Караганда: КГМИ ,1997, №1 (22-27).
3. Частников И.Я. Эхо ядерных взрывов. Алматы,1998. – 172 с.

4. Зимовина Е.Л. Социально-демографические процессы в зонах экологического бедствия Казахстана. Автореф. канд. дисс. Караганда, 2001.
5. Медико-демографическое исследование. 1995. Казахстан. Алматы: Ин-т питания МН-АН РК, Macro International Inc.
6. Жубатканов К.Ж. Региональные проблемы социально – экономического развития Казахстана в 1950-1980 гг. Дисс. на соискание уч. степени к.и.н. Алматы.: Институт истории и этнологии НАН РК, 1995. – 207 с.
7. Уразбаков А.Д. История социально-экономического процесса в зоне экологического кризиса Приаралья второй половины 80-х – первой половины 90-х годов XX века (на примере Кызылординской области). Автореф. канд. дисс. Алматы, 1997. – 25 с.
8. Адильбаева А.С. Социально-экономическое развитие Восточного Казахстана в послевоенный период (1946-1959 гг.). Дисс. на соискание уч. степени к.и.н. Алматы, 2002. – 135 с.

Алканова Ж.А.

САЯСИ РЕФОРМАЛАРДЫҢ ШЫҒЫС ҚАЗАҚСТАН ОБЛЫСЫНДАҒЫ КӨРІНІСІ

Аннотация

Қазақстан Республикасындағы саяси реформалардың жүргізілу процессі Қазақстан Республикасының Президенті Қ.К. Тоқаевтың бастамаларын жүзеге асырумен сипатталады. Бұл ең алдымен Қазақстан Республикасындағы жергілікті өзін-өзі басқаруды дамытудың жаңа Тұжырымдамасын әзірлеу. Сонымен қатар, 2021 жылы ауылдық елді мекендердің әкімдерін сайлау. Бұл өз кезегінде, ауыл, кент және ауылдық округ әкімдерін тікелей сайлау әр азаматтың өзінің конституциялық құқықтарын жүзеге асырудағы белсенділігімен, «халық үніне құлақ асатын» мемлекет тұжырымдамасын толыққанды іске асыру, әкімдерге үміткер кандидаттардың кәсіби және мүмкіндіктерін, сонымен қатар жергілікті мемлекеттік атқарушы органдардың тұрғындардың қажеттіліктері мен проблемаларына ықпал ету қызметтерін жоғарылатуға септігін тигізді.

Мақалада Шығыс Қазақстан облысы бойынша 2021-2024 жылдары ауыл әкімдеріне кандидаттардың ұсыну процессіне жан-жақты талдау жасалды.

Кілтсөздер: саяси реформа, саяси партиялар, үкіметтік емес ұйымдар, кандидаттар, сайлау.

Abstract

The process of political reforms in the Republic of Kazakhstan is characterized by the implementation of the initiatives of the President of the Republic of Kazakhstan K. K. Tokayev. This is primarily the development of a new concept for the development of local self-government in the Republic of Kazakhstan. In addition, the election of mayors of rural settlements in 2021. In turn, direct elections of mayors of villages, towns and rural districts contributed to the activation of every citizen in the realization of his constitutional rights, the full implementation of the concept of a «hearing state», increasing the professional and capabilities of candidates for akims, as well as the activities of local state executive bodies to influence the needs and problems of the population. The article provides a comprehensive analysis of the process of nominating candidates for village akims in 2021-2024 in the East Kazakhstan region.

Keywords: political reform, political parties, non-governmental organizations, candidates, elections.

Тәуелсіздік жылдары сенімді әлеуметтік-экономикалық серпіліс және қалыптасқан мемлекеттілік, көпэтностық және көпдіндік қоғамда жаңа қазақстандық демократиялық дәстүрлер қалыптаса бастады. Жалпыұлттық диалогтың дамуы және демократиялық реформалардың тиімді жолы айқындалып, күн тәртібіне принципті тұрғыда жоғарырақ міндеттер шықты. Демократиялық реформалардың Жалпыұлттық бағдарламасын іске асырудың бірінші кезеңінің Елбасы жасаған қорытынды-

лары қоғамды одан әрі демократияландыру мәселесі бойынша жалпыхалықтық дискуссияның басталуына жол ашты. Демократиялық реформалардың бағыты туралы қоғамдық дискуссияға атқарушы биліктің тиімділігі, ашықтығы және есеп беруі, жемқорлықпен күрес; мемлекеттік басқару мен жергілікті өзін-өзі басқаруды орталықсыздандыру; сайлау туралы заңнаманы жетілдіру; Парламенттің жауапкершілігін кеңейту; алдынғы қатарлы әлемдік стандарттарға сәйкес сот жүйесін дамыту, судьялардың тәуелсіздігі; саяси партиялардың елдің саяси өміріне белсенді араласуы; қоғамдық өмірдегі ҮЕҰ рөлін күшейту; азаматтардық құқықтары мен бостандықтарына кепілдік беру сияқты маңызды сұрақтар шығарылды.

Жергілікті органдардың құзыретін кеңейтуге, әртүрлі билік деңгейіндегі басқару органдары арасында құзыретін бөлуге көңіл аударыла бастады. Әкімдердің халық алдындағы есебі, сайлау заңнамасы мен оны өткізудің тәжірибесін жетілдіру бойынша жұмыстар жолға қойылды. Сапалы мемлекеттік қызмет көрсетуді көздейтін терең әкімшілік реформа белсенді түрде жүргізіле бастады. Атқарушы биліктің есеп беруі мен ашықтығын қамтамасыз етуге үлкен мән берілді.

Қазақстан Республикасының Президенті 2020 жылғы 1 қыркүйектегі жолдауында: «Келесі жылы бірқатар ауылдық округ әкімдерінің өкілеттік мерзімі аяқталады. Ауыл әкімдерінің тікелей сайлауын өткізуге болады деп ойлаймын. Жергілікті билік өкілдерінің сайланбалы болуымен қатар, мемлекеттік басқару деңгейлері арасындағы құзыреттерді бөлу және жергілікті өзін өзі басқару ісін айқындап алуымыз қажет», - деген [1].

Ел тарихында алғаш рет республика көлемінде ұйымдастырылған әкім сайлауында 14 өңірдегі 1847 сайлау учаскесі жұмыс істеді. Онда әкімдерінің өкілеттігі аяқталатын 730 ауыл мен ауылдық округтің, аудандық маңызы бар қала мен кенттің басшысы болудан үмітті кандидаттар бақ сынады. 730 сайлау округіне 2582 кандидат ұсынылып, 2297-сі тіркеуден өткен болатын. Кандидаттардың басым бөлігі өз-өзін ұсынушылар болғанын да айта кету керек. Нақтырақ айтсақ, сайлау туралы Конституциялық заңға енгізілген жаңа мүмкіндікті 1419 адам пайдаланған.

Сондай-ақ, 878 үміткерді Әділет министрлігінің тіркеуінде бар 6 саяси партия ұсынды. Халықтың дауыс беруі арқылы әкім болуға талпынғандардың ішінде ер үміткерлердің саны – 1839, әйел үміткерлер саны – 458 адам болды.

Сайлау мерзімі жақындаған сайын науқанның ел өміріндегі, соның ішінде ауылды елді мекендердің дамуындағы рөлі туралы ақпараттық түсіндіру жұмыстары қыза түсті. Оның үстіне ауылдық деңгейдегі әкім сайлауы өз жемісін берсе, 2024 жылдан бастап аудан әкімдерін сайлау басталатыны айтылған болатын. Бұл да жергілікті халықтың науқанға жауапкершілікпен қарауына түрткі болса керек. Exit poll қорытындысы бойынша, әкімін тікелей өзі сайлауға мүмкіндік алған халықтың белсенділігі Алматы облысында ғана 66,5 пайыз болды. Қалған өңірлерде ауыл тұрғындарының 70 пайыздан 90 пайызына дейін сайлауға қатысқан.

Атап айтқанда, Ақмола обысында дауыс берушілердің 75,5 %, Ақтөбе облысында – 79%, Алматы облысында – 66,5%, Атырау облысында – 74,4%, Шығыс Қазақстан облысында – 90,9%, Жамбыл облысында – 90,7%, Батыс Қазақстан облысында – 81,4%, Қарағанды облысында – 75,8%, Қостанай облысында – 84,4%, Қызылорда облысында – 83,6%, Маңғыстау облысында – 82,4%, Павлодар облысында – 76,9%, Солтүстік Қазақстан облысында – 87,1%, Түркістан облысында – 77,1% болды [2].

Елімізде болып жатқан саяси реформалардың өңірдегі әсерін айтар болсақ, Қазақстан Республикасы Президентімен 2021 жылғы 24 мамырда аудандық маңызы бар қалалардың, ауыл, кент, ауылдық округ әкімдерінің тікелей сайлауын қарастыратын сайлау заңнамасына өзгертулер мен толықтырулар енгізілді [3]. Елімізде алғаш рет ауылдық деңгейдегі әкімдерді тікелей халық сайлайтын болды.

«Қазақстан Республикасындағы сайлау туралы» Қазақстан Республикасының Конституциялық Заңының 113-1 бабына сәйкес аудандық маңызы бар қалалық және Шығыс Қазақстан облысы аудандарының аумақтық сайлау комиссияларымен 2021

жылғы 25 шілдеде облыстың 16 өңірінде аудандық маңызы бар қалалардың, ауылдардың, ауылдық округтердің 77 әкімін сайлау тағайындалды (қазіргі Абай облысымен қоса алғанда).

Заң талаптарына сәйкес, ұсыну мерзімі аяқталғаннан кейін, Шығыс Қазақстан облысының 77 сайлау округтерінде 239 кандидат ұсынылды, олардың 87 (36,4%) – саяси партиялармен, 152 (63,6%)- өзін-өзі ұсынғандар.

Саяси партиялар 77 сайлау округтері бойынша өз кандидаттарын ұсынды: «NurOtan» партиясы - 61 кандидат, «Ауыл» ХДСП - 19 кандидат, «Ак Жол» ҚДП - 1 кандидат, «ADAL» СП - 3 кандидат, ҚХП - 2 кандидат, ЖСДП - 1 кандидат.

Орташа бәсекелестік 3 адамды құрады.

Ұсынылған 239 кандидаттың 178 (74,5 пайызы) – ер адамдар, 61 (25,5 пайызы) – әйел адамдар.

Кандидаттардың орташа жас – 43,7 жас, ең жас кандидат – 26 жаста, жасы ең көбі – 61 жаста болды.

94 кандидат ұсынылып отырған ауылдық округте, 130 – сол ауданда, 14 – облыста тұратын азаматтар еді.

Басқа өңірден қатысып отырған – 1 кандидат, ол сол ауылдық округтің тумасы (Алматы қаласының тұрғыны).

Барлық округтерде үштен кем емес кандидаттар ұсынылды.

2022 жылы – 18 сайлау округтерінде 61 кандидат ұсынылды, олардың 19 (31,2%) – саяси партиялармен, 42 (68,8%) – өзін-өзі ұсынғандар.

Орташа бәсекелестік 3 адамды құрады.

Ұсынылған 61 кандидаттың 39 (63,9%) – ер адамдар, 22 (36,1%) – әйел адамдар.

Кандидаттардың орташа жас – 43 жас, ең жас кандидат – 30 жаста, жасы ең көбі – 56 жаста болды.

Барлық округтерде үштен кем емес кандидаттар ұсынылды.

Ұсынылып отырған кандидаттардың 53 – қазақтар, 8 – басқа этностар.

Сайлау қорытындысы бойынша 18 сайланған әкімнің: 15 ер адамдар, 3 әйел адамдар, 15- қазақ, 3 – басқа этнос.

2023 жылы – 28 сайлау округтерінде 94 кандидат ұсынылды, олардың 30 (31,9%) – саяси партиялармен, 64 (68,1%)- өзін-өзі ұсынғандар.

Орташа бәсекелестік 3 адамды құрады.

Ұсынылған 94 кандидаттың 63 (67%) – ер адамдар, 31 (33%) – әйел адамдар.

Кандидаттардың орташа жас – 44,5 жас, ең жас кандидат – 29 жаста, жасы ең көбі – 60 жаста болды.

Барлық округтерде үштен кем емес кандидаттар ұсынылды.

Ұсынылып отырған кандидаттардың 89 – қазақтар, 5 – басқа этностар.

Сайлау қорытындысы бойынша 28 сайланған әкімнің: 24 ер адамдар, 4 әйел адамдар, 28- қазақ, басқа этнос болған жоқ.

2024 жылы – 19 сайлау округтерінде 60 кандидат ұсынылды, олардың 19 (31,7%) – саяси партиялармен, 41 (68,3%) – өзін-өзі ұсынғандар.

Орташа бәсекелестік 3 адамды құрады.

Ұсынылған 60 кандидаттың 37 (61,7%) – ер адамдар, 23 (38,3%) – әйел адамдар.

Кандидаттардың орташа жас – 44 жас, ең жас кандидат – 26 жаста, жасы ең көбі – 62 жаста болды.

Барлық округтерде үштен кем емес кандидаттар ұсынылды.

Ұсынылып отырған кандидаттардың 54 – қазақтар, 6 – басқа этностар.

Сайлау қорытындысы бойынша 19 сайланған әкімнің: 17 - ер адамдар, 2 әйел адамдар, 17- қазақ, 2 – басқа этнос.

Өңірде 4 жыл ішінде өткен ауылдық деңгейде әкімдер сайлауының талдауы бойынша төмендегідей қорытынды шығаруға болады. Аталған уақыт кезеңінде 142 ауылдық деңгейдегі әкімдердің тікелей сайлауы өткізілді. Жалпы 454 кандидат ұсынылды, солардің ішінде саяси партиялардан – 154, өзін-өзі ұсынғандар – 299, 1 кандидатты аудан әкімі ұсынған. Кандидаттардың басым бөлігі, яғни 65,8 % өзін-өзі ұсынғандар. Бұл олардың жоғары саяси белсенділігін көрсетеді, яғни ауыл әкімі болғысы келу қызығушылығын көрсетеді. Ал саяси партиялар ұсынған кандидаттар саны – 154, яғни 33,9%.

Ауыл әкімдерінің тікелей сайлауы өткізілген жылдары сайлауға ұсынылған 454 кандидаттың 317 (69,8%) – ер адамдар, 137 (30,2%) – әйел адамдар. 2022-2024 жылдар аралығындағы 3 жылдағы кандидаттардың этностық сипаттамасына келетін болсақ, жалпы ұсынылған 215 кандидаттың, 196 (91,2%)- қазақтар, 19 (8,8%) - басқа этнос өкілдері, яғни 18 – орыс, 1 – татар этносының өкілі болды.

Жалпы бәсекелестік, бір орынға – 3,4 көрсеткіш көлемінде болды.

Ауыл әкімдері де сол ауылдық округтің тұрғындары да өз туған жерлері мен ауылдарына, олардың болашағына бей-жай қарамайтындары олардың азаматтық ұстанымдарынан көрінеді.

Сайлау жүйесінің ашықтығын қамтамасыз ету мақсатында сайлау органдары бұқаралық ақпарат құралдары арқылы белсенді жұмыс істей бастады, сонымен қатар, белсенділік әлеуметтік желілер арқылы да байқалады. Сайлау комиссияларының барлық шешімдері бұқаралық ақпарат құрылдарында, нақтылап айтсақ жергілікті баспасөз беттерінде және тиісті әкімдіктердің ресми сайттарында жарияланады.

Қазақстан Республикасы Президентінің 2024 жылғы 2 қыркүйектегі «Әділетті Қазақстан: заң мен тәртіп, экономикалық өсім, қоғамдық оптимизм» атты Жолдауында «Қазақстан халқы қазір мүлде жаңа саяси жағдайда өмір сүруде. Соңғы 5 жылда ауқымды реформалар жасалды. Еліміздің саяси жүйесі түбегейлі өзгерді. Жұрттың сана-сезімінде бетбұрыс болып жатыр. Халықтың құқықтық мәдениеті артып келеді», - деп атап өткен мемлекет басшысы». Сонымен қатар, 2025 жылдан бастап аудан және облыстық маңызы бар қалалардың әкімдері тікелей сайлау арқылы ғана қызметке келетіні туралы атап айтқан [5].

Осылайша елімізде болып жатқан саяси реформалар халықтың құқықтық белсенділігі жылдан жылға артып келеді. Осы саяси реформалар іс жүзінде әр Қазақстан Республикасының азаматын өз елінің, өз жерінің дамуы мен гүлденуіне өзіндік үлесін қосып жатқанының айқын көрінісі.

ӘДЕБИЕТТЕР:

1. Қазақстан Республикасы Президентінің 2020 жылғы 1 қыркүйектегі Қазақстан халқына Жолдауы.
2. https://kaz.inform.kz/news/zholdaudyn-zhuzege-asuy-akim-saylauy_a3830447/?ysclid=m4lb1apcim189977310
3. Қазақстан Республикасының «Қазақстан Республикасындағы Конституциялық сайлау туралы» Конституциялық заңы, Астана – «Жаркын Ко» ЖШС, 2022 – 123 б.
4. https://www.akorda.kz/kz/kasym-zhomart-tokaev-auyl-akimderin-saylau-maseleleri-zhoninde-kenes-otkizdi-2355013
5. Қазақстан Республикасы Президентінің 2024 жылғы 2 қыркүйектегі «Әділетті Қазақстан: заң мен тәртіп, экономикалық өсім, қоғамдық оптимизм» атты Жолдауы.

Аманбекова Н. Д.

КЕҢЕС ӨКІМЕТІ ЖЫЛДАРЫНДАҒЫ ШЫҒЫС ҚАЗАҚСТАН ШАҒЫН ҚАЛА ТҰРҒЫНДАРЫНЫҢ ӘЛЕУМЕТТІК-ДЕМОГРАФИЯЛЫҚ ЖАҒДАЙЫ

Аннотация

Мақалада 1925-1991 жылдары аралығындағы Шығыс Қазақстан шағын қалалардағы әлеуметтік-демографиялық жағдай қарастырылған.

Шағын қалалар үлкен қалалар сияқты даму деңгейіне жете алмады. Бұл халықтың әртүрлі әлеуметтік-демографиялық және кәсіптік топтары арасындағы жұмыспен қамту диспропорциясын тереңдетіп, еңбек резервін құрайтын адамдар үлесінің ұлғаюына әкеліп соқтыратын жұмыспен қамту мүмкіндіктерінің тар саласына әкелді.

Мақалада шағын қалалардағы жұмыспен қамту мәселесі негізінен шешілмегендігі, еліміздің әлеуметтік-демографиялық өмірінде орын алған кеңестік саясаттың зардаптары ауылшару-

ашылығын тұйыққа тіреп, оны экономикалық дағдарыс жағдайына алып келдігі баяндалған. Солай десек те жоспарлы басқару жүйесінің Қазақстанда жүргізген реформаларының өзіндік күрделі ерекшеліктері болғандығы қарастырылған.

Тірек сөздер: қала, демография, жұмыссыздық, өнеркәсіп

Abstract

The article discusses the socio-demographic situation in the small towns of East Kazakhstan in the period from 1925 to 1991.

Small cities did not reach the same level of development as large cities. This led to a narrow sphere of employment opportunities, which deepened the disparity in employment between various socio-demographic and professional groups of the population, leading to an increase in the share of people who make up the labor Reserve.

The article describes that the problem of employment in small towns is largely unresolved, the consequences of the Soviet policy, which took place in the socio-demographic life of the country, led agriculture to a dead end and led it to a state of economic crisis. At the same time, it is noted that the reforms of the planned management system carried out in Kazakhstan had their own complex features.

Keywords: city, demography, unemployment, industry.

Шағын қалалардың ең маңызды әлеуметтік мәселесі қашанда халықты жұмыспен қамту мәселесі болды. Тарихтың кеңестік кезеңінде бос еңбек ресурстары бар шағын және орта қалалар таза ведомостолық көзқарастың кесірінен одақтық министрліктер әлеуметтік инфрақұрылым мен кадрларды даярлауға қаражатты жұмсамау үшін назардан тыс қалдырған зұлым тәжірибе дамыды. Сонымен бірге, бұл кезеңде қала халқының қалыптасуы тек демократиялық факторлармен ғана емес, экономикалық әл-ауқаттың деңгейіне ерекше назар аударылмады. Бұл мәселеде басты рөлді демографиялық емес, экономикалық себептер де атқарды, олардың ішінде құрылымдық саясатты, инвестицияны, жаңа құрылыс пен технологиялық қайта жарақтандыруға күрделі салымдарды бөлуді бөліп көрсету керек. Осы жылдарда

республикада орын алған технократиялық өрлеу бұл мәселеге де әсер етті. Қазақстанның өнеркәсіптік дамуы әлеуметтік-экономикалық жағдайды, табиғи және демографиялық факторларды есепке алмай жүзеге асырылды, соның салдарынан аймақтық контексте өндірістік инфрақұрылым мен елдің өндіргіш күштерінің орналасуының диспропорциясына әкелді.

Бұл өнекәсіптік кәсіпорындарды бөлуде айтарлықтай теңгерімсіздікке әкелді, олардың көпшілігі табиғи ресурстарға бай аймақтарда немесе қазақтардың басым бөлігі жұмыс істейтін артық еңбек ресурстары бар аймақтарда емес, Кеңес өкіметі стратегиялық маңызды қалаларда орналасты [1].

Өндіргіш күштердің біркелкі бөлінбеуі және шикізат пен моноөндіріске бағдарлануы Қазақстанның қалалық тұрғындарын жұмыспен қамтудың бұрмаланған жағдайына әкелді. Кейбір аймақтарда бүкіл өндірістік инфрақұрылым тек бір немес екі салаға негізделген. Бұл әртүрліліктің болмауы экономикалық құлдыраумен бірге ауыр зардаптарға әкелді. Салалық құрылымның жетілмегендігі проблемасы әсіресе шағын және орта қалалар мен жұмысшылар поселкелері үшін өткір болды. Қазақстандағы урбанизация процесі ірі қалаларға қолайлы болды, нәтижесінде шағын қалалар әлеуметтік-экономикалық даму және өмір сүру деңгейі жағынан артта қалды. Қалалардың көпшілігінде, негізінен әйелдерге, жұмыс істегісі келетініне және өз дағдыларын пайдаланғысы келетініне қарамастан, олар жұмыс таба алмады, бұл 1980 жылдары еңбек резервінің екі есеге өсуіне әкелді, бұл шағын қалаға орташа есеппен шамамен 10% құрайды [2].

Шығыс Қазақстан шағын қалаларының экономикасы ең алдымен еркектер басым ауыр өнеркәсіпке бағытталған, бұл ерлер мен әйелдер еңбегін пропорционалды емес пайдалануға әкелді. Қызмет көрсету саласының дамымауы бұл мәселені одан әрі ушықтырды. Нәтижесінде ауыр өнеркәсіп шоғырланған аймақтарда әйелдер мен жастар үшін қолайлы жұмыс орындары жеткіліксіз болды. Мысалы, 1970 жылдары Қарағанды, Теміртау, Жезқазған, Саран, Абай, Шахтинск сияқты қалаларда қоғамдық өндірісте жұмыс істемеген 37,8 мың адамның 94,1% әйел-

дер болды. Сол сияқты Шығыс Қазақстан облысында да ауыр өнеркәсібі бар аймақтарда жұмыссыз қалған әйелдердің үлесі 87,7% құрады. Ерлер мен әйелддерді жұмыспен қамтудағы бұл теңгерімсіздік Қазақстанның шағын және орта қалалары үшін маңызды әлеуметтік проблема болды.

Шағын қалалардағы жағдайды ірі қалалар мен облыс орталықтарында көптеген кәсіпорындардың қайталануы, ал шағын және орта қалаларда осыған ұқсас зауыттар мен фабрикалар салу туралы ұсыныстардың ведомостволық мүдделерге байланысты еленбей қалуы қиындады. Нәтижесінде шағын қалалардың халқы жергілікті экономикада үстемдік ететін бір ірі кәсіпорынға толығымен тәуелді болды. Бұл қалаларда балама жұмысқа орналасу мүмкіндіктері аз болды, ал барлар көбінесе басым кәсіпорынның қажеттіліктеріне қызмет көрсетумен тікелей байланысты болды. Бұл шағын қалалардағы жұмыспен қамту жағдайын тұрақсыз және үстем кәсіпорынның табысының ауытқуына осал етті.

Шағын және орта қалалардан гөрі ірі қалаларға басымдық беру саясаты, әсіресе, жергілікті халық үшін ауыр теріс салдарға әкелді. Одақтық министрліктер мен ведомоствалар көшіп-қонушылардың қажеттіліктерін қанағаттандыруға баса назар аударуды, сонымен бірге бар жергілікті халықтың тұрмыс жағдайын жақсартуға аз көңіл бөлді. Бұл жергілікті тұрғындар үшін қолайсыз экологиялық және тұрмыстық жағдайларға, қажетті әлеуметтік-мәдени қызметтердің болмауына әкелдә. Соның салдарынан әлеуметтік мәселелер ушығып кетті.

Басқаша айтқанда, кеңестік кезеңде еңбек ресурстарын жоспарлаудың нақты және экономикалық негізделген тәсілі болды. Республика экономикасының өсуі күтілгендіктен, қажетті еңбек ресурстарын анықтау үшін есептеулер мен болжамдар жасалды. Бұл есептеулер еңбек ресурстарының болжамды ұлғаюы 44 шағын және орта қаланың 37-сінде, сондай-ақ қала типтес 49 елді мекеннің 35-інде жаңадан құрылған және кеңейіп жатқан кәсіпорындардың қосымша жұмыс күшіне қажеттілігін қанағаттандыруға жеткілікті болатынын көрсетті [3].

Қорыта айтқанда, орта және шағын қалалардың көпшілігінде жаңадан орналасқан және кеңейтілген өнеркәсіптік нысандар қолда бар еңбек ресурстарын тиімдірек пайдалану және жұмыспен қамтудың салалық құрылымын жақсарту арқылы оң әсер етуі керек еді.

Мысалы, шағын Серебрянск қаласының маңындағы Бұқтырма СЭС-нің құрылысы қаланың шағындығына және табиғи өсімнен күтілетін еңбек ресурстарының шектеулі өсуіне байланысты айтарлықтай қиындық туғызды. 3000 адам жұмыс күшін қажет етті, ал еңбек ресурстарының күтілетін өсімі небәрі 0,7 мың адамды құрады, бұл жылжымалы жұмыс істейтін халықтан қосымша 0,9 мың адаммен толықтырылуы мүмкін. Қажетті жұмыс күшінің жалпы саны еңбек ресурстарының болжамды ұлғаюынан 4,8 мың адамға артық болды. Жұмыс күшіне деген сұранысты қанағаттандыру үшін облыстан тыс жерлерден жұмысшыларды тарту қажет болды, бірақ ведомостолық мүдделер көбінесе Қазақстаннан тыс жерлерден жұмыс күшіне басымдық беріп, жергілікті мүмкіндіктерді елемеді.

Алайда, кейбір жағдайларда жергілікті жұмыс күшін тартуға тікелей ұсыныс жасалғанын айта кеткен жөн, бірақ мұндай нұсқаулар қаншалықты орындалды, жауап беру қиын.

«Шар» өндірістік бірлестігі 1983-1985 жылдар аралығында Шар қаласында 2150 адам жұмыс күшін қажет ететін жаңа нысандарды пайдалануға беруді жоспарлаған. Алайда, 1980-1985 жылдар аралығында қаладағы еңбек ресурстарының жылдық өсімі небәрі 350-ге жуық адамды құрады. Кәсіпорын негізінен ерлердің еңбегіне есептелгендіктен, оның жұмыс күшіне қажеттілігін жергілікті көздерден күтілетін қамтамасыз ету небәрі 855 адамды немесе 40%-ды құрады. Сондықтан жұмыс күшінің басым бөлігі облыс пен республиканың басқа аймақтарынан тартылуы тиіс еді.

Курчатов қаласында резеңке бұйымдарын шығаратын зауыт пен шина жөндеу зауытын салу жоспарланды. Бұл нысандарға барлығы 2,3 мың жұмысшы мен мамандар қажет болды, ал басқа салалардың дамуымен қажетті жұмысшылар саны 4,3

мыңға дейін өсті. Дегенмен, еңбек ресурстарының күтілетін өсімі небәрі 2,1 мың адамды құрады, бұл жұмысшылардың едәуір бөлігін қала сыртынан тартуды қажет етті.

Шемонаиха қаласы басқа қалалардан құрылыс мен кеңейтілуі жоспарланған кәсіпорындардың түрі бойынша ерекшеленді. Бұлар негізінен 1,2 мың адамға арналған тігін, трикотаж фабрикасы және жалпы саны 1,5 мыңнан астам адамға арналған сүт және ет комбинаты сияқты әйелдер еңбегін пайдаланатын кәсіпорындар болды. Бұл кәсіпорындардың іске қосылуы өнеркәсіптің басқа салаларындағы жұмысшылар саны 1,9 мың адамға, оның ішінде 70%-ын әйелдерге ұлғайтады деп күтіліуде. Қаланың жұмыс күшіне жалпы қажеттілігі 3,4 мың адамды құрайды, оның 2,4 мыңы немесе шамамен 70,6%-ы әйелдер. Дегенмен, қаладағы әйелдер жұмыс күшінің күтілетін өсімі небәрі 1,2 мың адамды құрады, бұл қажеттіліктің 50%-ын құрады. Соның нәтижесінде қалалық сүт зауытын кеңейтуді 317 адамға дейін шектеу және еңбек ресурстарының өсу қарқыны жоғары әрі қолайлы орын болып табылатын Рудный қаласында тігін және тоқыма фабрикасын салу туралы шешім қабылданды. Бұл шешім екі қаладағы жұмыспен қамтудың салалық құрылымына оң әсер етеді деп күтілетін болатын [4].

Бірнеше қалалық елді мекендерде 1981-1985 жылдары құрылысы жоспарланған кәсіпорындарды орналастыру мүмкіндігін халықты бірдей жұмыспен қамту перспективасына қарай қарастыру ұсынылды, ерлер де әйелдер де.

Шемонаиха қаласында 1981-1985 жылдарға арналған жоспарда 500 адамға қосымша жұмыс күші бар бес кәсіпорынды кеңейту ғана қарастырылған. Бұл шешім қаланың 1981-1985 жылдар аралығында 5,5 мың адамға өсуі күтілетін еңбек ресурстарын ұлғайту үшін айтарлықтай әлеуетке ие болуына негізделді. Сонымен қатар, 1981 жылдың басында қалада 4,3 мың адам, негізінен әйелдер, шаруашылық және жеке қосалқы шаруашылықтарда жұмыспен қамтылды. Шемонаихада тігін және тоқыма фабрикасын орналастыру арқылы ерлер мен әйелдердің жұмыспен қамтылуын теңестіруге болады.

Қоғамдық өндірістің тиімділігін арттыру және қолда бар еңбек ресурстарын толық пайдалану үшін шағын қалалар мен облыс орталықтарында ірі өнеркәсіптердің филиалдарын, фабрикалар мен халық тұтынатын тауарлар шығаратын зауыттарды құру қажет болды. Бұл тәсіл аймақтардағы экономикалық өсу мен дамуды ынталандыруға және жергілікті тұрғындарды жұмыспен қамтуға мүмкіндік береді. Бұл ұсыныстарды жүзеге асыру 4 мыңға жуық адамды қоғамдық өндіріске тартуға әкеліп соқтырады және жалпы өнім көлемі бойынша өндірістің 80 миллион рубльден астам артуына әкеледі.

1981 жылғы жағдай бойынша жеңіл өнеркәсіп кәсіпорындарын жеткілікті еңбек ресурстары жетіспейтін шағын қалаларға орналастыру дұрыс деп саналмады. Осы кезеңдегі шағын қалалардың еңбек ресурстарына қажеттіллігі 1-кестеде көрсетілген [5].

Кесте 1 – Шағын қалалардың еңбек ресурстарына қажеттілігі.

Қала	Еңбек ресурстарының қажеттіліг, адам	Жылжымалы еңбек ресурстарының болуы
Шемонаиха	204	
Курчатов	54	
Серебрянск	247	
Шар	189	

Бос еңбек ресурстарының жоқтығына сүйене отырып, жалпы жұмыс күшін ұлғайту немесе басқа аймақтардан жұмыс күшін тартудың орнына жеңіл өнеркәсіп кәсіпорындарының қолда бар қуаттарын дамытуға бағытталуы жоспарда болды. Мәселен, Шемонаихада еңбек ресурстарына деген қажеттілік 0,3 мың адамды құраса, Серебрянск қаласында 0,12 мың адамды құрады. Сонымен қатар, 2- кестеде көрсетілгендей, 1980 жылдардың басында жаңа кәсіпорындарды бірнеше қалаларда орналастыру жоспарланған.

Кесте 2 – Шағын қалалардағы еңбек ресурстарының болуы.

Қала	Еңбек ресурстарының қажеттіліг, адам	Жылжымалы еңбек ресурстарының болуы
Шемонаиха	780	540
Курчатов	650	478
Серебрянск	386	344
Шар	182	247

Ұсынылған мәліметтерге сүйенсек, кейбір шағын қалаларда еңбек ресурстары жеткілікті болған, сондықтан сол аудандарда жаңа кәсіпорындар құру ұсынылды. Сонымен қатар, мобильді жұмыс күші айтарлықтай көп, негізінен әйелдер тұратын шағын қалалар тобы пайда болды және болашақта бұл аймақтарда жеңіл және тамақ өнеркәсібінің жаңа салаларын ашуға болатындығы айтылды.

Шағын қалалардағы инфрақұрылымның бір функцияға шоғырлануына байланысты жұмыс мүмкіндіктерінің шектеулі болуы жергілікті халық үшін басты мәселе ретінде анықталды. Бұған экономиканың әртүрлі сектрлары бойынша еңбекті бөлудегі теңгерімсіздік қосылды, нәтижесінде адамдардың әлеуметтік-кәсіби деңгейі, жасы және басқа демографиялық ерекшеліктері сияқты факторларға байланысты жұмысқа орналасу мүмкіншіліктерінің теңсіздігі туындады.

1980 жылдары Серебрянск және Шемонаиха сияқты шағын қалаларда экономикалық белсенді халықтың үлес салмағының төмендеуі байқалды. Бұл қалалар 1950-1960 жылдары өнеркәсіп орталықтары ретінде қалыптасу барысында өндірістің қарқынды өсуін бастан кешірді, бұл еңбек пен халықтың шоғырлануына, әсіресе материалдық өндіріс саласында жоғары жұмыспен қамтуға әкелді. Дегенмен, бұл өсу тар бағытта болды және әлеуметтік тұрғыда бағдарланбады, нәтижесінде жұмыс құрылымы ең алдымен ер жұмысшыларды тартады [6].

Шар қаласында шаруашылық және жеке қосалқы шаруашылықта жұмыс істейтін халықтың үлесі жоғары болды. Сонымен қатар, бұл экономикалық тұрғыдан нашар дамыған қалаларда өнеркәсіпте жұмысшылардың 5-10%-ы ғана жұмыс істеді. Бұл осы шағын қалаларда өндіріске пайдалануға болатын игерілмеген еңбек ресурстарының бар екенін көрсетеді.

Шығыс Қазақстандағы шағын және орта қалалардағы жұмыссыз халықтың едәуір бөлігін ең белсенді мүгедектер құрайды. Популяциядағы ерлердің үлесі 1989 жылы 49%-ға жеткенін атап өту маңызды, бұл көші-қонмен және ерлердің туу санының жоғарлауымен байланысты болуы мүмкін. Өндіріске тартылғанеңбекке қабілетті адамдардың үлесі 1989 жылы ерлер арасында 86,9%, әйелдер арасында 77,5% болды.

Екінші дүниежүзілік соғыстан кейінгі кезеңде Қазақстанда, әсіресе шағын қалалар жағдайында, қалалық елді мекендер желісінің кеңеюімен бірге қала тұрғындарының айтарлықтай өсуі байқалды. Қала халқының айтарлықтай үлесі бар урбанизацияланған аймақтар Орталық, Шығыс және Солтүстік Қазақстан болды. Урбанизацияға түрткі болатын факторлар әртүрлі болды, өнеркәсіптік даму Орталық және Шығыс Қазақстандағы негізгі қозғаушы күш болды, ал Солтүстік Қазақстанның өсуі «тың факторы» және екінші дәрежелі сипатта болды. Қазақстандағы урбанизация процесі табиғи құбылыс емес, әкімшілік жолмен жүргізілгенін атап өткен жөн.

Талқыланып отырған мәселені талдамас бұрын, 1959 жылғы санаққа дейінгі Қазақстандағы халық санының өсу динамикасын қарастырайық. 1926 жылғы халық санағының мәліметтеріне сүйенсек, Қазақстанда 44 қалалық елді мекенде 519119 адам тұрса, оның ішінде 26 қалада 447415 адам, 18 елді мекенде 71704 адам тіркелген.

1939-1959 жылдар аралығындағы Қазақастандағы халық санының өсуі өнеркәсіп пен экономиканың дамуымен, сыртқы көші-қонымен ерекшеленді. Екінші дүниежүзілік соғыс кезінде соғысқа дейінгі және соғыс уақытында депортациялау, эвакуациялау және жұмысқа тарту есебінен халық санының азаюы байқалды. Алайда 1945-1947 жылдар аралығында республика халқының саны 5,9%-ға, ал 1947-1948 жылдар аралығын-

да 1,9%-ға өсті. Осы кезеңде қала халқы 3,1%-ға азайса, ауыл халқы 10,1%-ға кеміді. 1954-1959 жылдар аралығында Қазақстан халқының саны 22,5%-ға, қала халқы 71,6%-ға, ауыл шаруашылығы 30,7%-ға өсті. Бұл ретте қала тұрғындарының халықтағы үлесі артып, ауыл тұрғындарының үлесі 6,5%ға азайған.

1926-1939 жылдар аралығында Шығыс Қазақстанда халық саны 1,5%-ға өсті. Дегенмен, осы уақыт ішінде қала халқы 34,2%-ға өссе, ауыл тұрғындары 13,5%-ға азайған. Нәтижесінде қала тұрғындарының халықтағы үлесі 10,2%-ға өсті, ауыл тұрғындарының үлесі осыншама азайды. 1953 жылы облыстың қала тұрғындарының айтарлықтай өсуі байқалды, бұл өндірістік объектілерді салуға ұйымдық жұмысқа қабылдаудың қайта жандануымен байланысты болды. Қала халқының өсімі 1,2%-ды құраса, 1954 жылы ол одан әрі 6,7%-ға дейін өсті [7].

1959 жылы жүргізілген соғыстан кейінгі халық санағы демографиялық зерттеулердің бастапқы базасын айтарлықтай кеңейтуді қамтамасыз етті. Бағдарламада 15 ерекшелік қамтылып, қалалық елді мекендерде бірыңғай санақ кезеңі белгіленді. Мәліметтерді 1962 жылы КСРО Орталық статистика басқармасының Мемлекеттік статистикалық баспасы басып шығарды. Санақ республиканың 182 қалалық елді мекенінде 4 миллионнан астам адам тұратынын көрсетті, бұл қалалық елді мекендер мен қалалардағы елді мекендердің санынан үш есе көп, алдыңғы санақпен салыстырғандағы тұрғындар саны. Қала үлгісіндегі елді мекендердің саны да 1939 жылмен салыстырғанда 53-ке, ал тұрғындары алты есеге, яғни 410962 адамға өсті. Республикада қала халқының үлесі 28% құраса, облыста ол 30,5%-дан сәл жоғары болды. Санақ республика мен оның облыстары, шағын қалалар халқының саны, құрамы, білім деңгейі, жұмыспен қамтылуы туралы мәліметтер берді.

Шығыс Қазақстандағы шағын қалалардағы халық саны 1939-1959 жылдар аралығында айтарлықтай өсті. Халықтың өсу қарқыны 104%-дан 335%-ға дейін өскен Аякөз, Зайсан, Риддер, Зырян және Шар қалалары болды. Бұл өсім урбанизация

мен өнеркәсіптік дамуға байланысты табиғи өсу мен көші-қонның үйлесімін болжайды. Облыста урбандалу деңгейі жоғары, ол 375%-ға өсті. Халықты топтастыру бойынша 5-9,9 мың халқы бар бір қала, 20-49,9 мың аралығындағы бір қала, 50-100 мың халқы бар екі қала болды. Айта кетейік, Курчатов туралы мәліметтер 1999 жылға дейін халық санағына еңгізілмеген.

1959 жылғы халық санағы мәліметтерін талдай келе, Шығыс Қазақстанның демографиялық дамуының негізгі сипаты қала халқының қарқанды өсуі болды деген қорытынды жасауға болады. Облыстағы шағын қалаларда тұратын халықтың үлесі 1939 жылғы 16,75%-дан 25,18-ға дейін өсіп, бұл көрсеткіщ бойынша Қарағандыдын кейінгі екінші аймаққа айналды.

1970 жылдары Шығыс Қазақстан халқының тығыздығы өте біркелкі болды, популяцияның тығыздығы қолайлы табиғи-климаттық жағдайлары бар аудандарда, әсіресе Ертіс, Үлбі және солтүстік-батыс облыстарбассейнінде болды. Керісінше, шығыс және оңтүстік аймақтарда халық азырақ қоныстанған. Осындай біркелкі емес бөлінуіне қарамастан, облыс халқының жалпы саны осы онжылдықта екі есе өсті, ал қала халқы 160 709 адамға өсті.

Санақ аралық кезеңде аймақта жұмыс орындарының болуы, жалақының жоғарылауы және т.б. сияқты қалалық жерлерде өмір сүру сапасының жоғарлауына байланысты тұрғындардың ауылдан қалаға айтарлықтай көшуіне байланысты урбанизацияның қарқынды өсуі байқалды. Сонымен қатар, 1960-1990 жылдары 70-тен астам ірі ауылдар, оның ішінде 20-ға жуық ауылдық орталықтар ресми түрде қалалар және қалалық елді мекендер санатына ауыстырылды, дегенмен бұл елді мекендердің кейбірі қарапайым ауылдық елді мекендер ретінде қалды [8].

1959-1979 жылдардағы халық санағы аралығында Шығыс Қазақстандағы шағын қалалардағы халық санының өсуі негізінен Серебрянск, Зырян, Курчатов, Шар сияқты қалалардағы өнеркәсіптің, құрылыстың және көліктің дамуымен шартталған табиғи өсім есебінен болды. Зайсан, Аягөз, тағы басқа өнеркәсіптік қала типтес елді мекендер. Алайда, халық санының

елеусіз төмендеуімен Шемонаиха мен Серебрянск ғана ерекше болды. Жұмысшылар поселкелерін есептемегенде шағын қалалардағы халық саны 20086 адамға өсті, ал жұмысшылар поселкелеріндегі қала тұрғындарының саны азаю тенденциясын көрсетті.

Толық демографиялық көрініс үшін республикадағы, зерттелетін қалалардағы халықтың өлім-жітім көрсеткіштерін қарастырайық. Өлім- халықтың табиғи өсімінің екінші құрамдас бөлігі. Қарастырылып отырған кезеңде республика ішінде айтарлықтай ауытқулар болған жоқ. 1959 жылы өлім-жітім деңгейінің төмендеуі басталды, республика халқының 1000 адамға шаққанда 7,3 адам қайтыс болды. Бұл көрсеткіш 1950 жылмен салыстырғанда 43,6%-ға төмендеді.

Шығыс Қазақстанның шағын қалаларында 1959-1970 жылдардағы санақаралық кезеңде өлім-жітім көрсеткіші ремпублика бойынша орташа деңгейден төмен болғанын айта кеткен жөн. 1970 жылы шағын қалалардағы өлім көрсеткіші 1000 адамға шаққанда 5,8 құрады, бұл бүкіл республика бойынша орташа көрсеткіштен 0,2-ге төмен. Бұл денсаулық сақтау жүйесінің дамуы мен шағын қалалардағы тұрмыс жағдайының жақсаруына байланысты болуы мүмкін. Дегенмен, сәбилер өлімі мәселесі әлі де алаңдаушылық туғызды. Бұл көрсеткіш 1959 жылғы 5,9%-дан 1970 жылы 5,2%-ға дейін төмендегенімен, республика бойынша орташа деңгейден жоғары болды. Шағын қалалардағы нәрестелер өлімінің негізгі себептері дизентерия және пневмония сияқты жұқпалы аурулар болып қала берді.

1979 жылдан 1989 жылға дейін Шығыс Қазақстанда, әсіресе ерлер жітім көрсеткіштеріне әртүрлі факторлар, соның ішінде медициналық көмекке қолжетімділік, өмір салтын таңдау, қоршаған орта жағдайлары, әлеуметтік және экономикалық факторлар әсер етуі мүмкін екенін атап өткен жөн. Осы кезеңдегі өлім-жітім көрсеткіштерінің өсунің нақты себептерін зерттеп, осы мәселелерді шешу үшін мақсатты шараларды әзірлеген тиімді болар еді. Бұған қоса, денсаулық сақтау инфрақұрылымы мен салауатты мінез-құлықты ынталандыруға бағытталған бағдарламаларға инвестицияны жалғастыру аймақтағы денсаулық сақтаудың жалпы нәтижелерін жақсартуға көмектесуі мүмкін.

Аймақтағы өлім-жітім деңгейінің жоғары болуына қоршаған ортаның ластануы айтарлықтай әсер етеді деп саналады. Қазіргі заманда «қоршаған орта сапасы» термині табиғи ортаның әртүрлі құрамдас бөліктерінің жағдайын білдіреді. Бұл тұрғыда ауаның, судың және жер ресурстарының сапасы ерекше маңызды. Өкінішке орай, Қазақстандағы соңғы оқиғалар қоршаған орта сапасының төмендеуіне әкеліп соқтырды, бұл халықтың денсаулығы мен әл-ауқатына зиянды әсер етуде [9].

Қоршаған ортаның сапасы халықтың жалпы денсаулығын анықтауда маңызды рөл атқарады, өмір сүру ұзақтығынан бастап экономикалық дамуға дейін әсер етеді. Шығыс Қазақстанда қоршаған орта ластану деңгейінің жоғары болуына байланысты айтарлықтай нашарлады. Бұл аймақтың денсаулығы мен демографиясына тікелей әсер етіп, өлім-жітім деңгейінің жоғарлауына және әлеуметтік-экономикалық интеграция перспективаларының төмендеуіне әкелді. Аймақ қоршаған ортаға техногендік әсер ету деңгейінің жоғары болуына байланыстцы экологиялық апат аймағы деп танылды. Облыста 150 мыңға жуық зиянды шығарындылар көзі бар, ластаушы заттарды шығаратын кәсіпорындар саны жыл санап артып келеді. Аймақтағы негізгі ластаушы заттар ангидрит, азот оксиді және көміртегі тотығы болып табылады, шығарындылардың көпшілігі қалалық жерлерден шығады.

Қазақстанның шығыс аймағындағы қолайсыз экологиялық жағдай оның тұрғындарның денсаулығы мен өліміне тікелей әсер етуде. Халық арасында қан айналымы жүйесіне, ісіктерге, тыныс алу мүшелеріне байланысты аурулар кең тараған және олар қолайсыз атмосфералық ауаның әсерінен, қолайсыз климаттық жағдайлармен, пневмониямен, бронхитпен, бронх демікпесімен байланысты. 1956 жылдан бастап 1988 жылға дейін ісікпен байланысты аурулардың пайызы 100 000 адамға шаққанда 40,6%-ға өсті және ол облыс тұрғындарының өлім-жітімінің басты себебі болып табылады (жалпы өлім-жітім көр-

сеткішінің 13,2%). Өлім-жітімнің ең жоғарғы көрсеткіші экологиялық жағдайы өте қолайсыз Риддер, Зырян, Серебрянск және Шемонаиха қалаларында аймақішілік аумақтық саралау бар. Үйінділер мен полигондарда жинақталған улы қалдықтар, ауыл шаруашылығы алқаптарының мышьяк, ауыр металдар, радионуклидтер сияқты улы заттармен ластануы аймақтағы онсыз да қолайсыз экологиялық жағдайды ушықтыруда [10].

Кесте 3 – Жалпы өлім-жітім деңгейінің динамикасы шағын қалалар (1959-1989 ж. %).

Қалалар	1959	1969	1979	1989
Серебрянск	13,72	11,86	11,45	11,71
Шемонаиха	11,08	10,92	11,1	12,48
Шар	6,67	7,03	9,8	8,7
Курчатов	-	-	-	-

Соңғы кездері қызылша, қызамық сияқты жұқпалы аурулардың көбеюі шағын қалалардағы тұрғындардың денсаулық жағдайының нашарлауымен байланысты елеулі проблема болып табылады. Сонымен қатар, 2000-2006 жылдар аралығында туберкулездің белсенді түрімен ауыратындар саныда 23,3%-ға өсті. Әлемнің басқа бөліктерінде жүргізілген зерттеулер жұқпалы аурулардың таралуының өсуі мен экологиялық жағдай арасындағы байланысты көрсетеді. Бұл мәселе жағдайды болжау және шешу үшін қосымша зерттеуді қажет етеді.

Еңбекке қабілетті халықтың өлімін зерттеу жұмыс күші мен жұмыспен қамтылған халықтың құрамына әсер ететіндіктен маңызды. Соңғы жылдары еңбекке қабілетті халық арасында әртүрлі себептерден болатын өлім-жітім көрсеткіштері айтарлықтай өзгеріске ұшырады. Қан айналымы жүйесі аурулары мен жазатайым оқиғалардан, улалардан, жарақаттанудан болатын өлім-жітім жыл сайын құбылып отырды. Асқорыту жолдарының ауруларынан болатын өлім-жітім айтарлықтай өсті, ал қатерлі ісіктердің өлімі жыл сайын төмендеді. Соңғы жылдары

жұқпалы аурулардан болатын өлім-жітім деңгейі де төмендеді, бірақ 2002 және 2004 жылдары шамалы өсу байқалды. Сонымен қатар, еңбекке қабілетті жастағы табиғи емес себептерден қайтыс болған ерлердің үлесі әйелдерге қарағанда әлдеқайда жоғары.

Нәресте өлімі халықтың жалпы өлім көрсеткішіне әсер етті. Уақыт өте келенәресте өлімінің себептері мен заңдылықтары өзгерді. 1950 жылдардың аяғында дизентерия, сепсис, скарлатина және дифтерия сияқты аурулардан нәрестелердің көбі қайтыс болды.

Ұсынылған ақпарат шағын қалалардағы, әсіресе өнекәсіптік-дамыған қалалардағы, сонда-ақ тұтастай алғанда аймақтағы өлім-жітім жағдайы алаңдаушылық туғызатынын және шұғыл назар аударуды қажет ететінін көрсетеді. Осы мәселені шешуге бағытталған республикалық деңгейде де, жергілікті деңгейде де іске асырылып жатқан қолданыстағы бағдарламалар экологиялық жағдайды тұрақтандыру және медициналық көмекке қолжетімділікті жақсарту тұрғысынан қажетті нәтиже бермеді. Бұл тұрғыда аймақтың экономикалық әлеуеті қоршаған ортаның ластануы мен медициналық қызмет көрсетудің жеткіліксіздігінен туындаған қиындықтарға қарамастан тұрақты әлеуметтік-экономикалық дамуға қол жеткізудің негізгі факторы ретінде қарастырылады. Осы салалардағы халықтың денсаулығымен әл-ауқатын жақсарту үшін экономикалық, экологиялық және әлеуметтік факторлардың кешенді өзара әрекетін тиімді шешімдерді табу маңызды.

Одан кейінгі кезеңде облыста табиғи өсімнің төмендеуі байқалды, бұл негізінен туу көрсеткішінің төмендеуіне байланысты. Өлім-жітімнің жоғары деңгейі, әсіресе өндірісі дамыған шағын қалалар мен экологиялық жағдайлары қолайсыз аудандардағы халықтың табиғи өсуіне де кері әсерін тигізді. Экологиялық жағдайды жақсартуға, денсаулық сақтау жүйесін тұрақтандыруға, өңірдің экономикалық әлеуетін дамытуға бағытталған бағдарламаларды іске асыру сияқты жағдайды жақсарту бойынша мемлекеттік және жергілікті деңгейде

қабылданған кейбір шараларға қарамастан, әлі күнге дейін практикалық нәтижелерге қол жеткізілген жоқ. Сондықтан демографиялық даму мәселелеріне алдағы уақытта да жіті көңіл бөліп, жағдайды жақсартудың тиімді шараларын жүзеге асыру қажет. 1949 жылмен салыстырғанда механикалық өсім екі есе өсті, бұл ретте, көшіп-қонушылардың негізгі бөлігі өнеркәсібі дамыған қалалар бағытында қоныс аударды. Шығыс қазақстан облысында қалалар халқының механикалық өсімі 1950 жылы Ресей аудандарынан көшіп-қонушылар санының көптеп келуіне байланысты екі есеге жуық өсті. 1950 жылы Шығыс Қазақстан облысында қала халқының механикалық өсімі республиканың барлық облыстары арасында ең жоғары болды, ол 28,1%-ды құрады. Тек бір жылдың ішінде Лениногорскідегі халық саны 5,2 мың адамға, Зырянда – 5,4 мың адамға көбейді, облыстың ірі өнеркәсіптік кәсіпорындарының жанында орналасқан жұмысшы кенттерінде халық санының өсуі одан да көп болды. Мысалы, мырыш комбинатыжанындағы Первомайский кентінің халқы 1950 жылы 8 мың адамға көбейді. 1970-1990 жылдардағы Қазақстанның әлеуметтік-экономикалық дамуының ресми статистикалық көрсеткіштерін зерттеу бір қарағанда республика халқының тұрмыс жағдайы үнемі даму үстінде сияқты әсер қалдырады. Мысалы, 1970 жылғы өндірістегі ұлттық табыс 1960 жылмен салыстырғанда 214%-ды құраса, одан әрі бұл көрсеткіш 1985 жылғы 387%-ға дейін ұлғайды. Күрделі қаржылар мен негізгі қорларды іске қосу көрсеткіштері 1970 жылғы 190%-дан 1985 жылғы 327%-ға дейін өсті. Бұл кезең ішіндегі нақты өсім ресми деректер бойынша халықтың қоғамдық тұтыну қорларынан жан басына шаққанда алған төлемдері мен жеңілдіктерінде 208%-дан 388%-ға дейін, ал республика еңбекшілеріне көрсетілген тұрмыстық қызмет түрлерін жүзеге асыру 465%-дан 1985 жылы 14 есеге дейін болды. Іс жүзінде кейбір жекелеген «ойдағыдай көрсеткіштерге» қарамастан кеңестік қоғамдық жүйеге төніп келе жатқан дағдарыстың көзге көрінбес белгілері өнеркәсіп өндірісінің, қазақстандықтардың іс жүзіндегі тұрмыс дәрежесінің төмендеуінен (негізінен жан басына шаққандағы

экономикалық және әлеуметтік аралас көрсеткіштер тұрақты төмендеу тенденциясына ие болды), қоғамдағы әлеуметтік шиеленістің өсуінен, әлеуметтік-мәдени саланың тоқырауынан көрініс бере бастады. Әлеуметтік секторды «қалдықты қағида» бойынша қаржыландыру оны құрайтын барлық салалардағы, мейлі ол денсаулық сақтау, білім беру, мәдениет, зейнетпен қамтамасыз ету, т.б. болсын барлығында кері кетудің бүтіндей процестердің күшеюіне әкелді. Мысалы, егер 1970 жылы 108,7 мыңи оқушыға арналған 196 мектеп пайдалануға берілсе, 1985 жылы бұл көрсеткіштер 134 және 85 мыңға төмендеді. Осыған ұқсас қолайсыз процестер іске қосылған ауруханалар, амбулаториялық-емханалық мекемелердің санықыл өткен сайын азая түскен денсаулық сақтау саласын да қамтыды. 1973 жылғы 1 қаңтардағы деректер бойынша облыс емханалары 13 710 адамға арналған. Соған қарамастан ондағы емделетін орын саны Қазақ КСР-індегі және Кеңес Одағындағы орта көрсеткіштен көп төмен болды. Атап айтқанда республика бойынша әрбір 10 мың адамға 112,9 орыннан келді. Сол сияқты облыста емдеу орындары ғана емес, медицина қызметкерлері де жетіспеді. Әрбір 10 мың адамға шаққанда облыс бойынша медицина қызметкерлері 60%-ға ғана қамтамасыз етіліп, ауцылдық жерлерде бұдан да төмен 30,4% ғана болды.

1986 жылы пайдалануға берілген кинотеатрлардың саны 1970 жылмен салыстырғанда үштен бірге, клубтар мен мәдениет үйлерінің саны екі есеге қысқарды, мектеп жасына дейінгі балалар мекемелерінің жағдайы да мәз емес еді. Әлеуметтік-мәдени сала нысандарын іске қосудағы осындай қысқарту тенденциясы кейінгі жылдары бұдан бетеркүшейе түсті. Пайдаланылуға берілген нысандардың құрылыс нормаларын крескел бұзу арқылы сапасыз салынуымен де ерекшеленгенін атап өту қажет.

Республикадағы өсіп келе жатқан демографиялық процестердің аясында халықты оқу орындары, тұрғын үй, сауда, тұрмыстық қызмет көрсету мекемелерімен т.б. қамтамасыз етудегі үйлесімсіздік ұлғайып, ол адамдардың тұрмыс деңгейінің

төмендеуімен әлеуметтік шиеленістің өсуіне алып келді. Қоғамның негізгі мақсаты ретінде адамға деген қамқорлық көптеген құжаттарда ғана мәлімделіп, негізсіз рапорттар мен мадақтаулар тәпізді дақпырттық формалар күнделікті өмірге енді, ал нақты жағдай керісінше нәтижелер көрсетті. Көпшілік алдында жарияланған қоғамдық дамудың әлеуметтік бағытты партия мен үкіметтің нақты экономикалық саясатынан көрініс тапты.

Қорытындылай келе, 1990 жылдардың басында Қазақстанның экономикалық жағдайы кеңестік кезеңнен қордаланған мәселелердің салдарынан нашарлады. Өнеркәсіптік кәсіпорындардың жабылуы бүкіл елде, әсіресе еңбек нарығы тар шағын қалаларда жұмыссыздықтың жоғары деңгейіне әкелді. 1991-1995 жылдар аралығындағы орташа республикалық жұмыссыздық деңгейі 3,7-3,9% болғанымен, агроөнеркәсіптік қалалардағы жұмыссыздық деңгейі әлдеқайда жоғары болды, яғни 23,4-25,4% болды. Бұл салааралық ұтқырлықтың төмендігі, жұмыспен қамту және қайта даярлау жүйесінің дамымағандығы және еңбек нарығындағы мүмкіндіктердің шектеулігі сияқты факторларға байланысты болды, бұл ауылдық жерлердегі жұмыссыздықтың жоғары деңгейімен одан әрі шектелді. Көптеген көшірілген жұмысшылар осы шектеулерге байланысты жаңа жұмысқа орналаса алмады, бұл зардап шекке аудандарда тұрақты жұмыссыздыққа әкелді.

ӘДЕБИЕТТЕР:

1. История индустриализации Казахской ССР. – Алма-Ата, 1987. – Т.1. – 445 с; Казахская ССР. Административно-территориаль- ное деление. – Алма–Ата, 1989. – С. 63.
2. Рассчитано по материалам архивов ЗАГСов Восточного Казахстана. Оп. 1. – С.72.
3. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970. Казахская ССР. – М.: Госкомстат, 1974. – Т.1. – С.86.
4. Рассчитано по материалам архивов ЗАГСов Восточного Казахстана. Оп. 2. – С.41-79.

5. Текущий архив управления статистики ВКО. – Усть-Каменогорск: Управление статистики Восточно-Казахстанской области. – Усть- Каменогорск, 1990. – С.97.
6. Текущий архив управления статистики ВКО. – Усть–Каменогорск: Управление статистики Восточно-Казахстанской области, 1991. – С.112.
7. Демографический ежегодник ВКО за 2006 год. – Усть-Каменогорск: Управление статистики Восточно-Казахстанской области, 2007. – 130 с.
8. Текущий архив управления статистики ВКО. – Усть-Каменогорск: Управление статистики Восточно-Казахстанской области, 2007. – С.91.
9. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. Казахская ССР. – Москва: Госстатиздат, 1962. – 134 с.
10. Демографический ежегодник Казахстана. – Алматы: Госкомстат РК, 1996. – 142с. Концепция экологической безопасности Республики Казахстан на 2005–2015 гг. // Экологический курьер. 2004. – 29 января. – С.1, 142б.

Аубакирова Ж.С., Алексеенко А.Н., Краснобаева Н.Л., Столярова Э.О.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ КАЗАХСТАНА В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

(Статья выполнена в рамках грантового научного проекта AP19676895 «Казахи как демографический потенциал Казахстана: ретроспектива и перспективы развития», финансируемого Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан)

Аннотация

В статье показана проблема несоответствия динамики со-

циально-экономического развития Казахстана темпам демографического роста. Формулируется вывод о том, что демографический фактор находится вне контекста социально-экономического развития Казахстана. Постепенное взросление и социализация поколения «бэби-бума» XXI века приводит к появлению многих проблем: все более остро ощущается нехватка ученических мест в школах, количество рабочих мест в социально-экономической структуре явно не соответствует числу вступающей в трудоспособный возраст молодежи. Следствием неравномерного развития регионов становится неконтролируемая внутренняя миграции и концентрации населения в казахстанских мегаполисах, что существенно актуализирует проблемы безработицы.

Ключевые слова: Казахстан, демография, возрастно-половая структура, социально-экономическое развитие, рождаемость, безработица.

Abstract

The article shows the problem of the discrepancy between the dynamics of socio-economic development of Kazakhstan and the pace of demographic growth. The conclusion is formulated that the demographic factor is outside the context of the socio-economic development of Kazakhstan. The gradual maturation and socialization of the «baby boom» generation of the 21st century leads to the emergence of many problems, the shortage of student places in schools is becoming more acute, the number of jobs in the socio-economic structure clearly does not correspond to the number of young people entering working age. The consequence of the uneven development of the regions is uncontrolled internal migration and population concentration in Kazakhstan's megacities, which significantly actualizes the problems of unemployment.

Keywords: Kazakhstan, demography, age-sex structure, socio-economic development, fertility, unemployment.

Проблема демографического развития Казахстана в течение длительного времени рассматривалась с количественной точки зрения. Демографическая политика РК была направлена на увеличение численности населения. Причины виделись в несоответствии большой территории и немногочисленности населения, в первую очередь казахского. Данное соотношение актуализировало сюжет о миграционной безопасности. Особую тревогу вызывали миграционные процессы казахстанско-китайского приграничья. При этом большинство «тревожных сюжетов» транслировались в общественное сознание СМИ. Научные исследования, подтверждающие наличие «китайской угрозы», практически отсутствовали. Более того, в трудах Кожировой С. Б. [1], Сыроежкина К.Л. [2], Садовской Е. Ю. [3], профессионально занимающихся данной темой, факт «угрозы» убедительно опровергается.

В то же время подход к изучению демографических процессов в контексте экономической безопасности территории, старения населения, развития трудовых ресурсов можно увидеть в работах ряда зарубежных авторов (Walker A. [4], Clements B., Dybczak K., Gaspar V., et al [5], Rocha R. [6], Pham T.N. [7], Malkinson R., Bar-Tur L. [8], Iparraguirre J.L. [9] и др.).

Внутриказахстанские проблемы, ставшие следствием особенностей демографического развития, освещаются в основном в трудах казахстанских ученых. Так, некоторые аспекты демографической безопасности рассматриваются Кырыкпаевой Э. О. [10], правовая оценка миграционных статусов в Казахстане представлена в монографии Григоричева К. В. и Зимовиной Е.П. [11]. Вопросы демографического развития и безопасности поднимаются в трудах Аубакировой Ж. С. [12]. В коллективной монографии рассмотрены социально-демографические риски и угрозы в региональном разрезе [13]. Попытка увидеть закономерности рождаемости в контексте урбанизации предпринята в двухтомной монографии, посвященной проблеме модернизации рождаемости в Казахстане [14].

В то же время, проблема несоответствия темпов роста численности населения и динамики социально-экономических яв-

лений фактически остались вне поля зрения исследователей и поднимается в основных в СМИ, причем довольно остро. Обращают на себя внимание такие заголовки статей: «Бум рождаемости приводит к бунту молодежи. Выберет ли молодежь в 2029 году «нужного» президента?»; «Почему в Казахстане такая высокая рождаемость?»; «Высокая рождаемость может стать главной проблемой Казахстана»; «Всемирный банк предрекает безработицу миллиона казахстанцев»; «Спасение или угроза: чем обернется Казахстану высокая рождаемость» и т. д. Настоящая статья представляет собой научную постановку вопроса о дисгармоничном развитии социально-экономических и демографических процессов.

В статье использованы статистические данные и демографические методы их анализа. Статистической основой послужили сведения переписей населения 1989 и 2021 гг., материалы Демографических ежегодников Казахстана.

В 1990-е – начале 2000-х годов демографическая система Казахстана существенно зависела от внешних факторов, межгосударственные миграции во многом определяли динамику численности населения, показатели естественного прироста. Автохтонный компонент был слишком невелик, чтобы оказывать серьезное влияние на конечные показатели. Контуры демографической системы на эндогенной этнической основе довольно четко обозначились лишь во второе десятилетие XXI века, когда казахи стали доминирующим этносом в демографической структуре населения, в том числе и городского. Динамику изменений этнодемографической ситуации демонстрирует сравнение данных последней советской переписи населения 1989 г. и национальной переписи населения Республики Казахстан 2021 г. (таблица 1).

Таблица 1 – Численность и этнический состав населения Казахстана по данным переписей населения 1989 и 2021 гг. (тыс. человек).

этносы	1989		2021		2021 к 1989 (%)
	Числ-ть	%	Числ-ть	%	
все население	**16464,5**	**100**	**19186,0**	**100**	**116,5**
городское	8751,1	100	11741,3	100	134,2
сельское	7713,4	100	7444,7	100	96,5
казахи	**6534,6**	**39,7**	**13497,9**	**70,4**	**206,6**
городское	2331,4	26,6	7862,5	67,0	337,2
сельское	4203,2	54,5	5635,4	75,7	134,1
русские	**6227,5**	**37,8**	**2981,9**	**15,5**	**47,9**
городское	4613,1	52,7	2278,8	19,4	49,4
сельское	1614,4	20,9	703,1	9,4	43,6
другие этносы	**3702,4**	**22,5**	**2706,2**	**14,1**	**73,1**
городское	1806,6	20,6	1600,0	13,6	88,6
сельское	1895,8	24,6	1106,2	14,9	58,4

Источник: Статистический сборник по отдельным показателям Всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. Алма-Ата, 1991 с. 7–9; Национальный состав, вероисповедание и владение языками в Республике Казахстан. Итоги национальной переписи населения 2021 г. в Республике Казахстан. Астана, 2023. Агентство по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. С. 5–20.

Как видно из данных таблицы 1, в конце XX – начале XXI вв. произошло кардинальное изменение этнического состава населения Казахстана. В первую очередь это касается двух наиболее многочисленных этносов республики – казахов и русских. В 1989–2021 гг. численность казахов увеличилась в 2,06 раза и составила 70,4% населения (в 1989 г. – 39,7%). Численность русских сократилась в 2,09 раза, удельный вес в составе населения уменьшился с 37,8% в 1989 г. до 15,5% в 2021 г. Значительно изменилась и этническая структура городского населения. В 1989–2021 гг. численность городских казахов увеличилась в

3,37 раза, в течение короткого времени они стали городским этносом, - в 1989 г. в городах проживали 35,7% представителей этноса, в 2021 г. – 58,2%. Динамика численности казахов в городах в 7 раз превышала темпы роста в сельской местности (см. таблицу 1). Таким образом, сложившаяся этнодемографическая структура в состоянии формировать тенденции демографического развития в среднесрочной перспективе, о чем свидетельствует возрастно-половая структура населения (таблица 2).

Таблица 2 – Возрастная структура населения Казахстана по данным переписи населения 2021 г.

воз-раст	все население		казахи		русские		другие этносы	
	Ч-ть	%	Ч-ть	%	Ч-ть	%	Ч-ть	%
Все нас-е	19186,0	100	13497,9	70,4	2981,9	15,5	2706,2	14,1
0-4	1991,3	100	1591,9	79,9	160,3	8,0	240,0	12,1
5-9	1914,3	100	1507,0	78,7	176,2	9,2	231,1	12,1
10-14	1738,8	100	1399,1	80,5	154,7	8,9	185,0	10,6
15-19	1294,9	100	958,3	74,0	162,1	12,5	174,5	13,5
20-24	1113,9	100	819,3	73,5	139,0	12,5	155,6	14,0
25-29	1360,4	100	1015,0	74,6	166,0	12,2	179,4	13,2
30-34	1556,3	100	1095,3	70,4	243,5	15,6	217,5	14,0
35-39	1405,8	100	946,3	67,3	250,5	17,8	209,0	14,9
40-44	1215,7	100	810,1	66,6	225,5	18,5	180,1	14,9
45-49	1124,0	100	749,4	66,7	209,8	18,7	164,8	14,6
50-54	1019,4	100	694,6	68,1	171,7	16,8	153,1	15,1
55-59	994,0	100	650,8	65,5	183,1	18,4	160,1	16,1
60-64	890,7	100	518,4	58,2	220,7	24,8	151,6	17,0
65-69	635,8	100	329,2	51,8	191,6	30,1	115,0	18,1
70 +	930,7	100	413,8	44,5	327,0	35,1	189,9	20,4

Источник: Национальный состав, вероисповедание и владение языками в РК. Итоги Национальной переписи 2021 г. в РК. Астана, 2023. - С. 31–37.

Как видно из данных таблицы 2, в возрастных группах, определяющих процессы рождаемости (20–39 лет) доминируют

представители казахского этноса. В перспективе это доминирование будет выражено еще более явно, достаточно посмотреть на этнический состав возрастных групп младше 20 лет. «Советское» наследие наблюдается только в старших возрастных группах, но и здесь уже казахов большинство. Таким образом, демографическая система функционирует на автохтонной основе, процессы рождаемости, смертности, естественного прироста, возрастно-половую структуру определяют казахи. И если в советское время модернизация была связана с внешним влиянием, то теперь ее характер определяется внутренними факторами.

Особенность современной демографической структуры в том, что значительная часть казахов сегодня – городские жители. Классический вариант урбанизации предполагает растворение или радикальную трансформацию традиционных семейных ценностей в городах, снижение рождаемости. Ускоренная же урбанизация в Казахстане привела к тому, что традиционные демографические установки переносятся на новое место жительства и активно в них реализуются, не подвергаясь значимым изменениям. С начала XXI века уровень рождаемости остается высоким. Суммарный коэффициент рождаемости в 2021 г. составил 3,32, при этом в городах – 3,08 [15]. Молодая возрастная структура казахов предполагает высокие темпы демографического роста, способные оказать влияние на социально-экономические процессы. Выделим наиболее проблемные варианты такого влияния.

Таблица 3 – Возрастная структура городского и сельского населения Казахстана в 2019–2023 гг. тыс. человек.

Воз-раст	2019			2023			2023 к 2019 (%)		
	Все насел.	В том числе		Все насел	В том числе		Все насел	В том числе	
		город.	сельск.		город.	сельск.		город.	сельск.
Всего	18395,7	10698,2	7697,5	19766,8	12209,9	7556,9	107,4	114,1	98,2
0-4	1962,9	1127,3	835,6	2059,0	1300,0	759,0	104,9	115,3	90,8
5-9	1821,3	1016,7	804,6	1953,6	1144,9	808,7	107,3	112,6	100,5

Продолжение таблица №3									
10-14	1465,6	758,9	706,7	1822,9	1035,7	787,2	124,4	136,5	111,4
15-19	1133,9	594,2	539,7	1422,1	825,9	596,2	125,4	139,0	110,5
20-24	1221,1	687,6	533,5	1123,4	703,5	419,9	92,0	170,8	78,7
25-29	1538,0	974,9	563,1	1286,9	821,5	465,4	83,7	84,3	82,6
30-34	1570,0	980,7	589,3	1534,5	1007,8	526,7	97,7	102,8	89,4
35-39	1294,2	782,8	511,4	1498,2	977,0	521,2	115,8	124,8	101,9
40-44	1164,4	685,4	479,0	1258,3	790,1	468,2	108,1	115,3	97,7
45-49	1079,8	632,3	447,5	1160,5	709,5	451,0	107,5	112,2	100,8
50-54	1003,0	579,9	423,1	1046,8	634,0	412,8	104,4	109,3	97,6
55-59	1000,0	584,5	415,5	984,5	592,8	391,7	98,4	101,4	94,3
60-64	763,8	452,9	310,9	937,5	578,5	359,0	122,7	127,7	115,5
65+	1377,8	839,9	537,9	1678,6	1088,8	589,8	121,8	129,6	109,6

Расчитано: Казахстан в 2022 году. Статистический ежегодник. На казахском и русском языках. Агентство по стратегическому планированию и реформам РК. Бюро национальной статистики. Астана, 2023. – С. 16–18.

Эволюции возрастной структуры быстро меняют соотношение возрастных групп населения. Растет число детей школьного возраста (условно 5–19 лет). В 2023 г. по сравнению с 2019 г. их стало больше на 17,6 % (4420,8 тыс. в 2019 г. и 5198,6 тыс. в 2023 г.). Динамика строительства школ не соответствует таким темпам. Так, в 2015–2021 гг. число детей школьного возраста увеличилось на 905 тысяч, а количество мест в школах лишь на 313 тысяч (34,6%). Наибольшее несоответствие роста числа школьников и количества новых ученических мест наблюдается в г. Алматы - 112,9 тыс. и 18,1 тыс. (16,1%) и г. Астана – 114,7 тыс. и 27,6 тыс. (24,1%) [16]. Все более остро ощущается нехватка учителей - в 2024 г. в сфере образования зафиксировано 364 тыс. вакансий [17].

Еще более явно обозначилась проблема возможной безработицы, в первую очередь молодежной. Проблема поиска работы актуальна уже сейчас, хотя в 2023 г. по сравнению с 2019 г. число лиц, претендующих на рабочие места (в первую очередь это молодежь в возрасте 20–29 лет), сократилось на 348,8 тыс.

человек или на 12,7% (с 2759,1 до 2410,3 тыс.). Несмотря на то, что претендентов на рабочие места стало гораздо меньше, это не привело к снижению остроты проблемы. Имеются все основания предполагать, что вскоре она станет еще более актуальной. В активный трудоспособный возраст начнут вступать, и уже вступают, представители возрастной группы 10–19 лет в 2023 г. Во всяком случае, в 2023 г. 10–19-летних было на 834,7 тыс. человек больше (на 34,6%), чем 20–29-летних. Во второй половине 2020-х – начале 2030-х гг. большинство из их будет находиться в возрастной группе 20–29 лет, наиболее активно претендующей на рабочие места. Необходимо выяснить и оценить, какие условия созданы в государстве для того, чтобы эффективно распорядиться растущим демографическим потенциалом.

Судя по всему, демографический фактор недостаточно учитывается при разработке социально-экономической стратегии. Так, согласно стратегии территориально-пространственного развития Казахстана, до 2030 г., территориально-пространственные изменения направлены на повышение экономической и демографической плотности за счет концентрации населения, трудовых, финансовых и производственных ресурсов в точках роста – агломерациях и крупных городах [18]. Предполагается стимулирование трудовой мобильности населения, прежде всего сельского, перемещение его в перспективные точки роста. Таким образом, программа направлена на интенсификацию урбанизации, так как практически все «перспективные точки роста» находятся в городах. Как следствие, в первом полугодии 2024 г. сменили место жительства 688,4 тыс. человек, что на 73% превышает показатели первого полугодия 2023 г. При этом поток внутренних мигрантов направлен в одни и те же регионы уже многие годы: положительное сальдо миграции наблюдается лишь в Астане, Шымкенте, Алматы и Алматинской области. Во всех других регионах число выезжающих превышает число прибывающих [19].

С учетом того, что самые низкие в Казахстане номинальные

доходы на душу населения приходятся на сельскую местность с традиционно молодой возрастной структурой, перемещение молодежи в города станет еще более массовым явлением. При этом самые низкие темпы валового регионального продукта наблюдаются в наиболее многочисленных и «молодых» южных областях Казахстана [20]. Масштабы перемещения сельской молодежи в города можно определить с помощью метода передвижки возрастных групп, примененного к данным, представленным в таблицы 2. Так, возрастная группа сельского населения от 10 до 24 лет в 2019 г. трансформировалась в 2023 г. в возрастную группу 15–29 лет. По мере движения от возраста 10–24 года к возрасту 15–29 лет эта когорта сократилась на 298,4 тыс. человек, так как большинство ее представителей переместились в города, - численность городского населения в этих же возрастных границах увеличилась на 310,2 тыс. человек.

Концентрация населения в крупных городах уже вызывает вопросы. По мнению казахстанских экономистов, в рамках действующей экономической модели, делающей ставку на рабочие места в городах, половина населения не нужна [21], при этом курс на цифровизацию экономики подразумевает сокращение десятков тысяч рабочих мест. По мнению Президента Республики Казахстан К-Ж. Токаева, большая численность населения городов сегодня стала не гордостью, а проблемой, в стране требуется строго контролировать внутреннюю миграцию [22].

Актуальность этого мнения подтверждается данными таблицы 4. Как видно из таблицы, в 1989–2021 гг. рост населения на 68,4% определяли города Астана (35,0%) и Алматы (33,4%). При этом численность населения в северном, восточном и центральном регионах сократилась на 27,8%. Плотность населения в 2021 г. составила здесь 4,4 человека на 1 км. кв., тогда как в 1989 г. – 6,1 человек. И если в 1989 г. удельный вес населения регионов в населении Казахстана составлял 47,1%, то в 2021 г. - 29,2%.

Таблица 4 – Численность населения регионов Казахстана по данным переписей 1989 и 2021 гг., тыс. человек.

Экономические районы	1989		2021		2021 к 1989 (%)
	числ-ть	%	числ-ть	%	
Казахстан	16464,5	100	19186,0	100	116,5
Южный	5195,5	31,6	7327,2	38,2	141,0
Западный	2111,1	12,8	2990,4	15,6	141,6
Северный	4148,4	25,2	2914,1	15,2	70,2
Центральный	1841,2	11,2	1348.5	7,0	73,2
Восточный	1765,7	10,7	1341.3	7,0	76,0
Алматы	1121,4	6,8	2030,5	10,6	181.1
Астана	281.2	1,7	1234,0	6.4	439,1

Источник: Статистический сборник по отдельным показателям Всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. Алма-Ата, 1991. с. 7–9; Национальный состав, вероисповедание и владение языками в РК. Итоги Национальной переписи населения 2021 г. в РК. Агентство по стратегическому планированию и реформам РК. Астана, 2023.www.stat.gov.kz

В 1990-е годы суть процесса регионального расселения и численносго соотношения этнических групп во многом определяла эмиграция нетитульного населения. Постепенно влияние фактора внешней миграции на демографические процессы уменьшалось, но ситуация изменилась незначительно, так как в 1989–2021 гг. численность казахского населения на севере республики увеличилась лишь на 30,8% (0,96 % в год), тогда как в 1959–1989 гг. – на 126,8% (4,23% в год). То есть темпы роста казахского населения в «русскоязычном» регионе в советский период были в 4,4 раза выше, чем в суверенное время [23].

Таблица 5 – Численность населения регионов Казахстана в 2019–2023 гг.

Экономические районы	2019		2023		2023 к 2019 (%)
	числ-ть	%	числ-ть	%	
Казахстан	18395,6	100	19766,8	100	107,4
Южный	5942,7	32,3	6375,9	32,3	107,3
Западный	2833,2	15,4	3254,3	16,5	114,9
Северный	2919,8	15,9	2731,5	13,8	93,5
Центральный	1378,5	7,5	1356,3	6,9	98,4
Восточный	1378,5	7,5	1340,4	6,8	97,2
Шымкент	1009,9	5,5	1192,1	6,0	118,0
Алматы	1854,6	10,1	2161,8	10,9	116,6
Астана	1078,4	5,9	1354,5	6,9	125,6

Источник: Численность населения Республики Казахстан. Агентство по стратегическому планированию и реформам РК, Бюро национальной статистики. Астана, 2024

Существенный рост численности населения в 2019–2023 гг. по-прежнему наблюдается в южном Казахстане, Шымкенте, Алматы и Астане. Численность населения в северном, восточном и центральном Казахстане продолжает сокращаться. Суть проблемы, на наш взгляд, переместилась из этнической плоскости в социально-экономическую. Попытки нейтрализовать региональную диспропорцию за счет переселения казахов из «трудоизбыточных» юго-западных областей в «трудонедостаточные» не дали ожидаемых результатов. Социально-экономические, социокультурные реалии «трудонедостаточных» регионов Казахстана не устроили многих жителей юга республики, предпринявших попытку переселения, а предлагаемые государственными программами преференции оказались недостаточно привлекательными.

Таким образом, программа ликвидации малых сельских населенных пунктов, растущая урбанизация и концентрация населения в немногочисленных городах нейтрализуют тезис о

необходимости роста рождаемости, повышения численности населения с целью заполнения слабозаселенных территорий. Угроза потери контроля над территорией, в том числе и в приграничных регионах, становится все более явной.

В настоящее время динамику численности населения определяют процессы воспроизводства. Особенность новой тенденции в том, что быстрых результатов, какие дает миграция, здесь добиться сложно. В то же время, инерция последствий воспроизводства, проявляющаяся, в основном, в эволюциях возрастно-половой структуры населения гораздо более длительная и ее влияние на социально-экономические процессы осознается далеко не сразу. Тем не менее, становится все более ясно, что демографическая составляющая недостаточно учтена в программах государственного развития, она часто рассматривается вне социально-экономического контекста. Векторы демографического и социально-экономического развития все еще далеки друг от друга. Необходим поиск новых подходов, позволяющих адекватно оценить и выработать эффективные меры по гармонизации сложившихся социально-экономической и демографической ситуаций с учетом трендов их дальнейшего развития.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Кожирова С.Б. Китайская миграция в Казахстане: реальность и проблемы. – Вестник Евразийского гуманитарного института. 2006, № 3. – С. 25–32; Китайская миграция и проблемы безопасности Республики Казахстан. – Материалы Международной конференции «Модернизация системы государственного управления в РК: основные приоритеты и механизмы реализации». Астана. 2006. – С. 29–38; Кожирова С.Б. Китайская миграция как фактор национальной безопасности Республики Казахстан. – Материалы республиканской научно-практической конференции «Непрерывное профессиональное образование в условиях дистанционной и кредитной технологии обучения». Караганда. – 2008. – Т. 1. – С. 124–128.

2. Сыроежкин К.Л. Нужно ли Казахстану бояться Китая: мифы и фобии двусторонних отношений. Астана - Алматы. – 2014.
3. Садовская Е. Ю. Китайская миграция в Республику Казахстан: традиции Шелкового пути и новые векторы сотрудничества. – Алматы. 2014.
4. Walker A. Population Ageing from a Global and Theoretical Perspective: European Lessons on Active Ageing // AgeFriendly Cities and Communities in International Comparison. International Perspectives on Aging / T. Moulaert, S. Garon (eds). Cham: Springer, 2016. P. 47–64. DOI: doi.org/10.1007/978–3-319–24031–2_4.
5. The Fiscal Consequences of Shrinking and Ageing Populations / B. Clements, K. Dybczak, V. Gaspar, et al // Ageing International. 2018. No. 43. P. 391–414. DOI: doi.org/10.1007/s12126–017–9306–6.
6. Rocha R. Aging, productivity and wages: Is an aging workforce a burden to firms? // Espacios. 2017. No. 38. P. 21–33.
7. Pham T.N., Vo D.H. Aging Population and Economic Growth in Developing Countries: A Quantile Regression Approach // Emerging Markets Finance and Trade. 2019. 57(1), 108–122. DOI: doi.org/10.1080/1540496X.2019.1698418
8. Malkinson R., Bar-Tur L. REBT with Ageing Populations // REBT with Diverse Client Problems and Populations / Dryden W., Bernard M. (eds.). Cham : Springer, 2019. P. 341–358. DOI: doi.org/10.1007/978–3-030–02723–0_17
9. Iparraguirre J.L. Ageing and Economic Growth and Development // Economics and Ageing. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. DOI: doi.org/10.1007/978–3-030–29019–1_8.
10. Кырыкбаева Э.О. Демографические и миграционные угрозы для национальной безопасности Казахстана. URL: http://конференция.com.ua/files/image/konf%2010/konf%2010_1_11.pdf.
11. Григоричев К.В., Зимовина Е.П. Беженцы и вынужденные мигранты: международные правовые документы и законодательство Республики Казахстан. Караганда. – 2004.
12. Аубакирова Ж.С. Демографическое развитие и безопасность Казахстана (2000 – 2015 гг.): SWOT– анализ. – Вестник НАН РК. – 2016. – № 3. – С. 79–88; Анализ демографической безопасности Казахстана: потенциал, риски и угрозы. – Отан тарихы. – 2016. – № 2 (74). – С. 80–88.
13. Аубакирова Ж. С., Алексеенко А.Н., Столярова Э.О., Краснобаева Н.Л., Омірзак Т.Е. Демографическая безопасность Казахстана: потенциал, риски и перспективы. Усть-Каменогорск. – 2022.
14. Аубакирова Ж. С., Столярова Э. О., Сарсембаева Г.А., Краснобаева Н.Л., Алексеенко А.Н. Модернизация рождаемости в Казахстане. В двух томах. Алматы: ОО «Общество инвалидов «МЕЙРІМДІ ЕЛ». – 2023.
15. Демографический ежегодник Казахстана. Бюро Национальной статистики по стратегическому планированию и реформам РК. Гл. ред. Шаймарданов Ж. Н. Нур-Султан. – 2022. – С. 115.
16. Асылбеков Ж. Почему защитники казахского языка ополчились на смешанные школы? // SPIK.KZ //2024. 10 сентября.
17. ZAKON.KZ // 2024. 12 сентября
18. Прогнозная схема территориально-пространственного развития страны до 2020 года. Указ Президента Республики Казахстан от 21 июля 2011 года № 118. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1100000118; О проекте Указа Президента Республики Казахстан «Об утверждении прогнозной схемы территориально-пространственного развития страны до 2030 года». Постановление Правительства Республики Казахстан от 23 августа 2019 года № 652. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1900000625.
19. Талапулы А. Прочь из аулов? Какие опасности таит в себе внутренняя миграция в Казахстане // Караван. 2024. 13 августа.
20. Маханов Б. на пути к «удвоению ВВП»: какие регионы тянут Казахстан назад? // SPIK.KZ.2024. 9 сентября.
21. Индустриализация по-казахстански: минус 28 процентов за двадцать лет. – Exclusive. kz. 2021, 9 февраля; ИВАНОВ Р. Половине населения в нынешней экономической модели нет места. – 365 инфо. 2020, 19 ноября.
22. Вааль Т. Большая численность населения городов не гор-

дость, а проблема. – Власть. 2019, 8 октября.
23. Статистический сборник по отдельным показателям Всесоюзных переписей населения 1929, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. Алма-Ата, 1991. – С. 7–9; Национальный состав, вероисповедание и владение языками в РК. Итоги Национальной переписи населения 2021 г. в РК. Агентство по стратегическому планированию и реформам РК, Бюро Национальной статистики. Астана, 2023. – С. 31–37.

Әбдірашит Н.Н.

1991-1999 ЖЫЛДАРДАҒЫ ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ НЕКЕ ЖӘНЕ АЖЫРАСУ ЖАҒДАЙЫ

Аннотация

Мақалада Қазақстандағы неке және ажырасу мәселелері бойынша зерттелген ақпараттар ұсынылған. 1991-1999 жылдар аралығындағы кезеңде жүргізілген статистикалық көрсеткіштер пайдаланылды. Сонымен бірге демографиялық статистикада халықтың табиғи қозғалысында некелесу мен ажырасу көрсеткіштері маңызды екені көрсетілген. Белгіленген жылдар аралығында Қазақстандағы некелесу мен ажырасу деңгейінің азаю себептері қарастырылған. 1991-1999 жылдар аралығында Қазақстанда неке және ажырасу жағдайы едәуір өзгерістерге ұшыраған. Бұл кезең Кеңес Одағының ыдырауынан кейінгі өтпелі кезеңге сәйкес келді, сондықтан әлеуметтік және экономикалық өзгерістер азаматтардың өміріне айтарлықтай әсер етті. Эмиграция, урбанизация және басқа да демографиялық үрдістер некелер мен ажырасулар санының төмендеуіне алып келді.

Кілт сөздер: неке, ажырасу, экономика, бала туу, отбасы, ерлер мен әйелдер.

Abstract

The article presents the studied information on marriage and divorce in Kazakhstan. Statistical indicators conducted in the period from 1991 to 1999 were used. At the same time, demographic statistics show that the rates of marriages and divorces are significant in the natural movement of the population. The reasons for the decrease in the level of marriages and divorces in Kazakhstan over the years are considered. In the period from 1991 to 1999, there were significant changes in the state of marriage and divorce in Kazakhstan. This period coincided with the transition period after the collapse of the Soviet Union, so social and economic changes had a significant impact on the lives of citizens. Emigration, urbanization and other demographic trends have led to a decrease in the number of marriages and divorces.

Keywords: marriage, divorce, economy, childbirth, family, men and women.

Барлық кезеңде отбасы мен неке мәселесі қоғамды да, мемлекетті де толғандырды. Отбасы әлеуметтік институттың бір бөлшегі ретінде, қоғамның маңызды бөлігін құрайтыны белгілі. Халық санының динамикасына негізгі екі фактор-табиғи өсім(-кему) мен миграция үрдістері ықпалын тигізеді. Сонымен бірге демографиялық статистикада халықтың табиғи қозғалысына некелесу мен ажырасу көрсеткіштері де жаткызылады. Оның басты себептерінің бірі олардың табиғи козғалыс үрдістеріне тигізетін ықпалына да байланысты.

1991 жылға дейін Кеңес Одағының құрамына кірген Орталық Азия елдері жоспарлы экономикадан нарықтық экономикаға экономикалық көшуді жүзеге асырды. Кеңес Одағының құрамында болған Қазақстанда белгілі бір дәрежеде қиын жағдайда қалды. Кеңестік өнеркәсіпке арналған ауылшаруашылық өнімдері мен шикізаттарын өндірушілер ретінде Одақтағы кедей елдердің бірі болды. 1991 жылы Кеңес Одағының ыдырауы қатты соққы берді. Бұрынғы Кеңес Одағының қалған елдерімен экономикалық байланыстардың үзілуі гиперинфляцияға және өнеркәсіптік және ауылшаруашылық өндірісінің күрт төмендеуіне әкелді, бұл өз кезегінде 1990 жылдары кедейлік пен теңсіздік-

тің күрт өсуіне алып келді. Нарыққа бағдарлану бағытындағы құрылымдық өзгерістер әлеуметтік және экономикалық факторларға байланысты демографиялық өзгерістерді тудырды. Мысалы, Қазақстанда тұрақты жұмыспен қамтудың болмауы және жұмыссыздардың көп болуы (әсіресе жастар арасында) неке деңгейінің төмендеуіне әкелді, бұл өз кезегінде туу деңгейінің төмендеуіне әкелді.

Жалпы туу коэффициенті 1989 жылы 1000 тұрғынға шаққанда 23,1 туылғаннан 1997 жылы 14,8-ге дейін төмендеді [1, 3 б.]. Бұл неке мен туудың төмендеуі басқа бұрынғы кеңестік республикаларда да байқалды, бірақ Қазақстанда төмендеу өте маңызды болды. Сонымен қатар, тәуелсіздік алғаннан кейінгі экономикалық проблемалар мен саяси тұрақсыздықтар да өз әсерін тигізді.

1991-1999 жылдар аралығында Қазақстанда некелесу деңгейінің азаюы бірнеше негізгі себептерге байланысты болды:

1. Экономикалық қиындықтар. Кеңес Одағының ыдырауы мен тәуелсіздіктің алғашқы жылдары Қазақстанда экономикалық тұрақсыздық пен дағдарыс кезеңі болды. Жұмыссыздықтың өсуі, инфляция, табыстардың төмендеуі және өмір сүру жағдайларының нашарлауы жастардың отбасын құруға деген сенімін азайтты. Экономикалық жағдайдың нашарлауы некеге тұруға деген материалдық мүмкіндіктерді де шектеді.

2. Әлеуметтік тұрақсыздық. Өтпелі кезеңдегі әлеуметтік тұрақсыздық, жаңа әлеуметтік және мәдени нормалардың қалыптасуы қоғамдағы көптеген салт-дәстүрлер мен құндылықтардың өзгеруіне алып келді. Бұл жағдай некеге деген көзқарастың өзгеруіне және жастардың отбасын құруға қатысты шешімдеріне әсер етті.

3. Демографиялық өзгерістер. 1990-шы жылдары халықтың миграциясы мен урбанизациясы да некелесу деңгейіне әсер етті. Көптеген адамдар экономикалық және әлеуметтік жағдайларын жақсарту үшін қалаларға көше бастады, бұл некелесу деңгейінің төмендеуіне алып келді.

4. Білім және мансап. Бұл кезеңде білім алу мен мансапқа

деген қызығушылық та өсе түсті. Көптеген жастар білім алу мен жұмысқа орналасуға көбірек көңіл бөлді, бұл некелесу жасын кейінге қалдыруға себеп болды.

5. Әлеуметтік институттардың өзгеруі. Кеңес Одағы кезінде мемлекет отбасылық өмірді қолдады және некеге тұруға ынталандырды. Тәуелсіздік алғаннан кейін бұл институттар өзгерді, жаңа әлеуметтік және құқықтық нормалар енгізілді, бұл да некелесу деңгейіне әсер етті.

6. Психологиялық факторлар. Экономикалық және әлеуметтік өзгерістердің әсерінен адамдардың психологиялық күйзелістері де көбейді. Тұрақсыздық, белгісіздік және болашаққа деген сенімсіздік көптеген адамдарды неке қиюдан сақтануға итермеледі.

Осындай өтпелі әрі тұрақсыз кезеңге сәйкес ажырасу жағдайы да күрделі және көпқырлы болды. Бұл кезең Кеңес Одағының ыдырауы, тәуелсіздіктің алынуы және экономикалық өтпелі кезеңмен сипатталғандықтан, осы жағдайлар ажырасу деңгейінің өсуіне және отбасылық тұрақтылықтың төмендеуіне әсер етті.

Негізгі факторларды бірнеше салаға бөліп қарастырар болсақ:

1.Экономикалық қиындықтар. Экономикалық дағдарыс, жұмыссыздық және инфляция сияқты мәселелер отбасы ішіндегі кикілжіңдер мен қиындықтардың көбеюіне әкелді. Қаржылық тұрақсыздық ажырасудың негізгі себептерінің бірі болды.

2. Әлеуметтік өзгерістер. Кеңес Одағының ыдырауы мен жаңа әлеуметтік құрылымдардың қалыптасуы адамдардың өмір салты мен құндылықтарын өзгерте бастады. Бұл өзгерістер отбасылық қарым-қатынастарға да әсер етті. Жаңа әлеуметтік және мәдени нормалар ажырасудың жиілеуіне ықпал етті.

3. Құқықтық өзгерістер. Тәуелсіздік алғаннан кейін Қазақстанда отбасылық құқықтар мен ажырасу рәсімдеріне қатысты заңдар өзгерді. Бұл өзгерістер ажырасу рәсімін жеңілдетті және адамдарға өз құқықтарын қорғауға мүмкіндік берді.

4. Қоғамдық сана. Қоғамда ажырасу туралы түсінік пен оған

деген көзқарас та өзгерді. Кеңес Одағы кезінде ажырасуға қатысты белгілі бір стереотиптер мен қысымдар болса, тәуелсіздік алғаннан кейін бұл қысымдар азайды.

5. Психологиялық факторлар. Өтпелі кезеңдегі экономикалық және әлеуметтік тұрақсыздық адамдардың психологиялық күйіне әсер етті. Қиындықтар мен стресс жағдайлары отбасылық жанжалдарды күшейтіп, ажырасу санының өсуіне себеп болды.

6. Гендерлік рөлдер мен теңдік. Жаңа әлеуметтік жағдайларда әйелдердің құқықтары мен мүмкіндіктері де өзгерді. Әйелдер жұмысқа орналасуға және өздерінің экономикалық тәуелсіздігін қамтамасыз етуге көбірек мүмкіндік алды, бұл да ажырасу деңгейіне әсер етті.

Кесте 1 – Неке және ажырасу көрсеткіші [2, 15 б.].

	Саны		1000 адамға шаққанда	
	неке	ажырасу	неке	ажырасу
1991	165 498	48 494	10,1	3,0
1992	147 045	49 692	8,9	3,0
1993	145 686	45 180	8,8	2,7
1994	122 768	41 567	7,5	2,6
1995	115 881	38 651	7,3	2,4
1996	102 558	40 497	6,6	2,6
1997	101 874	35 736	6,6	2,3
1998	96 048	35 460	6,4	2,4
1999	85 872	25 583	5,8	1,7
2000	90 873	27 391	6,1	1,8
2001	92 852	29 599	6,3	2,0
2002	98 986	31 236	6,7	2,1
2003	110 414	31 717	7,4	2,1
2004	114 685	31 492	7,6	2,1
2005	123 045	32 377	8,1	2,1
2006	137 204	35 834	9,0	2,3
2007	146 379	36 107	9,5	2,3

Кестеде көрсетілгендей, некенің ең жоғары деңгейі 1991 жылы байқалды және 1000 тұрғынға шаққанда 10,1 некені құрады, бұл көрсеткіш әлі де асып түспегені назар аудартады. Тәуелсіздік алғаннан кейінгі жылдар неке деңгейінің айтарлықтай төмендеуімен ерекшеленді. Ең төменгі көрсеткіш 1999 жылы 1000 тұрғынға шаққанда 5,8 болған кезде тіркелді. Бұл құлдыраудың себептері экономикалық күйзелістер, жастардың едәуір бөлігі қатысқан көші-қон процесі және көптеген уақтылы емес некелер болды. Нақтылай кететін болсақ, мұндай күрт өзгерістің болу себебі славян ұлттары мен немістер көп орналасқан Қарағанды, Шығыс Қазақстан, Павлодар, Қостанай, Солтүстік Қазақстан және Ақмола облыстарынан 20-34 жас аралығындағы некелік жастағы көптеген жастардың өз отандарына қоныс ауыстыруларына байланысты болған жағдай деп түсінуіміз тиіс.

Некеге тұру жасындағы өзгерістерге келер болсақ, Қазақстанда 1989-1999 жылдар аралығында 20-24 жас аралығындағы үйленбегендердің үлесі ерлер мен әйелдер арасында шамамен 10 пайызға өсті, ал 30-34 жас аралығындағы ер адамдар арасында үйленбегендердің үлесі 12 пайызға өсті. Қазақстанда некеге тұрудың орташа жасы екі жыныс үшін де өсті. 1990-2007 жылдар аралығында некеге тұрудың орташа жасы ерлер үшін 24,5-тен 26,8 жасқа дейін және 22,3-тен өсті 24.2 еуропалық неке түріне жақындаған әйелдер үшін. Алайда, неке мінез-құлқындағы жас айырмашылықтарының қарқындылығы белгілі бір уақытта гендерлік құраммен және некеге тұрудың нормативтік жас айырмашылығымен байланысты. Сайып келгенде, әйелдер ертерек үйленеді; ерлер мен әйелдер арасындағы некенің орташа жас айырмашылығы-2-3 жас [3, 43 б.].

Мысалы, Беккер Ч. мен Сейтенова А.С. (2005) Қазақстанда неке негізінен жасына, әсіресе әйелдерге байланысты екенін анықтады. Барлық некелердің жартысына жуығы 20-24 жас аралығындағы әйелдер арасында тіркеледі; олардың үштен екісінен астамы 25 жасқа дейінгі әйелдер, ал 85% - ы 30 жасқа дейінгі әйелдер. Осылайша, жас ерекшеліктерін ескере отырып, неке деңгейі халықтың демографиялық құрылымымен байланысты

екені анық, әсіресе 20-24 жаста. Неке жасын едәуір арттыратын факторлардың бірі-білім беру; әйелдердің өсіп келе жатқан білімі бала тууды төмендетеді және некеге тұруды кешіктіреді [4, 7-8 б.]. 90-жылдардың ортасынан бастап бірінші некеге тұрудың жалпы көрсеткіштері төмендеді, бұл негізінен жас топтар арасындағы неке санының азаюына байланысты. Бұл төмендеу әйелдердің жоғары білім беру жүйесіне қатысуының әсеріне сәйкес келеді.

1991-1999 жылдар аралығында Қазақстанда неке және ажырасу жағдайы едәуір өзгерістерге ұшырады. Бұл кезең Кеңес Одағының ыдырауынан кейінгі өтпелі кезеңге сәйкес келді, сондықтан әлеуметтік және экономикалық өзгерістер азаматтардың өміріне айтарлықтай әсер етті. Қазақстан тәуелсіздігін алғаннан кейін, некелер саны аздап төмендеді. Экономикалық қиындықтар, тұрақсыздық және әлеуметтік өзгерістер көптеген жастардың отбасын құру туралы шешімдеріне әсер етті. Сонымен қатар, неке қию рәсімдері мен отбасы құндылықтарына деген көзқарас та өзгерді. 1990-шы жылдардың ортасында ажырасу саны да өсе түсті. Экономикалық қиындықтар, жұмыссыздық және әлеуметтік тұрақсыздық отбасылар арасындағы кикілжіңдер мен түсінбеушіліктердің көбеюіне себеп болды. Осылайша 1990-шы жылдары Қазақстанда халықтың демографиялық құрылымы да өзгерді. Эмиграция, урбанизация және басқа да демографиялық үрдістер некелер мен ажырасулар санының өзгеруіне алып келді. Жалпы, 1991-1999 жылдары Қазақстанда неке және ажырасу жағдайы күрделі әрі көп қырлы болды. Экономикалық және әлеуметтік факторлар отбасылардың тұрақтылығына едәуір әсер етті.

ӘДЕБИЕТТЕР:

1. World Health Organization, Regional Office for Europe. Health care systems in transition: Kazakhstan/ World Health Organization, Regional Office for Europe. – 1999. – 62 б.
2. Казахстан за годы независимости 1991-2007. Статистический сборник. – Астана, 2008. – 253 б.
3. Kozhakhmetova A. Nuptiality in Kazakhstan during the period of rapid economic growth. – Prague, 2009. – 90 б.
4. Becker C.M., Seitenova A. Fertility and Marriage in Kazakhstan's Transition Period: Implications for Social Security Policy, 2005. – 27 б.

Баймагамбетова А.А.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Аннотация

Население является основным источником производительных сил общества. Без использования достоверных сведений о численности населения невозможно проводить правильную демографическую политику в государстве. Поэтому изучение демографических процессов в современном Казахстан имеет не только актуальное научное, но и важное практическое значение. С момента обретения независимости стали доступны многие источники, статистические материалы, переписи населения. Исследователями Центрального Казахстана выпущен ряд работ, в которых так или иначе отражены социально-демографические процессы региона. Исследователями были затронуты вопросы демографической истории региона, социально-демографического развития региона, история повседневности, экономической модернизации. Работы написаны на основе архивных материалов, переписей населения, статистических данных, взятых из архивов и др.

Ключевые слова: Казахстан, демография, Карагандинская область, сборник, история, статистика, государство, социально – демографические процессы, город, архив, документы.

Abstract

The population is the main source of the productive forces of society. Without the use of reliable information about the population, it is impossible to carry out the correct demographic policy in the state. Therefore, the study of demographic processes in modern Kazakhstan has not only relevant scientific, but also important practical significance. Since independence, many sources, statistical materials, and population censuses have become available. Based on the materials, researchers of Central Kazakhstan have published a number of works that reflect the socio-demographic processes of the region in one way or another. The researchers touched upon the issues of the demographic history of the region, socio-demographic development of the region, the history of everyday life, economic modernization, women of Central Kazakhstan during the Great Patriotic War of 1941-1945, etc. The works are based on archival materials, population censuses, statistical data taken from archives, etc. All the literature reflecting the socio –demographic processes in Central Kazakhstan were divided into several groups: the demographic history of Central Kazakhstan; the works of scientists on various problems of national history, which reflect aspects of the region; dissertation research on individual subjects of the demographic history of Central Kazakhstan.

Keywords: Central Kazakhstan, Kazakhstan, demography, monograph, population, region, Karaganda region, collection, history, statistics, state, socio-demographic process, city, research, archive, documents.

Актуальность исследования различных аспектов развития народонаселения обусловлена необходимостью выработки рациональной демографической политики на государственном уровне. Региональная историческая демография является частью общей науки народонаселения и позволяет глубже познать социально-демографические процессы в стране. Это направление возникло в Республике Казахстан в конце 1990-х годов.

Всю литературу, отражающую социально – демографические процессы в Центральном Казахстане можно разделить на несколько групп.

К первой группе относятся труды, касающиеся непосредственно демографической истории Центрального Казахстана.

Демографическая история Центрального Казахстана нашла свое отражение в трудах Козиной В.В. В монографиях «Население Центрального Казахстана (конец XIX века – 30-е годы XX века» и «Население Центрального Казахстана (40-годы – конец XX века) анализируются изменения демографических тенденций в соответствующие периоды: динамика численности населения, естественное движение (рождаемость, смертность), миграционные процессы, национальный, половозрастной состав, генеративная деятельность, социальная структура населения и профессиональные приоритеты, уровень образования и состояние здравоохранения населения [1].

В монографии Козиной В.В. «Население Центрального Казахстана (Методология. Историография. Источники)» впервые на примере региона рассматриваются теоретико – методологические проблемы и методы историко – демографических исследований [2]. В книге отражены вопросы историографии и источниковедения народонаселения региона.

Хотелось бы отметить, что в современной отечественной историографии невозможно не отметить работы Алексеенко А.Н. 1993 году вышел в свет труд Алексеенко А.Н. «Население Казахстана. 1920-1990 гг.» [3]. В изучении население республики на протяжении длительного промежутка времени – с 1920 по 1990 гг. были использованы материалы Всесоюзных переписей за 1926 и 1939 гг., в которых была определена динамика численности и национальный состав населения Центрального Казахстана.

В период суверенитета вышли в свет труды ученых, в которых отражены отдельные социально-демографические аспекты развития региона. К второй группе можно отнести труды ученых по различным проблемам отечественной истории, в которых отражены аспекты региона.

Так, в 2002 году вышла в свет монография Жумашева Р.М. «Очерки истории культуры Казахстана (1917-1991 гг.)», где анализируются этапы изучения истории культуры советского Казахстана. В книге подробно анализируются такие демографические изменения как национальный состав населения Казахстана, численность неграмотных в областях Казахстана по данным Всесоюзной переписи населения 1939 года, в том числе по Карагандинской области [4].

В 2016 году вышла коллективная монография «Женщины Центрального Казахстана в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.». В ней для выявления количества женщин, мобилизованных на фронт, были использованы материалы Всесоюзной переписи населения 1939 года, а также статистическая информация из сборников «Женщины в СССР», «Народное хозяйство СССР в годы Великой Отечественной войны» и других [5].

В монографии Сактагановой З.Г. «Экономическая модернизация Казахстана. 1946-1970 гг.» рассматривается опыт осуществления советской экономической модернизацией в целом по республики, и, в частности, Центрально - Казахстанского региона [6].

Ряд работ, в которых так или иначе отражены социально-демографические аспекты в исторической ретроспективе, относятся к истории повседневности - одному из перспективных направлений в современной исторической науке. В монографии Сактагановой З.Г. и Абдрахмановой К.К. «Повседневная жизнь городов Центрального Казахстана в 1945-1953 гг.» авторами рассматриваются основные проблемы истории городской повседневности региона в послевоенное время: динамика численности населения городов, миграционное движение, естественный прирост, половозрастной состав, проблемы здравоохранения и образования [7].

Проблему повседневности городов продолжает коллективная монография «Города Центрального Казахстана» в 1950-1960-е годы: история и повседневность», предметом исследования которой стали: население региона, качественные и количественные характеристики, благоустройство городов, жилище и быт горожан, качество жизни городского населения, образования, досуг и религия, девиации и преступность в повседневной городской жизни региона [8].

«Истории городской повседневности Центрального Казахстана в 1946-1991 годы (с сюжетами демографической и социальной истории)» посвящена коллективная монография карагандинских историков. Объектом научного интереса исследователей стали сюжеты социально – экономической истории и повседневной жизни горожан Центрального Казахстана: демографические характеристики населения городов региона, особенности благоустройства и жилищные условия карагандинцев, уровень жизни, питание и торговля, образование и досуг, религиозность, девиации и преступность [9].

Третью группу составляют диссертационные исследования, посвящённые отдельным сюжетам демографической истории Центрального Казахстана. Так, в диссертации Зимовиной Е.П. «Социально – демографические процессы в зонах экологического бедствия Казахстана (1959–1999 гг)». присутствуют статистические данные по всему Казахстану в целом и по Карагандинской области в частности, как региона, на территории которого находились крупные предприятия военно - промышленного коплекса СССР (ВПК) [10].

Диссертация Аубакировой И.У. «Номенклатурные кадры Центрального Казахстана в 1960 – 90 г.: социально – демографический аспект» написана на основе анализа материалов Всесоюзных переписей населения 1959, 1970, 1979 и 1989 годов, статистических данных справочных материалов и разнообразной информационно – справочной литературы [11].

Отдельную группу составляют сборники документов и материалов. В сборник «Женщины Казахстана и Великая Отечественная война: 1941 – 1945 гг.», вошли материалы Архива Президента Республики Казахстан, Центрального Государственного архива Республики Казахстан, Карагандинского государственно

архива, Государственного архива Российской Федерации: фонды Совнаркома Союза ССР, Верховного Совета СССР, Комитета советских женщин и др. Большой интерес представляют демографические данные по динамике населения Карагандинской области, списки мобилизованных, сведения о числе военнообязанных запаса и призывников [12].

В сборник документов и материалов «Спецпереселенцы в Карагандинской области» вошли демографические данные из фондов государственного архива Карагандинской области, отдельные документы Архива Президента РК, Центрального государственного архива Республики Казахстан, государственного архива Северо – Казахстанской области и государственного архива города Жезказган: сведения о размещении спецпереселенцев; переселенцев – корейцев на 1 июня 1939 г.; по-районном распределении и движении спецпереселенцев, а также справки о состоянии хозяйственного устройства спецпереселенцев и многие другие материалы и документы [13].

В сборнике «Повседневность городов Центрального Казахстана 1946-1960-е годы (первая часть)» представлены архивные документы, интервью и воспоминания, фотодокументы из фондов архивов Республики Казахстан и Российской Федерации не опубликованные ранее. Определенный интерес представляют справки о состоянии законности и преступности в Карагандинской области в 1956 году; справки Карагандинского областного управления культуры о работе с кадрами; сведения из проекта второго послевоенного пятилетнего плана на 1951-1955 гг.: жилищного, культурно-бытового, коммунального строительства и благоустройства городов и рабочих поселков Карагандинской области, школьное строительство (количество зданий и мест) и многие другие данные [14].

Вторая часть вышеуказанного сборника содержит статистические материалы из фондов архивов Республики Казахстан и Российской Федерации, а также данные статистического управления города Караганды и Карагандинской области: статистика заболеваемости по городскому населению Карагандинской

области за 1965 года; выборочное обследование учащихся 1-8 классов по размерам доходов родителей на 15.01.1964 г.; справка о состоянии преступности среди несовершеннолетних и др. [15].

В честь празднования 75-летия победы в Великой Отечественной войне коллектив историков выпустил сборник документов и материалов «Карагандинская область в годы Великой Отечественной войны. 1941 – 1945 гг.». В сборнике были опубликованы документы, в которых присутствуют региональные статистические данные о мобилизации на фронт карагандинцев, прибытии спецпереселенцев и их расселении, списки добровольцев и дезертиров и др. [16].

В соответствие с Указом Президента Республики Казахстан К.-Ж.К. Токаева за № 456 от 24 ноября 2020 г. «О Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий» [17] учёные Карагандинского университета им. Е.А. Букетова были включены в государственную и региональную комиссии по реабилитации жертв политических репрессий. Результаты их исследовательской работы были опубликованы в сборниках архивных документов «Материалы государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессии 20 – 50 годы XX века». В томе VII «Депортированные в Казахстан народы и спецпоселенцы» содержатся воспоминания граждан и членов их семей, ставших жертвами репрессий, пострадавших в эти годы и оказавшихся на территории Карагандинской области [18]. Том XXIX «Сборник архивных материалов по реабилитации жертв политических репрессий Карагандинской области» содержит рассекреченные документы, освещающие целостную картину и механизм политических репрессий в регионе. Видовой состав документов в сборнике разнообразен: директивные документы, аналитические справки, переписка, отчеты, донесения, жалобы репрессированных граждан и т.д. [19].

Продолжением работы региональной комиссии был сборник архивных документов «Репрессии в Центральном Казах-

стане в 1920–1950 гг.» опубликованный в 2022 году. Основная часть архивных документов впервые вводится в научный оборот и раскрывает региональные особенности осуществления репрессивной политики, раскулачивания и депортации народов в Центральном Казахстане [20].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Козина В.В. «Население Центрального Казахстана (конец XIX - 30-е годы XX в.)»: монография. - Алматы: Өркениет, 2000. - 144 с.; Козина В.В., «Население Центрального Казахстана (40-е годы – конец XX в.)»: монография. - Алматы: Өркениет, 2001. – 184 с.
2. Козина В.В. «Население Центрального Казахстана (Методология. Историография. Источники)»: монография. - Алматы: Өркениет, 2001. – 88 с.
3. Алексеенко А.Н. «Население Казахстана. 1920-1990 гг.» Алматы: Ғалым, 1993.
4. Жумашев Р.М. Очерки истории культуры Казахстана (1917 – 1991 гг). Караганда: Изд-во КарГУ, 2002. – 148 с.
5. Сактаганова З.Г., Турсынова Ж.Ж., Смагулова А.Ж. Женщины Центрального Казахстана в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945гг.: монография. Караганда, 2016.
6. Сактаганова З.Г. Экономическая модернизация Казахстана. 1946-1970 гг.: монография. - 3-е изд. - Караганда: Изд-во КарГУ, 2017. – 365 с.
7. Сактаганова З.Г., Абдрахманова К.К. Повседневная жизнь городов Центрального Казахстана в 1945 – 1953 гг.: монография. - Караганда: «Болашак-Баспа», 2010. – 252 с.
8. Сактаганова З.Г., Временко В.А., Абдрахманова К.К., Досава Б.А., Козина В.В. и др. Города Центрального Казахстана в 1950 – 60-е годы: история и повседневность: монография. - Караганда: Изд-во КарГУ, 2017. – 224 с.
9. Сактаганова З.Г., Абдрахманова К.К., Досова Б.А., Козина В.В., Елеуханова С.В., Карсыбаева Ж.А., Утебаева А.Д «История городской повседневности Центрального Казахстана в 1946 – 1991 годы (с сюжетами демографической и социальной истории)»: монография. - Караганда 2017. – 455 с.
10. Зимовина Е.П. Социально – демографические процессы в зонах экологического бедствия Казахстана (1959 – 1999 гг): автореф. канд. ист. наук. - Караганда 2001. – 27 с.
11. Аубакирова И.У. «Номенклатурные кадры центрального Казахстана в 1960 – 1990: социально – демографический аспект»: автореф. канд. ист. наук. - Караганда 1999. – 28 с.
12. Женщины Казахстана и Великая Отечественная война: 1941 – 1945: Сборник документов и материалов. / Сост. Сактаганова З.Г., Абдрахманова К.К., Елеуханова С.В., Мухатаева Г.А. - Караганда, 2020. – 410 с.
13. Спецпереселенцы в Карагандинской области. Сборник документов и материалов // Сост. Жумашев Р.М., Михеева Л.В. – Караганда: Изд-во КарГУ, 2007. – 325 с.
14. Повседневность городов Центрального Казахстана 1946-1960 годы: сб. документов и материалов / Сост. Сактаганова З.Г., Абдрахманова К.К., Досова Б.А. – Караганда: Изд-во КарГУ, 2016. – 277 с.
15. Повседневность городов Центрального Казахстана в 1960 – 1991 гг.: сборник архивных документов и материалов. Часть II / Отв.ред. Сактаганова З.Г., Абдрахманова К.К., Досова Б.А., Елеуханова С.В., Карсыбаева Ж.А., Козина В.В., Утебаева А.Д. - Караганда: Гласир, 2017. – 320 с.
16. Карагандинская область в годы Великой Отечественной войны. 1941 – 1945 гг. Сборник документов и материалов. – Изд. 3-е, доп. / Сост. Беркун О.Е., Жумашев Р.М., Михеева Л.В. и др. - Караганда: Изд-во КарГУ, 2020. – 560 с.
17. О Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий. Указ Президента Республики Казахстан от 24 ноября 2020 года № 456. Утратил силу Указом Президента Республики Казахстан от 22 января 2024 года № 438. https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2000000456
18. Материалы государственной комиссии по полной реаби-

литации жертв политических репрессии 20 – 50 годы XX века. Т. VII. /Составители тома: Кан Г.В., Жумашев Р.М., Шотбакова Л.К., Шерниязов Б.Р., Елеуханова С.В., Козина В.В., Подопригора Ю.И., Мейрамбеков А.К. Астана, 2022. – 368 с.
19. Материалы государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессии 20 – 50 годы XX века. Т. XXIX. / Джумабеков Д.А., Елеуханова С.В., Козина В.В., Сактаганова З.Г., Жакин М.С., и др.- Астана, 2022. – 256 с.
20. Репрессии в Центральном Казахстане в 1920 – 1950 гг. Сборник архивных документов /Составители: Джумабеков Д.А., Елеуханова С.В., Козина В.В., Сактаганова З.Г., Жакин М.С. и др.- Караганда: Изд-во «Университет им. академика Е.А. Букетова», 2023. – 480 с.

Бармин В.А.

ЕЩЕ РАЗ ОБ ОБЪЕКТИВНЫХ ФАКТОРАХ, ОПРЕДЕЛЯВШИХ ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КУРС СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ОТНОШЕНИИ КИТАЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ СИНЬЦЗЯН В 1918-1949 ГГ.

Аннотация

Предлагаемая статья посвящена анализу факторов, определявших политический курс и торгово-экономическую деятельность Советской России, а затем Советского Союза, в отношении Синьцзяна. Необходимость такого исследования вызвана тем обстоятельством, что в западной историографии продолжают появляться работы, в которых утверждается, что за всеми действиями советского государства стояли корысть и империалистические планы. На основе крупных исследований российских авторов, построенных на базе источников, ставших доступными, в статье делается вывод о том, что политические и экономические мероприятия советского руководства в отношении провинции являлись следствием сложившихся объективных обстоятельств. При этом все эти мероприятия не ставили своей задачей недобросовестную выгоду или, тем более, аннексию сопредельной территории. Эти выводы подтверждаются в статье конкретными примерами. Автор ссылается, в частности, на сюжеты, связанные с оказанием поддержки китайской администрации провинции в ее борьбе с национальным движением коренных народов региона и на масштабную финансовую и военно-техническую помощь Советского Союза китайскому народу в его борьбе с японской агрессией в 1931-1943 г. При этом главной тыловой, а отчасти и промышленной базой в этот период являлся именно Синьцзян.

Ключевые слова: Синьцзян, Советский Союз, политический курс, экономические мероприятия, объективные факторы, сотрудничество.

Abstract

The proposed article is devoted to the analysis of the factors that determined the political course and trade and economic activity of Soviet Russia, and then the Soviet Union, in relation to Xinjiang. The need for such a study is caused by the fact that works continue to appear in Western historiography, which claim that greed and imperialist plans were behind all the actions of the Soviet state. Based on large-scale studies by Russian authors based on sources that have become available, the article concludes that the political and economic measures of the Soviet leadership in relation to the province were the result of the prevailing objective circumstances. At the same time, all these measures did not aim at unfair profit or, moreover, annexation of the adjacent territory. These conclusions are confirmed in the article by concrete examples. The author refers, in particular, to the stories related to the support of the Chinese provincial administration in its the struggle against the national movement of the indigenous peoples of the region and the large-scale financial and military-technical assistance of the Soviet Union to the Chinese people in their fight against Japanese aggression in

1931-1943. At the same time, Xinjiang was the main logistical and partly industrial base during this period.

Keywords: Xinjiang, Soviet Union, political course, economic measures, objective factors, cooperation.

Взаимоотношения Советской России, а после 1922 г. Советского Союза, с крупнейшей китайской провинцией Синьцзян представляют самостоятельный и весьма значимый раздел советско-китайских отношений в период 1918-1949 гг. Этот регион явился последним территориальным приобретением Цинской империи. Следует отметить особенность процесса вхождения провинции в состав колониальных владений Китая: народы данной территории, оторванные от метрополии тысячами километров труднопреодолимого пространства, чуждые ханьской культуре, языку, религии, традициям и обычаям, активно тяготели к сближению со среднеазиатскими государствами и Россией, где проживали близкие им этносы. Население провинции вело непрекращающуюся борьбу за независимость. Так географические, экономические и этно-конфессиональные факторы определили постоянное вовлечение в эти события и северного соседа. Совершенно очевидно, что без полного и всестороннего исследования событий, происходивших в Синьцзяне, невозможно было восстановить целостную картину советско-китайских отношений 1918-1949 гг. Однако в силу целого ряда обстоятельств такая возможность появилась у историков только с середины 80-х гг. XX века.

Именно с этого времени в условиях начавшейся перестройки, распада СССР и крушения идеологических запретов стала возможна сравнительно полная реконструкция политики Советского Союза в отношении китайской провинции Синьцзян в 1918-1949 гг. Теперь она строилась на крупном массиве ставших доступными исследователям архивных источников и на анализе широкого круга опубликованных в этот период работ историков, политологов и социологов. Результаты этой деятельности дают основание считать, что, при известной неоднозначности

и противоречивости, содержание политики СССР в отношении Синьцзяна вполне укладывается в общую канву внешней политики советского государства в первое 30-летие его существования [1, 2, 3, 4, 5, 6].

Синьцзян, долгое время бывший в зоне экономического и политического влияния царской России, уже только в силу одного этого обстоятельства не мог после Октябрьской революции в одночасье порвать все связи со своим могучим соседом. Следует еще раз отметить, что, кроме того, огромное воздействие на взаимоотношения сторон оказывали объективные причины экономического, социального, этнического и культурного характера. В самом начале взаимоотношений молодого советского государства с Синьцзяном влияние этих факторов было очевидно. Именно они сыграли определяющую роль при восстановлении торгово-экономических связей сопредельных сторон после Октябрьской революции и гражданской войны в условиях, когда Россия находилась в дипломатической и экономической блокаде, участником которой был и Китай.

Эти же факторы сделали возможным сохранение экономических и дипломатических связей между Советским Союзом и провинцией Синьцзян в 1927-1932 годах, когда, вследствие переворота Чан Кайши, а затем конфликта на КВЖД, отношения между двумя государствами резко ухудшились, а позже были полностью прерваны [2, с. 92–97].

В то же время прогнозируемые выгоды экономического сотрудничества сыграли определяющую роль при решении советским руководством альтернативы: революционизировать провинцию, превращать её в новую социалистическую республику или, сохраняя существующее в ней положение, пользоваться всеми преимуществами тесных торгово-экономических связей. В результате достаточно острой борьбы в руководстве партии и в правительстве между сторонниками революционной идеи и политического прагматизма выбор был сделан в пользу последнего варианта, что, как показало время, было единственно верно и исторически оправдано.

Синьцзян играл очень важную роль и занимал особенное место в рассматриваемый период в советско-китайских отношениях. Во многом это определялось устойчивыми традициями, в соответствии с которыми не только российская сторона многие проблемы решала непосредственно с губернаторами провинции, но сами правители Синьцзяна, пользуясь своим полунезависимым от центра положением, проявляли самостоятельность в принятии тех или иных, порой весьма важных решений, касающихся отношений с сопредельными государствами и, прежде всего, с Россией.

С другой стороны, обстоятельства, при которых многие вопросы, касавшиеся связей Советского Союза и Синьцзяна, решались исключительно с провинциальным правительством, определялись тем, что центральные власти Китая на протяжении большей части рассматриваемого периода не имели реального контроля над провинцией. В силу этого они вынуждены были ограничивать отношение к происходящим в провинции событиям формальными заявлениями своей позиции.

Тем не менее, правительство Советского Союза в большинстве случаев согласовывало с китайским руководством свои действия по отношению к Синьцзяну. При несомненном тесном переплетении советско-китайских интересов в этом регионе советское государство избегало ситуаций, связанных с возможным противостоянием сторон и, тем более, нарушением национального суверенитета Китая.

Проведенные в последние годы исследования позволяют доказательно опровергнуть присутствующее в ряде ранее опубликованных работ мнение о якобы спонтанных и непродуманных решениях советского правительства в отношении Синьцзяна и особенно при проведении силовых акций с использованием частей Красной Армии в 20-х и 30-х гг.

Советский Союз действительно неоднократно вводил свои войска на территорию провинции, пользовался здесь на протяжении долгого времени экономической монополией и доминирующим политическим влиянием, «иной раз заменяя... центральные власти Китая». Бесспорно, и то, что советское руководство активно вмешивалось, и иногда достаточно грубо, во внутриполитические дела провинции [6]. Однако серьёзные и важные вопросы синьцзянской политики, всесторонне и тщательно прорабатывались на самых разных уровнях: от консульств и до правительства, от разведки и до Политбюро. Именно постоянный тщательный анализ ситуации и взвешенность решений ответственных лиц помогли советскому государству избежать крупных ошибок в отношениях с Синьцзяном. Правительство СССР ни разу не пошло даже на серьёзное обсуждение весьма откровенных предложений, высказываемых как различными политическими силами, так и лидерами провинции относительно включения Синьцзяна в качестве республики в состав Советского Союза. Ни разу не откликнулось руководство советского государства и на неоднократные просьбы о помощи различных сепаратистских движений в этой провинции [2, с.82–97].

Приведённые в этих работах факты, основанные на серьезных источниках, убедительно опровергают распространённое в западной историографии мнение, будто политика Советского Союза в Синьцзяне была по своему характеру откровенно империалистической. В силу этого, его отношения с провинцией были неравноправными и выгодными только для советской страны [8]. Это же утверждает в своих мемуарах и являвшийся в рассматриваемый период президентом Китая генералиссимус Чан Кайши [7, с. 135–139]. и Наличие очевидных перекосов, безусловно, было, и, как видно из архивных данных, это вызывало сильное беспокойство у заинтересованных официальных лиц в СССР. Вместе с тем, и это вынуждены отмечать даже некоторые западные синологи, сохранение торгово-экономических связей с Россией в условиях, когда по объективным причинам деловое сотрудничество с другими странами было, практически, исключено, для Синьцзяна являлось очень выгодным.

Ярким свидетельством целесообразности такого сотрудничества, и для Китая в целом, и для Синьцзяна в частности, может служить помощь, которую оказывал Советский Союз ки-

тайскому народу в его борьбе с японскими агрессорами в 1937-1943 гг. Эта помощь не может быть отнесена к проявлениям «постоянных эгоистических и националистических мотивов», которые, по мнению некоторых исследователей, преобладали в синьцзянской политике СССР в 20-е - 40-е гг., как не может быть оспорен тот факт, что советско-синьцзянское сотрудничество в этот период позволило провинции, которая справедливо считалась одной из самых отсталых в Китае, добиться серьёзных успехов в развитии экономики.

Именно в годы активного сотрудничества провинции с Советским Союзом на её территории появились современные промышленные предприятия, началась разработка многочисленных месторождений полезных ископаемых, получили профессиональное образование десятки тысяч представителей коренных народов [9].

Особое место в советско-китайских отношениях, в силу целого ряда причин, занимает период 1941-1949 гг. Два великих соседа вступили в десятилетие достаточно близкими союзниками, имевшими обширные межгосударственные связи и общего противника в лице милитаристской Японии. Однако уже к 1943 году ситуация в советско-китайских отношениях резко изменилась.

Начало Великой Отечественной войны Советского Союза с фашистской Германией, с одной стороны, породили у Чан Кайши, его правительства и губернатора Синьцзяна генерала Шен Шицая ошибочное мнение относительно скорого военного поражения советского государства и его краха. С другой стороны, складывавшаяся ситуация представлялась китайскому правительству как весьма удобный случай вернуть в полном объёме свой контроль над провинцией, где слишком велико было политическое и экономическое влияние Советского Союза.

Не подвергая сомнению право руководителей страны определять формы и методы управления государством и предпринимать меры по усилению своего контроля над тем или иным регионом, стоит отметить следующее. Мероприятия, проведённые в этом направлении губернатором Шен Шицаем в Синьцзяне и до некоторой степени продолженные его преемниками с одобрения Центрального правительства Китая, имели столь разрушительные последствия как для самой провинции, так и для советско-китайских отношений, что вряд ли окупали полученный в их результате контроль над провинцией.

Попытки поставить в вину Советскому Союзу, что его действия повлекли за собой резкое сокращение всех видов двустороннего сотрудничества в 1942-1943 гг., не могут быть приняты. Очевидные нарушения китайской стороной своих обязательств и подчёркнутый антисоветизм синьцзянских властей, переходящий в откровенную враждебность, что подтверждается архивными документами, не могли не вызвать адекватной реакции со стороны СССР.

Последовавшие в этот период многократные заявления политических лидеров Китая о якобы имевшихся у Советского Союза планах захвата и аннексии Синьцзяна, результатом которых и явились меры по усилению контроля центральных властей над провинцией, не находили и не находят подтверждения ни в российских архивных материалах, ни в реальных действиях, реализуемых советским правительством в этом регионе. Попытки развить и аргументировать тезис о планах аннексии Синьцзяна, предпринятые в Западной историографии, также представляются несостоятельными.

Работы, построенные на материалах и документах архивов США, Англии, Республики Китай (Тайвань), весьма содержательны в фактологическом и интересны в научном отношении. Но их выводы и заключения относительно планов Советского Союза в Синьцзяне базируются на далеко не всегда объективной оценке событий, которая давалась правительственными чиновниками Китая на основе косвенных данных, субъективных мнений политиков, предположений и заключений дипломатов. Это и не может быть иначе, ибо единственно верную оценку действиям и планам Москвы в отношении Синьцзяна можно было дать только, ознакомившись с материалами советских го-

сударственных и партийных архивов. Между тем, исследование и тщательный анализ документов, хранящихся в фондах этих архивов, позволяют сегодня говорить об очевидной ошибочности устойчивого мнения западных историков.

Национально-освободительное восстание коренных народов Синьцзяна в 1944-1945 гг. и создание Восточно-Туркестанской республики действительно было в известной степени инициировано и пользовалось активной поддержкой со стороны Москвы. Однако при этом следует иметь в виду, что масштабность, широкая социальная база, наконец, успехи повстанческого движения явились следствием сложившихся в провинции объективных социально-экономических и внутриполитических условий.

Глубокий экономический кризис, обнищание основной части населения провинции, унижение и оскорбление национальных и религиозных чувств коренных народов Синьцзяна, неспособность и нежелание китайских властей улучшить жизнь людей не могли не породить у них чувства протеста и активного сопротивления.

Вместе с тем, учитывая всё это и осознавая огромные потенциальные возможности будущего движения, советские руководители уже в момент подготовки восстания видели его конечный результат только в смещении Шен Шицая и его администрации, замене их представителями коренных народов и предоставлении этому региону широкой автономии в составе китайского государства. Не известно ни одного правительственного или партийного документа 40-х годов, который содержал бы предложения об аннексии Синьцзяна или создании в его границах независимого государства.

Мирное соглашение, подписанное ВТР с Центральным правительством Китая в 1946 году под нажимом со стороны Советского Союза, является ещё одним свидетельством этому. Даже после разрыва этого соглашения в 1947 г. один из наиболее влиятельных лидеров ВТР, Ахметжан Касими, вернувшись в Кульджу, продолжал формально сохранять должность заместителя председателя правительства Синьцзяна, олицетворяя тем самым единство всей территории и сохранение её в составе Китая.

Советский Союз, его правительство в своём стремлении сохранить политическое и экономическое влияние в Синьцзяне иногда шло на нарушение норм международного права. Об этом свидетельствуют события 30-х годов, когда после прихода к власти Шен Шицая советские руководители порой не считали нужным согласовывать свои действия в Синьцзяне с китайским правительством. Однако при этом в Советском Союзе исключали возможность каких-либо шагов, которые нарушили бы суверенитет Китая и его территориальную целостность. Такие действия, как понимали советские лидеры, вели бы две великие державы к немедленной конфронтации и самым непредсказуемым последствиям. Вопрос об аннексии Синьцзяна или содействии его выхода из состава Китая всегда оставался в СССР за рамками серьёзной политики, хотя его неоднократно поднимали как сторонники «немедленной мировой революции» в самом Советском Союзе, так и представители некоторых политических сил в Синьцзяне, включая Шен Шицая и руководителей Восточно-Туркестанской Республики.

Советское руководство в вопросе о Синьцзяне в период нахождения у власти в Китае различных политических сил придерживалось твёрдой и однозначной позиции, политика строилась на стремлении всемерного использования всесторонних, прежде всего, торгово-экономических связей с этой провинцией в интересах своего государства. При этом не подвергалась сомнению необходимость сохранения в провинции существующего социально-экономического и политического строя, а сама она рассматривалась как неотъемлемая часть Китая. Эта позиция была чётко обозначена и в момент прихода к руководству в Китае Коммунистической партии. Заявление А. И. Микояна во время его встреч с руководством КПК в 1949 г. о незаинтересованности СССР в поддержке национальных движений в Синьцзяне, о неукоснительном уважении суверенитета Китая и

сохранении целостности его территории было ещё одним подтверждением этой позиции. Последующие годы в Синьцзяне были сопряжены со многими неоднозначными событиями, в том числе и обострявшимися национальными проблемами, однако Советский Союз продолжал придерживаться в этом вопросе прежней точки зрения.

Таким образом, реконструкция политики Светского Союза в отношении Синьцзяна в 1918-1949 годы, а также событий, происходивших на её внутриполитической арене, показывает, что правительство и партийное руководство советского государства действовали с учетом объективных факторов, которые и определяли русло политического курса и экономических мероприятий в провинции. При этом совокупность политических и экономических шагов СССР, с одной стороны, способствовали защите собственных национальных интересов, а с другой− оказывали очевидное позитивное влияние на социально-экономическое развитие соседнего китайского региона.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Дубровская Д.В. Судьба Синьцзяна. Обретение Китаем «Новой границы» в конце XIX в. – М.: Институт Востоковедения РАН, 1998. − 202 с.
2. Бармин В.А. Советский Союз и Синьцзян 1918-1941 гг. (Региональный фактор во внешней политике Советского Союза) – Барнаул: Изд-во БГПУ, 1999 −189 с.
3. Бармин В.А. Синьцзян в Советско-Китайских отношениях 1941-1949 гг. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 1999. – 200 с.
4. Наземцева Е.Н. Русская эмиграция в Синьцзяне (1920−1930-е гг.) – Барнаул: ОАО ИПП «Алтай», 2010. – 270 с.
5. Ганин А.В. Черногорец на русской службе: генерал Бакич – М.: Русский путь, 2004. – 240 с.
6. Гансалы Дж. П. Синьцзян в орбите советской политики: Сталин и мусульманское движение в Восточном Туркестане (1931-1949) – М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. – 360 с.

7. Цзян Чжунчжен (Чан Кайши). Советская Россия в Китае. Воспоминания и размышления в 70 лет – М.: Посев, 2009. – 440 с.
8. См., например, работы: Nyman Lars-Eric. Greate Britain and Chinese, Russian and Japanise Interests in Sinkiang, 1918-1934. - Sverige Essetle Studium. Stocholm, Goteborg, Lund, 1997 – 167 p.; Schwartz H. Tsars, Mandarins, and Commissars. A History of Chinese-Russian Relations. - Philadelphia and New York, 1964. – 252 p.; 189. Benson L. The Ili Rebellion. The Moslem Challenge to Chinese Authori-ty in Xinjiang 1944-1949. - Armonk, NewYork, London, 1990. – 265 p.
9. Более подробно см.: Шматов В.Г. Синьцзян в системе мероприятий Советского Союза по оказанию экономической и военно-технической помощи Китаю в период японской агрессии 1931-1943 гг. / автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук − 2016. – 23 с.

Батешов Е.А.

О ВКЛЮЧЕНИИ КАНДАСОВ И ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В ТРУДОДЕФИЦИТНЫЕ РЕГИОНЫ КАК ПРЕТЕНДЕНТОВ НА ПОЛУЧЕНИЕ АРЕНДНОГО ЖИЛЬЯ ПО ГОСУДАРСТВЕННЫМ ПРОГРАММАМ

Аннотация

В настоящей статье, с целью активизации переселения в города северного, восточного и центрального Казахстана, мы инициируем включить категорию лиц – кандасы и переселенцы из трудоизбыточных регионов, в качестве претендентов на получение арендного жилья по государственным программам.

Считаем, что данное нововведение будет способствовать более активному переселению в трудодефицитные регионы, т.к. в областных центрах легче трудоустроиться, получить более качественные образовательные, медицинские услуги и т.д.

Ключевые слова: кандасы, переселенцы, трудодефицитные регионы, трудоизбыточные регионы, арендное жилье, государственные программы, миграционная политика, демография, социальная поддержка.

Abstract

In this article, in order to intensify resettlement to the cities of northern, eastern and central Kazakhstan, we initiate the inclusion of a category of persons – Kandases and migrants from labor-surplus regions, as applicants for rental housing under state programs.

We believe that this innovation will contribute to more active resettlement to labor-deficient regions, since it is easier to find a job in regional centers, get better educational, medical services, etc.

Keywords: shackles, migrants, labor-deficient regions, labor-surplus regions, rental housing, government programs, migration policy, demography, social support.

За три года в Казахстане по данным на октябрь 2023 года 1480 внутренних мигрантов, переселившихся в трудодефицитные области по программе трудовой мобильности, вернулись обратно [1]. Одних переселенцев не устроил местный климат, других – предложенная работа, некоторые вернулись обратно по семейным обстоятельствам [2].

В рамках развития программы переселения из трудоизбыточных в трудодефицитные регионы граждан РК мы инициировали выделение финансовых средств для предоставления в областных центрах (Петропавловске, Костанае, Усть-Каменогорске, Павлодаре, Кокшетау и др.) переселенцам и кандасам арендного жилья сроком на 5 лет.

За отмеченные 5 лет переселенцы и кандасы смогут накопить на жилье или хотя бы на первоначальный взнос по ипотеке в регионе.

Отметим, что в городах переселенцам и кандасам легче найти работу, что должно положительно отразиться на эффективности программ переселения людей в северные и восточные

регионы страны.

С данным предложением мы обратились в соответствующие исполнительные органы и получили следующие ответы.

Из Министерства труда и социальной защиты населения Республики Казахстан за подписью Первого вице-министра А.Сарбасова был получен ответ (исх. №ЖТ-2024-03409820 от 08.04.2024).

В соответствии с пунктом 4 статьи 112 Социального кодекса Республики Казахстан государственная поддержка добровольно переселяющихся лиц включает:

1) предоставление лицам и членам их семей материальной помощи, за исключением случаев, когда переезд работника осуществляется за счет средств работодателя;

2) предоставление служебных жилищ или комнат в общежитиях, за исключением случаев, когда работодатель предоставляет работнику жилое помещение;

3) профессиональное обучение при наличии потребности работодателя;

4) содействие в трудоустройстве и предпринимательской инициативе на новом месте жительства;

5) содействие в трудоустройстве у работодателей, участвующих в мерах добровольного переселения для повышения мобильности рабочей силы, с предоставлением субсидий на трудоустройство.

Механизм предоставление лицам и членам их семей материальной помощи урегулирован Правилами добровольного переселения лиц для повышения мобильности рабочей силы (утверждены приказом Заместителя Премьер-Министра - Министра труда и социальной защиты населения Республики Казахстан от 22 июня 2023 года № 234).

Следует отметить, что в соответствии с Законом «Об объемах трансфертов общего характера между республиканским и областными бюджетами, бюджетами городов республиканского значения, столицы на 2023 – 2025 годы» бюджетные средства для охвата государственными мерами поддержки переселен-

цев и кандасов переданы через трансферты общего характера, в местные исполнительные органы.

На сегодня, меры государственной поддержки межрегионального переселения осуществляются за счет средств местного бюджета.

Материальная помощь, предоставляемая переселенцам, кандасам и членам их семей включает:

1) возмещение расходов на переезд осуществляется единовременно в размере 70 месячных расчетных показателях (далее - МРП) на главу и каждого члена семьи;

2) возмещение расходов по найму (аренде) жилья и оплате коммунальных услуг предоставляется ежемесячно до приобретения жилья, но не более двенадцати месяцев в размерах от 15 до 20 МРП;

3) сертификат экономической мобильности - денежная выплата для покупки, строительства жилья или первоначального взноса по ипотечным жилищным займам при приобретении жилья в рамках ипотечной программы, в размере в размере 50% от стоимости жилья, но не более 1 160 МРП.

Сертификат экономической мобильности с правом как финансовая помощь реализуется с июля 2023 года, сертификат дает переселенцам и кандасам право приобрести жилье на вторичном рынке или путем кредитования через банки второго уровня, а также построить собственное жилье за счет средств сертификата.

Объем средств, заложенных на выдачу сертификата экономической мобильности рассчитан с учетом утвержденной региональной квоты приема кандасов и переселенцев на предстоящие годы. В связи с чем необходимость в инициировании выделение финансовых средств для предоставления в областных центрах (Петропавловске, Костанае, Усть-Каменогорске, Павлодаре, Кокшетау и др.) переселенцам и кандасам арендного жилья сроком на 5 лет не имеется – заключило Министерство труда и социальной защиты населения РК.

С соответствующим предложением мы обратились также

в Министерство промышленности и строительства Республики Казахстан. И нами был получен соответствующий ответ за подписью директора Департамента градостроительной и жилищно-коммунальной политики Р.Т.Лепесова (исх. №ЖТ-2024-03895506 от 29.05.2024).

Министерство промышленности и строительства Республики Казахстан, рассмотрев наше обращение касательно предоставления арендного жилья по государственным программам кандасам и переселенцам из трудоизбыточных регионов, в рамках своей компетенции сообщило следующее: Согласно действующему жилищному законодательству кандасы относятся к категории социально уязвимых слоев населения и вправе получить жилище из государственного жилищного фонда в порядке, предусмотренном Законом «О жилищных отношениях». Также, в целях сохранения очередности кандасов, прибывших в трудодефицитные регионы, статьей 73 Закона предусмотрено, что кандасы, расселенные в регионы, определенные Правительством РК, получившие гражданство Республики Казахстан не подлежат снятию с учета нуждающихся в жилище из государственного жилищного фонда. Дополнительно сообщаем, что во исполнение поручения Главы государства Министерством разработан проект Закона РК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстана по вопросам реформирования жилищной политики» (далее – законопроект), который в настоящее время находится на рассмотрении Мажилиса Парламента РК.

В рамках законопроекта жилищная политика отходит из категорийной принадлежности, распределение жилья будет осуществляться по принципу даты постановки на учет и доходов всех граждан, нуждающихся в жилье. Внедрение новых подходов, позволит обеспечить равный доступ к распределению жилья среди всех очередников. Таким образом, законопроектом предоставляется право всем гражданам нуждающихся в жилье встать на учет нуждающихся в жилище, а также принять участие в государственных программах.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Электронный ресурс: https://bizmedia.kz/2023-10-17-1480-pereselenczev-vernulis-posle-okonchaniya-programmy-trudovoj-mobilnosti/?ysclid=lysec8vpih845255466
2. Электронный ресурс: https://informburo.kz/novosti/ne-ponravilsya-mestnyi-klimat-eshhyo-76-pereselencev-v-sko-vernulis-obratno

Батешов Е.А.

О НЕОБХОДИМОСТИ ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ ПРОВЕРКИ АНАЛОГИЧНЫХ ФАКТОВ У БЛИЗКИХ РОДСТВЕННИКОВ ЛИЦ, РАНЕЕ УЛИЧЕННЫХ В ДВОЙНОМ ГРАЖДАНСТВЕ

Аннотация

В настоящей статье инициируются внесение изменений и дополнений в законодательство, что при случае обнаружения у гражданина Республики Казахстан двойного гражданства необходимо проверять на наличие аналогичного двойного гражданства той же зарубежной страны у близких родственников путем подачи запроса или проведения оперативно-розыскных мероприятий. Проверять нужно только у близких родственников: у детей, у супруга(и), у родителей, родных братьев и сестер, родных бабушек и дедушек с обеих сторон, родных дядей и тетей.

Используя предлагаемую методику по выявлению фактов двойного гражданства, мы сможем добиться более высокого результата, не распыляться на обработку больших данных, работать более точечно и с определенным кругом людей.

Ключевые слова: двойное гражданство, материнский капитал, пособие, пенсия, мошенничество, безопасность, законодательство Республики Казахстан, контроль за гражданством, проверка близких родственников, оперативно-розыскные мероприятия, эффективность правоприменения, оптимизация данных, контроль за миграционными процессами.

Abstract

This article initiates amendments and additions to the legislation, which, if a citizen of the Republic of Kazakhstan has dual citizenship, it is necessary to check for the presence of a similar dual citizenship of the same foreign country in close relatives by submitting a request or conducting operational investigative measures. You only need to check with close relatives: children, spouse, parents, siblings, grandparents on both sides, uncles and aunts.

It is necessary to check the presence of dual citizenship in relatives not in all countries, but in a specific country that has been detected in a person. Which is easy to do by sending a request to the appropriate country.

Using the proposed methodology for identifying the facts of dual citizenship, we will be able to achieve a higher result, not be sprayed on big data processing, work more precisely and with a certain circle of people.

We also addressed the relevant proposal to the Committee of the Migration Service of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan. And we have received an appropriate response.

Keywords: dual citizenship, maternity capital, allowance, pension, fraud, security, legislation of the Republic of Kazakhstan, control over citizenship, verification of close relatives, operational investigative measures, effectiveness of law enforcement, data optimization, control over migration processes.

На протяжении многих лет ученые пытались дать точное определение «гражданства». Одним из первых ученых юристов, кто дал толкование данному понятию стал С.С. Кишкин, он считал: «Гражданство – есть личная связь индивида с государством, обуславливающая возможность определимости данного лица всеми элементами правовой и политической системы страны» [1, с. 97].

По вопросу двойного гражданства, Н.В. Витрук утверждает: «Двойное гражданство – это правовое состояние, при котором лицо имеет одновременно гражданство двух государств на основе соглашения этих государств» [2, с.143]. Т.Б.Смашникова под определением «двойное гражданство» понимает: «Наличие у человека паспортов и равнозначных правовых статусов гражданина двух государств, между которыми подписаны соответствующие международные договоры о двойном гражданстве» [3, с. 65].

В соответствии с пунктом 3 статьи 10 Конституции Республики Казахстан за гражданином Республики Казахстан не признается гражданство другого государства, т.е. двойное гражданство запрещено. Однако нередки случаи, когда граждане РК приобретают гражданство иностранного государства, не выйдя из гражданства РК, и тем самым имеют незаконное двойное гражданство. Основной мотив получения второго гражданства - не просто желание свободного передвижения, но и получение определенных материальных выгод (например, пенсионный расчет, пособие за рождение ребенка и т. д.) [4].

Следует отметить, что в соответствии с Конституцией гражданство Республики Казахстан приобретается и прекращается в соответствии с законом, является единым и равным независимо от оснований его приобретения (пункт 1, статья 10).

Одним из оснований для регистрации утраты гражданства Республики Казахстан является приобретение лицом гражданства другого государства (п. 5 ст. 21 Закона Республики Казахстан «О гражданстве Республики Казахстан»).

Гражданство Республики Казахстан прекращается вследствие: выхода из гражданства РК, утраты гражданства РК, лишения гражданства РК (статья 19 Закона).

При поступлении сведений о наличии иностранного гражданства, сотрудниками органов внутренних дел проводится проверка по подтверждению принадлежности к гражданству другого государства в отношении указанных лиц.

В настоящей статье мы инициируем внесение изменений и

дополнений в законодательство, что при случае обнаружения у гражданина Республики Казахстан двойного гражданства – обязательно проверять на наличие аналогичного двойного гражданства той же зарубежной страны у близких родственников путем подачи запроса или проведения оперативно-розыскных мероприятий. Проверять нужно только у близких родственников: детей, супруга(и), родителей, родных братьев и сестер, родных бабушек и дедушек с обеих сторон, родных дядей и тетей.

Используя предлагаемую методику по выявлению фактов двойного гражданства, мы сможем добиться более высокого результата, не распыляться на обработку больших данных, работать более точечно и с определенным кругом людей.

С соответствующим предложением мы обратились также в Комитет миграционной службы Министерства внутренних дел Республики Казахстан. И нами был получен соответствующий ответ (№ЖТ-2024-03231546 от 07.03.2024).

При поступлении сведений о наличии иностранного гражданства, сотрудниками органов внутренних дел проводится проверка по подтверждению принадлежности к гражданству другого государства в отношении указанных лиц.

Вместе с тем, при необходимости запрашиваются сведения в отношении близких родственников.

При подтверждении информации, в отношении лица принимаются меры в соответствии с национальным законодательством (регистрируется утрата гражданства, и при наличии оснований привлекается к административной ответственности по статье 496 КРКоАП).

Одновременно сообщаем, что органами внутренних дел совместно с заинтересованными государственными органами на постоянной основе осуществляется работа по выявлению гражданства иностранного государства у граждан Республики Казахстан.

В настоящее время в рамках законопроекта внесены ряд поправок в законодательство РК в области гражданства, которые находятся на рассмотрении в Парламенте Республики Казах-

стан.

Как мы видим из ответа Комитета миграционной службы МВД РК, в настоящее время проверка близких родственников на наличие двойного гражданства у лиц с двойным гражданством проводится только в случае необходимости. Мы же считаем, что эта проверка должна быть обязательной.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России. – М., 1997.
2. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М., 2008.
3. Смашникова Т.Б. Особенности статуса лиц, имеющих двойное гражданство, в Российской Федерации / Т.Б. Смашникова // Современные инновации. Юридические науки – 2017. – № 1 (15).
4. Электронный ресурс: https://egov.kz/cms/ru/articles/double_citizenship

Бондаренко С. И.

ВЛИЯНИЕ ЦЕЛИННОГО ПРОЕКТА НА СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ АЛТАЯ И СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА

Аннотация

Статья посвящена влиянию целинной эпопеи на культурное, этносоциальное, демографическое развитие Алтая и Северного Казахстана. Рассматриваются государственные меры по культурной и бытовой адаптации переселенцев. Стержнем целинной эпопеи стало введение в сельхозоборот новых земель. Это освоение обеспечивалось прежде всего совместным, организованным трудом и формирующимся единым этносоциальным

ландшафтом. Культурно-просветительная деятельность стала своеобразной скрепой в формировании новой трансграничной идентичности. В этот период стали выпускаться новые газеты и журналы. В 1956 году в Казахстане начала выходить республиканская литературная газета «Казак әдебиеті». В марте 1956 года вышел первый номер сатирического журнала на казахском и русском языках «Ара» («Шмель»). С 1958 года стал выходить общественно-политический журнал «Культура и быт» на казахском языке. Первые газеты и журналы печатались на казахском, русском, корейском, чеченском, уйгурском и узбекском языках. Во время целинной эпопеи впервые после 1927 года стали возрождаться айтысы (устно-поэтическое состязание самодеятельных певцов). Улучшение материального благосостояния, развитие экономики в ходе целинного проекта способствовало стабилизации, социальных, межэтнических отношений.

Ключевые слова: целина, Алтай, Северный Казахстан, этноконтактная группа, адаптация, реэмиграция, социокультурная политика.

Abstract

The article is devoted to the influence of the virgin epic on the cultural, ethnosocial, and demographic development of Altai and Northern Kazakhstan. The state measures for cultural and household adaptation of migrants are being considered. The core of the virgin epic was the introduction of new lands into agricultural turnover. This development was provided primarily by joint, organized labor and the emerging unified ethnosocial landscape. Cultural and educational activities have become a kind of bond in the formation of a new cross-border identity. During this period, new newspapers and magazines began to be published. In 1956, the republican literary newspaper Kazak Debieti began to be published in Kazakhstan. In March 1956, the first issue of the satirical magazine in Kazakh and Russian «Ara» («Bumblebee») was published. Since 1958, the socio-political magazine «Culture and Life» began to be published in the Kazakh language. The first newspapers and magazines were

published in Kazakh, Russian, Korean, Chechen, Uighur and Uzbek languages. During the virgin epic, for the first time since 1927, aitys (an oral poetry competition of amateur singers) began to revive. The improvement of material well-being and economic development during the virgin project contributed to the stabilization of social and interethnic relations.

Keywords: virgin land, Altai, Northern Kazakhstan, ethnocontact group, adaptation, re-emigration, socio-cultural policy.

Февральско-мартовский Пленум ЦК КПСС СССР в 1954 г. принял постановление об освоении целинных и залежных земель в различных регионах страны с целью решить острую зерновую проблему в стране. Из всех мероприятий Н.С. Хрущева в области сельского хозяйства эта значительная программа была одной из самых сложных. Вопрос о значении и оценке программы остается до сих пор дискуссионным в исторической литературе. По сути, это был последний аграрный проект СССР, потребовавший массового переселения людей. Мероприятие по освоению целинных и залежных земель изменило не только жизнь многих людей, но и целых регионов. К таким регионам в первую очередь относятся Северный Казахстан и Алтайский край.

Известно, что в 1950-е гг. хлебная проблема в стране стояла очень остро. Так в 1953 г. в СССР было заготовлено 31 миллион тонн зерна, а израсходовано более 32 миллионов. Разница была компенсирована за счет резервного фонда. Правительством было намечено в 1954 г. и 1955 г. освоить 13 млн. га целинных и залежных земель, доля Алтайского края при этом составляла 2 млн. 305 тыс. га [1, с.135]. Львиную долю целинного плана предполагалось освоить на территории Северного Казахстана. В дальнейшем в Казахстане за семь лет (1954–1960 годы) было поднято 25,5 миллионов гектаров целинных и залежных земель, из них в северных областях -17 миллионов [10, с. 437].

Характерной чертой целинной эпопеи являлось значительное перемещение людей, помещение их в иные социокультурные условия. В первую очередь внимание властей было обращено к молодежи. Уже с конца февраля по 20 апреля 1954 г. на целину комсомол страны отправил 146 710 человек. Всего за два года усилиями комсомола на целину было отправлено 330 375 человек [11, с. 9]. В Казахстан в первые два года переселилось 20 тыс. семей. Население трансграничных регионов росло. В Целинном крае Казахстана (образованном в 1960 г.) население увеличилось на 183%. При этом следует отметить, что рост сельского населения происходил за счет прибывших трудящихся из РСФСР, Украины, Белоруссии и других республик. Все это предопределило особенности культурного развития трансграничного региона [12, с. 146].

Целинный проект требовал огромных материальных, людских, инфраструктурных усилий. Целина — это, прежде всего, взаимодействующие люди. Организация труда людей разных национальностей, разных слоев общества, разной культуры было делом крайне непростым и требовало определенной гибкости от власти.

Стержнем целинной эпопеи стал трудовой порыв, который обеспечивался совместным, организованным трудом и формирующимся новым культурным ландшафтом. Вопрос трудового порыва был понятен, а вот культурное сплочение требовало особого подхода. Для организации культурного отдыха целинников на краевом и районных уровнях создавались специальные комиссии. Организовывались различные «Вечера встречи с молодыми патриотами», «Вечера содружества молодежи» и т. д. На таких мероприятиях обычно выступали секретари районного комитета комсомола, рассказали о месте прибытия, о планах по освоению целинных и залежных земель. Мероприятие заканчивалось концертом художественной самодеятельности совместно с новоселами. Это должно было способствовать укреплению дружеских отношений с местной молодежью [8, 6].

Совместный труд сплачивал молодежь, но порой для этого требовалось время. Проблема состояла в том, что молодежь приезжала из разных регионов, многие ребята были коренными

горожанами, им приходилось заново осваивать новые для них сельскохозяйственные профессии в иных бытовых и климатических условиях. В частности, секретарь партбюро совхоза «Алтай» Табунского района Алтайского края отмечал: «С начала организации совхоза молодежь делилась на группы по принципу землячества. Эти группы держались обособленно друг от друга. Одни называли себя «ульяновцами», другие «кузбасовцами» и т. д. Бывало даже так, что одни не хотели работать там, где работали другие» [5]. Руководство обычно в таких случаях проводило беседы о дружбе, лекции. Трудно сказать, насколько эффективны были эти беседы, но в целом жители Алтайского края позитивно воспринимали новоселов. Новоселы активно вовлекались в жизнь села внося в не новые культурные паттерны.

Куда более значительным и одновременно более сложным было освоение целинных земель в районах Северного Казахстана. Так, в период освоения целины в районы Северного Казахстана по подсчетам ученых прибыло от одного до двух миллионов переселенцев. Необходимо также отметить, что в период сталинских репрессий в районы Северного Казахстана были направлены депортированные немцы и жители с Северного Кавказа. По мнению историка М. Поль около одной трети жителей Северного Казахстана к 1946 г. составляли люди, находившиеся на «специальном» положении [11].

Не секрет, что на целину за новой жизнью приезжали и «люди с темным прошлым» и воспитанники детских домов, просто люди с тяжелой судьбой и надеждой изменить свою жизнь к лучшему. Безусловно, не обходилось без конфликтов. Власти старались смягчить межэтнические конфликты. Так 13 декабря 1955 г. с немцев были сняты ограничения спецрежима, а в декабре 1956 г. специальной резолюцией горцам разрешили вернуться домой.

Американская исследовательница М. Поль, изучая целинный проект, сделала акцент не на экономическом эффекте, а на этнических отношениях, на особенностях формирования регио-

нальной культурной целинной идентичности. Историк изучила многочисленные архивные документы, проанализировала устные свидетельства, проведя самостоятельно полевые исследования, пришла к выводу, что именно совместный труд, общие невзгоды и разочарования, успехи в труде способствовали тому, что люди всех национальностей научились уважать друг друга, даже если вначале не все складывалось. А ведь по воспоминаниям одного из ее респондентов в их совхозе жило 125 национальностей. Многими русскими респондентами исследовательницы отмечена очень важная черта культуры казахов - гостеприимство [11]. Именно в этот период, по мнению ученых, начала формироваться новая этноконтактная территория.

Формированию новой этноконтактной территории способствовала определенная культурная политика государства. Культурно-просветительная деятельность должна была стать своеобразной скрепой в формировании новой трансграничной идентичности.

Так во вновь созданных поселках интенсивно расширялись, развивались новые формы культурно-досуговой работы, создавались новые культурно-просветительные учреждения, активно использовались передвижные средства: агитационные машины, автоклубы, агитационно-художественные бригады и т.д. Наполнялась новым содержанием и работа традиционных национальных учреждений культуры: домов культуры, «красных юрт», агитпунктов, «красных уголков», сельских клубов и т.д.

Вместе с тем этот период стали выпускаться новые газеты и журналы. В 1956 году в Казахстане начала выходить республиканская литературная газета «Казак әдебиеті». В марте 1956 года вышел первый номер сатирического журнала на казахском и русском языках «Ара» («Шмель»). С 1958 года стал выходить общественно-политический журнал «Культура и быт» на казахском языке. Следует отметить, что первые газеты и журналы печатались на казахском, русском, корейском, чеченском, уйгурском и узбекском языках [12, с. 146]. Во время целинной эпопеи впервые после 1927 года стали возрождаться айтысы

(устно-поэтическое состязание самодеятельных певцов. Острой была проблема национальных кадров в сфере культуры. Власти направили в целинные районы Казахстана на постоянную работу около 300 работников культуры. Свыше 20 высококвалифицированных специалистов из аппарата подведомственных Министерству культуры республиканских учреждений были направлены для оказания методической и практической помощи культпросветработникам на местах.

Многие современные казахские ученые, говоря о целинном проекте, указывают на уменьшение численности коренной нации, упадке национальной культуры. Представляется, что во многом это были общие явления для всей страны. Так некоторые сельские районы Центрального Черноземья, оставшись без государственной поддержки в годы освоения целины, приходили в запустение не только экономическое, но и культурное. В этих районах закрывались небольшие сельские школы, библиотеки из-за недостатка финансирования.

Вместе с тем именно целина способствовала реэмиграции советских граждан из Китая в Казахстан. В мероприятиях по репатриации участвовали органы управления, которые занимались вопросами целины, что говорит о прямой связи этих процессов. Возвращение советских граждан из Китая в первой половине 50-х – начале 60-х гг. стала одной из самых массовых. Так в 1954 -55 гг. в Казахстан из Китая въехало более 65,5 тыс. человек, из которых около половины составляли казахи и уйгуры. В 1958-59 гг. около 59 тыс. человек, из них казахов почти 40 тыс. человек. В последующие годы из Китая выехало еще 15 тыс. человек, также в основном казахов и уйгур. В целом миграционный поток из Китая продолжался до 1963 г. [2]. Власти старались трудоустроить репатриантов, многие обучались различным сельскохозяйственным специальностям, востребованным на целине. В целом, эти меры способствовали хотя и скромному, но увеличению численности коренного населения.

В 1956 г. Казахстан сдал государству миллиард пудов зерна [3]. Только за первые два года целинной эпопеи Северный Казахстан получил капиталовложений более чем на 3 млрд. руб. Переселенцы построили около 10 тыс. частных домов, более 70 новых совхозов, возводилась необходимая инфраструктура. К середине 50-х гг. почти во все поселки Северного Казахстана пришло электричество, телефонная связь. Люди стали получать стабильную зарплату. В 1960 г. на целине была проведена административная реформа. В 1960 г. пять северных областей Казахстана были объединены в единую территориальную единицу и получили новое название – Целинный край. Акмолинск стал столицей края и переименован в Целиноград.

Целиноград становится экономически развитым культурным центром Казахстана, дополнительные инвестиции продолжают поступать. В 1960- е гг. сюда приезжают уже в основном студенты, представители интеллигенции, возрастает количество рабочих мест. После политической реабилитации в 1964 г. у немцев появляется некоторая возможность реализовать идею культурной автономии.

Таким образом, целинный проект был действительно сложным неоднозначным проектом не только в экономическом плане, но и в социокультурном, демографическом. Многие вопросы этого целинного проекта не изучены, многие являются дискуссионными. Вместе с тем исследователи сходятся во мнении, что именно улучшение материального благосостояния, развитие экономики в целом, способствовало улучшению культурных, социальных, межэтнических отношений.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алтай в послевоенный период: историко-экономический очерк. - Барнаул, 1974. – 84 с.

Алпыспаева Г.А., Саяхимова Ш.Н. Хозяйственно-бытовое и трудовое устройство граждан репатриантов из КНР в Казахстан в годы целины // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы VI межрегиональной научно-практической конференции. Благовещенский гос.пед. ун- т., 2016. – С.

117-123.
Бекишев К.О. Роль содружества народов в решении хлебной проблемы в послевоенные годы // Омский научный вестник. 2011. № 5. – С. 36-38.
Бондаренко С.И. Исторические аспекты освоения целинных и залежных земель: значение, опыт, перспективы (к 60-летию целинной эпопеи) // Аграрная наука – сельскому хозяйству: IX международная научно-практическая конференция (5-6 февраля 2014). Сборник статей в 3-х книгах. Книга 1. Барнаул: Изд-во РИО АГАУ, 2014. – С. 18-22.
2. Государственный архив Алтайского края. Ф. 1741. Оп. 1. Д. 9. Л. 10, 11.
3. Газета «Кировец», 18 марта 1954 г.
4. Газета «Колхозник», 28 марта 1954 г.
5. Газета «Колхозное знамя», 14, 21 марта, 11 апреля 1954 г.
6. Курьинский район на рубеже веков: очерки истории и культуры. Барнаул, Упр. арх. делами адм. Алт. Края, 2015. – 265 с.
7. Народное хозяйство СССР в 1960 году: [сборник статей]. – М., 1961. – 123 с.
8. Поль М. «Планета ста языков». Этнические отношения и советская идентичность на целине // Вестник Евразии, 2004. - №1. – С. 5-33.
9. Сапарова Ю.А. Особенности развития художественного творчества в Казахстане в послевоенные годы // Вестник МГУКИ, 2011. - № 5(43). – С. 145-149.

Бургарт Л.А.

НАСЕЛЕНИЕ КАЗАХСТАНА ПО ВЕРОИСПОВЕДАНИЮ ПО ИТОГАМ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПЕРЕПИСИ РК 2021 ГОДА

Аннотация

В статье анализируются итоги Национальной переписи населения РК 2021 г. по вероисповеданию. Представлена общая структура населения Казахстана по вероисповеданию, распределение по регионам, анализируется структура этносов по вероисповеданию и структура вероисповеданий по этническому составу и возрастам. Проводится сравнительный анализ данных Национальных переписей 2009 и 2021 гг., выделяются основные тенденции состояния населения Казахстана по вероисповеданию на современном этапе.

Ключевые слова: национальная перепись, население Казахстана, вероисповедание, структура, этнос.

Abstract

The article analyzes the results of the National Population Census of the Republic of Kazakhstan in 2021 by religion. The general structure of the population of Kazakhstan by religion, distribution by region is presented, the structure of ethnic groups by religion and the structure of religions by ethnic composition and age are analyzed. A comparative analysis of the data from the National Censuses of 2009 and 2021 is carried out, the main trends in the state of the population of Kazakhstan by religion at the present stage are highlighted.

Keywords: National Census, population of Kazakhstan, religions, structure, ethnic groups.

В период с 1 сентября по 30 октября 2021 г. в Казахстане прошла очередная Национальная перепись населения [1]. Среди вопросов, включённых в перепись, также, как и в 2009 году [2], был вопрос о вероисповедании. Однако, в сравнении с пред-

шествующей переписью [3], вопрос был детализирован. Если в переписи 2009 г. [3, с. 25-26] респондентам предлагалось 7 вариантов ответов: 4 основные конфессии («ислам», «христианство», «иудаизм» и «буддизм»), а также варианты: «другое», «неверующий» и «отказываюсь указать», то в переписи 2021 г. в христианстве было выделено 3 ветви: «православие», «католицизм» и «протестантизм». Таким образом, структура населения Казахстана по вероисповеданию выглядит относительно более полной и подробной. Вопрос о вероисповедании уже во второй раз включён в опросный лист Переписи, что позволяет провести сравнительный анализ [4] некоторых показателей, за исключением детализации по христианству.

Необходимо сразу же сделать оговорку, что эти показатели не отражают в полной мере степень религиозности населения Казахстана, его «воцерквлённости». Не следует забывать, что многие респонденты относят себя к тому или иному вероисповеданию часто номинально (по происхождению, по этносу) и не являются практикующими верующими, лишь изредка или вообще не посещают мечети, храмы, молитвенные дома.

Сначала проанализируем основные показатели [1, с. 35-47]. Общая численность верующих в Казахстане возросла вслед за ростом численности населения Казахстана в целом. Всего более 16 640 000 жителей страны назвали себя верующими. Однако, если прирост всего населения Казахстана в 2021 г. к 2009 г. составил 19,8%, то прирост верующего населения к 2009 г. составил лишь 6,8%. В 2009 г. доля верующих в составе населения Казахстана достигала отметки в 96,7%, тогда как по итогам переписи населения 2021 г. лишь 86,7% отнесли себя к верующим разных конфессий. Таким образом, отмечается сокращение доли верующих практически на 10% [Приложение 1]. Однако, не стоит спешить делать вывод о росте доли неверующего населения.

Структура населения Казахстана по вероисповеданию согласно данным Переписи 2021 г. выглядит следующим образом: 69,31% (13,3 млн. человек) составили мусульмане, 17,2 % (3,3млн. человек) - христиане, из них: 17% (3269143 человек)

- православные, 0,1% (19000 человек) - католики и 0,05 (чуть менее 10000 человек) - протестанты, последователи иудаизма составили 0,04% (7000 человек), буддисты – 0,08% (15500 человек) [Приложение 2].

В сравнении с 2009 г. наблюдается некоторое сокращение доли верующих в процентном выражении по всем конфессиям. Так численность мусульман возросла в абсолютных показателях, но сократилась с 70,2% до 69,3%, численность христиан сократилась в абсолютном и процентном выражении, причём существенно - с 26% до 17%. Это объясняется, прежде всего, факторами внешнего порядка – эмиграцией этносов, традиционно исповедовавших христианство. Небольшой рост в численном выражении отмечается у буддистов.

Число неверующих в Казахстане при этом не стало больше, а напротив, уменьшилось до 432140 человек (2,3%), в 2009 г. этот показатель составил 450507 человек (2,8%). Однако, обращает на себя внимание резкий рост числа тех, кто отказался указать вероисповедание. Если в 2009 г. их было порядка 80000 человек, и они составляли лишь 0,5 % населения, то в 2021 г. число отказавшихся указать вероисповедание составило уже более 2 млн. человек или 11% населения. И эта статистика несколько парадоксальна. В стране не наблюдается антирелигиозной политики или преследований за веру, в последнее 10-летие политика Казахстана в сфере религии и межконфессиональных отношений в целом характеризуется как относительно благоприятная. Да, были ужесточены требования и условия регистрации религиозных объединений, в определённой степени стал строже контроль, усилены меры по противодействию религиозному экстремизму. Однако, когда в Перепись населения 2009 г. впервые был включен вопрос о вероисповедании, люди давали исчерпывающие ответы. Спустя 10 лет ситуация изменилась. Какие причины могли вызвать такие итоги? Одной из причин, которая, безусловно, имела место и в 2009 г., был страх, сохранившийся, прежде всего, у людей старшего поколения, переживших гонения за веру. Однако, эта причина не является

основной, и не может объяснить резкий рост показателей. Что же кроется за этими цифрами? Если рассмотреть распределение отказавшихся указать вероисповедание по национальностям в абсолютной численности, то более половины из них, а именно 1 248 989 человек, составили казахи, затем русские и узбеки. Если брать в разрезе возрастов, то наибольшее количество респондентов, выбравших этот ответ приходится на возрастные группы от 25 до 44 лет и в возрасте старше 70 лет. В разрезе регионов самая высокая доля отказавшихся указать вероисповедание приходится на Мангистаускую область, г. Шымкент, г. Алматы и Алматинскую область, то есть, преимущественно на регионы с явным преобладанием казахского этноса в структуре. В проекции на долевое соотношение внутри этносов наиболее высокие доли демонстрируют азербайджанцы, чеченцы, дунгане, курды, турки, уйгуры, кыргызы (от 20 до 27%). Можно предположить, что одной из причин является принадлежность респондентов к нетрадиционному для определённого этноса вероисповеданию, возможно также не отождествление себя с традиционным исламом. Нельзя исключать и принадлежность некоторых респондентов к сектам, а также получившую распространение идею «личного пространства и частных границ». Возможно, посредством каких-то анонимных социологических исследований удастся установить мотивы отказа, предложив респондентам, выбравшим ответ «отказываюсь указать», уточнить причину.

Таким образом, если по итогам Переписи населения 2009 г. 99,5% населения РК открыто заявили о своей позиции в отношении вероисповедания, то по итогам Переписи 2021 г. этот показатель составил лишь 89%. Доля неверующих, как уже отмечалось, при этом невелика.

Анализ численности населения по вероисповеданиям в разрезе город-село, показывает, что в составе сельского населения доля мусульман выше и составляет 77%, тогда как в городе – 64%. У христиан в целом противоположная картина: в сельской местности доля христиан составила 11,8%, в городе – 20,6%.

В разрезе ветвей христианства, у православных аналогичное соотношение долей. Тогда как доля католиков примерно одинаковая среди сельского и городского населения страны. Доли отказавшихся указать (11,8% и 9,7%) и доли неверующих (2,8% и 1,4%) также выше у городского населения.

Внутренняя структура вероисповеданий по размещению выглядит таким образом, что 57% мусульман проживает в городе и 43% в сельской местности. У христиан – 73,3% приходится на город и лишь 26,7% на село. При этом у православных картина идентичная, у католиков 56% проживают в селе и 44% в городе. Протестанты являются преимущественно жителями городов – 86% и лишь 14 % приходится на село, такое же соотношение у последователей иудаизма. 78% буддистов приходится на городскую местность и 21,7% на сельскую. По неверующим: 76% это жители городов и 14% - сельские жители. Из отказавшихся указать вероисповедание почти 66% также приходится на город и 34% на сельскую местность. Таким образом, явный перевес городского населения наблюдается у протестантов, иудаистов, буддистов и православных. Чуть меньше перевес у мусульман. У католиков же, напротив, небольшой перевес сельских жителей.

Как выглядит население Казахстана по вероисповеданию в разрезе регионов [1, с. 35-46]? Наиболее высокую долю мусульман демонстрируют Кызылординская, Туркестанская, Жамбылская, Атырауская и Актюбинская области. По доле протестантов выделяются Астана и Алматы, по доле буддистов – г. Алматы и Алма-Атинская область, а также Жамбылская и Карагандинская области.

Самая высокая доля христиан приходится на Северо-Казахстанскую Костанайскую, Павлодарскую, Акмолинскую, Восточно-Казахстанскую и Карагандинскую области. В этих регионах христиане составляют от 55 до 32% населения. Соответственно, эти 6 областей в таком же порядке имеют наиболее высокую долю православных. Самая высокая доля католиков приходится на Северо-Казахстанскую (0,92%), Акмолинскую

(0,52%), также выделяются Павлодарская, Костанайская, Карагандинская, Восточно-Казахстанская области и г. Астана, в которых доля более 0,1%. Основными регионами сосредоточения протестантов являются Карагандинская область и г. Алматы, где их доля составляет около 0,13%. Последователи иудаизма проживают преимущественно в городах Алматы и Астана, здесь их доля около 0,11%. Основными регионами проживания буддистов являются г. Алматы – 0,22%, Карагандинская область – 0,19% и Алматинская область – 0,16%.

Ситуация по неверующим выглядит следующим образом: от 3 до 4% составили доли неверующих в Костанайской, Мангыстауской, Карагандинской областях, городах Алматы и Шымкент. Самая высокая доля отказавшихся указать вероисповедание, как уже отмечалось, выше в Мангыстауской области (22,1%), г. Шымкент (21,3%), г. Алматы (19,9%) и Алматинской области (19,4%). Как мы видим, эти регионы превосходят существенно общеказахстанский показатель неверующих (11%).

Возрастной срез [6] показывает более высокую долю исповедующих ислам среди детей до 17 лет и молодёжи (73-76%). В этих возрастных группах доля христиан составляет 10-14%. Среди пожилого населения от 60 лет и старше, доля мусульман, напротив, не достигает и 50%, тогда как доля христиан составляет 34%.

Рассмотрим ситуацию в разрезе этносов [5, с. 505-515] и берём за 100% численность каждого этноса. Казахи традиционно исповедуют ислам – почти 90%, более 9% отказались указать, чуть более 1% - неверующие, 0,3% исповедуют христианство, преимущественно православие, хотя есть и протестанты - чуть более 2000, столько же последователей иудаизма и чуть больше 1000 католиков и столько же буддистов. У других этносов, чьим вероисповеданием традиционно считался ислам, раздробленность больше. Например, только 53% татар являются мусульманами, 24% - христианами.

Русские преимущественно исповедуют православие – 85,5%, 7,5% отказались указать вероисповедание, 4,7% отнесли

себя к неверующим, 2% исповедуют ислам, 0,1% - католицизм и иудаизм. Православие является основным вероисповеданием и для основной части украинцев, белорусов. При этом обращает на себя внимание доля отказавшихся указать, это около 13% у украинцев и 15% у белорусов. Своеобразно выглядит картина у таких этносов как немцы и поляки, которые традиционно не являлись последователями православия. На сегодняшний день 73,7% немцев и 64,5% поляков исповедуют православие. Доля католиков среди польского населения составила 13,4%. Исторически поляки являлись прежде почти 100% приверженцами католицизма. Ещё более парадоксальная ситуация у немецкого населения [Приложение 3]. Лишь 3,2% немцев исповедуют католицизм и 0,4% - протестантизм. При этом доля отказавшихся указать составила более 13%. Традиционно прежде около 2/3 немцев исповедовали протестантизм и около 1/3 – католицизм. Перепись 2021 г. показала полное переформатирование конфессиональной структуры этих этносов. Это объясняется несколькими факторами. Во-первых, во времена гонений, ввиду отсутствия католических священников и протестантских пасторов, многие немцы и поляки крестили детей в православной церкви. Во-вторых, сегодня у этих этносов довольно высокий процент межнациональных браков с русскими. Возможно, некоторую роль сыграл и фактор страха, уходящий корнями в прошлое этих этносов, пережившего депортацию и гонения за веру. Это отчасти объясняет довольно высокую долю отказавшихся указать вероисповедание среди немцев.

Большая раздробленность по вероисповеданию отмечается у корейцев. Порядка 34% из них отнесли себя к православным, 18,7% - к исламу, 1% - к протестантам, 16,4 % назвали себя неверующими и 17,7% отказались указать вероисповедание. Практически все этносы Казахстана демонстрируют разную степень поликонфессиональности.

Далее рассмотрим этническую структуру самих вероисповеданий [5, с. 505-515] и берём за 100% каждое вероисповедание. Анализ этнического состава конфессиональных групп показы-

вает, что практически все конфессиональные группы в Казахстане в той или иной степени полиэтничны [Приложение 4]. Нет ни одного моноэтничного вероисповедания. В меньшей степени полиэтничен ислам, его исповедуют преимущественно казахи и узбеки. Они составили 94% конфессиональной группы. Кроме уйгур, татар, азербайджанцев, чеченцев, дунган, таджиков, киргизов, ислам также исповедуют и представители неазиатских этносов: русские, немцы, украинцы белорусы (от нескольких сотен до десятков тысяч человек). Православные представлены традиционно русскими, украинцами, белорусами. Эти этносы составили костяк конфессиональной группы – почти 89%. Но православие также исповедует немцы (166 тыс. – 5,1%), поляки (22 тыс. – 0,7%%). Есть среди православных татары (52 тыс. – 1,6%), корейцы (40 тыс. – 1,2%), также казахи (42 тыс. – 1,3%), уйгуры, курды, чеченцы. Наибольшая степень полиэтничности наблюдается у католиков и протестантов. 38% католиков – немцы, 24,9% - поляки. Довольно значительную долю составляют русские – 17,2%. Обращает на себя внимание и почти шестипроцентная доля (1000 чел.) казахов среди католиков, она даже больше доли украинцев (4,9%) и белорусов (2,2%). Есть среди католиков корейцы (1,6%), а также татары (0,58%), уйгуры и многие другие этносы Казахстана. Протестанты Казахстана представлены преимущественно русскими (42,6%), на втором месте корейцы (14, 1%), затем немцы – 8,8% и поляки – 4,8%, украинцы – 4,2%, татары – 2,3%. Протестантизм исповедуют и другие этносы: белорусы, узбеки, казахи и др.

В качестве одного из недостатков опубликованных материалов переписи следует отметить отсутствии евреев в списки основных этносов по вероисповеданию. В этой связи не представляется возможным установить общую численность евреев среди последователей иудаизма. Можем лишь предположить, что они скрываются за группой «другие». Именно эта группа составила 35,7% в составе иудеев, далее идут казахи – 32,5% и русские – 20,9%. Буддисты Казахстана представлены корейцами (82,4%), казахами (6%) и русскими (5%). Среди неверующих

32,8% составили казахи, 32,8% - русские. Среди «отказавшихся указать вероисповедание» более половины (58%) составили казахи, 10% - русские.

По уровню образования [5, с. 524-543] практически у всех вероисповеданий доля лиц с высшим образованием составляет в пределах 1,3-1,6%. То есть, бытовавшее прежде мнение о том, что значительное число лиц с высшим образованием является последователями протестантизма, не находит своего подтверждения.

Что касается возрастной структуры [3, с. 515- 524], то характеризуя ситуацию вкратце, можно отметить, что у представителей ислама наблюдается преобладание более молодых возрастных групп со снижение численности в группах от 50 лет и старше. У православных относительно равномерное распределение с ростом доли старших возрастных групп, особенно старше 70 лет. У католиков в целом относительно равномерное распределение по возрастным группам, с небольшим преобладанием групп от 30 до 45 лет. У протестантов наблюдается некоторое преобладание молодых возрастных групп от 15 до 24 лет. По «неверующим»: меньше всего доля неверующих в группе 65-69 лет, больше всего в группах 15-19 и 70 лет и старше. Среди «отказавшихся указать» выделяются группы от 20 до 39 лет.

Таким образом, итоги Национальной переписи 2021 г. позволяют выделить основные тенденции состояния населения Казахстана по вероисповеданию на современном этапе:

1. Снижение доли верующих при отсутствии роста доли неверующих, но с резким увеличением доли отказавшихся указать вероисповедание. Перепись зафиксировала рост скрытости религиозных убеждений (11% населения страны).
2. Основными вероисповеданиями в Казахстане являются ислам (порядка 70% населения) и христианство, преимущественно православие (17%). Доля представителей других конфессий невелика.
3. Незначительная доля неверующих (0,5%).
4. Различная степень полиэтничности конфессий, с яркой

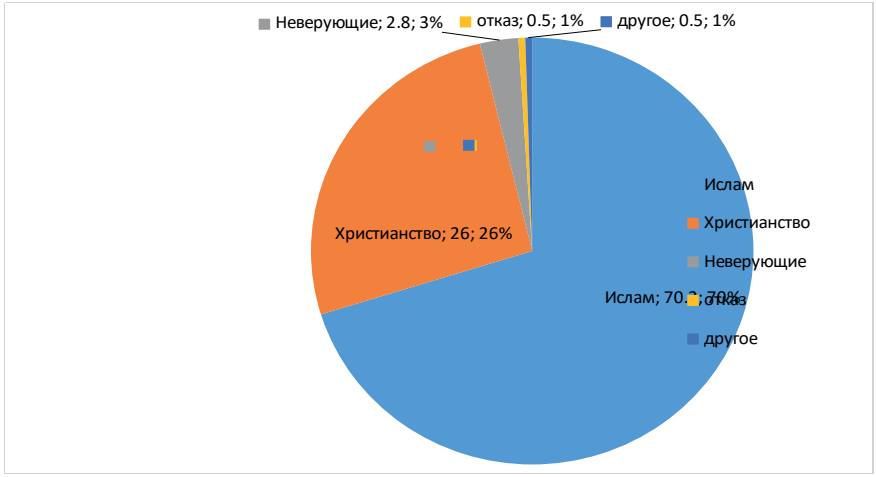
выраженностью у некоторых вероисповеданий.

5. Различная степень поликонфесиональности этносов, с яркой выраженностью у отдельных этносов. Аномалия у немцев и поляков.

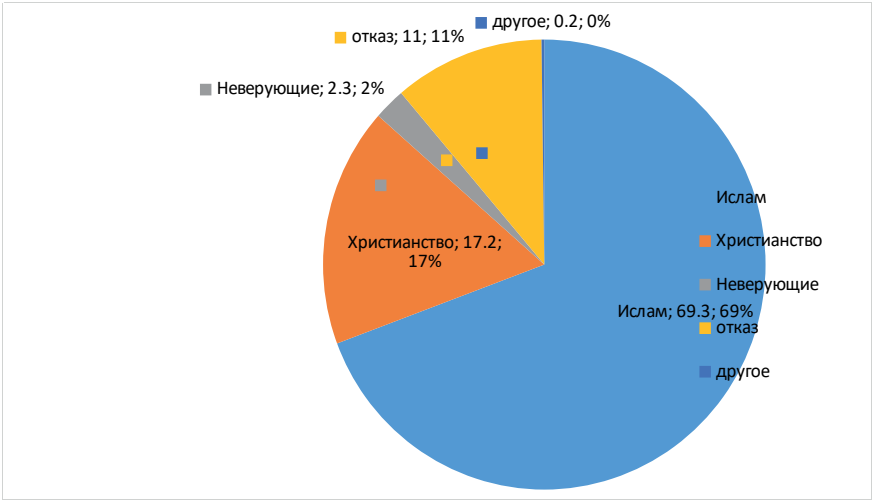
Перепись впервые представила детализированную структуру населения Казахстана по вероисповеданиям, но проследить процессы в динамике и провести сравнительный анализ можно будет только после очередной национальной переписи.

Безусловно, данные Национальной переписи населения не являются абсолютным отражением реального состояния религиозности населения Казахстана, однако, содержат важные сведения, на основании которых можно сделать выводы об отношении населения страны в целом, а также в разрезе регионов и этносов к религии.

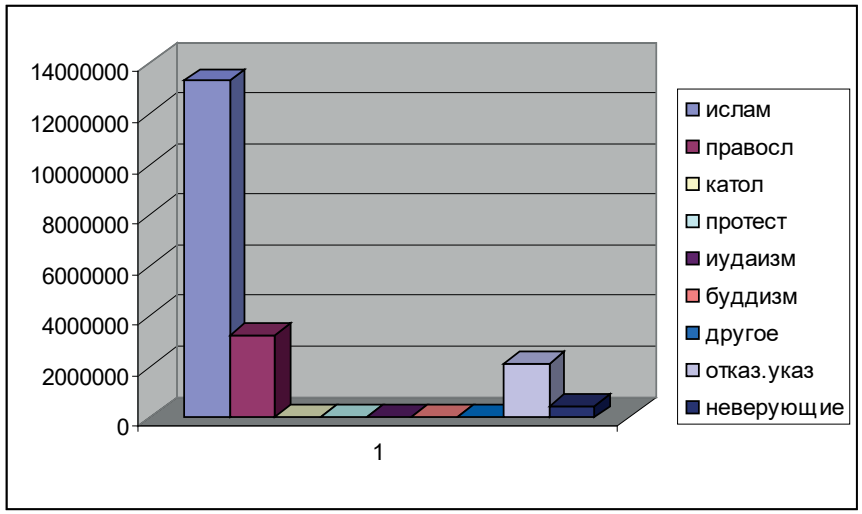
Приложение 1 – Структура населения Казахстана по вероисповеданию 2009 г.



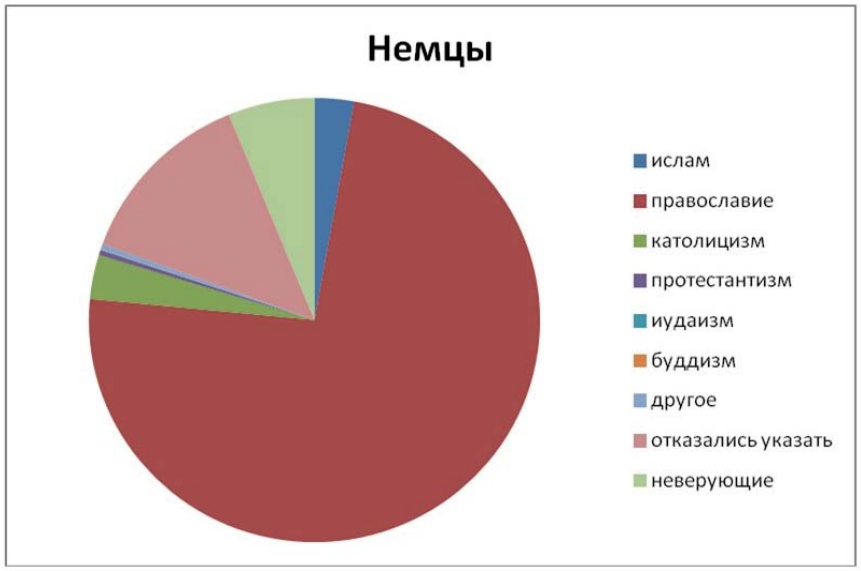
Структура населения Казахстана по вероисповеданию 2021 г.



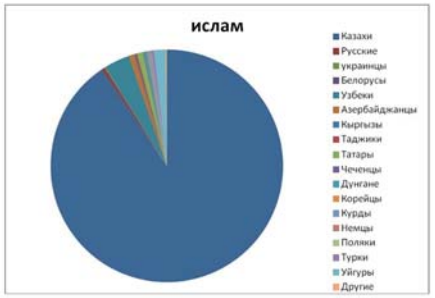
Приложение 2 – Население Казахстана по вероисповеданию, 2021г.

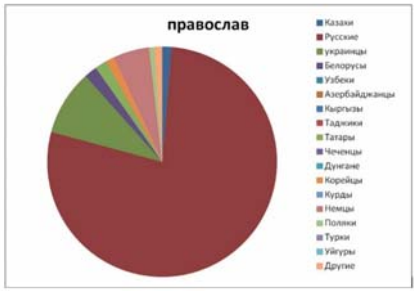


Приложение 3 – Немцы Казахстана по вероисповеданию, 2021 г.

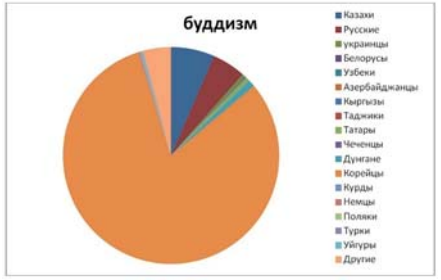


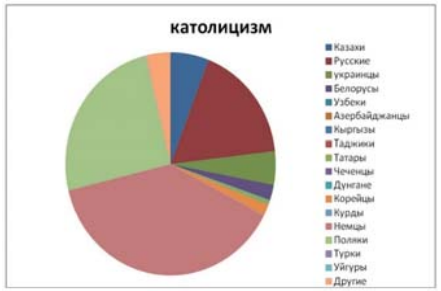
Приложение 4 – Структура вероисповеданий по этносам, 2021 г.

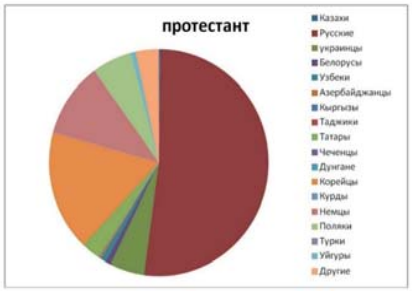


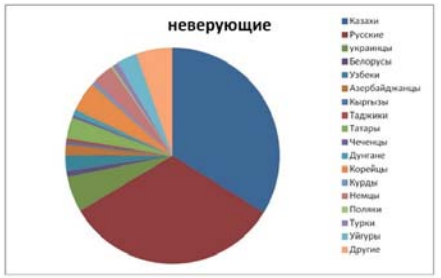


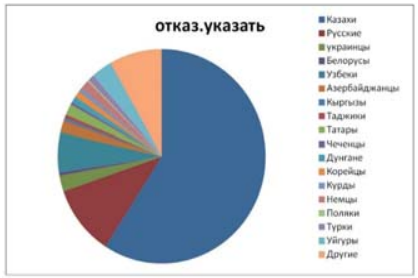
Приложение 4 – Структура вероисповеданий по этносам, 2021 г.











ЛИТЕРАТУРА:

1. Итоги Национальной переписи населения 2021 года в Республике Казахстан. Краткие итоги. Астана, 2022.
2. Бургарт Л.А. Перепись населения РК 2009 г.: вопрос о вероисповедании // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: Сб. науч. трудов XIII Междунар. науч.-практ. конф. 26–27 сентября 2013 г., под.ред.: Алексеен-

ко А.Н., Краснобаевой Н.Л., Сарсембаевой Г.А. г. Семей ИП «Сальменова Д.М.», 2013. – С. 33-47.
3. Итоги Национальной переписи населения Республики Казахстан. 2009 года. Аналитический отчёт / Под ред. Смаилова А.А. Астана, 2011.
4. Викторова П. Как изменилось количество верующих в Казахстане https://belief.cabar.asia/ru/2022/11/30/4257 Дата обращения: 15.07.2024.
5. Национальный состав, вероисповедание и владение языками в Республике Казахстан. Итоги Национальной переписи населения 2021 года в Республике Казахстан. Астана, 2023. – С. 505-541.
6. Итоги переписи населения РК 2021 г. https://unece.org/sites/default/files/2023-09/WS6BauzhanRUS.pdf Дата обращения: 01.10.2024.

Вазиров З. К., Гарибова Ф. М.

ТЕНДЕНЦИИ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Аннотация

В современном мире миграция населения приобретает глобальные масштабы и имеет серьезные последствия для социально-экономического развития стран. Пять стран Центральной Азии - Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан - тесно связаны между собой в плане истории и культуры. Поэтому вопросы миграции в этих странах также связаны между собой и имеют много общего. Международная миграция - важнейший фактор формирования единого интеграционного пространства, ибо она оказывает влияние на уровень жизни населения, социально-экономический и демографический потенциал государств Центральной Азии, что определяет значимость мониторинга тенденций миграционных процессов.

Основой исследования послужили труды отечественных экономистов, экспертов по вопросам особенностей, причин и тенденций развития трудовой миграции в странах Центральной Азии. Миграционный коридор Центральная Азия - Российская Федерация является одним из наиболее значимых коридоров трудовой миграции в мире. Существуют культурные, исторические и языковые связи, определяющие миграционный коридор ЦА - Россия. К этому следует добавить правовую базу – созданную двусторонними и региональными соглашениями о передвижении и труде – как ускоренные процедуры в Российской Федерации для мигрантов из Центральной Азии.

Ключевые слова: миграционные процессы, эмиграция, денежные переводы, Центральная Азия

Abstract

In the modern world, population migration is acquiring global proportions and has serious consequences for the socio-economic development of countries. The five countries of Central Asia - Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan and Uzbekistan - are closely linked in terms of history and culture. Therefore, migration issues in these countries are also interconnected and have much in common. International migration is the most important factor in the formation of a single integration space, because it affects the standard of living of the population, the socio-economic and demographic potential of the member states of Central Asia. This is what determines the importance of monitoring trends in migration processes. The study was based on the works of domestic economists, experts on the characteristics, causes and trends in the development of labor migration in the countries of Central Asia. The migration corridor Central Asia - Russian Federation is one of the most significant labor migration corridors in the world. There are cultural, historical and linguistic ties that define the migration corridor of Central Asia - Russia. To this should be added the legal framework - created by bilateral and regional agreements on movement and labor - such as expedited procedures in the Russian

Federation for migrants from Central Asia.

Keywords: migration processes, emigration, remittances, Central Asia

Миграции населения были и остаются важнейшей чертой общих демографических процессов в любом государстве. Будучи следствием различных внутренних социальных процессов в тех или иных государствах – от военно-политических и экономических катаклизмов до социокультурных изменений – они, в свою очередь, оказывают огромное обратное влияние на ситуацию в государствах, породивших эти процессы. Существенными стимулами к эмиграции, как правило, называют разницу между доходами, имеющимися на родине и ожидаемыми в стране иммиграции, возможность найти надёжное рабочее место, а в дальнейшем добиться разрешения на проживание, причём длительность проживания зависит от степени реализации ожиданий [1, с. 67].

Под регионом Центральной Азии авторы понимают страны, ранее входившие в состав Советского Союза: Казахстан, Туркменистан, Кыргызстан, Узбекистан и Таджикистан. Ограничение этими странами в анализе связано с тем, что они имеют общие социально-экономические условия развития в рамках одного государства в течение длительного времени. Площадь региона более 3,9 млн. кв. км. Распад Советского Союза привел к сильнейшему социально - экономическому кризису, который коснулся всех сторон жизни общества этих молодых независимых стран. В Центральной Азии резко обострились такие факторы нестабильности, как ослабление экономики, нарушение отлаженных экономических связей с другими странами, ранее входившими в состав СССР, что в итоге усилило бедность населения и привело к социальной и политической нестабильности.

По оценкам, по состоянию на середину 2021 года население Центральной Азии составляло 75,9 миллиона человек. По состоянию на середину 2020 года в пяти странах Центральной Азии: Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане насчитывалось 5,6 миллиона международных мигрантов.

Экономики стран Центральной Азии развиваются хорошими темпами благодаря удачному сочетанию внешней конъюнктуры, геополитической ситуации и внутренних драйверов роста. Общими факторами можно считать позитивное влияние и растущие торговые обороты с Россией (несмотря на санкции и в чем-то даже благодаря им) и КНР. Завершение конституционных реформ в Казахстане и Узбекистане, крупнейших государствах региона, также прибавило стабильности.

Согласно отчету Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР), в 2024 году в Центральной Азии ожидается значительный экономический рост. В докладе показано, что экономики стран Центральной Азии преодолели недавние геополитические проблемы благодаря усилиям региона по диверсификации экономики, росту числа русских эмигрантов и значительным денежным переводам. Фактически, несмотря на экономическую неопределенность в соседних экономиках, в Центральной Азии произошел самый большой пересмотр в сторону повышения среди всех других регионов в последних двухгодичных прогнозах роста ЕБРР.

Заглядывая в будущее, прогнозы ЕБРР рисуют многообещающую картину: ожидается, что рост регионального ВВП может вырасти до 5,9 % к 2024 году. Все больше и больше торговых партнеров, особенно в Западной Европе, подписали торговые и инвестиционные соглашения с Центральной Азией, уступив место новому региональному экономическому ландшафту. Центральная Азия превратилась в перекресток, связывающий Восток и Запад своими расширяющимися транзитными маршрутами. Признавая его экономический потенциал, международные державы активно участвуют в усилиях по укреплению связей с Южным Кавказом и Центральной Азией. Китай в рамках своей инициативы «Пояс и путь» (BRI) пообещал углубить экономические связи с Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном, Узбекистаном и Грузией посредством прямых иностранных ин-

вестиций в инфраструктурные проекты.

Согласно отчету, трудовые мигранты из Центральной Азии также сыграли существенную роль в экономической устойчивости региона.

Денежные переводы играют значительную роль в экономике некоторых государств Центральной Азии, особенно в Узбекистане, Кыргызстане и Таджикистане, составляя суммы, равные 21%, 31% и 51% их ВВП в 2022 году соответственно. Крайне важно отметить, что приток денежных переводов в Центральную Азию связан не только с денежными переводами, отправляемыми трудовыми мигрантами, но также включает в себя значительную миграцию капитала российских компаний и граждан.

Приток капитала от российских компаний и частных лиц, переселившихся в страны Центральной Азии за последние два года, также внес значительный вклад в данные о денежных переводах в регионе и его оптимистичные экономические перспективы. Эта волна российских мигрантов принесла с собой квалифицированную рабочую силу и увеличила потребительские расходы. Более того, переселение российских фирм и частных лиц вызвало повышенный спрос в различных секторах, включая розничную торговлю, недвижимость и гостиничный бизнес, тем самым способствуя экономической жизнеспособности региона, поскольку рост цен на продукты питания и энергоносители также создал проблемы для местного населения.

Благоприятные экономические перспективы отражают усилия Центральной Азии по расширению регионального сотрудничества. Страны Южного Кавказа и Центральной Азии корректируют свои внешнеполитические взгляды в ответ на более широкие геополитические сдвиги. Проводя многовекторную внешнюю политику и углубляя сотрудничество между собой, эти страны укрепляют свою независимость и подчеркивают свою значимость в мировой экономике [2, с. 7].

По состоянию на середину 2020 года в мире насчитывалось 7,8 миллиона международных мигрантов из стран Центральной

Азии: 4,2 миллиона из Казахстана, 2 миллиона из Узбекистана, 774 тысячи из Кыргызстана, 587 тысяч из Таджикистана и 243 тысячи из Туркменистана. Из 7,8 миллиона международных мигрантов из стран Центральной Азии 63% (4,9 миллиона) находились в Российской Федерации, 17% (1,3 миллиона) в Германии [3].

Российская Федерация уже давно является основным пунктом назначения для трудовых мигрантов из стран Центральной Азии. В первом квартале 2023 года РФ приняла 350 тысяч мигрантов из Таджикистана, что на 100 тысяч больше, чем в первом квартале 2022 года. Почти 173 000 граждан Кыргызстана также мигрировали в Российскую Федерацию.

В 2023 году граждане стран Центральной Азии составили четвертую часть мигрантов в Великобритании на сезонных работах по сбору урожая.

В 2023 году в Узбекистане зарегистрировано 233,2 тыс. индивидуальных миграционных оттоков. По состоянию на декабрь 2023 года около 60% (1,2 миллиона) из 2 миллионов трудовых мигрантов Узбекистана были трудоустроены в Российской Федерации.

По состоянию на 2023 год из 328 458 граждан Кыргызстана, проживающих за рубежом, большинство (285 433) проживало в Российской Федерации. В 2023 году число вернувшихся трудовых мигрантов из Российской Федерации увеличилось: 84% прибыли оттуда, по сравнению с 81% в 2022 году.

В Казахстане в четвертом квартале 2023 года страну покинули 3,5 миллиона мигрантов, большинство из которых направились в Узбекистан (1,5 миллиона), Кыргызстан (746 000) и Российскую Федерацию (678 302).

По оценкам Казахстана, к концу октября 2022 года полмиллиона российских граждан въехали в страну в течение года и остались затем в стране. С января по сентябрь 2022 года Кыргызстан заявил, что в страну прибыло 184 000 россиян, а за девять месяцев 2022 года в Узбекистан прибыло около 395 000 граждан России.

По состоянию на середину 2023 года страны Центральной Азии приняли 21 814 беженцев и 2 468 лиц, ищущих убежища: 99,3 процента беженцев и 62,4 процента лиц, ищущих убежища, принятых в Центральной Азии, были выходцами из Афганистана.

По состоянию на середину 2023 года насчитывалось 18 186 беженцев и 32 426 лиц, ищущих убежища из стран Центральной Азии, в основном в странах Европы и Северной Америки. Узбекистан был страной происхождения наибольшего числа беженцев из центральноазиатского субрегиона (25%), в то время как казахи составляли наибольшую долю просителей убежища из субрегиона (30,7% от общего числа) [4].

В 2022 году общее количество внутренних перемещений в Центральной Азии составило 166 120 человек. Только 6130 из них произошли из-за опасностей и стихийных бедствий, тогда как большинство (96,4%) произошло из-за конфликтов и насилия.

В 2021 году около 313 тысяч иностранных студентов из Центральной Азии отправились в другие страны с образовательными целями. Самой заметной страной происхождения иностранных студентов был Узбекистан (109 945), за ним следовали Казахстан (91 860), Туркменистан (69 519), Таджикистан (27 459) и Кыргызстан (13 757). В 2021 году наиболее популярными направлениями для иностранных студентов из стран Центральной Азии стали Турция, Кыргызстан, Республика Корея, Украина и Беларусь.

По данным на 2021 год, пять стран Центральной Азии приняли около 66 тысяч иностранных студентов: Кыргызстан (61 418) принял наибольшее количество иностранных студентов, за ним следуют Узбекистан (4 219) и Туркменистан (125). Данные по Таджикистану не предоставляются с 2017 года, а по Казахстану – с 2021 года. В 2021 году большинство иностранных студентов в странах Центральной Азии были из Индии, Российской Федерации, Туркменистана, Пакистана и Турции.

В 2023 году более 9000 человек из стран Центральной Азии

мигрировали в Казахстан, преимущественно решив поселиться на постоянной основе.

Наибольшее количество мигрантов из КР обосновалось в приграничных районах Алматинской области – 518 человек и в Жамбылской области – 125 человек.

Более половины мигрантов из Узбекистана сконцентрировались в Мангистауской области - 2 378 человек и в Алматинской области - 1 077 человек. При этом выходцы из Таджикистана в основном расселились в Алматы (289 человек) и Карагандинской области (91 человек). Прибытие из Туркменистана зарегистрировано в Мангистауской (849 человек) и Павлодарской областях (147 человек).

В последние годы граждане стран Центральной Азии преимущественно мигрировали в Россию, а некоторые также направлялись в Турцию, Южную Корею, европейские страны и Великобританию в поисках лучших средств к существованию и более высокой заработной платы.

Официальная статистика Бюро национальной статистики указывает на положительную динамику внешней миграции по Казахстану. В 2023 году в страну прибыло 25 399 человек, выбыло – 16 055. Это отражает рост прибытий на 46,9% по сравнению с 2022 годом, тогда как отъезды сократились на 33,7%.

С января в Казахстане внесены изменения в правила регистрации иностранцев. В стране принята новая концепция на ближайшие пять лет (2023-2027 гг.), в которой основное внимание уделяется различным аспектам управления миграцией, включая признание и обеспечение прав и свобод мигрантов, защиту национальных интересов и безопасности, балансирование индивидуальных, общественных и государственных интересы, прозрачное регулирование миграционных процессов посредством обновления и обмена информацией, среди прочего.

Казахстан выразил особую заинтересованность в привлечении конкретных групп мигрантов, в том числе высококвалифицированных специалистов и этнических казахов, стремящихся вернуться на родину. С июля 2023 года этнические казахи за

рубежом получили доступ к упрощенному въезду в Казахстан по карте «Ата жолы» («Путь предков») без ущерба для своего гражданства.

Владельцы карты «Ата Жолы» получают вид на жительство сроком на 10 лет при въезде в Казахстан.

В стране установлена квота в 22 тысячи человек на привлечение иностранной рабочей силы в целях трудоустройства в 2024 году. В прошлом году было выдано около 14 тысяч разрешений на трудовую иммиграцию в коммерческом секторе [5].

Миграционные обмены с Таджикистаном оказывают влияние на корректировку этнического состава населения регионов РФ. Многие выходцы из Таджикистана (около 446 тыс. человек) приняли российское гражданство. В Казахстане произошла активизация миграции, в том числе выбытие населения из республики в другие страны. В Киргизии миграционный обмен населением с соседними странами уменьшился, но он усилился с рядом стран вне СНГ. Для трудовых мигрантов из Киргизии наиболее привлекательными являются Россия, Казахстан, Турция, страны ЕС, Южная Корея. Основная цель правительства Узбекистана сегодня - создание условий, обеспечивающих управляемые и регулируемые потоки миграции [6, с. 63].

Миграция из Таджикистана внесла заметные изменения в этнический состав населения и повседневную жизнь большинства регионов Урала и Сибири. Стремительная убыль населения, особенно в азиатской части страны, считают эксперты, неизбежно ставит вопрос об источниках восполнения дефицита рабочей силы. Компенсировать нарастающую убыль возможно за счет миграции. Среднеазиатское направление на ближайшие годы является одним из приоритетных, несмотря на сокращение миграционного притока.

В Казахстане активизация миграции населения в другие страны привела к потере трудового потенциала. Из республики мигрируют преимущественно люди с высшим или средним профессиональным (специальным) образованием, т.е. высокообразованные специалисты. Значимым трендом в стране стала

образовательная миграция. Эксперты отмечают, что люди часто уезжают из-за невозможности найти достойное место на рынке труда.

На современном этапе в Киргизии миграционный обмен населением усилился с рядом стран вне СНГ. Для трудовых мигрантов из Киргизии наиболее привлекательны Россия, Казахстан, Турция, страны Европы, Южная Корея. При этом доминирует поиск условий, призванных повысить уровень и качество жизни выбывающих.

В условиях независимого развития Узбекистан столкнулся с новыми видами миграций, ранее не свойственными республике, такими как вынужденная миграция, потоки беженцев в страну, незаконная миграция. Учет, регулирование, управление и минимизация стихийных форм миграционных процессов, снижение негативных факторов миграции являются важными задачами государства, требующими выработки эффективной государственной политики.

Центральная Азия сталкивается с несколькими критическими проблемами в области управления миграцией. Эти вопросы отражают экономическую, политическую и социальную напряженность, существующую во всем регионе. К важнейшим проблемам миграции в Центральной Азии относятся:

- Недостаточный межгосударственный диалог по вопросам миграции и трудности в гармонизации международных, региональных и национальных миграционных процессов.
- Неадекватная национальная и региональная миграционная политика, и неразвитая законодательная база.
- Плохой сбор, управление и обмен данными, что приводит к неадекватному пониманию фактических масштабов миграции и нерегулированной миграции.
- Неразвитый потенциал для решения проблем миграции. Необходимо более глубокое понимание вопросов миграции государственными органами, а также наращивание потенциала для решения проблем миграции и управления границами.
- Неадекватная правовая и социальная база для защиты

мигрантов, особенно их прав человека.

- Отсутствие оптимизации денежных переводов: в условиях, когда значительная часть ВВП многих стран Центральной Азии поступает от мигрантов, работающих за рубежом. Правительствам не хватает потенциала для включения миграции в повестку дня развития.
- Политическая неопределенность и подверженная стихийным бедствиям география, характерные для Центральной Азии, требуют стабилизации сообществ и снижения риска стихийных бедствий.

Страны Центральной Азии активно пытаются измерять и контролировать мобильность и признают необходимость предоставления достоверной информации о миграционных перемещениях. За последние годы был достигнут значительный прогресс в создании связанных с миграцией статистических и информационных платформ для информирования политиков. Страны Центральной Азии начали автономно собирать данные о притоке и оттоке международных мигрантов, социально-экономическом профиле международных мигрантов и этнической репатриации иностранных граждан, где это применимо.

Региональная программа по миграции в Центральной Азии и России (CARM), направленная на снижение бедности в Центральной Азии, является комплексной программой в сфере трудовой миграции и объединяет деятельность Международной организации по миграции, агентства ООН Женщины и Всемирного банка, при финансовой поддержке Правительства Великобритании (UKAID/DFID).

Данная программа нацелена на содействие урегулированию вопросов в сфере трудовой миграции, которая на сегодняшний день является ключевым фактором, способствующим снижению уровня бедности в Центральной Азии. Это особенно актуально для двух наиболее бедных стран региона, Кыргызской Республики и Таджикистана. Большое количество жителей сельских районов этих государств выезжают преимущественно в Российскую Федерацию и Казахстан.

Региональная программа поддерживает мнение, что добровольная миграция приносит пользу развивающимся странам, так как появляются новые выгодные экономические и социальные возможности для мигрантов, независимо от вида миграции (миграция высококвалифицированных специалистов или внутренняя миграция из сельской местности в город). К тому же, миграция должна рассматриваться в качестве важной составляющей процесса экономического развития.

Региональная программа направлена на защиту прав мигрантов и улучшение социально-экономического положения мигрантов (мужчин и женщин), а также их семей [7].

Подводя итоги, стоит отметить, что несмотря на массовую иммиграцию из России, сальдо миграции в Казахстане, по данным миграционной службы, как и в предшествующие годы, оставалось в 2022-м отрицательным – -6 946 человек. Возможно, это связано с тем, что россияне используют Казахстан в качестве перевалочного пункта для переезда в экономически более развитые страны. Также это может отражать ускорение эмиграции граждан Казахстана в другие страны. Однако, хотя поток россиян и не сказался на демографической ситуации, на экономическую обстановку увеличение въезда граждан РФ повлияло – по данным Бюро национальной статистики Казахстана, рост стоимости аренды недвижимости в стране за 2022 год составил 37,8% [8, с. 212].

Уровень безработицы в Узбекистане после пандемии постепенно снижался. В 2020 году этот показатель составлял 10,5 %, в 2021-м он снизился до 9,6%, а в 2022-м – до 8,9% (что чуть лучше показателя 2019 г. – 9%). Однако все равно имеющееся значение достаточно высокое. Несмотря на предпринимаемые меры поддержки занятости, обеспечить растущее число экономически активного населения рабочими местами в должной степени не получается, поэтому от переизбытка рабочей силы на рынке труда страну по большей части спасают миграционные потоки. По данным Агентства по внешней трудовой миграции Узбекистана, в I квартале 2022 года численность трудовых

мигрантов из страны за рубежом составляла 2,356 млн человек. В 2022-м приток трудовых мигрантов из Узбекистана в одну только Российскую Федерацию вырос на 377,7 тыс. человек, до 1,45 млн человек (для сравнения, за период «III квартал 2021 года – III квартал 2022 года» численность занятого населения внутри узбекской экономики увеличилась только на 226,8 тыс. человек). Однако статистика может не в полной мере отражать реальное положение дел ввиду распространенности нелегальной миграции и наблюдаемых существенных объемов денежных переводов из России в Узбекистан.

По данным МВФ, уровень безработицы в Кыргызстане в 2021 и 2022 годах составлял порядка 9%. В реальности ситуация в плане избытка рабочей силы куда более драматическая.

Так, на февраль 2022 года число трудовых мигрантов из Кыргызстана составляло около 1,12 млн человек (по данным Центра трудоустройства граждан за рубежом при Министерстве труда Кыргызстана), а в стране в это время занятость находилась в районе 2,55 млн человек. То есть около 30% всего экономически активного населения страны находилось в трудовой миграции. Из этих 1,12 млн около 1,06 млн работали в России. В 2022 году их численность увеличилась на 94 тыс. человек.

Для Кыргызстана сконцентрированность его рабочей силы в России, санкционное давление на которую ожидаемо будет только расти, является фактором риска, так как вероятные стагнация производства и снижение реальных доходов населения в РФ могут привести к сокращению спроса на киргизскую рабочую силу в таких основных сферах занятости мигрантов, как строительство и сфера услуг. Это по итогу выльется как в спад денежных переводов, так и в необходимость части мигрантов возвращаться на родину. Тем самым повысится предложение на рынке труда и увеличится социальная напряженность в стране, регулярно переживающей революции.

По официальной статистике Миграционной службы Таджикистана, по состоянию на июль 2022 года в России находилось 693 тыс. трудовых мигрантов из данной республики. Доля

мигрантов, работающих в России, приблизительно составляла 95% от всего объема таджикских мигрантов, трудящихся за границей. Однако ожидаемое значение по количеству трудовых мигрантов в России существенно выше, учитывая, что, по данным МВД РФ за январь–декабрь 2022 года, на миграционный учет с указанием в качестве цели въезда на работу были поставлены почти 3,5 млн. граждан Таджикистана. Денежные переводы от мигрантов играют важную роль в экономике – в 2022 году они занимают около 32% от ВВП [9].

Ситуация высокой развитости трудовой миграции и значительной зависимости страны от денежных переводов, с одной стороны, позволяет населению получать доходы выше среднего таджикского уровня и, как следствие, является фактором стимуляции потребительского спроса, позволяющего третичному сектору развиваться. С другой же стороны, миграция отводит часть трудовой силы, которая при меньших масштабах выездов граждан на заработки могла бы вести к ее избытку (которого, судя по официальной статистике, не присутствует – по состоянию на апрель 2023 года уровень безработицы составляет 2%) и снижению заработных плат, а, следовательно, и росту привлекательности страны для инвесторов за счет дешевых трудовых ресурсов по китайскому сценарию и ускорению реализации планов индустриализации. Однако более логично предположить, что идеальная статистика по безработице просто связана с не обращением незанятых граждан в агентства труда и занятости страны и что избыток есть, а недостаточные темпы индустриализации, не позволяющие покрыть предложение рабочей силы, объясняются низкой институциональной и инфраструктурной развитостью Таджикистана [10, с. 150].

Миграция – это процесс, на который влияют постоянные, сезонные и непредвиденные факторы. В частности, опыт последних лет – периода распространения пандемии COVID-19 – показал, что трудовые мигранты являются уязвимым сегментом общества и существует необходимость его диверсификации.

Казахстан занимает центральное место в миграции в Евра-

зии. Государство привлекает мигрантов из других стран Центральной Азии: треть иммигрантов прибывает из Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана. Точно так же граждане Казахстана мигрируют в другие страны в поисках работы и возможностей для получения образования.

Миграционные обмены с Таджикистаном оказывают влияние на корректировку этнического состава населения российских регионов. В Казахстане, который имеет развитую образовательную миграцию и высокопрофессиональные трудовые ресурсы, происходят трансформационные перемещения в другие страны. В Киргизии миграционный обмен населением с соседними странами уменьшился, но он усилился с рядом стран вне СНГ. На нынешнем этапе избыток трудовых ресурсов в Узбекистане требует регулирования внешней трудовой миграции.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Осадчая Г.И., Вартанова М.Л. Демографическая безопасность и тенденции развития миграционных процессов в евразийском экономическом союзе в условиях пандемии (Covid-19) // Вопросы управления. – 2021. №1 (68). – С. 62 – 73.
2. Чеховских Т.Д. Миграция населения стран Центральной Азии в Россию: проблемы и пути решения / Т.Д. Чеховских // Международный научно-исследовательский журнал. - 2019. - №4 (82).
3. Migration data in Central Asia // Migration Data Portal. Regional Data Overview, 2024. URL: https://www.migrationdataportal.org/regional-data-overview/central-asia#:~:text=Globally%2C%20there%20were%207.8%20million,(UN%20DESA%2C%202020)
4. УВКБ ООН // Официальный сайт, 2023 URL: unhcr.org/refugee-statistics/
5. Central Asia Responds to Shifting Migration Dynamics // The Astana Times. URL: Central Asia Responds to Shifting Migration Dynamics - The Astana Times
6. Сченснович В.Н. Миграционные особенности стран Центральной Азии. (аналитический обзор) // Россия и мусульманский мир. 2023. №1 (327). – С. 59 – 70.
7. Региональная программа по миграции в Центральной Азии и России // МОМ в Российской Федерации. URL: https://russia.iom.int/ru/regionalnaya-programma-po-migracii-v-centralnoy-azii-i-rossii
8. Югай Ю. В. Трудовая миграция из стран Центральной Азии в Россию. Постсоветские исследования. 2022; 2(5). – С. 206-219.
9. Экономика стран Центральной Азии: позитивная динамика - долгосрочные риски // Эксперт РА. URL: https://raexpert.ru/researches/regions/economic_central_asia_2023/#resume
10. Авдашкин А. А. Миграция из Таджикистана в регионы азиатской части России: современная ситуация и риски // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2021. Т. 8. № 4 (32). – С. 143-151.

Валитова З.Х., Есимова А.Б.

ОСНОВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ВТОРОГО ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

Аннотация

В статье рассматриваются теоретические основы второго демографического перехода, анализируются его основные элементы. Выявлено, что теория второго демографического перехода связана не только с изменением сугубо демографических процессов, но и с глубинными социокультурными сдвигами в современном обществе.

Теория второго демографического перехода в наибольшей степени сфокусирована на концептуализации изменений в браке, семье, рождаемости и др. Аналитические возможности теории второго демографического перехода позволяют глубже понять современные социо-демографические изменения.

Ключевые слова: теория второго демографического перехода, социо-демографические изменения, семья, брак, рождаемость.

Abstract

The article considers the theoretical foundations of the second demographic transition, analyses its main elements. It is revealed that the theory of the second demographic transition is associated not only with changes in purely demographic processes, but also with profound socio-cultural shifts in modern society.

The theory of the second demographic transition is most focused on conceptualising changes in marriage, family, fertility and others. The analytical possibilities of the theory of the second demographic transition allow for a deeper understanding of contemporary socio-demographic changes.

Keywords: theory of the second demographic transition, socio-demographic changes, family, marriage, fertility.

В современном мире происходят значительные социо-демографические изменения. Они касаются не только сугубо демографических процессов, но и институциональных основ общества, ценностей, семьи, социальных отношений и др. Кардинальные изменения в демографических процессах сформулированы в термине демографического перехода. Демографический переход – термин, который означает сдвиги, происходящие в демографических процессах, влияющих на естественное воспроизводство населения.

В 1945 году американским ученым Ф.Ноутстайном впервые был предложен термин «демографический переход». С появлением теории второго демографического перехода в научной терминологии стали использоваться формулировки «первый демографический переход» и «второй демографический переход». Основное различие первого и второго переходов состоит в причинах их возникновения. Как отмечают исследователи, при первом переходе основной причиной было снижение смертности, при втором – снижение рождаемости [1, с. 129].

Во второй половине XX века в странах Западной и Северной Европы появились новые демографические явления, которые были связаны с такими изменениями как отсрочка вступления в первый брак, уменьшение числа браков, увеличение числа сожительств, разводов, снижение СКР ниже уровня замещения, повышение возраста матери при рождении первого ребенка, увеличение числа бездетных женщин и рост внебрачной рождаемости. Эти демографические явления вышли за рамки объяснительных схем теории первого демографического перехода. Возникла необходимость в новых концептуальных основах, описывающих и объясняющих современные социо-демографические тенденции. Теория второго демографического перехода явилась такой концепцией.

Впервые термин «второй демографический переход» предложили Рон Легстаге и Дирк ван де Каа в 1986 году [2]. Они указали на кардинальные сдвиги в демографическом поведении женщин, семей и предложили концептуализировать его в термине «второй демографический переход».

Р. Легстаге и Д. ван де Каа, прежде всего, фокусируются на возникновении новых социо-демографических феноменов. Согласно ван де Каа на начало второго демографического перехода влияют преобразования в культуре, социальной и экономической структуре, а также в технологиях. Они в свою очередь оказывают значительное влияние на демографические процессы, такие как рождаемость, смертность, миграция и структура населения. Изменения в культуре и социальной структуре детерминируют семейные модели и репродуктивное поведение [3, с. 9].

Второй демографический переход «органически» присущ для стран Западной и Северной Европы. Авторы, исследующие страны, в которых произошли качественные демографические сдвиги, отмечают такие особенности второго демографического перехода как отсрочка рождений, повышение разводов и рост сожительства, повышение возраста вступления в первый брак, возраста матери при рождении первого ребенка, снижение уров-

ня рождаемости. Во многом это обусловлено ростом уровня образования и трудовой занятости женщин и их большей самореализации во внесемейной сфере [4]. Рост индивидуализма, оценка партнера с точки зрения его/ее преимуществ и недостатков приводит к повышению уровня разводов и распространению сожительств [5, с. 332].

Кроме того, исследователи второго демографического перехода отмечают рост одиночества, которое принимает все более разнообразные формы**.** Авторы подчеркивают аспект одиночества, применяя термин Living Apart Together (жить раздельно вместе), который описывает пары, живущие отдельно [6]. Одиночество является относительно неоднозначным понятием: человек может быть одиноким в смысле проживания (то есть жить один), но при этом не ощущать одиночества в контексте отношений, поскольку у него может быть партнер.

Безусловно, все это связано с изменением ценностей, которые отражают переход от солидарности с установленными нормами общества к ориентации на автономию и индивидуальную свободу. В результате связь между ценностными ориентациями и выбором жизненного пути относительно жизненного устройства и создания семьи становится одним из важнейших элементов второго демографического перехода [7].

Также одной из характеристик второго демографического перехода является снижение уровня брачности. Причем, если в прошлом снижение уровня рождаемости было тесно связано со снижением уровня брачности, то сейчас в некоторых европейских странах, где брачность снизилась незначительно, уровень рождаемости оказался ниже, чем в странах, где произошло сильное сокращение уровня брачности. При втором демографическом переходе уровень брачности снижается не по причине увеличения количества женщин и мужчин, которые хотят иметь статус неженатых/незамужних и бездетных, а из-за увеличения числа пар, не желающих официально регистрировать свои брачные отношения и тех, кто принял решение родить ребенка без вступления в брак [8, с. 128].

Как было отмечено, основными элементами, на которые делает акцент теория второго демографического перехода являются – понижение уровня брачности, снижение показателей рождаемости, повышение возраста вступления в первый брак, возраста матери при рождении первого ребенка, рост числа разводов и др. Эти демографические характеристики являются целевыми оперантами второго демографического перехода и позволяют эмпирически измерить демографические сдвиги в современных обществах. Причем, возможны самые разнообразные комбинации вышеуказанных социо-демографических элементов с наличием традиционных ценностей в обществе. Немаловажным является вопрос: при каких условиях в различных обществах проявляется второй демографический переход? Социально-демографическое развитие современных обществ показывает, что отсутствует универсальный путь проявления тенденций второго демографического перехода. «Смесь ингредиентов второго демографического перехода может сильно варьироваться в зависимости от контекста» [9, с. 225].

Сегодня теория второго демографического перехода имеет много последователей, но вместе с тем, есть исследователи, не признающие ее эвристичность. Критики теории второго демографического перехода не видят отличительных особенностей так называемого нового демографического сдвига и полагают, что нет необходимости выделять самостоятельную теорию второго перехода. Ученый Д. Коулмен указывает на некоторые ограничения теории второго демографического перехода, отмечая, что новые демографические тенденции представляют собой продолжение первого демографического перехода. Кроме того, он отмечает, что процессы, которые охватываются данной теорией, больше являются «делом социологов» [10, с.17].

Исследователь Е. Бернхард считает термин «второй демографический переход» не вполне корректным, так как понятие «переход» подразумевает динамичное изменение от одного состояния к другому. По его мнению, наиболее подходящим является понятие «революция в моделях формирования семьи» [11,

с. 28].

Несмотря на критические оценки теории второго демографического перехода, следует констатировать ее растущее влияние как в теоретическом, так и в эмпирическом смысле. Исследователи многих стран операционализируют и концептуализируют новые демографические тенденции в терминах теории второго демографического перехода. В настоящее время тенденции второго демографического перехода выходят за пределы «эпицентра» его возникновения. Они проявляются в различных регионах мира, дополняются и изменяются с учетом их контекстов. Кроме того, теория второго демографического перехода является инструментом, который позволяет анализировать социальные контексты демографических изменений в междисциплинарном ключе. Глубинный анализ процессов второго перехода требует пристального внимания не только демографов, но и социологов, историков, культурологов, психологов и др. Такая междисциплинарность расширяет эвристические и объяснительные возможности второго демографического перехода.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гудкова Т. Концептуализация второго демографического перехода: эвристический потенциал и ограничения теории // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 43. – С. 125–136.
2. Lesthaeghe, R. and van de Kaa, D. J. (1986). Twee Demografische Transities? (Two Demographic transitions?). Pp. 9-24 in: D. J. van de Kaa and R. Lesthaeghe (eds.), *Bevolking: Groei en Krimp* (Population: Growth and Decline), Deventer, Van Loghum Slaterus.
3. Van de Kaa D. J. Is the Second Demographic Transition a useful research concept Questions and answers // Vienna Yearbook of Population Research. 2004. (2). – С. 4–10.
4. Lesthaeghe R., Lopez-Gay A. Spatial continuities and discontinuities in two successive demographic transitions: Spain and Belgium, 1880-2010 // Demographic Research. 2013. (28). – С. 77–136.
5. Lesthaeghe R., Neels K. From the first to the second demographic transition: An interpretation of the spatial continuity of demographic innovation in France, Belgium and Switzerland [De la première à la deuxième transition démographique: Une interpretation de la continuité spatiale de l'innovation démographique en France, Belgique et Suisse, Revue Euroéenne de Démographie] // European Journal of Population. 2002. № 4 (18). – С. 325–360.
6. Esteve A. [и др.]. Living Alone over the Life Course: Cross-National Variations on an Emerging Issue // Population and Development Review. 2020. № 1 (46).– С. 169–189.
7. Surkyn J., Lesthaeghe R. Value orientation and the Second Demographic Transition (SDT) in northern, western and southern Europe: An update // Demographic Research. 2004. № SUPPL. 3 (10). – С. 45–86.
8. Sobotka T., Toulemon L. Overview Chapter 4: Changing family and partnership behaviour: Common trends and persistent diversity across Europe // Demographic Research. 2008. (19). – С. 85–138.
9. Lesthaeghe R. The Unfolding Story of the Second Demographic Transition // Population and Development Review. 2010. № 2 (36). – С. 211–251.
10. Coleman D. Why we don't have to believe without doubting in the «Second Demographic Transition» - some agnostic comments // Vienna Yearbook of Population Research. 2004. (2). – С. 11–24.
11. Bernhardt E. Is the Second Demographic Transition a useful concept for demography? // Vienna Yearbook of Population Research. 2004. (2). – С. 25–28.

Водичев Е.Г.

ГОРОД И ГОРОДОК: КОЛЛИЗИИ ИДЕНТИЧНОСТИ ПРИ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА СИБИРСКОГО МЕГАПОЛИСА

Аннотация

Статья посвящена дихотомии взаимосвязей Новосибирска, крупнейшего мегаполиса на востоке СССР и современной России, и Академгородка, до сих пор остающегося крупнейшим региональным научным комплексом страны, в контексте формирования единого городского пространства. Цель статьи – реконструкция процесса интеграции Новосибирска и Академгородка в рамках наиболее известного советского эксперимента по развитию науки во второй половине XX в., а также факторов влияния Академгородка на трансформацию пространства мегаполиса. Акценты расставлены на особенностях интеграции Городка в Город в демографическом, функциональном, архитектурно-планировочном и социокультурном аспектах. Акцентирована специфика решения проблемы кадрового потенциала при создании нового научного центра, в конце 1950-х и в 1960-е гг. Показаны масштабы демографических «имплантаций» представителями научной элиты в «тело» города, приведшие к изменению его имиджа, профиля и перспективных стратегий развития. Обозначены риски, возникающие в связи с коллизиями идентичности Академгородка, изначально планировавшегося в качестве отдельного поселения, города-спутника Новосибирска, и сложившегося крупного индустриального города.

Ключевые слова: Новосибирск, Академгородок, комплексный научный центр, городское пространство, социальные трансформации, идентичность.

Abstract

The article is devoted to the dichotomy of the relationship between Novosibirsk, the largest megalopolis on the east of the USSR and contemporary Russia, and Akademgorodok, which still remains the largest regional scientific complex in the country, in the context of the formation of a single urban space. The purpose of the paper is to reconstruct the process of integration of Novosibirsk and Akademgorodok within the framework of the most famous Soviet experiment in the development of science in the second half of the 20th century, as well as the factors of Akademgorodok's influence on the transformation of the metropolis space. Emphasis is placed on the features of integration of the Town into the City in demographic, functional, architectural and planning, and socio-cultural aspects. The specificity of solving the problem of human resources when creating a new scientific center at the end of 1950s and in 1960s is emphasized. The scale of demographic "implantations" by representatives of the scientific elite into the "body" of the city are shown, which led to a change in its image, profile and promising development strategies. The risks arising from the collisions of identities of Akademgorodok, originally planned as a separate settlement, a satellite city of Novosibirsk, and an established large industrial city, are outlined.

Keywords: Novosibirsk, Akademgorodok, complex scientific center, urban space, social transformations, identity.

Новосибирск – крупнейший город на востоке ранее СССР, а ныне России, третий по численности населения в стране и неформальная столица Сибири, в прошлом – один из мировых лидеров по темпам роста, достигший по численности населения 1 млн чел менее чем за 70 лет. На 1 января 1964 г. в городе было зарегистрировано 1 млн 28 тыс. чел, в то время как расчетную норму 850 тыс. чел предполагалось обеспечить лишь к 1970 г. [1, с. 55]. Уже этот факт сделал Новосибирск релевантным объектом для исторических и историко-демографических исследований. В том же 1964 г. было принято решение об официальном завершении начавшегося в 1957 г. строительства новосибирского Академгородка, – крупнейшего регионального научного центра не только на востоке СССР, но и в стране в целом. Пара-

доксальным образом, превышение численности населения Новосибирска над 1 млн чел как раз и было обеспечено жителями Академгородка. С конца 1950-х гг. и вплоть до настоящего времени судьбы Города и Городка (так называют Академгородок его старожилы) оказались теснейшим образом переплетены. В административном смысле Академгородок стал частью Новосибирска, однако в реальности их взаимоотношения оказались гораздо более сложными.

Проблемы формирования и развития Сибирского отделения Академии наук СССР (СО АН СССР, ныне СО РАН) и его территориальных комплексов имеют свою историографию, а библиографический список измеряется не одним десятком публикаций, включая и документальные издания [2, 3, 4, 5 и др.]. Вместе с тем, до сих пор недостаточное внимание уделяется месту и роли Городка как фактору и триггеру трансформации городского пространства мегаполиса, в том числе и в социально-демографическом аспекте. Работы такого рода ограничены лишь незначительным количеством публикаций [6, 7, 8 и др.]. Между тем, в ходе своего формирования и сам Академгородок стал полем для крайне интересных социальных экспериментов, существенно изменивших облик города, частью которого он стал, и имевших долговременные последствия для Новосибирска и страны в целом. Цель настоящей статьи – реконструкция процесса интеграции Новосибирска и Академгородка в рамках наиболее известного советского проекта по развитию науки во второй половине XX в., а также факторов и направлений влияния Академгородка на трансформацию пространства мегаполиса.

К середине прошлого столетия Новосибирск, город, не располагавший сколько-нибудь значимыми запасами природных ресурсов, сконцентрировал в себе мощный производственный потенциал. В нем оказались расположены предприятия, имевшие общенациональное значение, входившие в основу советского военно-промышленного комплекса (ВПК) и относившиеся к числу технологических лидеров промышленности СССР. С момента основания город также оставался важнейшим транспортным узлом на востоке страны, расположенным на перекрестье Транссибирской и Алтайской железных дорог. Индустриальная траектория в стратегии Новосибирска казалась незыблемой. Но решение об организации СО АН СССР и «имплантации» в городскую структуру Новосибирска Академгородка положило начало принципиально важным трансформациям. Их суть – превращение Новосибирска из промышленного города в город, который стал позиционироваться как центр развитой передовой науки, «продвинутого» высшего образования исследовательского типа и технико-технологических инноваций. Отныне мегаполис обрел имидж общенационального драйвера научно-технического прогресса (НТП). Благодаря широкому паблисити и открытости нового исследовательского комплекса, уже спустя десятилетие после своего образования известность Академгородка в интеллектуальной среде затмила известность самого Новосибирска. В этом смысле Городок обеспечил глобальную роль города и обозначил его перспективы. Благодаря Академгородку и появившимся позднее вблизи Новосибирска другим наукоградам (Краснообску и Кольцово), траектория развития Новосибирска как одного из крупнейших в СССР центров НТП доминировала вплоть до распада страны в 1991 г. и была унаследована Россией. Однако при ретроспективных реконструкциях эволюции города остается нерешенным вопрос о том, насколько гармоничным и безболезненным был этот процесс для обоих компонентов формально единого городского пространства: Новосибирска как реципиента и Академгородка как «имплантата» в тело города. Для того, чтобы попытаться ближе подойти к ответу на него сосредоточимся и на количественном, и на качественном, социальном срезах анализа.

Представляется, что выводы о масштабности происходивших трансформаций можно сделать, принимая во внимание показатели миграции ученых в Новосибирск при создании Академгородка, а также некоторые социальные параметры прибывшего контингента в контексте способности оказывать влияние

на профиль мегаполиса. Последнее может включать в себя ряд профессиональных характеристик, прежде всего – уровень научной квалификации и профиль научных специальностей мигрантов с учетом ориентации на перспективные направления НТП. Социальный срез также подразумевает формирование представлений о «пассионарности» прибывающего в регион контингента и его способности привносить в провинциальный город новые элементы новой для города культуры в области межличностной и профессиональной коммуникации. Естественно, что этот аспект трудно выразить в количественно измеримых параметрах. Частично об этом можно судить на основе данных о городах и регионах «выхода» прибывающих в Академгородок исследователей, а также местах, где они получали профессиональную подготовку, поскольку последнее косвенно свидетельствует о принадлежности к ведущим научным школам страны. Этот срез анализа оставляет место для умозрительных выводов и заключений, базирующихся на несфокусированных интервью и беседах, мемуарах и воспоминаниях ученых, экспертных оценках и т. п. Все это позволяет сделать определенные выводы о специфике и гармоничности социальных трансформаций городского пространства и их значимости для судеб мегаполиса вообще, и научного центра в частности.

Итак, к середине 1950-х гг. Новосибирск – крупнейший индустриальный и логистический центр – развивался и как центр технологических разработок и профессионального образования, прежде всего ориентированного на предприятия ВПК. Что касается т. н. гражданских научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР), то это была наука во многом «провинциальная», ориентированная либо на изучение ресурсной базы региона, либо на решение тактических задач по адаптации производственных технологий к нуждам локализованных здесь предприятий. Причем, имеющегося потенциала было явно недостаточно даже для таких ограниченных задач [9]. Статус города в этом качестве постепенно возрастал, но явно уступал другим граням и аспектам городского развития.

На фоне иных советских мегаполисов, таких, например, как Свердловск или Горький, Новосибирск явно не выглядел научно-техническим и инновационным лидером. В городе функционировал Западно-Сибирский филиал Академии наук (ЗСФАН) в составе четырех небольших институтов, работало девять вузов (при этом в Новосибирске не было университета), действовал ряд отраслевых НИИ, главным образом «оборонного» профиля. Но человеческие ресурсы, занятые в этих сферах, были относительно невелики. По имеющимся данным, в ЗСФАН работало лишь немногим более 200 научных сотрудников, из которых лишь 17 человек имели степени докторов и 87 кандидатов наук. В вузах, ситуация в которых не позволяла интенсивно заниматься научными исследования, не более четверти всех кафедр возглавлялись профессорами и докторами наук. В системе отраслевой науки, где доминировали учреждения ВПК, не более 0,5% научных сотрудников имели степени докторов и 10% кандидатов наук [10, с. 448-504].

Уже по этим отрывочным данным можно сделать вывод, что «продвинутая» фундаментальная наука и занятые в ней специалисты не определяли лицо уже почти миллионного в то время Новосибирска, и доминирующим оставался промышленный вектор. В Генплане до 1980 г. Новосибирск рассматривался как «сложившийся научно-технический центр специализированного промышленного производства» [1, с. 78], т. е. индустрии ВПК. Но решение о создании Академгородка положило начало мощнейшим «инъекциям» в регион новых когорт специалистов в области перспективных направлений науки, которые несли с собой не только новые знания и компетенции, но и специфический «столичный» менталитет и образ жизни, ранее неприсущие в таких масштабах населению Новосибирска.

Важно отметить, что «отцы-основатели» создания научного комплекса, прежде всего академик М.А. Лаврентьев, глубоко продумали его концепт в плане обеспечения долговременной устойчивости проекта [11]. На старте ключевым фактором становилась мотивация потенциальных сотрудников. Практика

подтвердила разумность идеи опереться на три категории ученых, ни одна из которых ранее не присутствовала в Новосибирске в сколько-нибудь значимых масштабах. Первой стала группа авторитетных исследователей, членов Академии наук, входивших в число тех, кто определял отечественную научную политику, но не удовлетворенных состоянием научных исследований в стране. Создание СО АН СССР позволяло этой когорте ученых усилить свои позиции в системе организации и управления наукой, и в этом смысле Академгородок был для них не только целью, но и средством достижения целей.

Ко второй группе ученых относились видные исследователи, как правило, доктора наук, уже имевшие свои научные школы или достигшие значительного прогресса в науке, но не получившие возможности реализовать их в сложившихся научных учреждениях в центре страны. Такие специалисты были готовы сменить место жительства и работы, если при этом перед ними открывались широкие перспективы для разработки собственных научных направлений и возможности для продолжения научной и научно-организационной карьеры.

Наконец, к третьей категории относились молодые научные сотрудники, входившие в число учеников и последователей тех, кто составлял первые две страты. Переход во вновь создаваемые институты также открывал перед ними доступ к быстрой научной карьере, что было нереально в рамках традиционных научных структур в центре страны. Таким образом, каждый получал свое. Одни – ключевые позиции в руководстве наукой. Другие – перспективы быстрой научной карьеры. Третьи – условия для работы и быта, значительно превосходившие имевшиеся. Но все вместе получали хорошие возможности для плодотворной научной деятельности.

Необходимым условием смены жизненной парадигмы для мигрантов был переезд в Сибирь. Для многих выходцев из столичных городов это оставалось все же проблемой. Однако ситуация демпфировалась особыми правительственными решениями, которые позволяли ведущим ученым сохранять при переезде жилплощадь в столицах, несмотря на получение жилья Новосибирске. В результате концепция создания СО АН СССР могла рассчитывать на поддержку различных социальных страт ученых.

Принципиальное значение имел тот факт, что селекция кандидатов проводилась весьма тщательно и те, кто ее прошел, обладали не только мотивацией, но и высокой квалификацией и способностью самостоятельно и нетривиально решать задачи, далеко выходящие за рамки узкопрофессиональных областей. Сам факт «десанта интеллектуальной элиты» из столичных городов и европейской части страны в Сибирь говорил о решимости его представителей самостоятельно выбирать рискованные, но и взвешенные жизненные стратегии. Для «кадрового десанта» относительно оперативно решалась жилищная проблема и обеспечивались конкурентная зарплата и хорошие условия для работы. В итоге в Новосибирске сконцентрировалась значимая доля интеллектуального потенциала страны, которая не могла не оказать влияние ни на его стратегии развития, ни на имидж города, ни на социальную атмосферу.

Структура кадрового потенциала науки менялась очень быстро. После первых выборов в Академию наук по Сибирскому отделению 1958 г. в нем состояло уже 11 академиков и 28 членов-корреспондентов АН СССР. Это составляло около 8 % от общей численности членов Академии. Всего лишь два года назад на всей территории Сибири и Дальнего Востока имелся лишь один член-корреспондент АН, который работал в Томске.

Уже на 1 октября 1958 г. в новые институты только Новосибирского научного центра (ННЦ) было зачислено 924 человек, в т. ч. 422 научных сотрудника. К концу 1960 г. численность научного персонала новых институтов уже превысила тысячу человек. Учреждения ННЦ комплектовались кадрами из разных источников. Почти половина всех научных работников прибыла в Новосибирск из НИИ и вузов Москвы и Ленинграда, 42 % перешли на работу в СО АН СССР из институтов и вузов Сибири и Дальнего Востока, включая ЗСФАН, 9 % прибыло из других

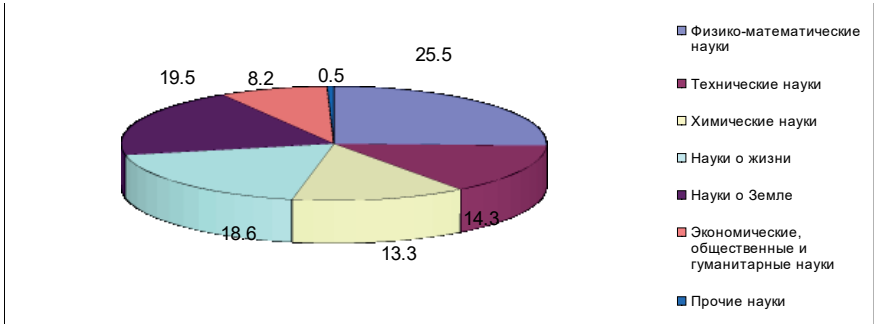
городов европейской части СССР. В начальный период истории Отделения выходцы из европейской части СССР составляли в институтах физико-математического и химического профиля почти 100 % сотрудников, в биологических институтах – 90 %, в технических – около 70 %. И лишь в науках о Земле представительство местных специалистов было весьма высоким, что определялось профилем академических филиалов в Сибири в предшествующие годы: например, штат Института геологии и геофизики на 72 % состоял из сибиряков [8, с. 38-39].

Показательны данные по территориальному срезу представителей высшего уровня академической иерархии – членов АН СССР, перешедших на работу в Отделение, либо избранных от СО АН СССР. Имевшиеся данные относятся к более широкому хронологическому периоду 1958-1981 гг. и ко всему Отделению, но вполне характеризуют ситуацию в ННЦ и Академгородке. 46 % членов Академии наук, прибывших в Сибирь, ранее работали в научных учреждениях Москвы, 12 % – Ленинграда, 10 % – других городов западной части страны. В совокупности это превышало $^{2}/_{3}$ всех членов АН СССР, ставших руководителями институтов и их структурных подразделений. В первые годы истории Академгородка их доля была еще выше. Почти аналогичные цифры дают данные о месте получения научной элитой высшего образования. 40 % окончили вузы Москвы, 26 % – ленинградские вузы и 13 % вузы в иных городах европейской части страны [7, с. 19, 21].

В 1961 г. общее количество работающих в академическом комплексе Сибири и Дальнего Востока составляло уже около 9 тыс. чел, в т. ч. почти 3 тыс. научных сотрудников, большинство из которых находилось именно в Академгородке. По сравнению с 1957 г. численность научных работников в академическом комплексе Сибири увеличилась более чем в пять раз. Теперь свыше трети из них имели степени кандидатов и докторов наук. На востоке страны появилась большая когорта членов АН и ведущих ученых, оказывающих непосредственное влияние на определение стратегии научного поиска в различных дисциплинах и

формирующих матрицу взаимоотношений в коллективах. Наиболее высокими темпами возрастала численность сотрудников именно в ННЦ: с 1957 г. и до середины 1961 г. она увеличилась в шесть с половиной раз.

До образования СО АН СССР дисциплинарная структура кадров исследователей отражала периферийный характер исследований, ориентированных на изучение ресурсов региона. Об этом свидетельствует тот факт, что почти $^{2}/_{3}$ научных сотрудников высшей научной квалификации академических учреждений восточных регионов страны, среди которых главенствующую роль играл ЗСФАН в Новосибирске, имели подготовку в области науки о жизни и наук о Земле. Но к середине 1960-х гг. профессиональный профиль научных сотрудников академических учреждений Сибирского отделения, где абсолютно доминировали институты Академгородка, радикально изменился по сравнению с ситуацией десятилетней давности. Теперь там большинство составляли специалисты со специализацией по наиболее перспективным направлениям современной науки.



**Рассчитано по данным: Куперштох Н.А. Разработка принципов развития кадрового потенциала академической науки Сибири во второй половине 50-х гг. // Кадры науки советской Сибири: проблемы истории. Новосибирск, 1991. С. 181.*

Рисунок 1 – Дисциплинарная структура кадров высшей квалификации СО АН СССР, на начало 1966 г., в % к итогу*

В августе 1964 г. Академгородок посетила правительствен-

ная комиссия во главе с президентом АН СССР акад. М.В. Келдышем. Именно она и подписала акт приемки в эксплуатацию ННЦ. Комиссии были представлены корпуса 15 институтов, университета, Опытного завода, жилые дома общей площадью 281,6 тыс. кв. м, пять школ, 18 детских садов и яслей, семь столовых, клуб, широкоэкранный кинотеатр «Москва», две больницы, две поликлиники и многие другие объекты. Делался вывод, что «Население научного городка, составляющее 28,5 тыс. жителей, обеспечено жилой площадью в среднем 9,5 м^2 на одного человека и необходимыми учреждениями культурно-бытового обслуживания в соответствии с действующими нормами. … Все научно-исследовательские институты и государственный университет обеспечены высококвалифицированными научными и инженерно-техническими кадрами, общая численность которых составляет 5 600 человек, в том числе 14 действительных членов АН СССР, 35 членов-корреспондентов, 80 докторов наук и 650 кандидатов наук» [5, с. 196]. Важным стало и то обстоятельство, что одновременно была заложена твердая основа для воспроизводства научных кадров, включавшая такие разноуровневые элементы, как первую в СССР школу-интернат для одаренных детей (ФМШ), элитный исследовательский университет (НГУ) и разнопрофильную систему подготовки кадров высшей научной квалификации в НИУ Академгородка [12]. Все это стало новеллами для мегаполиса.

Академгородок резко отличался от Новосибирска и в градостроительном отношении. Он был возведен в экологически благоприятных условиях естественного ленточного бора вблизи Обского водохранилища и линии Алтайской железной дороги на выделенной площади в 1370 га. За архитектурно-планировочное решение Академгородка в 1967 г. группа разработчиков была удостоена Государственной премии РСФСР в области архитектуры. Изначально Академгородок планировался как город-спутник Новосибирска [1, с. 63], и это отразилось в градостроительном концепте при создании его систем жизнеобеспечения. При формировании Академгородка обеспечивалось

параллельное строительство научно-исследовательских учреждений, жилого комплекса, объектов социального и бытового назначения. В состав Академгородка вошел университетский кампус с ФМШ, в структуре градообразующего комплекса появился конгресс-холл, представленный Домом ученых, и современный по меркам 1960-х гг. отель, что было необходимо для нормально функционирования научного центра. Как отмечается экспертами, «в основу архитектурно-планировочной организации территории Академгородка положены следующие принципы: полное использование природных условий местности и сохранение естественного ландшафта как полноценного структурного элемента архитектурно-пространственной организации городской среды; создание единой системы сообщений, обеспечивающих кратчайшие транспортные и пешеходные связи как между зонами города, так и в пределах каждой из них, с максимальной безопасностью для пассажиров и пешеходов, с полным исключением всех видов транзита через территорию Академгородка; максимальное приближение учреждений культурно-бытового обслуживания, в том числе и общегородских, к жилым комплексам; создание своеобразного архитектурно-пространственного образа города, лишенного «нарочитой геометризации и симметрии планировочных форм, так и их аморфной неопределенности. …. Архитектурно-планировочная структура городка Сибирского отделения предопределена четким зонированием его территории и закреплена основными транспортными магистралями» [1, с. 69].

Всего за несколько лет Новосибирск столкнулся с ситуацией, когда в него был фактически «встроен» целый город с численностью населения в несколько десятков тыс. чел с нетипичным ранее для мегаполиса контингентом населения, занятым в той сфере деятельности, которая никогда ранее не считалась профильной для мегаполиса. Академгородок обладал всеми признаками отдельного города и располагал собственной инфраструктурой и системой жизнеобеспечения, за исключением разве что аэропорта. Похожие, но менее масштабные «город-

ки науки», в последующие годы, возводимые вблизи Новосибирска с учетом опыта Академгородка – Краснообск (поселок ВСХНИЛ) и Кольцово – получили статус отдельных поселений, а Кольцово впоследствии стал одним из первых официальных наукоградов в России.

Что же касается самого Академгородка, то с момента его создания возникла дихотомия «Города и Городка», растянувшаяся на десятилетия и сохраняющаяся до сих пор. Собственно, здесь мы возвращаемся ко второй части поставленной проблемы – социальному измерению эксперимента, связанного с «имплантацией» научного комплекса в сложившийся город, в результате которой Новосибирск в мгновение ока превратился в один из крупнейших, а по некоторым оценкам – второй по величине потенциала после Москвы и области научный центр страны. В этом сюжете есть две плоскости анализа. Первая из них – это проблема целостности самого Академгородка. Очень скоро возникла дискуссия, что, собственно, следует считать Городком, а что нет. Главным ее маркером стали внешние индикаторы социальной стратификации резидентов Городка, критериями которых выступают визуализированные архитектурно-планировочные решения. Часто они упираются в рассуждения о правомерности отнесения к Академгородку т. н. микрорайона Щ, который предназначался для рабочих-строителей и застраивался на старте истории научного центра типовыми брусчатыми и щитовым домами (их впоследствии предполагалось заменить на капитальные строения, но многие такие дома сохранились и до настоящего времени), а также микрорайона Шлюз и некоторых других его частей. По распространенной точке зрения Городок следовало бы ограничить «верхней зоной», где, собственно, и расположены институты, университет, основные объекты соцкультбыта и жилые дома для научных сотрудников. Споры о границах продолжаются по сей день, поскольку даже визуально эти части Городка разительно отличаются друг от друга и время их нисколько не сблизило. В отличие от уютной и благоустроенной «верхушки» со своей неповторимой аурой,

микрорайон Щ и в пределах его стартовой площадки, и в той части, которая начала быстро застраиваться в 1970-х гг., напоминает типичный спальный район любого советского города. Впоследствии территория «верхней зоны» Академгородка была признана достопримечательным местом и объектом культурного наследия с введением ограничений на застройку, что лишь добавило аргументов сторонникам первой точки зрения. Соответственно, справедливо мнение, что при всех своих достоинствах «Академгородок в планировочном отношении – первый, а возможно и единственный эксперимент социального разделения в социалистическом градостроительстве. До сих пор в этико-топографическом отношении Верхняя зона Академгородка – территория науки и этики, Нижняя – техническое обслуживание (может быть, именно поэтому он звучит – ЩА – очень характерный отклик гегемонии на пафос великих ученых, волею судеб, оказавшихся в Сибири)» [13].

Вторая плоскость анализа – это интеграция Академгородка и Новосибирска. Как уже отмечалось, Академгородок стал частью Советского района Новосибирска и в этом смысле был административно объединен с другими микрорайонами, некоторые из которых территориально отстояли от Городка на несколько километров. Это противоречило первоначальному замыслу о создании отдельного поселения, города-спутника. Неудивительно, что с момента основания Городка альянс между Городом и Городком складывался более чем непросто. Это касалось как идеологического, так и социально-психологического и социокультурного измерений.

В возникшей дихотомии «Город – Городок», кроме упомянутого выше, отражалось еще несколько обстоятельств. Некоторые из них возникли во многом вопреки желаниям тех, кто принимал решения, или же в условиях типичных для СССР подходов к реализации крупных проектов не были просчитаны до конца. Областные власти Новосибирска охотно согласились на предложение о строительстве научного центра на подведомственной им территории. Но город и регион здесь не играли са-

мостоятельной роли, поскольку в советской модели, как, собственно, и сейчас в РФ, они не являлись субъектами политических решений такого рода. Новый научный центр был создан и локализован, исходя из соображений общегосударственной целесообразности. Декларированная в постановлении ЦК КПСС основная задача СО АН СССР формулировалась как «всемерное развитие теоретических и экспериментальных исследований … направленных на решение важнейших научных проблем, а также проблем, способствующих наиболее успешному развитию производительных сил Сибири и Дальнего Востока» [14, с. 136]. Но представляется, что во второй своей части в условиях широко развернувшейся «совнархозовской» реформы она звучала, скорее, как дань политической конъюнктуре. Попытки «встроить» научный комплекс в региональный контекст в той или иной форме предпринимались на протяжении всей последующей истории его существования, но полученные результаты не выглядели безусловно успешными из-за изначальной ориентации институтов Академгородка на решение задач фундаментальных исследований, «большой науки» и ВПК.

На старте проекта город еще не вполне понимал масштабы грядущих трансформаций. Строительство «городка науки» стало крупнейшим общегосударственным проектом, по сути, одной из последних советских «великих строек коммунизма», финансируемых целевым образом из госбюджета, поэтому финансовая нагрузка на сам регион и город была все же ограниченной. Но изыскивать дополнительные возможности пришлось и городу, например, для временного размещения научных учреждений и расселения сотрудников, пока помещения в Городке не были введены в строй. Региональная администрация, еще при строительстве Академгородка пытавшаяся отвлекать выделяемые Москвой ресурсы и для решения иных задач, сразу же столкнулась с крайне жесткой реакцией центральных властей. Тем самым ей было дано понять: локализация научного комплекса в регионе и городе не означает, что местные власти будут «заказывать музыку», и это неоднократно подтверждалось впослед-

ствии.

В итоге система администрирования в Академгородке как центре управления всем СО АН СССР позволяла его руководству апеллировать непосредственно к центральным властям, фактически минуя городские и областные администрации. В лучшем случае они лишь ставились в известность о предполагаемых решениях. Этому способствовали и личные доверительные отношения руководителя научного комплекса акад. М.А. Лаврентьева с «первым лицом», Н.С. Хрущевым. Такая ситуация сохранялась на протяжении нескольких стартовых лет, определивших дальнейшее развитие научного комплекса. Но и после смены лидеров матрица взаимоотношений между имплантированной в регион «наукой центра» и регионом в какой-то мере сохранялась. По воспоминаниям известного социолога академика Т.И. Заславской «одна из заслуг академика Лаврентьева, что, когда он выбирал место для Академгородка, не последним соображением было – подальше от обкома партии. В Иркутске такой городок на окраине города, в Красноярске – вообще часть города. Лаврентьев же хотел самостоятельности в этом плане – и он ее добился. Мы тоже имели неприятности с обкомом партии, но все-таки они не сидели у нас безвылазно, а лишь наезжали, и то нечасто» [15, с. 146].

В то же время, некоторые опасения по поводу потенциального «фрондерства ученых» создаваемого «наукограда» и необходимости его агрегирования в социально-политических и административный контекст региона локализации все же существовали изначально. Этим, наряду с прочими аргументами, как раз и было вызвано упомянутое решение об объединении Академгородка с «пролетарскими» по составу населения микрорайонами Шлюз и ОбьГЭС в рамках единого Советского района, состоявшееся уже в 1958 г. Создаваемая система демпферов потенциального свободомыслия ученых, представленная органами советской и партийной власти, должна была повысить степень управляемости академических институтов, противопоставляя ему «пролетарскую массу» другой части большого рай-

она.

Сыграли свою роль и иные обстоятельства как инфраструктурного, так и социального характера. К их числу относилась относительная отдаленность Городка от центра Новосибирска и непростое и небыстрое транспортное сообщение с городом. В особенности важную роль этот фактор играл в первое десятилетие истории Городка, когда, несмотря на капитально реконструированное Бердское шоссе, поездки из Городка в город и обратно занимали не один час времени. Изначально задуманная транспортная схема, предполагавшая гармонизированное сообщение с Новосибирском посредством согласования общественного автомобильного и железнодорожного транспорта, так и не была реализована в оптимальном варианте.

Сказывалась и особая, и гораздо лучшая, чем в Новосибирске, система снабжения Городка продовольственными и промышленными товарами, резко выделяющая Городок на фоне остального города. Достаточно долгое время она осуществлялась по линии могущественного и богатого «атомного министерства» – Минсредмаша, который обеспечивал строительство «городка науки». Жители города были отрезаны от такой системы, но не от информации о ее наличии. На этой основе формировалось много мифов и легенд, часто необоснованных, но даже простые поездки в Академгородок позволяли убедиться в более широком ассортименте товаров в магазинах научного центра. А созданная в самом Городке система закрытого и дифференцированного по статусу распределения товаров и услуг, т. н. столы заказов, вызывала раздражение даже у многих «совестливых» представителей научной интеллигенции.

Наконец, жителей города не могли не привлекать градостроительные решения и среда обитания Академгородка. Городок был расположен в лесу, жилые дома строились в окружении зелени с соблюдением высоких экологических стандартов. В нем практически не было высотных и просто высоких зданий. Среда обитания выглядела гармонично, создавала впечатления уюта и благополучия. В Новосибирске по совокупности подобных качеств конкурентов у Академгородка не было.

Но важнейшую роль, пожалуй, сыграли социокультурные «разломы», обусловленные спецификой населения Городка, состоящего из научных работников. Как было показано выше, их критическая масса в первые годы была представлена выходцами из столичных городов, отличавшихся от населения города по своим привычкам и стереотипам поведения. Последнее создавало в Городке особую ауру, от которой фактически отсекались те, кто не принадлежал к локальному сообществу «посвященных» в науку. В условиях, когда наука стала в стране одной из ключевых идеологем, а в общественном мнении от нее постоянно ждали новых свершений, такая ситуация носила противоречивый характер. Учеными Городка в 1960-е гг. часто восхищались, но сам Городок с его на фоне города «лица необщим выражением» и специфической атмосферой, у «людей с улицы» вызывал и известное раздражение.

В итоге действия всех этих и ряда других факторов, Академгородок с момента своего создания развивался как контртеза Новосибирска и в урбанистическом, и в социальном смысле. Город пытался выявить и капитализировать преимущества, которые он приобретал от присутствия в его структуре научного комплекса. Прежде всего менялся его публичный облик – отныне он позиционировал себя не только как город с развитой высокотехнологичной индустрией, но и как центр науки мирового класса. Такой желательный для Новосибирска имидж сохранялся на протяжении всех последующих лет и отражался во всех редакциях долговременных планов и стратегий развития города и региона. Академгородок естественным образом стал витриной Новосибирска. Типологически Городок напоминал закрытые «наукограды», такие, например, как Снежинск (в то время – Челябинск 70), о которых, однако, мало кто в стране знал. Но в отличие от Снежинска и ранее построенных и параллельно воздвигаемых «атомградов», Академгородок изначально был позиционирован как центр не «оборонных», а фундаментальных исследований, глобальный научный центр, и, соответственно,

открыт для международных коммуникаций.

Равным образом и сам Новосибирск, находясь в окружении других «закрытых» или ограниченных для посещения иностранцами городов, стал центром международных связей и международного сотрудничества в Сибирском регионе. Практически все визиты руководителей страны и значимых иностранных делегаций в крупнейший город Сибири включали в себя посещение Академгородка и знакомство с его научными институтами и университетом. Первым из высокопоставленных гостей уже в конце 1961 г. стал президент Финляндии У. Кекконен, а затем подобные визиты стали практически ежегодными [16, с. 215-217]. В какой мере изменение имиджа города привело к увеличению инвестиций в его бюджет, на данный момент неизвестно и формирует особую и весьма любопытную исследовательскую задачу. Известно лишь то, что академический комплекс финансировался из централизованных источников, по особой «красной строке» параллельно бюджету «большой Академии наук. Также неизвестна величина инвестиций в финансирование учреждений Академгородка по линии программ отдельных министерств и ведомств, главным образом относившихся к ВПК. Однако она была весьма существенной, поскольку, по многим оценкам, доля НИОКР в интересах ВПК в институтах Городка составляла не менее 75%.

Несомненно, Новосибирск получил от Городка возможность укрепить и повысить свой статус в качестве центра профессионального образования. Долгое время Новосибирск, несмотря на свои намного большие размеры, уступал роль «студенческой столицы» Томску, где еще в конце XIX в. возник первый в Сибири классический университет. С появлением и быстрым возвышением Новосибирского университета (НГУ), де-факто ставшего частью академического комплекса, а также распространением влияния Академгородка на другие вузы города, этот статус соседнего города был поставлен под сомнение и успешно оспаривался мегаполисом. «Интеллектуальные инъекции» в Новосибирск, сделанные при создании Городка, продолжались

и в дальнейшем по мере его развития.

Как вскоре выяснилось, опасения властей относительно того, к чему может привести высокая концентрация рефлексирующих интеллектуалов были оправданы. В Академгородке, детище «хрущевской оттепели», на протяжении по крайней мере первого десятилетия царила атмосфера свободомыслия и либерализма, немыслимая даже для столичных городов, не говоря уже о провинциальном центре. В нем действовали интеллектуальные клубы, проводились публичные дискуссии, затрагивавшие весьма опасные для политического режима сюжеты, не ограничивались профессиональные и личные контакты с иностранцами. В Городке сложился своеобразный этос локального сообщества, отличавший его носителей от коллег из иных научных учреждений, в том числе и в самом Новосибирске. Постепенно сформировалась и собственная система воспроизводства научных кадров высшей квалификации, интеллектуалов, разделяющих «мертоновские» принципы этики и сложившиеся в Городке «правила игры» в отношении и к предмету своей деятельности, и к коллегам [16].

В 1960-е гг. Городок стал быстро расти уже на собственной основе, тиражируя свои этические нормы и принципы и перенося их на новые территории восточной части страны. Это также привлекало в Городок и молодежь, ориентированную на интеллектуальную и высокопрофессиональную работу в сфере науки, и уже сложившихся исследователей, стремящихся обеспечить себе новый импульс в карьере. Все это породило мифы о «Новой Атлантиде», в которых отголоски реальности тесно переплетались с легендами, и это тоже стало показателем растущего статуса и роли Академгородка и Новосибирска в интеллектуальном пространстве страны [18]. И в Новосибирске на различных уровнях – от Советского райкома КПСС и обкома партии, и в центре страны, на уровне ЦК КПСС, это вызывало большое беспокойство. В конечном итоге к концу 1960-х гг. власть справилась с свободолюбием Городка, однако легенды о его прошлых свободах сохранились в СССР на долгие десяти-

летия.

Несомненно, Новосибирск сумел приобрести довольно много от инкорпорирования в себя Городка. Что получил Городок от Города – это прежде всего возможность использования инфраструктуры и социокультурных объектов мегаполиса. Хотя после появления сцены Дома ученых практически все перформансы последовательно проходили на двух площадках: в Городе и Городке, и жители Академгородка не стремились к поездкам «в Город» (такое выражение до сих пор в обиходе у обитателей Городка). Во многих отношениях Городок долгие годы оставался самодостаточным в отношениях с Городом. Далеко не все полученные эффекты имели количественное измерение, и тем более далеко не все было осознано и отрефлексировано в стратегиях развития, которые порой выглядели чрезмерно оптимистично. Это и понятно, поскольку по своим масштабам крупнейший в масштабах страны социальный эксперимент в сфере организации науки изначально не был ориентирован на город локализации. К настоящему времени его промежуточные итоги в основном осмыслены лишь в плоскости государственной научно-технической политики и глобального опыта организации и управления наукой [14]. Представляется, что анализ формирования и развития Академгородка в контексте трансформации городского пространства мегаполиса еще ждет своего исследователя. Что же касается данной статьи, то автор рассматривает ее лишь как попытку обозначить релевантность и научную значимость этой весьма актуальной проблемы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Баландин С.Н. Новосибирск. История градостроительства 1945-1985 гг. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1986. – 155 с.
2. Водичев Е.Г., Узбекова Ю.И. Развитие академической науки в Сибири: историографический очерк // Советская региональная культурная политика: проблемы изучения. – Новосибирск: Сова, 2004. – С. 117–169.
3. Кузнецов И.С. Современная историография Новосибирского Академгородка // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2014. Т. 13, вып. 1. – С. 130–140.
4. Сибирское отделение Российской академии наук: создание (1957–1961 годы): сборник документов / отв. ред. Е.Г. Водичев. Новосибирск: Сибирское научное изд-во, 2007. – 376 с.
5. Кузнецов И.С. Рождение Академгородка 1957-1964. Документальная летопись: учеб. пособие по спецкурсу. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2006. – 198 с.
6. Российская академия наук. Сибирское отделение. Персональный состав / сост. Е.Г. Водичев и др. Новосибирск: Наука, 2007. – 601 с.
7. Красильников С.А. Персональный состав членов АН СССР – РАН по Сибирскому отделению: избрание как признание (1958–2007 годы) // Исторический курьер. 2024. № 1 (33). С. 11–36. Интернет ресурс URL: http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-1-00.pdf (Дата посещения 25.07.2024). doi:10.31518/2618-9100-2024-1-0.
8. Куперштох Н.А. Кадры академической науки Сибири (середина 1950-х – 1960-е гг.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1999. – 151 с.
9. Водичев Е.Г. В технологическом тупике: отраслевая наука на востоке СССР во второй половине 1940-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 139–147. DOI: 10.17223/15617793/436/16.
10. История города. Новониколаевск-Новосибирск. Исторические очерки. Новосибирск: Изд. дом «Историческое наследие Сибири», 2005. – 864 с.
11. Лаврентьев М.А. Опыты жизни. 50 лет в науке // ЭКО. 1979. № 7–12; 1980. № 1–6.
12. Аблажей Н.Н., Водичев Е.Г., Красильников С.А. Новосибирский государственный университет. Создание, становление, развитие. 1959-2019. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2019. – 404 с.

13. Архитектура Новосибирска. Новосибирский Академгородок. История создания // Интернет ресурс URL: nsk.novosibdom.ru (Дата посещения 25.07.2024).
14. Водичев Е.Г., Красильников С.А., Ламин В.А. и др. Российская академия наук. Сибирское отделение. Исторический очерк. Новосибирск: Наука, 2007. – 510 с.
15. Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. – СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 1999. – 684 с.
16. Водичев Е.Г. Формирование и развитие международных связей академической науки в Сибири. Новосибирск: Наука, 1990. – 224 с.
17. Водичев Е.Г., Куперштох Н.А. Формирование этоса научного сообщества в новосибирском Академгородке, 1960-е годы // Социологический журнал. 2001. № 4. – С. 41–65.
18. Водичев Е.Г. Всегда ли «Понедельник начинается в субботу» или мифы и реалии Сибирской «Новой Атлантиды». Статья первая: мифы // Идеи и Идеалы. № 1 (35). Т. 1. 2018. С. 9–23. – doi: 10.17212/2075-0862-2018-1.1-9-26.

Глушкова Л.Н.

СПЕЦИФИКА ПРОЯВЛЕНИЙ АГРЕССИИ И ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ

Аннотация

В статье представлены результаты исследования взаимосвязи представлений о гендерных стереотипах и проявлений агрессии мужчинами и женщинами, выявление одного из факторов гендерной агрессии. Рассматриваются особенности гендерной агрессии, некоторые данные статистики деструктивных проявлений в отношении женщин, культурные особенности проявления агрессии, агрессивное поведение с позиции гендерных стереотипов, гендерные стереотипы как фактор легитимизации агрессии в обществе, проявления гендерного насилия в отношении женщин В исследовании представлены различия в понимании гендерных стереотипов, корреляции между гендерными стереотипами и особенностями проявления агрессии мужчинами и женщинами, делается вывод о допустимости и ожидаемости агрессивного поведения с позиции гендерных стереотипов. Проведен анализ значимых различий по исследуемым показателям между особенностями гендерных стереотипов и проявлениями агрессии мужчинами и женщинами. Сравнивается значимость различий в показателях у женщин и мужчин по факторам феминности, маскулинности, андрогинности, физической, прямой и косвенной агрессии и другим особенностям агрессивного поведения, и чертам как маскулинного, так и феминного типов, проявление мускулинных и феминниных характеристик у мужчин и женщин.

Ключевые слова: гендерные стереотипы, агрессивные особенности поведения.

Abstract

The article presents the results of a study of the relationship between ideas about gender stereotypes and manifestations of aggression by men and women, and the identification of one of the factors of gender aggression. The features of gender aggression, some statistics on destructive manifestations against women in Kazakhstan, cultural characteristics of aggression, aggressive behavior from the perspective of gender stereotypes, gender stereotypes as a factor in legitimizing aggression in society, manifestations of gender violence against women are considered. The study presents differences in understanding gender stereotypes, correlations between gender stereotypes and features of aggression men and women, The conclusion is made about the permissibility and expectation of aggressive behavior from the perspective of gender stereotypes. The analysis of significant differences in the studied indicators between the characteristics of gender stereotypes and manifestations of aggression by men and women is carried out. The significance

of differences in indicators between women and men in terms of femininity, masculinity, androgyny, physical, direct and indirect aggression and others, features of aggressive behavior and traits of both masculine and feminine types, the manifestation of muscular and feminine characteristics in men and women is compared.

Keywords: gender stereotypes, aggressive behavior patterns.

В 2006 году Казахстан в мировом рейтинге (The Gender Gap Index 2006 rankings) гендерного равенства занимал 32 место (Hausmann, Tyson & Zahidi, 2006:9), а в 2021 году опустился на 80 место (Crotti, Pal, Ratcheva & Zahidi, 2021:10) [1]. Согласно статистике ООН 2017 года, ежегодно в Казахстане в результате деструктивных отношений погибает более 400 женщин. На горячую линию от женщин в среднем поступает 40-50 звонков в день о фактах насилия. Проявлениями гендерного насилия в отношении женщин являются принуждение к сексу без согласия, угрозы и запугивание женщин, контроль внешнего вида, финансов и общения. 18 % опрошенных полностью или отчасти допускают применение мужчинами в отношении жены или партнерши физического насилия, а более 60 % респондентов заявили, что мужчины «имеют право» полностью или частично контролировать внешний вид, общение и встречи своей жены или партнерши [2].

В 2023 году Казахстан занял 62-е место из 146 стран в Глобальном индексе гендерного разрыва. Женщины в Казахстане имеют достаточно прав и возможностей – так считает 73 % мужского населения страны. Среди женщин такого мнения придерживаются около 58 % участниц социологического исследования о гендерном равенстве, которое было проведено в апреле 2024 года в Казахстане при поддержке структуры ООН [2].

Изучение гендерного равенства в стране, выявление причин неравенства, в том числе связанных с агрессией и выработка предложений по решению проблем, а также формирование культуры исследования этой проблемы остается актуальным. Культура воспитания, при которой конструктивная агрессивность усиливается, стимулируя личность к творческому и гармоническому совершенствованию, а при ошибках воспитания - трансформируется в делинквентное поведение – основная актуальная задача современных исследователей.

Как показал анализ литературы, зарубежные психологи (А. Бандура, ф А. Басс, Л. Берковиц, Р. Бэрон, К. Бютнер, К. Бьйоркквист; Э.Х. Игли и В.Дж. Стеффен, К. Лагерспец, Й. Раншбург, Т. Тайгер, Дж. Макалэй, Дж. С. Хайд и др.) исследовали феномен агрессии, её виды, причины возникновения на протяжении более чем столетия. В отечественной психологии данная проблематика, за исключением отдельных работ (С.Н. Ениколопов, Н.Д. Левитов), начала детально разрабатываться сравнительно недавно (П.А. Ковалёв, Е.Е. Копчёнова, Н. Козловская, Л.М. Семенюк, Т.В. Мельникова, Н.В. Дворянчиков, М.Ю. Жумагалиева, З.М. Садвакасова, З.Б. Мадалиева, Д. Сариев, Н.М. Садыкоыв и др.).

В гендерном подходе половая дифференциация рассматривается как результат социализации и влияния культуры в направлении освоения гендерных ролей (Д. Арчер, Ш. Берн, О.А. Воронина, И. Гоффман, Э.Х. Игли, В.Дж. Стеффен, И.С. Клёцина, Т.А. Клименкова, Л.В. Попова, Н.Л. Пушкарёва, Е.И. Трофимова, К.Р. Калкеева, А.Д. Бекебаева, Т.Т. Атаева и др.). Главной особенностью гендерной социализации является асимметричность, т.е. на всех этапах развития и во всех социальных институтах от представителей разных полов ожидают и разного поведения, исходя из этого, их по-разному воспитывают и обучают. От мальчиков ждут более уверенного, напористого и даже иногда агрессивного поведения, тогда как от девочек - осторожности, зависимости, покорности. В соответствии с этим можно предполагать наличие связи между культурными гендерными стереотипами и спецификой гендерных проявлений агрессии: женщинам более свойственны вербальные и косвенные её виды, мужчинам - физические и прямые; особенности проявления агрессивного поведения связаны с гендерными стереотипами, присущими субъекту.

В нашем исследовании гендера и агрессии мы использовали методику «Исследование гендерных стереотипов методом личностных семантических дифференциалов» О.Л. Кустовой [3], тест «Рисунок несуществующего животного», опросник агрессивности Басса – Дарки [4]. В выборке в равных долях представлены мужчины и женщины. Возрастные границы выборки находятся в пределах от 20-25лет (34%) 26 – 35 (32%) 36 - 42 года (34%). Результаты, полученные по методике личностных семантических дифференциалов О.Л. Кустовой, представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Средние значения по методике личностных семантических дифференциалов О.Л. Кустовой (рассчитано автором на основании данных исследования).

Факторы	Мужчины	Женщины	Различия показателей
Оценка общей привлекательности	65,3	63,3	2
Силы личности	71,5	57,4	14,1
Эмоциональности	58,6	61,6	3
Социального статуса	75,1	63,4	11,7
Зависимости	49,2	54,8	5,6
Эмпатийности	60,5	61,8	1,3
Современности	76,1	63,1	13
Феминности	46,9	65,7	18,8
Маскулинности	97,7	64,8	32,9
Андрогинности	69,2	67,6	1,6

Оценка силы личности у мужчин (71,5), у женщин (57,4). Степень различия в балльных оценках (14,1) высокая, гедерный стереотип проявляется наиболее выражено, так как в этот фактор входили такие качества как уверенный, смелый, свободный, сильная личность. Считается, эти качества более присущи мужчинам, нежели женщинам. Оценка эмоциональности у мужчин

(58,6), у женщин (61,6). Степень различия в балльных оценках (3) незначительна. Фактор социального статуса у мужчин (75,1), у женщин (63,4). Степень различия в балльных оценках (11,7) высокая, для мужчин более характерна социальная мобильность, конструирование жизненных планов и их реализация (здесь указаны также круг интересов, материальное благосостояние, положение в обществе). Фактор зависимости у мужчин (49,2), у женщин (54,8). Степень различия в балльных оценках (5,6) средняя, указывает на то, что женщины склонны считать себя независимыми меньше, чем мужчины. Мужчины и женщины устанавливают взаимоотношения, основанные на взаимопонимании, привязанности и уважении, но мужчины более свободны от эмоциональной зависимости. Проявление эмпатии у мужчин (60,5), у женщин (61,8). Степень различия в балльных оценках (1,3) незначительная, мужчины и женщины в равной степени обладают достаточной способностью эмоционально отзываться на переживания другого, сензитивны к переживаниям других людей, способны к распознаванию эмоциональных состояний. Фактор современности у мужчин (76,1), у женщин (63,1). Степень различия в бальных оценках (13). В этом факторе присутствует критерий оценки внешности, сексуальности. Фактор фемининности у мужчин (46,9), у женщин (65,7). Степень различия в бальных оценках (18,8) высокая. Фемининные характеристики - личностные черты, традиционно приписываемые образу женщины (я- заботливая, чувствительная, зависимая, нежная, мечтательная). Фактор маскулинности у мужчин (97,7), у женщин (64,8). Степень различия в бальных оценках (32,9) высокая. Маскулинные характеристики - личностные черты, традиционно приписываемые образу мужчины (я- сильный, смелый, целеустремленный, самостоятельный, независимый, агрессивный). Фактор андрогинности у мужчин (69,2), у женщин (67,6). Степень различия в бальных оценках (1,6) невысокая. Из этого следует, что представители своего пола оценивают себя как личность, в которой представлены черты как маскулинного, так и фемининного типов.

Следует обратить внимание на небольшую разницу в пока-

зателях: у женщин фактор фемининности превышает маскулинность на 0,9; фактор андрогинности превышает фемининность на 1,9; фактор андрогинности превышает маскулинность на 2,8, т.е. можно говорить, что женщины принадлежат к андрогинному типу, имеющему черты одного и другого пола, наиболее приспособленному к жизни.

Для установления различий по преобладанию изучаемых факторов использовался U-критерий Манна-Уитни, результаты статистического анализа отражены в таблице 2. Как видно из таблицы результатов, различие между выборками мужчин и женщин в гендерных стереотипах высокозначимо по ряду факторов где ($p<0,05$).

Таблица 2 – Статистическое сравнение результатов по методике личностных семантических дифференциалов О.Л. Кустовой групп мужчин и женщин (рассчитано автором на основании данных исследования).

Факторы	Значения U-критерия Манна-Уитни		
	Эмпирическое значение	Критическое значение	
		p =0,01	p =0,05
Оценка общей привлекательности	123,5	192	227
Силы личности	154,6*	192	227
Эмоциональности	321,5	192	227
Социального статуса	213**	192	227
Зависимости	368,0	192	227
Эмпатийности	248,0	192	227
Современности	215**	192	227
Фемининности	86,7*	192	227
Маскулинности	64,5*	192	227
Андрогинности	242,5	192	227

Примечание:
** - значимость на 1% уровне*
*** - значимость на 5% уровне*

Фактор силы личности, фактор социального статуса, современность и проявление мускулинных характеристик у мужчин проявляется сильней, чем у женщин, т.к. значения по выборке мужчин значительно выше, чем по выборке женщин. Проявление фемининных характеристик у мужчин проявляется слабее, чем у женщин, т.к. значения по выборке мужчин значительно ниже, чем по выборке женщин. Факторы общей привлекательности и андрогинности - гендерно-нейтрально. Можно говорить, что у женщин мужественность и женственность не противопоставлены друг другу, что женщины принадлежат к андрогинному типу, имеющему черты одного и другого пола наиболее приспособленному к жизни. По результатам проведенной методики делается вывод о том, что существуют различия в гендерных стереотипах мужчин и женщин. Следующие результаты были получены с помощью методики Басса-Дарки (таблица 3).

Таблица 3 – Результаты методики Басса-Дарки (рассчитано автором на основании данных исследования).

Шкала	Мужчины (%)	Женщины (%)
Физическая агрессия	72	48
Косвенная агрессия	40	88
Раздражение	34	42
Негативизм	32	37
Обида	34	45
Подозрительность	43	51
Вербальная агрессия	76	84
Чувство вины	38	43

Показатели по шкале физическая агрессия у мужчин выше (72%), чем у женщин (48%), т.е. у мужчин преобладает использование физической силы. Показатели косвенной агрессии, наоборот у женщин выше (88%), чем у мужчин (40%). Показатели вербальной агрессии у женщин (84%) несколько более выражены, чем у мужчин (76%). Показатели раздражения (42%), нега-

тивизма (37%), обиды (45%), подозрительности (51%), чувства вины (43%) у женщин встречаются чаще, чем у мужчин. Выраженные аспекты составляют существенные особенности женской и мужской агрессии.

Результаты методики РНЖ (таблица 4): показатели общей агрессивности в группе мужчин выше, чем в группе женщин, что говорит об общей тенденции мужчин проявлять агрессивность. По шкале вербальной агрессии у женщин наблюдается большая выраженность показателей, чем у мужчин. По шкале физической агрессии - противоположная картина.

Таблица 4 – Результаты методики РНЖ (рассчитано автором на основании данных исследования).

Шкала	мужчины	женщины
вербальная агрессия (%)	20	48
физическая агрессия (%)	60	24
показатель общей агрессивности (ср. знач.)	0,7	0,3

Итак, по результатам эмпирического исследования мы можем сделать ряд выводов. По результатам методики личностных семантических дифференциалов О.Л. Кустовой, делается вывод о различиях в гендерных стереотипах мужчин и женщин, которые подтверждаются статистическими различиями в показателях по ряду шкал. По результатам проведенных методик РНЖ и Басса-Дарки были установлены различия в проявлениях агрессии мужчинами и женщинами, в частности, женщинам более свойственны вербальные и косвенные её виды, мужчинам - физические и прямые. На основании статистического анализа полученных данных мы делаем выводы о зависимости гендерных стереотипов и особенностей проявления агрессии мужчинами и женщинами. Для установления корреляций между показателями агрессии и гендерных стереотипов нами был применен коэффициент Спирмена (таблица 5).

Таблица 5 – Корреляционная матрица (рассчитано автором на основании данных исследования).

	Физич агрес-сия	Кос-венн. агрес-сия	Раздраже-ние	Нега-ти-визм	Обида	Подо-зри-тель-ность	Вербальная агрес-сия	Чувств. вины
Феминность	0,1993	0,8915*	0,6887**	0,0362	0,8866*	0,1645	0,8827*	0,7447*
Маскулинность	0,7721*	0,1756	0,175	0,8001*	0,1873	0,7442*	0,1466	0,2083
Андрогинность	0,1508	0,6941**	0,7589*	0,7926*	0,1425	0,0684	0,6971*	0,1757
Примечание: ** - высокая корреляционная связь* *** - средняя корреляционная связь*								

Отмечаются корреляции между гендерными стереотипами и особенностями проявления агрессии мужчинами и женщинами. Агрессивное поведение с позиции гендерных стереотипов является не только допустимым, но и ожидаемым. Таким образом, гендерные стереотипы рассматриваются как фактор легитимизации агрессии в обществе. Наиболее существенный стереотип маскулинности связан со склонностью к физической и прямой агрессии, соответствующего культурному, который способствует принятию агрессивных установок и их реализации. На основании статистического анализа полученных данных делается вывод о зависимости гендерных стереотипов и особенностей проявления агрессии мужчинами и женщинами: особенности проявления агрессивного поведения связаны с гендерными стереотипами, присущими субъекту.

Настоящие данные могут быть применены в организации психологической помощи: в просветительской, консультативной и коррекционной работе. Разработанные и апробированные методы исследования агрессивного поведения могут быть включены в арсенал методов практической психологии и использо-

ваны в диагностических целях практическими психологами.

ЛИТЕРАТУРА:

1. https://library.fes.de/pdf-files/bueros/kasachstan/19673.pdf (дата обращения 24.08.2024)
2. https://news.un.org/ru/story/2024/04/1450916 (дата обращения 23.08. 2024)
3. Метод личностного семантического дифференциала (ЛСД) О.Л. Кустовой https://ozlib.com/957916/psihologiya/metod_lichnostnogo_semanticheskogo_differentsiala_kustovoy (дата обращения 10.01. 2024)
4. Диагностика состояния агрессии (опросник Басса-Дарки) / Диагностика эмоционально-нравственного развития. Ред. и сост. Дерманова И.Б. – СПб., 2002. С.80-84. https://gc-pmss.ru/files/pdf2017/diagnostika_agressii_bassa_darki.pdf(дата обращения 10.01. 2024)

Гольцова Е. В.

МИГРАНТОФОБИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ (НА ПРИМЕРЕ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»)

Аннотация

В статье рассмотрены особенности общественного восприятия иностранной миграции в современной России, проявляющиеся в форме открытой мигрантофобии. Мигрантофобия рассматривается современной наукой с 1990-х годов как социально-психологическое явление, имеющее разные формы, а также многочисленные причины и факторы проявления. Будучи недостаточно изученным явлением, имеющим негативный характер, мигрантофобия нуждается в исследованиях, в том числе, с применением новых методик. Результаты, выявленные в ходе проведенного автором анализа материалов социальной сети «Вконтакте» позволяют оценить уровень и факторы мигрантофобии и ксенофобии среди пользователей социальной сети. На основании проведенного исследования выявлена картина восприятия пользователями социальной сети трудовых мигрантов, приезжающих из-за рубежа. При наличии проявлений открытой мигрантофобии миграционная ситуация в отдельных российских регионах может принять критический характер. Результаты проведенной работы могут быть полезны для исследователей миграционных и этнических процессов, для планирования и организации социальной адаптации мигрантов, а также в профилактике национализма и экстремизма в российском обществе. Методика, предложенная автором, может быть рекомендована для более широкого применения при исследованиях общественных настроений с использованием контента социальных сетей.

Ключевые слова: миграция, мигрантофобия, ксенофобия, миграционная политика, социальные сети.

Abstract

The article examines the features of public perception of foreign migration in modern Russia, manifested in the form of open migrantophobia. Migrant phobia has been considered by modern science since the 1990s of the past as a complex socio-psychological phenomenon that has different forms, as well as numerous causes and factors of manifestation. Being an insufficiently studied phenomenon with a negative nature, migrant phobia needs research, including the use of new techniques. The results revealed during the author's analysis of materials from the social network "Vkontakte" make it possible to assess the level and factors of migrant phobia and xenophobia among users of the social network. Based on the study, a picture of the perception of social network users of labor migrants coming from abroad was revealed. The results of the study may be useful for researchers of migration and ethnic processes, for planning and organizing the social adaptation of migrants, as well as in the prevention of nationalism and extremism in Russian society. The methodology proposed by the author can be recommended for

wider use in studies of public sentiment using social network content.

Keywords: migration, migrantophobia, xenophobia, migration policy, social networks.

Проблема мигрантофобии в любой стране развитого мира главным образом связана с тем, что принимающая сторона одновременно и нуждается в мигрантах, и боится их. Мигрантофобия как социальное явление появилась в 90-е годы прошлого века и с тех пор непрерывно изучается философами как феномен и социологами как социальное явление. При этом, с точки зрения разных подходов рассматривается как само понятие мигрантофобии и формы его проявления, так и причины, факторы этого явления. В.И. Мукомель еще в 2005 году отмечал, что факторы роста этно- и мигрантофобий происходят от страхов утраты «ресурсов» и «утраты собственной идентичности» [1]. М.А.Шакирзянов связывает причины обострения мигрантофобии со следующими факторами:

- фактором социальной конкуренции,
- фактором религиозных противоречий,
- фактором ментальности,
- историческим фактором,
- демографическим фактором,
- фактором межличностного взаимодействия в системе «местные жители - мигранты»,
- фактором численности и особенности расселения мигрантов в локальной среде местных жителей,
- фактором региональной миграционной политики,
- фактором этнической принадлежности мигрантов,
- фактором манипуляции сознанием [2].

Очевидно, что данный список далеко не окончателен и может быть дополнен другими факторами, соответствующими времени и месту.

В то же время, мигрантофобия – это частный случай ксенофобии. Р.С. Табасаранский и И.М. Мельников трактуют ксенофобию как «пробуждение архаических, животных начал, возврат в прошлое, духовную деградацию» [3], как борьбу «своих» против «чужих». Мигрантофобия – боязнь «чужого», а ксенофобия – агрессивность по отношению к нему, или крайняя, деструктивная форма мигрантофобии. В связи с тем, что миграция из приграничных государств в Россию носит, в основном, трудовой характер, имеется ряд исследований общественных настроений в отношении трудовой миграции. Основные претензии местного населения к мигрантам состоят в том, что они «занимают рабочие места», «заполняют места в школах и детских садах», «увеличивают преступность», создают диаспоры, которые потенциально опасны, так как поддерживают террористов и т.д. В ходе исследования, проведенного А. В. Мартыненко, О. В. Орловой в 2020 году Республике Марий Эл и Республике Мордовия в рамках Программы исследований по теме «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности», было установлено, что мигрантофобия в этих регионах имеет, в основном, латентный характер. Более половины опрошенных (64% респондентов в Марий Эл и 58% в Мордовии) имеют отрицательное отношение к иностранной трудовой миграции, а 49% в Марий Эл и 28% в Мордовии выступают за ограничение въезда мигрантов на территорию региона, но, в то же время, большинство респондентов в обеих республиках (63% в Марий Эл и 69% в Мордовии) не желает принимать участие в публичных акциях против них [4].

Латентная форма мигрантофобии может переходить в открытую на фоне происходящих межнациональных конфликтов, событий криминального характера с участием мигрантов, а также террористических актов, таких как теракт в торгово-развлекательном центре «Крокус». На улицах появляются листовки с призывом к мигрантам «убираться домой», на заборах и стенах домов надписи аналогичного содержания. Но самой массовой и пока менее изученной является мигрантофобия в Интернете.

В зависимости от масштабов охвата аудитории, в нём уже сегодня можно выделить несколько уровней. Первый, или низовой уровень – это групповые чаты в мессенджерах, создаваемые

соседями многоквартирных домов, родителями школьников, трудовыми коллективами, членами садоводческих товариществ и так далее. Второй уровень представлен социальными сетями, такими как «Вконтакте» и «Одноклассники». Третий уровень представлен средствами массовой информации, транслирующими материалы мигрантофобского содержания.

Интерес для нашего исследования представляет второй уровень, в котором была выбрана социальная сеть «Вконтакте». Данная сеть в настоящее время является, без преувеличения, самой доступной и самой массовой. Она объединяет пользователей самых разных возрастов и интересов – молодежь и студентов, взрослых работающих и служащих, пенсионеров, ученых и преподавателей, бизнесменов и военнослужащих и так далее. Для исследований общественных настроений наиболее удобно использовать различные открытые сообщества с большим числом участников (10 000 и более).

В качестве гипотезы выдвинуто предположение, что данная социальная сеть, объединяющая представителей разного возраста, пола и социальных слоев, является полем, пригодным для исследования мигрантофобии и может быть использована для измерения уровня мигрантофобии в обществе. При этом можно использовать как заимствованный контент, так и свой собственный, организуя дискуссию на заданную тему. В данной статье приводятся результаты контент-анализа комментариев со страницы в открытом сообществе «Мир красив», объединяющем 66 000 участников, в котором была опубликована заметка об инициативе главы ЛДПР Леонида Слуцкого разработать «Кодекс мигранта», обязательный для всех иностранцев, желающих работать в России. Кодекс предполагает соблюдение 10 правил, включая: знание русского языка, уважение российской культуры, официальное трудоустройство, получение разрешения на работу, владение российскими водительскими правами, прохождение дактилоскопии и геномной регистрации, а также психического тестирования [5]. В течение нескольких дней под публикацией было оставлено более 500 комментариев, из которых для анализа выбрано 460. Авторами около 48% из них являются мужчины и около 52% - женщины.

Результаты анализа комментариев дают следующую картину. Поддержали инициативу Л. Слуцкого всего 10 человек. Несколько человек написали, что с этой инициативой власти «опоздали» на пять, десять и даже пятнадцать лет. Все остальные в той или иной степени не поддерживают инициативу. Небольшая доля комментаторов критикует не только этот кодекс, но и ныне действующее миграционное законодательство, требуя его ужесточения. В качестве аргументов приводится то, что мигранты везут с собой семьи, что «не хотят работать» и «живут на пособия», что «не уважают Россию и русских» и так далее. Абсолютное большинство комментаторов резко высказывается против инициативы А. Слуцкого и предлагают отправлять мигрантов домой. Повелительные выражения, включающие слово «домой» встречаются в комментариях 46 раз, слова «гнать» и «выгнать» – 34 раза и 30 раз сказано, что мигранты «не нужны». Пожелание «отправить мигрантов на Родину» высказано 10 раз, «в горы» – 2 раза, в «аул» или «кишлак» – 25 раз, «вон» и «вон из России» – 8 раз, «вывозить из России» – 3 раза. Предложения о депортации мигрантов высказаны 7 раз, о создании резерваций – 1 раз, «отлавливать как бродячих собак» – 1 раз. На основании полученных данных можно оценить уровень открытой нетерпимости к мигрантам в 36%.

Слова «запрет» и «запретить» были упомянуты 25 раз. Предложения «не пускать» или «не впускать» мигрантов высказано 18 раз. Причем, в категорию запрета попадает всё – начиная от трудовой миграции и до запрета привозить с собой семьи и «размножаться». По мнению комментаторов, въезд мигрантов в Россию допустим только на основе визы. Требование ввести визовый режим озвучено 8 раз. Как условие для въезда, кроме знания русского языка однократно прозвучали радикальные требования о «стерилизации» и «хирургической кастрации».

Самой острой оказалась дискуссия вокруг работы мигрантов. Противники утверждали, что мигранты «отнимают рабочие

места у русских», «согласны работать за копейки», работают «некачественно», не хотят работать, «работают 10 из 100» и так далее. С другой стороны, были высказывания о том, что мигранты работают там, где «русские работать не хотят», и «если их выгнать, то кто будет работать»? На что противники отвечали «сами справимся».

В плане этнической принадлежности мигрантов чаще упоминались таджики и узбеки, на втором месте украинцы, на третьем – чеченцы и армяне. Отмечены высказывания агрессивного характера, с унижающими человеческое достоинство словами. Сравнение с «животными» отмечено 5 раз, обезьяны, осел, ишак – по 3 раза, бараны, коротконогие, сброд – по 2 раза, «пиковые», «чесоточные дикари», «тараканы» – по 1 разу.

Упоминание семей мигрантов происходит только в негативном контексте: «семьи тащат с собой», «семьи пусть оставляют дома» и так далее – 9 раз, «пусть приезжают без семей» – 3 раза. Упоминание о том, что мигранты живут на выплаты и пособия – 7 раз. Высказывания о совершаемых мигрантами преступлениях – 9 раз, о криминальном прошлом – 4 раза, о том, что они «насилуют и убивают женщин и детей» – 3 раза. Упоминание о незнании русского языка или о том, что экзамен по русскому языку «покупается за деньги» отмечено 9 раз. Требование, чтобы мигранты разговаривали только на русском языке, приводилось как основное для въезда.

Шесть раз прозвучали упоминания о «раздаче паспортов», предложения «выдавать паспорта только через СВО» – 2 раза. Также предлагалось ограничить срок пребывания в России и ограничить мигрантов в правах.

Школа упоминается 4 раза, из них 2 раза сказано о том, что мигранты заполняют своими детьми школы «есть школы, где половина класса дети мигрантов. Как учителю их учить? Страдают дети наши!».

Ментальные различия упоминались три раза, религиозные различия – один раз, неуважение к коренному и «государствообразующему» населению – три раза. Неоднократно упоминался

фактор численности с указанием количества мигрантов от 16 до 22 миллионов. Критиковалась миграционная политика всех уровней, «потворствующая» миграции, причем в контексте коррупции.

По мнению комментаторов, необходимо пересмотреть миграционную политику, сделать ее такой, как в Арабских Эмиратах или Белоруссии, где мигранты «имеют право только работать и ничего более». Также, по мнению некоторых участников дискуссии, нужно использовать опыт Японии, Сингапура, ОАЭ, где гражданство получают только высококвалифицированные специалисты. Один комментатор высказал пожелание, чтобы мигрант «при виде славянского человека голову опускал вниз». Ближе к завершению обсуждения темы прозвучало предложение провести референдум, на котором «разработать процедуру выдворения мигрантов с нашей земли и процедуру визового въезда».

Таким образом, в результате проведенного анализа выявлено, что наиболее значимыми факторами мигрантофобии являются факторы социальной конкуренции, демографические факторы и факторы межличностного взаимодействия. Наименее значимы такие факторы, как религиозные противоречия, исторические факторы, а также фактор манипуляции сознанием. В случае проявления открытой мигрантофобии миграционная ситуация в отдельных регионах России может стать критической.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Мукомель В. и др. Грани интолерантности (мигрантофобии, этнофобии) //Социологические исследования. – 2005. – №. 2. – С. 56-65.
2. Шакирзянов М. А. Мигрантофобия как социальное явление // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2013. №12. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/migrantofobiya-kak-sotsialnoe-yavlenie (дата обращения: 01.08.2024).
3. Табасаранский Р.С., Мельников И.М. Мигрантофобия и ксе-

нофобия как проблема диалога культур // В сборнике: Культура диалога культур: постановка и грани проблемы. Материалы Международной научной конференции. Ответственные редакторы И.М. Меликов, А.А. Гезалов. 2016. – С. 221-230.
4. Мартыненко А. В., Орлова О. В. Латентная мигрантофобия в региональном измерении: на материалах Марий Эл и Мордовии //Ежегодник финно-угорских исследований. – 2021. – №. 4. – С. 700-706.
5. Глава ЛДПР Леонид Слуцкий предложил разработать «Кодекс мигранта», который станет обязательным для всех иностранцев, желающих работать в России. Мир красив. URL: https://vk.com/id41183101?w=wall-219017643_168242 (дата обращения: 05.08.2024).

Гонина Н.В.

ДИНАМИКА НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДА КРАСНОЯРСКА В 1979–1989 гг.

Аннотация

В период 1979 – 1989 гг. Красноярский край переживает бурное инновационное и стратегическое индустриальное развитие, что является мощным стимулом для развития городов и притока большого количества молодых мигрантов со всей страны. Красноярск – крупнейший город Восточной Сибири, значимый сибирский административный, промышленный и транспортный центр также получает импульс к ускоренному росту. Однако, несмотря на приток финансовых и человеческих ресурсов, население города увеличивается преимущественно за счет естественного прироста. При сравнении показателей с другими крупнейшими городами и с данными по стране в целом можно выявить специфику в виде более высокой рождаемости и более низкой смертности, что говорит о влиянии экономико-географического положения и локальной социокультурной ситуации на темп и качество процессов демографического перехода.

Ключевые слова: демографический переход, естественный прирост, Красноярск, красноярская десятилетка, население, урбанизация, механический прирост, миграции, 1979–1980-е гг.

Abctract

In the period 1979 – 1989. The Krasnoyarsk Territory is experiencing rapid innovative and strategic industrial development, which is a powerful incentive for urban development and the influx of a large number of young migrants from all over the country. Krasnoyarsk is the largest city in Eastern Siberia, and a significant Siberian administrative, industrial and transport center is also receiving an impetus for accelerated growth. However, despite the influx of financial and human resources, the city's population is increasing mainly due to natural growth. When comparing the indicators with other major cities and with data for the country as a whole, it is possible to identify specifics in the form of a higher birth rate and lower mortality, which indicates the influence of the economic and geographical location and the local socio-cultural situation on the pace and quality of the demographic transition processes.

Keywords: demographic transition, natural growth, Krasnoyarsk, the decade of Krasnoyarsk's population, urbanization, migration, 1970s-80s.

1980-е гг. были сложным периодом в истории СССР. Если относительно политики принято говорить о застое и сменившей его перестройке, то в экономике периферийных областей наоборот, бурные процессы индустриализации сменились стагнацией. Одной из таких территорий был Красноярский край, где реализовывалась вторая красноярская десятилетка. При всей значимости темы, изучена она достаточно фрагментарно. Это касается и социально-демографических процессов.

Начало изучения демографической ситуации в Сибири, в том числе в городах ее восточной части, в 1979–1980-е гг. было

положено работами сибирских географов, экономистов и социологов. Среди них большое значение имеют труды А.Г. Вишневского, Ж.А. Зайончковской и В.И. Переведенцева, написанные фактически «на злобу дня» [4, 20]. Далее в 1980-х – 1990-х гг. к разработке темы подключились историки и демографы. В первую очередь следует назвать труды В.А. Исупова, который в соавторстве с А.С. Московским [11] первым отошел от разбора населения по социальным группам (крестьянство, рабочий класс) и стал рассматривать жителей города как единый социальный организм. Работы Л.Н. Славиной [24;25] посвящены населению сибирской деревни, однако представленный там анализ имеет большое значение и для понимания развития городов, так как сельско-городская миграция сохраняла важное значение в 1980-е гг.

В постсоветский период урбанисты, демографы и историки получили возможность свободно разрабатывать уже заложенные ранее направления, используя полидисциплинарный подход. Для всех исследователей огромное значение имеет коллективный труд «Население России в XX веке» [19], где дается общая оценка исторической динамики демографических процессов и представлены важные выводы по периодам.

Новейшие работы по теме на сибирском материале принадлежат сотрудникам сектора историко-демографических исследований ИИ СО РАН. В частности, это сборники научных трудов, например, «Проблемы исторической демографии Сибири» [21], «Демографическая история России и регионов» [8], коллективные монографии «Миграции населения Азиатской России: конец XIX – начало XX вв.» [18]. Среди красноярских авторов нами использованы труды Л.Н. Славиной [23, 24, 25, 26] и И.В. Копылова [13, 14, 15], посвященные демографической политике, брачному и репродуктивному поведению населения Красноярского края во второй половине XX века.

В целом нужно заключить, что демографическая история городов Восточной Сибири раскрыта достаточно фрагментарно и, преимущественно, в общем, без выделения конкретных городов и анализа локальной специфики.

Для Красноярского края и его места в истории страны рассматриваемое время имеет особое значение. Опыт красноярских десятилеток должен был послужить основой для экономической модернизации страны. Шло мощное индустриальное развитие, приведшее к повышению уровня урбанизации, изменению образа жизни красноярцев. У местных руководителей появилась необходимость комплексного подхода к формированию региональной политики. Однако бурный рост промышленного производства обозначил диспропорцию между уровнем производственного потенциала региона и степенью его социокультурного развития [5,16,17]. Это не могло не отразиться на динамике населения (таблица 1).

Таблица 1 – Численность населения Красноярска в 1979–1989 гг.*

Год	Численность наличного населения г. Красноярска (на начало года; тыс. чел.)	Индекс динамики
1979	796,3	100
1980	805,9	101,2
1981	817,5	101,4
1982	829,4	101,4
1983	840,7	101,4
1984	852,8	101,4
1985	864,9	101,4
1986	877,4	101,4
1987	890,3	101,5
1988	901,2	101,2
1989	869,8	96,5

**Рассчитано по данным текущего архива Управления Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва*

Итак, мы видим, что численность населения в Красноярске в рассматриваемый период постепенно росла и в 1988 г. достиг-

ла пика – 901,2 тыс. чел., затем начался резкий спад. Ежегодный прирост был не большим для такого крупного города и в среднем составил 0,9%. Заметим, что прирост городского населения в среднем по РСФСР в 1980–1989 гг. (12,2%) был выше аналогичного показателя по Красноярску (7,9%) [19, с.27 – 28].

Чтобы выявить структурную основу ситуации проанализируем показатели естественного прироста населения (таблица 2).

Таблица 2 – Естественное движение населения по г. Красноярску в 1979–1989 гг.*

Год	Численность населения, тыс. чел.	Всего, чел.				На 1000 чел. населения			
		родившихся	умерших	из них умерших в возрасте до года	естественный прирост	родившихся	умерших	естественный прирост	число умерших в возрасте до года на 1000 родившихся живыми
1979	796,3	12975	6657	312	6318	16,3	8,3	8,0	24,1
1980	805,9	13499	6865	303	6634	16,7	8,5	8,2	22,6
1981	817,5	13827	6706	255	7121	16,9	8,2	8,7	18,4
1982	829,4	14616	6944	262	7672	17,6	8,4	9,2	17,9
1983	840,7	15335	7351	304	7984	18,2	8,7	9,5	19,8
1984	852,8	15078	7899	268	7179	17,7	9,3	8,4	17,8
1985	864,9	15453	7521	367	7932	17,7	8,7	9,0	23,8
1986	877,4	15854	7131	404	8723	18,1	8,1	10,0	25,5
1987	890,3	15618	7244	359	8374	17,5	8,1	9,4	22,9
1988	901,2	14996	7565	305	7431	16,6	8,4	8,2	20,2
1989	869,8	13957	7852	304	6105	16,0	9,0	7,0	11,6

**Рассчитано по данным текущего архива Управления Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва*

По общему количеству родившихся мы видим, что оно постепенно росло и достигло максимума в 1986 г., затем последовало плавное, но ощутимое снижение. Таким образом, тезис о тенденции к сокращению рождений оправдан только относительно конца 1980-х гг. Более точные данные можно получить благодаря общему коэффициенту рождаемости. В целом за 1979–1989 гг. он варьируется от 16.3 в 1979 г. до 16.0 в 1989 г.

Динамика по годам выглядит очень неровной. Подъем рождаемости наблюдается в 1980–1983 гг. с достижением максимума в 1983 г. – 18,2. В 1984 г. происходит спад и стабилизация показателя. Затем следует подъем в 1986 г., который сменился спадом до 1989 г. В 1989 г. зафиксирован самый низкий уровень рождаемости. В Красноярске в эти годы не наблюдалось притока молодежи. Не было и каких-либо локальных стимулов для повышения рождаемости. Поэтому зафиксированные случаи кратковременного подъема показателей можно объяснить реакцией на государственную политику. В первом случае это комплекс мер демографической политики, направленный на помощь семьям с детьми, реализуемый в 1981–1982 гг. Заметим, что кроме денежных выплат и льгот по кредитам, молодым семьям при рождении ребенка предоставлялась однокомнатная квартира. Были и отдельные льготы и выплаты для жителей Сибири [19, с.192]. Можно предположить, что к 1984 г. это влияние исчерпало себя. Нельзя отрицать и определенное воздействие на подъем показателя в 1985 г. политики перестройки в ее ранней стадии и антиалкогольной кампании. Наоборот, на снижение рождаемости в конце 1980-х гг. оказали влияние прекращение антиалкогольной кампании и политика по расширению доступности абортов [22]. Также, как отмечает И.В. Копылов, снижение общего коэффициента рождаемости было обусловлено, прежде всего, сокращением доли женщин репродуктивного возраста во всем населении и постарением населения [13].

Таким образом, имеет место наложение ряда разнородных факторов, маскирующих проявления демографического перехода, но не отменяющих его.

Коэффициент смертности за рассматриваемый период повышается достаточно медленно, но стабильно. В 1980-е гг. динамика коэффициента смертности имела скачкообразный характер и двигалась от 8,5 ‰ в 1980 г. до 9,0‰ в 1989 г. Для срав-

нения в Москве показатель был выше и составил 11,7–12,4‰ [19, с. 67–68]. В 1980–1981 гг. идет сокращение смертности, затем в 1982–1984 гг. подъем, в 1985–1987 гг. снова снижение и в 1988–1989 гг. – подъем. В целом показатель выше, чем в предыдущее десятилетие, так минимальный уровень составляет 8,1, а максимальный 9,3 в 1983 г. Младенческая смертность в 1980-х гг. демонстрирует значительное снижение. В 1970 г. она составляла 25,7, а в 1989 г. 11,6, то есть сократилась почти в 2 раза. В 1980–1982 гг. наблюдается значительное снижение показателя. Очевидно, это результат и повышения грамотности населения и улучшения качества медицинских услуг. Однако стабильного сокращения младенческой смертности достичь не удалось, в 1983–1986 гг. она снова растет, а с 1987 г. снижается. В целом динамика младенческой смертности в Красноярске соответствует ситуации в Сибири и в стране, но значения коэффициента в ряде случаев более высокие, а в 1989 г., наоборот, ниже среднего [2; 3].

Рост смертности 1982–1984 гг. и 1988–1989 гг. частично можно объяснить оттоком молодежи. Также нужно учитывать высокий уровень промышленного и бытового загрязнения воды и воздуха в городе, которое прямо влияло на рост заболеваемости, в том числе раком, и косвенно на рост смертности [15]. На спад смертности в 1985–1987 гг. могла оказать влияние антиалкогольная кампания, так как очень высоким был процент гибели от алкогольных отравлений и автомобильных аварий при пьяном вождении. В 1988 г. кампания была отменена, и мы наблюдаем рост смертности [1; 19, с.22].

Естественный прирост определяется диалектикой показателей рождаемости и смертности. В 1980 г. показатель равен 8,2 в 1989 г. 7,0. Максимальный уровень 10,0 зафиксирован в 1985 г. и определен ростом рождаемости, минимальный 7,0 в 1989 г. В 1980–1983 гг. естественный прирост увеличивался, благодаря приросту рождаемости и даже высокая смертность не снижала показатель. Спад 1984 г. определен снижением рождаемости и одновременно ростом смертности. Повышение рождаемости

и низкий уровень смертности отмечаются в 1985–1986 гг., что дало 10,0 – пиковый показатель на интервале 1980-х гг. Снижение естественного прироста 1987–1989 гг. обусловлено низким показателем рождаемости и высоким уровнем смертности, что связано с отменой антиалкогольной кампании и укладывается в характеристики демографического перехода.

Итак, государственная экономическая и социальная политика и обусловленная ей миграционная и репродуктивная динамика сбивали тренд демографического перехода, но их влияние было кратковременным. В этом плане ситуация в Красноярске ничем не отличалась от общих демографических процессов по стране. Особенность Красноярска, как и Сибири в целом, заключалась в более молодом населении, что отражалось в более высокой рождаемости и относительно низкой смертности и давало более высокий естественный прирост. Например, в 1980 г. в Красноярске он был почти в 2 р. больше среднего по РСФСР. В 1980–1989 гг. средний показатель общего коэффициента рождаемости городского населения в РСФСР составил 16,1‰, а в Красноярске 19,2‰ [19, с.19 – 20, 43 – 44].

Если сравнивать динамику по десятилетиям, то можно заметить, что в Красноярске в 1980-е гг. родилось больше детей, чем в 1970-е гг., возросло количество умерших, при этом естественный прирост снизился. Немаловажно и снижение количества умерших младенцев на 1/5. Таким образом, на краткосрочных отрезках показатели отражают влияние внешних и внутренних факторов – государственной политики, миграционного движения, эпидемий. На длительных этапах, наоборот, прослеживаются тренды демографического перехода. Здесь нужно согласиться с В.А. Исуповым и В.Б. Жиромской, что демографический переход в России вообще и в Сибири в частности идет замедленным темпом и имеет пунктирный характер [10;12].

Динамика доли естественного прироста в численности населения Красноярске очень мала, она движется от 0,8 в 1979 г. до 0,7 в 1989 г. (см. таблицу 3). В 1989 г. мы видим самый низкий показатель. Самые высокие значения отмечены в 1983 г. и

1985 г. В остальные годы естественный прирост составлял 0,9, что отражает развитие демографического перехода.

Таблица 3 – Динамика роста населения Красноярска 1970–1989 гг.*

годы	Численность населения (тыс. чел.)	Естественный прирост	%	Механический прирост (тыс. чел.)	%
1979	796,3	6,3	0,8	7,2	0,9
1980	805,9	6,6	0,8	6,5	0,8
1981	817,5	7,1	0,9	5,9	0,7
1982	829,4	7,7	0,9	6,0	0,7
1983	840,7	7,9	0,9	7.8	0,9
1984	852,8	7,2	0,9	9,3	1,1
1985	864,9	7,9	0,9	9,2	1,1
1986	877,4	8,7	0,9	5,9	0,7
1987	890,3	8,4	0,9	3,8	0,4
1988	901,2	7,4	0,8	5,0	0,5
1989	869,8	6,1	0,7	5,1	0,6

**Рассчитано по данным текущего архива Управления Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва; ГАКК Ф.р-1300, оп.5, д.2759. л.107об., д.2760. л.16об., д.2761. л.3,3об., д.2762. л.1,1об., д.2763. л.1, 1об., д.2764. л.1,1об., д.2765. л.6,6об.*

Распределение механического прироста в крае был не в пользу Красноярска, что подчеркивает его второстепенное положение в экономическом развитии региона в рассматриваемый период.

Таблица 4 – Миграционное движение населения по г. Красноярску в 1970–1989 гг.

Год	Всего, человек			На 1000 человек населения		
	прибыло	выбыло	миграционный прирост	прибыло	выбыло	миграционный прирост
1979	46084	38891	7193	57,5	48,6	8,9
1980	38651	32158	6493	47,5	39,5	8,0
1981	37613	31672	5941	45,5	38,3	7,2
1982	37994	31993	6001	42,7	36,7	6,1
1983	45360	37535	7825	49,9	42,1	7,8
1984	47221	37894	9327	50,5	42,0	8,5
1985	44955	35685	9270	48,0	39,0	9,0
1986	41583	35585	5998	46,6	39,9	6,7
1987	41291	37466	3825	45,6	41,4	4,2
1988	43516	38469	5047	48,0	42,4	5,6
1989	39241	34144	5097	42,8	37,2	5,6

Рассчитано по данным текущего архива Управления Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва; ГАКК Ф.р-1300, оп.5, д.2759. л.107об., д.2760. л.16об., д.2761. л.3,3об., д.2762. л.1,1об., д.2763. л.1, 1об., д.2764. л.1,1об., д.2765. л.6,6об.

Динамика механического прироста по годам отражает общий спад притока населения в Красноярск. Если в 1979 г. он составлял 8,9‰, то в 1989 г. всего 5,6‰. Минимум прироста мигрантов дал 1987 г. – 4,2‰. В 1980-х гг. естественный прирост становится больше миграционного, в том числе в 1987 г. в 2 раза. В 1985 г. показатели естественного и миграционного прироста уравниваются.

В 1988–1989 гг. цифры прибытия и выбытия максимально сблизились. Из данных следует, что, хотя миграционный прирост имеет положительное сальдо, все-таки основная доля мигрантов приезжала на короткое время. Происходит и постепенное снижение общего количества мигрантов как въезжающих, так и выезжающих из города, что являлось отражением кризиса

народного хозяйства, а также продовольственного и жилищного кризиса в городах. В Красноярске проблемы социального обеспечения сохраняли свою остроту. К тому же в годы второй красноярской десятилетки акцент был сделан на доработку уже имеющихся объектов, а не на закладывание новых, требующих значимого притока рабочей силы [14; 17; 27].

Итак, миграционный обмен дает положительное сальдо, но идет в ущерб развитию города. В тоже время, если сравнить Красноярск с другими крупнейшими сибирскими городами Новосибирском и Омском, мы увидим, что миграционный прирост здесь значительно выше в течение всего рассматриваемого периода. Таким образом, несмотря на меньшую общую численность населения, и меньший приток мигрантов относительно других территорий края, Красноярск находился в центре весьма активного миграционного движения (таблица 5).

Таблица 5 – Миграционный прирост за 1979–1989 гг. (тыс. чел.) [7, с.366].

Город/годы	1979–1989 гг.
Красноярск	71,7
Новосибирск	37,7
Омск	31,3

Демографическое лицо Красноярска трудно охарактеризовать однозначно. Главную роль в социальной динамике играют молодые мигранты, которые задерживаются в городе не более чем на 2-3 года. То же самое можно сказать о репродуктивной ситуации. Рождаемость падает, но при этом население растет преимущественно за счет естественного прироста. В конце рассматриваемого периода Красноярск сохраняет статус самого большого города Восточной Сибири, входит в тройку крупнейших сибирских городов, но, в отличие от Омска и Новосибирска, так и не достигает 1 млн. чел. К концу исследуемого периода в Красноярске зафиксирована самая низкая рождаемость и высокая смертность, которые в совокупности дают самый низкий естественный прирост. Эти данные укладываются в схему демографического перехода и подтверждают кратковременность эффекта от государственной демографической политики.

Ситуация в Красноярске отличается от положения в Красноярском крае и по РСФСР в целом по количественным данным. В регионе была более высокая рождаемость и более высокая смертность. В тоже время Красноярск при рождаемости более низкой, чем в сельской местности и малых городах региона имел меньшую смертность и меньший естественный прирост. Миграционный прирост также имел более низкие показатели [6; 9; 26]. При сравнении с РСФСР можно отметить более высокую рождаемость и более низкую смертность и, как результат, более высокий естественный прирост, в 1980 г. почти в 2 раза. Определяющим фактором, безусловно, было более молодое население, чем в РСФСР и более старое, чем в регионе [10, с.194 – 195].

Таким образом, Красноярск как крупнейший город, региональный центр и крупный транспортный узел идет по пути демографического перехода быстрее остальных населенных пунктов края. Но как центр огромной, малонаселенной, слабо связанной коммуникациями территории, удаленный от основной зоны расселения и густой транспортной сети, он двигается в этом направлении медленнее, чем его западные соседи. Можно предположить, что определенную роль в этом сыграла и концентрация в городе промышленных предприятий стратегического значения, формирующих закрытые территории и сообщества, но это уже тема другого исследования.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Bhattacharya, Jayanta and Gathmann, Christina and Miller, Grant and Miller, Grant, The Gorbachev Anti-Alcohol Campaign and Russia's Mortality Crisis. IZA Discussion Paper No. 6783, Available at SSRN: http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2157925 (дата обраще-

ния:20.07.2024)
2. Авдеев А. Младенческая смертность и история охраны материнства и детства в России и СССР // www.demoscope.ru/weekly/2010/0433/analit03.php (дата обращения:20.07.2024)
3. Бурматов А.А. Детская смертность в 1970-х годах в Западной Сибири // Исторический курьер. 2021. №4 (18).
4. Вишневский А.Г., Зайончковская Ж.А., Пивоваров Ю.Я. Влияние демографической ситуации на региональные особенности расселения в СССР // Региональное расселение в СССР. М.,1984. – С. 15–28
5. Гайдин С.Т. Красноярский край – территория фронтирного освоения // Гришаевские чтения: Материалы IV национальной научной конференции. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2022. – С. 99–106.
6. Гонина Н. В. Демографические процессы в малых исторических городах Ангаро-Енисейского региона во второй половине 1950-х – конце 1970-х гг. // Исторический курьер. 2019. № 4(6). – С. 129– 142.
7. Дашинамжилов О.Б. Городское население Западной Сибири *в* 1960–1980-е *год*ы: Историко-демографическое исследование. Новосибирск: Наука, Изд-во СО РАН, 2018.
8. Демографическая история России и регионов. Новосибирск, 2016.
9. Долголюк А.А. Рост городского населения среднего Приангарья (1955–1980 гг.) // Урбанизация советской Сибири. 1987. – С. 128–147.
10. Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М.: Издательство «Кучково поле», 2012. С.198.
11. Исупов В. А. и др. Формирование городского населения Сибири (1926–1939 гг.). Новосибирск, 1984.
12. Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы России в первой половине XX в. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000.
13. Копылов И.В. Влияние миграции на рождаемость городского населения Красноярского края в 1960–1980-е годы // Исторический курьер. 2020. №. 4. – С. 164–173.
14. Копылов И.В. Города отвергают своих новоселов: некоторые аспекты урбанизации Красноярского края (1960–1980-е гг.) // Региональные аспекты цивилизационного развития российского общества в XX столетии: проблемы индустриализации и урбанизации. Новосибирск, 2013. – С. 349–354.
15. Копылов И.В. Демографическая политика в Красноярском крае в 1960-1980-х гг. // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2014. №. 3 (29). – С. 149–153.
16. Мезит Л.Э. Красноярский миллиард – новая форма соревнования тружеников края в годы десятой пятилетки //Всесоюзные ударные стройки в истории XX века. Казань, 2015. – С. 160–165.
17. Мезит Л.Э., Валюнова А.В. Итоги реализации программы комплексного социокультурного развития Красноярского края // Genesis: исторические исследования. 2016. № 4. – С. 89–95.
18. Миграции населения Азиатской России: конец XIX – начало XX вв. Новосибирск: Рос. Акад. наук, Сиб. отд-ие, Ин-т истории, 2011.
19. Население России в XX веке. Исторические очерки в 3 т.*Т.3*. К*н.2*: 1980–1990. М., 2011; Постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР от 22.01.1981 № 235 «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей». [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_10621.htm (дата обращения: 20.07.2024).
20. Переведенцев В.И. Какие мы? Сколько нас? Мысль, 1989.
21. Проблемы исторической демографии Сибири. Новосибирск, 2013.
22. Сакевич В.И. Аборт – кривое зеркало демографической политики // http://demoscope.ru/weekly/2003/0123/analit01.php (дата обращения: 20.06.2024).
23. Славина Л.Н. Особенности урбанизации Красноярского края в последние десятилетия советского периода: социально-демографический аспект // Экономическое развитие Сиби-

ри. Красноярск, 2016. – С. 197–201.
24. Славина Л.Н. Сельское население Сибири 1960-х–1980-х годов (некоторые итоги изучения) // Россия: исследования по социально-политической истории, историографии, демографии. Красноярск: Изд-во Красноярского гос. пед. ун-та,1999. – С. 125–161.
25. Славина Л.Н. Сельское население Сибири в 1960–1980 гг. (на материалах Красноярского края). Красноярск: КГПИ,1992.
26. Славина, Л.Н. Сельское население Восточной Сибири (1960–1980-е гг.). Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2007.
27. Тиникова Е.Е. Городское население юга Красноярского края (1970–1989 годы). Книжное издание «Бригантина», 2017.

Джакипова Т. У.

XX ҒАСЫРДЫҢ 20-30 ЖЫЛДАРЫНДАҒЫ ШЫҒЫС ҚАЗАҚСТАН ӨҢІРІНІҢ ДЕМОГРАФИЯЛЫҚ ПРОЦЕСІ

Аңдатпа

Мақалада XX ғасырдың 20-30 жылдарындағы саяси науқандар салдарынан туындаған Қазақстанның Шығыс өңірінің демографиялық көрсеткіштері баяндалады. Әсіресе, ұжымдастыру саясаты аясында жүзеге асырылған тәркілеу науқаны, соның нәтижесінде орын алған алапат ашаршылық Шығыс Қазақстан тұрғындарының сандық тұрғыда кемуіне айтарлықтай әсер етті. Автор сонымен қатар, аталған жылдары шекара асып үдере көшкен қазақтар мен ашаршылық салдарынан қырылған және көршілес елдерге босқан халықтың тағдырлы тарихына архив деректері негізінде ғылыми тұжырым жасаған. Мақалада бұқара халықпен бірге, ұжымдастыру саясатының зардабын тартқан қазақтың белгілі тұлғалары мен әулеттерінің де есімдері кездеседі. Қазақ қоғамының аграрлық жүйесін күйреткен бұл науқанның ең үлкен кесапаты- халықты орны толмас демографиялық

апатқа душар етуі болды. Сондай-ақ өңір халқының демографиялық дағдарысқа ұшырауына ықпал еткен негізгі факторларды жаңа методологиялық ұстанымдар арқылы дәйектеп, зерттеудің ғылыми-әдіснамалық базасын аша түскен. Зерттеу мәселесінде жаңаша тарихнамалық шолу мен деректанулық ізденістер, әдістер қолданылған.

Кілт сөздер: Шығыс Қазақстан өңірі, ұжымдастыру, демография, ашаршылық, тәркілеу науқаны, Кеңес үкіметі, шекара асу.

Abstract

The article outlines the demographic indicators of the Eastern region of Kazakhstan that arose as a result of political campaigns of the 20-30s of the twentieth century. In particular, the confiscation campaign carried out as part of the collectivization policy, as a result of which the resulting famine had a significant impact on the quantitative decline of the population of East Kazakhstan. The author also made scientific conclusions based on archival data on the fate of the Kazakhs who crossed the border in the indicated years, and the people who died as a result of hunger and were released into neighboring countries. The article presents the names of famous Kazakh personalities and dynasties who, together with the people, suffered from the policy of collectivization. The reason for this campaign, which destroyed the agrarian system of Kazakh society, was an irreparable demographic catastrophe. Also, through new methodological approaches, the main factors that contributed to the demographic crisis of the region's population were substantiated, and the scientific and methodological base of research was disclosed. New historical reviews and source studies, methods were used in the research question.

Keywords: East Kazakhstan region, collectivization, demography, hunger, confiscation campaign, Soviet government, border crossing.

XX ғасырдың 20-30 жылдары Қазақстан үшін, соның ішін-

де шығыс өңірінде шиеленіскен оқиғаламен, халықтың жанына батқан саяси науқандармен ерекшеленді.

Тәркілеу шаралары, осы кезде жіберілген қателіктер мен асыра сілтеушіліктер, бұлардың аса ауыр зардаптары ең ауқымды түрде және соңғы мәртебе қазақ халқының өз ата мекенінен ауа көшуіне әкеп соғады.

Қазақстанда жүргізілген бір-бірімен сабақтас саяси төтенше науқандар, атап айтқанда тәркілеу, ет, астық дайындау күштеп ұжымдастыру, зорлап отырықшыландыру саясаты дәстүрлі мал шаруашылығын біржола күйретті. Қазақ халқының ғасырлар бойы қалыптасқан дәстүрлі мал шаруашылығының өзіндік ерекшелігін, табиғи-тарихи жағдайын көзге де ілмей жүргізген саясаттың нәтижесінен халық қырғынға ұшырады. Дәстүрлі мал шаруашылығын күйретудің ауыр зардабы, қасіретті қортындысы- орны толмас адам шығыны еді.

Әсіресе, тәркілеу науқаны салдарынан қазақтардың шекара асып, үдере қоныс аударуы, алапат ашаршылық саясатынан қынадай қырылған халық, бас сауғалап босқан ел- Қазақстан халқына айтарлықтай демографиялық апат әкелді.

XX ғасырдағы қазақ халқының демографиялық даму үдерісіндегі негізгі ерекшеліктер, әсіресе 1920-1930 жылдарда орын алған саяси жағдайлар халық санының сандық және сапалық өсуіне кері әсерін тигізді. Мұндай демографиялық үдерістерге Қазақстанның геосаяси ахуалы да өзіндік ықпалын тигізді. Қазақ халқының өз жерінде азшылық топты құрауына немесе жойылып кету қаупі туындауына XX ғасырдағы көші-қон үдерістері мен халықты жалмаған ашаршылықтың тигізген зардабын зерделеу тарих ғылымының тарихнамалық, деректанулық бағыттары аясында қарастырылды. Алайда бұл мәселенің өңірлік аспектілерін егжей-тегжейлі зерттеулер қажет ететіні сөзсіз.

Тарихқа сәл шегініс жасайтын болсақ, XIX ғасырдың соңында, яғни 1897 жылғы Ресей империясында өткен тұңғыш халық санағының деректеріне сүйенетін болсақ, қазақ халқының саны 4 млн.84 мың адамды құраған [1,5]. Ал 1926 жылғы санақ Қазақ

АКСР-де халық саны 6 530 528 адамды құраған [2,6-17].

Тақырыпты зерттеуде мәселенің ұлттық сипаты мен тарихи обективтілігін сақтау үшін тарихи- салыстырмалы, жүйелілік, тарихи және демографиялық детерменизм, статистикалық, түсіндірмелі- баяндау зерттеу әдістері кеңінен қолданылды. Демографиялық үрдістерге әсер етуші тарихи факторлар кешенді түрде қарастырылды.

Зерттеу барысында мәселенің тарихи өзегі мен шынайлылығын сақтай отырып, өркениеттілік құндылықтар мен тарих ғылымына ортақ зерттеу әдістеріне сүйене отырып зерделеу жұмысымыздың басшылыққа алған негізгі міндеттерін құрайды. Сондай-ақ зерттеу ғылыми сипатын ашуда пәнаралық байланыс пен салааралық зерттеу әдістерін пайдалануға талпыныстар жасалды.

Зерттеу жұмысының деректік негізін мұрағат деректері мен құжаттық жарияланымдар, статистикалық жинақтар, Кеңес үкіметінің қаулы-қарарлары мен шешімдері, сондай-ақ XX ғасырдың саяси үдерістеріне тікелей ықпалын тигізген заңнамалық құжаттар құрайды.

Мәселенің ғылыми- деректік құндылығын арттыруда өңірлік мұрағат қорларының үлесі айрықша. Атап айтқанда, Семей қаласындағы ШҚО ҚЗТҚО мұрағатындағы 1 және 3 қорлар, ШҚО ММ 338 (Бүкілодақтық коммунистік большевиктер партиясының Зайсан уездік комитеті), 788 (Жұмысшы, шаруа және қызыл әскер депутаттары кеңесінің Зайсан аудандық атқару комитеті) қорларындағы құжаттар Қазақстанның Шығыс өңіріндегі демографиялық ахуалдың қасіретті кезеңін сипаттайды.

Сондай-ақ «Неизвестные страницы истории Семипалатинского Прииртышья (20-30 гг. XX в.)»[3], «Под грифом секретности. Откочевки казахов в Китай в период коллективизации. Реэмиграция. 1928-1957 гг.» [4] құжаттар жинағында негізінен XX ғасырдың 20-30 жылдары шекара асқан қазақтардың тағдырлы тарихына қатысты құжаттар қамтылса, «Гонимые голодом» [5] деректер кешенінде 1931-33 жылдардағы алапат ашаршылықта қырылған және көршілес елдерге босқан қазақтардың жәй-күйі,

содан туындаған демографиялық апаттың саладрына қатысты мәліметтер жинақталған. Бүгінгі таңда аталған мәселеге қатысты көптеген деректер табылып, ғылыми айналымға енгізілу үстінде. Ал анықталмаған, тіпті кеңестік саясаттың кейбір аспектілеріне байланысты қол жетімсіз құжаттар да қаншама.

ХХ ғасырдағы тарихи қуғын-сүргін мәселесі, ашаршылық, ұжымдастыру саясаты, диаспора, демографиялық ахуал біршама нәтижелі зерттелген бағыт екендігі анық. Тіпті осы тақырыптар бойынша көптеген ғылыми диссертациялар қорғалып, монографиялық еңбектер жарық көрді. Іргелі ғылыми мектептер қалыптасты. Ғылыми зерттеуді жазу барысында сол еңбектердің методологялық ұстанымдары негізге алынды.

ХХ ғасырдың демографиялық саясатқа қатысты М.Х.Асылбеков [6], Г. Мендикулованың [7] зерттеулерінде көші-қон саясаты мен оның салдары динамикалық көрсеткіштер арқылы дәйектелсе, Т. Омарбеков [8], М. Қозыбаев, Ж. Абылхожин, Қ. Алдажұмановтардың [9] еңбектері қазақ халқына демографиялық апат әкелген кеңестік саясаттың барысы мен тарихына арналған.

1928 жылы 27 тамызда Қазақ АКСР Орталық Атқару Комитеті мен Кеңес Халық Комиссариатының «Ірі бай шаруашылықтардың және жартылай феодалдардың мал-мүліктерін тәркілеу және жер аудару туралы» қаулысы қабылданды. Қаулыда: Қазақ республикасы өзінің құрамы жағынан мәдени артта қалған ұлт және революцияға дейінгі өзгермеген көшпелі-рулық қатынаста өмір сүреді. Қазақстандағы мүлік иелері мен бұрынғы әлеуметтік артықшылықтары бар топтар Кеңес билігінің ауыл мен қышлақтарда жүргізіп отырған негізгі іс-шараларына кедергі келтіріп, арандатушылық үгіт-насихат таратып, ұлтаралық және рулық алауыздықты қоздыруда. Бұл ең алдымен кедейлерді экономикалық тәуелділікте ұстап, республиканың экономикалық және мәдени дамуына бөгет жасайды - [10, 68] деп айтылған.

Ең бірінші көшкендердің бастылары бай-кулактар болды және олар мал-мүліктерін сақтап қалу үшін шекара асуға

мәжбүр болды. 1928 жылы 22 наурызда Зайсан уездік комитетінің секретары Савченконың Семей ГубКом-ның мүшесі Резниковқа жолдаған хабарламасында қазақтардың Қытайға үдере көшуі былай сипатталады: «Күзеуін, Хабарасу, Тарбағатай, Майқапшағай, Алқабек болыстарының байлары қазақтарды Қытайға өтуге көндірген. Бірнеше байлар Қытайға өтіп кетті. Қашып бара жатқандардың 27-сі шекара жасақтарына ұсталып тұтқындалды. Мал мүліктері тізімге алынып, тәркілеуге жатқызылды. Байлардың Қытайға көшуге үгіт-насихаттары өте қатты жүрген».

Осы құжаттар жинағындағы № 4 құжатта Зайсан кавалериялық шекара жасағы Зайсан ААК 1928 жыл 21 тамыздағы хабарламасында: «16 тамыз түнінде Зайсан ауданы 4 ауыл азаматтары Қытайға үдере көшті. 65 шаңырақтан құралған бұл топқа «Қосшы» одағының төрағасы Дауменов Наурызбай мен ВЛКСМ мүшесі Жанпейісов Қасым басшылық жасады және қарулы жағдайда болды» [11,29]-деп атап көрсетілген.

Шекара асып көшудің бастауында байлар тұрағанымен, оларды қолдаушылар, ұйымдастырушылар коммунистер болғанын байқаймыз. Бұған қарап, Кеңестік саясаттың ызғары оларға да тигенін аңғару қиын емес.

Тәркілеу науқанында елдің шекара асуы көбейе түсті. Осыған байланысты Бахты, Зайсан, Жаркент шекаралық аудандарына арналған шифрограммада: «Бірінші қыркүйектен бастап байларды тәркілеу науқаны күшіне енеді. Мүмкіндігінше байлардың қалың нөпірін бөгеу шекарадағы сіздердің міндеттеріңіз»- деп қатаң, әрі жедел түрде тапсырма берілген. [3,68].

1928 жылы 20 желтоқсанда Зайсан аудандық атқару комитетінің төрағасы Ақжелеевтің ақпараты: «Қолда бар мәліметтер бойынша 14 қожалық қашып өтті, сегізі қайта оралған».

Малдың едәуір бөлігі 14 қожалықпен 29130 бас Қытайға кеткен. Қосшы одағының қолында 574 бас малы бар, 105 мал сатылған. 72 бас мал жетпей қалған. [12,7]. Ақиқатында малдың едәуір бөлігі шекара асып кеткен байлардың қолында қалған.

Ауа көшулерінің 1930 жылы қортындысы бойынша бір жыл

ішінде Қытаймен шекаралық үш ауданнан төмендегідей қожалықтар көшкен:

1. Зайсан ауданында – 1238
2. Марқакөл ауданында – 61
3. Тарбағатайда – 417

Барлығы: 1716 қожалық.

Ал енді шекарадан өтерде осы үш ауданнан шекара отрядтарының қанша қожалықты ұстап алғандығы туралы мәлімет:

1. Зайсан ауданы – 518
2. Марқакөл – 21
3. Тарбағатайдан – 221.

Барлығы: 760 қожалық ұсталған.

Бұл аудандардың шекараға іргелес орналасуы жан сақтап, бас сауғалауға тиімді болды [13,177].

ОГПУ-дің Қытайға ауа көшкен жайындағы 1930 сәуірдегі 3 аудан халқының көшкендерінің нақты санын береді:

Мақаншы ауданы бойынша ақпан айында – 33 кедей қожалық, 39 орташа, 6 бай қожалық; наурыз айында- 191 қожалық, барлығы колхозшылар. Жиыны – 269 қожалық көшкен.

Зайсан ауданы бойынша ақпан айында – 135 кедей, 127 орташа, 38 бай қожалық;

Наурыз айында – 47 кедей, 114 орташа, 42 бай қожалық. Барлығы – 503 қожалық. Жиыны екі аудан бойынша 772 қожалық көшкен. Тарбағатай ауданы бойынша мәлімет толық емес. Ақпан айында – 33 бай, 10 орташа, 13 кедей. Бұл көшудің негізгі себептері тәркілеу, ет дайындау науқандары, алым-салықтың мөлшерден тыс көбеюі еді [14,60].

Осындай заңсыздықтардың, бас бұзарлық әрекеттердің алдын-алу үшін Қазақ ОАК 1930 жылы 3 сәуірде «Қытаймен шекаралас аудандарға бай-кулактардың қожалықтарының заңсыз шекара асып, көшуіне қарсы күрес шаралары» туралы қаулыда мынадай мәселелер қамтылған:

1. Ауа көшпекші болғандарды мынадай жағдайлар шекара шебінен ары

100 км ары қарай қоныс аударту керек.

А) Шекара сызығын қиып өтерде ұсталған барлық бай-кулактарды немесе шекара асып көшпекші болып сөз шығары, ниет етіп жүргендерге;

Б) Шекара асып өтерде отбасы қалып қойып, басшылары көшіп кеткен жағдайда.

2. Қоныс аудару барлық жағдайда аудандық және атқару комитетінің шекаралық күзет қызметінің материалдары негізінде өлкелік атқару комитетінің қаулысымен бекітіледі.

Қазақ АКСР ХКК төрағасы Исаев [15,13].

Бірақ бұл қаулы қабылданса да, бұған құлақ асқан халық болмады. Топ құрып, қарақшылық әрекеттермен айналысып, шекарадан өтушілерге көмектесіп, өткісі келмегендерді күшпен әкетіп отырған.

Кулактар мен байларды тап ретінде жою науқаны болған 1929-30 жылдары Қытайға өтіп кеткен жекелеген байлардың ізінше жергілікті совет органдары орнықтырған жоғарыдағыдай әділетсіздіктерден кейін, көп кешікпей-ақ орташалар мен кедейлердің де Қытайға жаппай өтулеріне басталғанын жоғарыда айттық. Қытай жағына алғаш өткендер, ол жақта бай -кедейге бөліп құдалаудың жоқ екенін бірден байқады. Олар бұл туралы совет жағында қалған өздерінің туыстарына да үздіксіз хабар беріп, оларды шақырды. Ал мұның өзі шекара аудандары қазақтарының біразын қалай да Қытайға өткен жөн деген бір жақты шешімге келтірді.

Соның бір көрінісі ретінде 1930 жылы Мақаншы аудандық ОГПУ бөлімінің өлкелік комитетке жергілікті халықтың Қытайға көшуі туралы жедел хатында: «20-25 сәуір аралығында Қытайға қашқан қазақтар: орташалар 5 қожалық, жан басы 27, мал саны 10 жылқы, 25 ірі қара, ұсақ мал 92, түйе 1, ал кедей қожалық 27, адам саны 127, мал саны 19 жылқы, ірі қара саны 65, ұсақ мал 86, 2 түйе» [16,88] – деп халықтың әлеуметтік құрамы материалдық деңгейі де көрсетілген. Осы деректен-ақ 1930 жылы ауа көшудің бұқаралық сипат алғаны көрініс береді.

1930 жылдары ұжымдастырудың нәтижесінде колхоздар құрыла бастады. Колхозға біріккендер негізінен орташалар

мен кедейлер болды. Сонда қоныс аударудың бірі 1930 жылы 11 шілде күні түнде Қытайға Май-Қапшағай заставасынан 10 колхозшы көшті, оның біреуі орташа, қалған тоғызы кедейлер. Шілденің 26-ы күні түнде осы учаскеден 50 қожалық Қытайға өтіп кетті, қанша малы бар екендігі анықталмаған. Қолда бар мәліметтер бойынша оларға Қытайдан қаруланған қазақтар көмекке келген [17,14]. Арғы беттегілердің туыстарын көшіріп алуға бағытталған мұндай әрекеттері «қарақшылық әрекет» деп бағаланды.

Атамекеннен ауа көшу 1931 жылы да толастамады. 1931 жылы тамызда Аякөзге жақын әртүрлі аудандардан Қытай шекарасына жақын Еміл өзеніне 2,5-3 мың ауа көшуші қожалықтар жиналып, 15-20 мың малдарын айдап шекара асып өтпекші болды. Алайда бұл қозғалысты сезген ОГПУ жендеттері көштің алдын бөгеп, кейін қайтаруға тырысады. Көштің үлкен бөлігі өзеннен өтіп үлгереді. Көшті басқарушылар негізінен ру старшындары, молдалар, бай-кулактар қаруданған еді, әрі қарулы қақтығысқа дайын жағдайда жүрді [7,132 б.].

1929 жылдың соңына дейін шекара бұзып, Қытай асқандардың әрекеттерін байлардың асып-сасып, жаппай шетелге қашулары деп білген ОГПУ органдары бұған онша мән бермей, оларды арнайы тіркеуге алуға жете көңіл бөле қоймаған болса, біртіндеп 1930 жылдың басынан, Қытайға жөңкіле көшулер колхозшылар мен кедейлер екені анықтала бастады.

1932 жылдың ақпанында жедел барлау мәліметтерінен Батыс Қытайдағы босқындардың көңіл-күйі туралы ақпарат: Эмигранттардың өздерін көшіріп жіберу туралы бұйрықтармен танысуларына байланысты қазақ эмиграциясының бай-кулак бөлігінің көңіл-күйлері тұнжыраңқы және қайтып оралуға мүлде қарсы. Эмигрант байлар негізінен Қытайда тұрақтап қалуға және өмір сүруге рұқсат алуға мүдделі. Эмигранттардың кедейлер- орташа топтары совет өкіметінің СССР территориясында емін-еркін тұруға рұқсат бергені туралы сыбыстың оларға жетуіне байланысты көктемде Қазақстанға қайтуды көздеуде [18,42].

Зайсан шекара отрядының аудандық кеңес атқару комитетінің төрағасы Мұхамедшинге жолдаған хабарламасы бар жайды бүкпесіз баяндайды.

1929 жылы 30 қарашада Қытайдағы Алтай аймағы жағынан Нұрғали Мұқабаев бастаған 30 адамдық қарулы топ шабуыл жасай отырып, Алқабек өзені маңында 60 отбасын көшіріп әкетті.

Кергентас тұсынан Мұқан Мәсілімов «бандасы» 40 отбасын көшірді.

1930 жылғы қаңтарда Сауыр арқылы Әлен княздігінің иелігіне 128 шаруашылық (құрамында 582 адам, 4421 мал бар) өтті. Олардың көшуіне Әленнің адамдары көмектесті. Сол жылы 16 қаңтарда, одан кейін 28 қаңтарда Қытай жеріндегі Таңғытүкірдайдың адамдары 80 шаруашылықты көшіріп әкетті. Ақпан айында Қоңырқажы Мәжитов бастаған жақсы қаруланған жүз адам 97 шаруашылықты көшірді.

Осы жылы 6-10 ақпанда Шаған оба арқылы 100 шаруашылық арғы бетке асты. 11 ақпанда Алқабек өзенінің жағасында шекарашылармен атысып 30 отбасы өтті. 17 ақпанда Сауыр тауы арқылы 93 шаруашылық шекарадан өтті. 20 ақпанда Аққезең тұсынан 160 шаруашылық, 24 ақпанда 60 отбасы шекараны бұзып өтті, атыс болып бір шекарашы өлді.

Елдің Қытайға көшуі көктемде одан әрі жалғасты. 1930 жылғы 15 наурызда шекара отрядының бастықтары Дарын заставасынан 300 отбасы 8600 малымен, Жеменей кенті тұсындағы застава аумағынан 1260 отбасы 1840 малымен, Қабық тауына қарай 240 отбасы 600 малымен, Дөрбілжін уезіне 600 отбасы 14200 малымен өтіп кеткені хабарланды. Шекараның арғы бетінен және бергі бетінен елдің көшуін басқарды деген Алтай аймағындағы 29 адамның, Жеменей және Дөрбілжін уезінде деп 25 адамның аты-жөндерін жазып, тізімін жасаған [19, 109-110 б.].

Бұл бір жылдың ішінде көшкен Зайсан ауданына қарасты қазақтардың саны. Ал басқа да шекаралық өңірлерден ауа көшкен елдің атамекенінен безіп, жан сақтау үшін кеткендері қаншама. Көшудің себептері әр қилы болды.

Мысалы, 1931 жылы Күршім ауданынан Қытайға 170 қожалық өтіп үлгерген екен, оның 30-ы бай қожалық, қалғандары кедейлер мен орташалар. Ауа көшудің ішінде 5 коммунист және 9 комсомол болған. Бұл коммунистер мен комсомолдардың ауа көшкен рулы қожалықтың мүшелері екендігін білдіреді.

Жоғарыда келтірілген мұрағат құжаттарынан көріп отырғанымыздай, 1928-1931 жылдар аралығында өңір халқы санының кемуіне тәркілеу саясатына қарсылық білдірген шекаралық аудан тұрғындарының шекара асып көшуі зор ықпалын тигізді. Қоныс аударғандардың әлеуметтік құрамына назар аударсақ байы да, орташасы да, кедейі де кездеседі. Яғни, көш бұқаралық сипатта өрбіді.

Қазақстандағы 1931-33 жж. қасіреттің көлемін ҚазХШЕБ-ның 1930-36 жж. Ауыл халқының құрамының динамикасы жайлы есебі нақты көрсететіні белгілі: 1930 ж. – 5873,0 мың адам, 1931 ж. – 5114,0 мың адам, 1932 ж.- 3227,0 мың адам, 1933 ж. -2493,5 мың адам, 1934 ж. – 2681,8 мың адам, 1935 ж.- 2926,0 мың адам, 1936 ж. -3287,9 мың адам. 1930-36 жж. Қазақстанның ауыл халқы саны 2 585,1 мың адамға кеміген.

Тарихшы Т.О. Омарбеков еңбектерінде 1929-31 жж. Қытаймен халықтың саны шамамен 87000 адамға кемігенін, ал ОГПУ-дің мәліметтеріне қарағанда, 1932 ж. 1 қаңтарына дейін Қазақстанның Батыс Қытайға өтіп кеткен қазақтарының саны 60 000 -ға тарта адам болғанын айқындайды. М.Қ. Қозыбаев, Қ.С. Алдажұманов, Ж.Б. Әбілқожин Қытайда, Моңғолияда, Ауғанстанда, Иранда 200 000 қазақ босқындарының Қазақстанға қайтпай, сонда қалып қойғаны туралы айтады. Ашаршылық жылдары республикадан 1130 мың адам кетті, олардың 676 мыңы қайтпады, 454 мыңы кейін Қазақстанға қайта оралды [20,372].

Жалпы 1931-33 жж. ашаршылық нәтижесінде қазақтардың жартысына жуығы (49-52%) қырылғаны, республикада 2,2 млн-ға дейін құрбан болғаны анықталды (соның ішінде 1 млн. 725 мыңнан аса қазақтар). 1931-33 жж. ашаршылық тақырыбын зерттеуші белгілі ғалым Қ.С. Алдажұмановтың айтуынша

ОГПУ органдары қызметкерлері мәліметтерді нақты жинақтап отырған. Олардың есебіне сүйенсек, 1930-33 жж. республика халқы 2 млн. 531 мыңнан аса адамнан айрылған. Оның өзі толық мәлімет болмауы мүмкін [21,7-8].

Сонымен қорыта келе он жылдың ішінде қазақ жерінде болған түрлі тарихи істер демографиялық жағдайға өз әсерін тигізбей қоймады. Кеңес үкіметінің бастап берген түрлі саяси істеріне шыдамаған халық жан сақтау үшін өз елін тастап өзге елге қашқан деректері осы мақалаға арқау болмақ. Бұл мақалада мұрағаттық құжаттармен дәлелдене отырып, көптеген зерттеушілердің зерттеулері басшылыққа алына отырып жазылды.

ӘДЕБИЕТТЕР:

1. Первая Всесоюзная перепись населения Российской империи 1897 г. Общий свод по империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. Некоторые основные итоги из Общего Свода результатов разработки-по империи. Санк-Петербург, 1905.
2. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 года. Предварительные итоги. -вып 3. – Москва, 1927.
3. Неизвестные страницы истории Семипалатинского Прииртышья (20-30 гг.XX в.) Сборник документов. – Семипалатинск, 2002.
4. Под грифом секретности. Откочевки казахов в Китай в период коллективизации. Реэмиграция. 1928-1957 гг. Сборник документов. – Усть-Каменегорск, 1998 г.
5. Гонимые голодом. Сборник документов. Сыдыков Е.Б. (сост). – Семей, 2010.
6. Асылбеков М.Х., Галиев А.Б. Социально-демографические процессы в Казахстане (1917-1980). – Алматы, 1991.
7. Мендикулова Г. Казахская диаспора: история и современность. – Алматы, 2006.
8. Омарбеков Т. 20-30 жылдардағы Қазақстан қасіреті. – Алматы, 1997.

9. Козыбаев М.К., Абылхожин Ж.Б., Алдажуманов К.С. Коллективизация в Казахстане: трагедия крестьянства. – Алматы, 1992.
10. Шығыс Қазақстан облыстық қазіргі заман тарихы құжаттама орталығы (ШҚО ҚЗТҚО) 338 п. Қор, тізім 3, 7 іс, 68 б.
11. ШҚО Мемлекеттік мұрағаты 338-п қор, 1 тізім, 188 іс, 29 парақ.
12. ШҚО ҚЗТҚО 3 қор, тізім 1, 38 іс, 7 б.
13. Қойгелдиев М., Омарбеков Т. Тарих тағылымы не дейді? Алматы, 1993 ж.
14. ШҚО ҚЗТҚО ; 3 қор, тізім 1, 209 іс, 60 б.
15. ШҚО ММ; 778 қор, 1 тізім, 38 а іс, 88 б.
16. ШҚО ҚЗТҚО; 2 қор, 1583 іс, 88 б.
17. ШҚО ҚЗТҚО 1 қор, тізім 1, 1583 іс, 14 б.
18. Омарбеков Т. Қытайдағы қазақ босқындары // Ақиқат 1992 ж. № 9
19. Байбатырова Ғ. Зайсан тарихы. Оқулыққа қосымша. – Өскемен 2003.
20. Қазақстан тарихындағы тұлғатану мәселелері: Мәлік-Айдар Хантеміұлы Асылбеков // атты ҚР ҰҒА академигі, тарих ғылымдарының докторы, профессор М.А. Асылбековтың 90 жылдық мерейтойына арналған халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференция материалдары. – Алматы, 2019.
21. Алдажуманов К.С. К истории голода 1931-1933 годов в Казахстане// Трагедия казахского аула, 1928-1934 гг. Т.1. 1928 апрель 1929. Сборник документов. – Алматы, 2013.

Джакипова Т. У.

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ БАСҚА ҰЛТТАР НЕМЕСЕ ЭТНИКАЛЫҚ ТОПТАР ТАРИХЫ

Аңдатпа

Осы тақырып бойынша алғаш жер аударылған поляк ұлтының Қазақстан жеріне өзге елдегі саяси өзгерістерден кейін келуі, соның ішінде Шығыс Қазақстанға келген поляктардың алғашқы жағдайлары тұрғысында жазылды. Кеңестер Одағына көз тіккен өзге елдердің саясаты барысында Қазақстанның да тарихында үлкен өзгерістер болды. Мақалада демографиялық процестерді, халықтың құрылымын, мекенін және мәнін зерттеудің ерекшеліктері қарастырылады. 1930 жылы поляктармен қоса немістер, кәрістер де көшіру үдерісі қолға алынды. Осы жылы Ресей, Украина және т.б. республикалардан қудаланған қоныстанушылар келе бастады. Әсіресе қазақ жеріне көшіп келген кәрістердің саны көп болды. Қазақ жеріне алғаш Украйна мен Ресей жерінен жер аударылып келген неміс, польяк ұлттарының тарихы туралы осы мақалада қарастырылды. XX ғасырдың басында Ақмола, Семей, Павлодар, Омск, Барнауыл аймақтарында неміс қоныстарының көбейе түскендігі де осы мақалаға арқау болды. Әсіресе 1937-1938 жылдардағы қуғын-сүргін Шығыс Қазақстан өңірі халқының әлеуметтік-демографиялық дамуына ерекше әсер етті. Жергілікті халықтың саны азайып есесіне халық санының өсімі сырттан келген өзге ұлттардың есебінен толықты. Мақалада кең мұрағаттық материалдарды негізге ала отырып автор Семей және Шығыс Қазақстан облыстарына 1930 жылы қоныс аударған ұлттар тарихымен таныстырады. Сонымен қатар А.Н. Алексеенконың, Т. Омарбековтың, М. Қозыбаев сияқты демограф ғалымдардың еңбектерінен де мысалдар келтірілді. Қоныс аударылған халықтар мен ұлт өкілдерінің құрамы талданған. Шығыс Қазақстандағы халық шаруашылығындағы жұмыспен қамтылуы, қоныс аударушыларға қатысты жергілікті органдардың әлеуметтік саясаты және олардың жергілікті халықпен өзара қарым-қатынасы қаралды. 1930 жылдардағы ашаршылық кезіндегі аймақ халқының демографиялық ахуалын архив құжаттары мен мерзімді басылым материалдарын, ғылыми зерттеулерді қолдана отырып жазылды. Сондай-ақ демографиялық ғылымның тұжырымдамалар жүйесі сараланып, оның тарихы және қазіргі жағдайы, әлеуметтанумен, әлеуметтік саясатпен байланысы қарастырылды.

Кілт сөздер: саясат, ұйым, ұлт, шекара, халық, облыс, этнос,

депортация, эвакуация, көші-қон.

Abstract

For the first time, the deported Polish nation arrived in Kazakhstan after political changes in another country, including in connection with the first cases of the arrival of Poles in East Kazakhstan. In the course of the policies of other countries looking at the Soviet Union, there have been great changes in the history of Kazakhstan. The article examines the features of studying demographic processes, structure, place of residence and essence of the population. In 1930, the process of resettlement of both Poles and Germans, Koreans began. This year, immigrants from Russia, Ukraine and other republics began to come. There were especially many Koreans who moved to Kazakh land. This article examined the history of German, Polish nationalities who first moved to Kazakh land from Ukraine and Russia. The basis of this article was the increase in German settlements in Akmola, Semipalatinsk, Pavlodar, Omsk, Barnaul regions at the beginning of the twentieth century. The repressions of 1937-1938 had a special impact on the socio-demographic development of the population of the East Kazakhstan region. The local population has decreased, and the population growth has increased significantly due to nonresident nationalities. Based on extensive archival materials, the author introduces the history of nationalities that moved to the Semipalatinsk and East Kazakhstan regions in 1930. Examples of the work of such demographic scientists as Alekseenko A.N., Omarbekov T., Kozybaev M. are also given. The composition of the resettled peoples and representatives of nationalities is analyzed. The issues of employment in the national economy of East Kazakhstan, the social policy of local authorities in relation to immigrants and their relations with the local population were considered. The demographic situation of the population of the region during the famine of the 1930s was recorded using archival documents and periodic printed materials, scientific research. The system of concepts of demographic science was also analyzed, its history and current state, connection with sociology, social policy were considered.

Keywords: politics, organization, nation, border, population, region, ethnos, deportation, evacuation, migration.

Қаралып отырған кезең тарихы XX ғасырдың басындағы аса күрделі кезеңдердің бірі болды. Әсіресе осы кезеңдегі депортациялау тарихы Отандық тарихшылар тарапынан біршама зерттелуде. Бұрынғы тоталитарлық мемлекет тарихының ашылмаған жаңа беттерін ашып зерттеу бүгінгі таңдағы негізгі мәселелердің бірі болып қала бермек. Тоталитарлық жүйе миллиондаған адамдардың өмірін қиып, жаңа арнаға бет бұрғызды. Бұл кезеңнің ауыр зұлмат тарихын екі бөлікке бөліп көрсетуімізге болады: бірі зиялы қауым өкілдерін қуғындап, жерден-елден алыстатса, екінші бөлігін депортация тарихымен байланыстырып қарауымызға болады. Осы екі ауыр тарих қойнауына Қазақстанда енген еді. Осындай аласапыран заманда демографиялық ахуалды өзге елден келген қоныстанушылар толықтырып отырды. Қазақстан егемен ел ретінде танылғаннан бастап тарих ғылымда ірі өзгерістер болып жатыр. Демографиялық жағдайларға байланысты мұрағаттарда құпия ұсталған көптеген құжаттар жарыққа шығып, қазіргі таңда зерттеліп, өзекті тақырыптардың біріне айналып отырғаны белгілі. Соның аясында мақалада еліміздің Шығыс бөлігіндегі этнодемографиялық мәселе барысына зерттеу жүргізілді.

XX ғасырдың 30-жылдың ортасында Кеңестер Одағы сыртқы саясатында екі бірдей майданның ортасында қалды. Оның бірі – миллитаристік Жапония болса, екіншісі – Германия болатын. Агрессияшыл гитлерлік үкімет Польша арқылы КСРО-ны басып алуды көздеді.

Қиыр Шығыс Кеңестер Одағына Германиядан бұрын әскери қауіп төндірді. Олар мақсаты кеңес үкіметінің Қиыр Шығыстағы жерлер мен Сібірдің бөлігін басып алу еді. 1934 жылдан бастап Кеңестер Одағына Жапонияның барлау ұйымдары жұмысы үш есеге өсті. Қиыр Шығыста және Сібірде заңды барлау жұмысы үшін жеті консулдық жұмыс істеді. Халықаралық

экономикалық келісім бойынша жапон жұмысшылар мен қызметкерлері Сахалинде, Владивостокта транспорт және балық шаруашылығы конторында қызмет жасады. 1936 жылы жапон барлаушыларының қандай ниет көздегендігі анықталған еді.

Қиыр Шығыстағы КСРО шекарасының маңына Квантун армиясы штабының бұйрығымен біруақытта барлау орталығы болған жапондардың әскери миссиясы ұйымдастырылды. Басшылары Харбинде орналасып, Муданцзян, Хунчун, Минанда 13 резидентурасы болған.

XX ғасырдың 30-шы жылдарының соңында Қазақстанға күштеп жер аударылған ұлттар поляктар, немістер, корейлер, шешендер мен ингуштар болған. 1937 жылдың 5-6 қаңтарында Бүкілодақтық халық санағы өтті. Негізінде бұл санақ 1932 жылдың қыркүйегінен басталып, Москваның бірнеше аудандарында жүргізілген болатын. Алайда санақ 1935 жылға, одан кейін 1936 жылға қалдырылған еді. Бұл жайында ғалымдардың жазуынша санақ өткізу барысы бірнеше рет жоспарланған. Мәселен, А.Г. Волкованың пікірінше, санақ кеміне төрт рет кейінге қалдырылған. Сондағы 1937 жылғы Бүкілодақтық халық санағы бойынша КСРО халқы 162 039 470 адам болған. Бұдан кейінгі болған 1939 жылғы санақта 170 557 093 адам деп келтіріледі [1, 113 б.].

«Материалы к серии «Народы Советского Союза» жинағынан алынған кестеге сүйенсек, КСРО-да 1937 жылы 156 948 597 адам, ал 1939 жылы 161 434 707 адам болды деген дерек келтіреді. Жинақтағы көрсетілгендей Қазақстан халқы 1937 жылы 4 929 254, ал 1939 жылы 5 217 085 адам болған екен [2, 681 б.].

Жалпы қазақ жерінде 1939 жылғы бүкілодақтық санақ деректеріне сүйенсек, күштеп қоныстандырғанға дейін де бұл аталған ұлт өкілдері мекендеген екен. Санақ бойынша Қазақстан халқының ұлттық белгілері жағынан орналасуы әркелкі болған.

Қуғын-сүргіннен кейінгі жағдайға сүйенсек, 1939 жылы Шығыс Қазақстан облысы бойынша қазақтардың саны – 116 087, орыстар – 369 796, украиндар – 27 253, татарлар – 5400,

немістер – 4041 [1, 135 б.].

А.Н. Алексеенконың зерттеуінде, 1939 жылы Шығыс Қазақстанда өзге ұлттардан жалпы саны 431 мың болып, оның 137 мыңын қазақтар құраса, 201 мыңын орыс, 42 мыңын украиндықтар, 15 мыңын немістер, 36 мыңын басқа ұлт өкілдері құраған екен [3, 22 б.].

Қазақстанға алғаш болып жер аударылған поляктар болды. Оларды өздері орналасқан территориядан ішкі аймақтарға көшіру мәселесі Польша мен Германия арасындағы 1934 жылы жасасқан өзара келісімнен кейін туындады. Оның себебі бартын. Өз жерінен күштеп көшірілген поляктар Украинаның шекара маңына орналастырылған еді. Жергілікті украиндықтар мен поляктардың арасында ішінара қақтығыстар мен түрлі жанжалдар да туындап отырды. Оның үстіне Кеңестік жүйеге қарсы шығушылардың қатары да көбейді. Кеңес үкіметі поляктарды шекара маңынан Қазақстанға көшіруге байланысты екі бірдей қаулы қабылдады. Оның бірі 1936 жылғы 23 қаңтарындағы «Украин КСР-нен Қазақ АКСР-на қоныс аудару» жөніндегі болса, ал екіншісі 1936 жылғы 26 сәуірдегі «УКСР-нан Қазақ АКСР-нің Қарағанды облысына экономикалық қамтамасыз ету» жөніндегі қаулысы жарық көрді [4, 195-196 бб.].

1936 жылы сәуірде Украинаның шекара маңайындағы 45 мыңдай адамды Қазақстанға жер аудару турасында шешім қабылданды. 35,739 поляк ұлт өкілдері (99,8 %-і) қазақ жеріне жіберіліп, Солтүстік өңірлерге орналастырылды [5].

Бұдан кейінгі жылдары да Батыстағы шекара маңындағы мазасыз жағдайларға байланысты поляктарды Кеңестер Одағының территориясына орналастыру жалғастырылды. 1939 жылы желтоқсанда Кеңес өкіметі «УКСР мен БКСР-дің батыс облыстарынан арнайы жер аударылғанды еңбекпен орналастыру жөніндегі ережені» бекітті. Осы бұйрық бойынша ішкі істердің халкомы Л. Берия көшіріліп әкелінетін 55 теміржол вагонын бөлдіртті.

Жер аударылғандарға («Осадниктерге») бірінші ретте бұрынғы поляк офицерлері, Польша территориясында полиция

шенінде және әкімшілік саласында қызмет еткендер жатты.

1939 жылы Гитлерлік Германияның Батысқа ашқан соғысы, Польшаны жаулап алуы поляктардың мыңдаған тұрғындары мен әскери офицерлерін, солдаттарын Кеңестер Одағына қашуға мәжбүр болды. Шекара асып келгендерді шекара маңынан бөлектеп ұстау, КСРО-ның ішкі республикаларына қарай орналастыру және бақылауға алу арнайы қаулылардың негізіне сүйене жүргізілді. А. Волковтың жазғанына сүйенсек, Қазақстанға 190 мың поляктар көшіріліп әкелінген екен [5].

Бұдан кейінгі жылдары да Украина мен Белоруссияның шекара аймағындағы поляктарды көшіру қолға алынған. 1940 жылдың 18 қазанындағы КСРО Халық Комиссарлар кеңесінің қаулысымен осы екі республикадан Қазақстанға 6681 поляктар көшіріліп әкелінген екен [6, 23 п.].

Жалпы Украина шекара маңынан поляктармен қоса немістерді де көшіру үдерісі қолға алынды. КСРО-да күштеп көшіруге дейін 85 мыңдай немістер мекендеген [3, 18 б.]

Қиыр Шығыстағы шекара маңынан кәрістерді көшіру 1935 жылдан басталды. 1937 жылдан бастап Қазақстан мен Орта Азия елдеріне корейлерді Қиыр Шығыстан күштеп көшірілді. Негізінде Амурь өңірінде 200 мыңдай корейлер өмір сүріп жатқан еді. Қазақ жеріне корейлердің 95421 жаны бар 20141 отбасы әкелінген екен. Олардың басымы Алматы, Оңтүстік Қазақстан, Ақтөбе, Қостанай, Қарағанды облыстарына орналастырылған. [3, 23 б.]. Негізінде жоспар бойынша қазақ жеріне 14600 корей шаруашылығы көшіп келуге тиіс болған [7, 217 п.]. Дегенмен көшіріліп әкелінген корейлердің саны жоспардан асып кетті. Тарихшы Т. Омарбековтың жазуынша, 1938 жылдың ақпанына дейін Қазақстанға 20789 корейлер жанұясы, яғни 98 454 адам жер аударылып әкелінген екен [8, 303 б.]

Академик М. Қозыбаев саяси жер аударылғандар туралы былай деп жазады: «1936 жылдың көктемінде Украинадан саяси бағы ашылмаған поляктар жер аударылып келді. Ал, келесі жылы Әзербайжан мен Арменияда курдттар, Қиыр Шығыстан 95 мың корейлер келіп орнықты» [9, 220 б.].

Жалпы 1939 жылғы халық санағына сүйенсек, республикада қазақтарды қоспағанда (2314 мың) өзге ұлт өкілдерінен орыстар – 2449 мың, украиндар – 657 мың, немістер – 93 мың, татарлар – 107 мың, өзбектер – 103 мың, белорустар -31 мың, ұйғырлар – 35 мың, корейлер – 96 мың, әзербайжандар – 12 мың, басқа ұсақ ұлттар – 197 мың болған [10, 192 б.]. Санақ есебімен салыстырсақ жоғарыдағы екі ғалымның да жазғанынан сәл ғана айырмашылықты байқауға болады. Орналастыру жағына келсек, корейлердің басымы Қызылорда облысына қоныстандырылған. Бұл жайында архив деректері мен ғалымдардың еңбектерінен байқауымызға болады. Георгий Кан бұл жайында былай деп жазады: «Основным местом выгрузки и временного расселения корейцев в Казахстане стала Южно-Казахстанская область, та ее часть, которая ныне является Кызылординской областью (по административно-территориальному делению того времени она входила в состав Южно-Казахстанской области)» [11, 115 б.].

Қазақстанға жер аударылып әкелінген корейлер қоныстандырудың екі кезеңінен өтті. Оның бірі – 1937 жылдың күзінен 1938 жылдың көктеміне дейінгі аралық. Екіншісі – 1938 жылдың көктемінен 1939 жыл бойы.

Бірінші кезеңдегі жағдай өте ауыр жүргізілді. Кеңес өкіметі жер аударылғандарды орнластыруға дайын емес еді. Сондықтан сарайларға, қораларға, жертөлерге, қираған мешіттерге, бұрынғы түрмелерге орналастыруға мәжбүр болды. Бұл жерлер адам тұруға лайықты емес еді. Терезелері жоқ немесе сынған, іші суық, от жағатын пештер салынбаған жерлерге орналастырылған корейлерге тамақ табудың өзі бір ғанибет болды.

1937-1938 жылдардағы КСРО-дағы жаппай қуғындау нәтижесінде халық санының азайғанын аңғару қиын емес. Бұл нәубет жер аударылып келген өзге ұлт өкілдеріне де әсер етпей қоймады.

ІІХК-ның МҚББ-на директивтік хаттардында жазғандай 1937 жылғы 14 ақпанда «Неміс троцкистерінің террорлық, диверсиялық және шпиондық қызметі туралы» және 2 сәуірдегі «КСРО Одағы аумағында фашистік партияның германдық

барлау органдары мен арнайы мекемелерінің өсіп келе жатқан белсенділігі туралы» қаулылар сол кездердегі жағдайларға байланысты бірден жүзеге асқан жоқ. Тек Ұлы Отан соғысының алғашқы күнінде қолға алынды.

Немістерді этникалық тазартудың негізі 1937 жылғы 25 шілдедегі КСРО НКВД-ның бұйрығы болды. Германияның пайдасына тыңшылық жасады және ұлтшыл фашистік ұйымға қатысты деген айыппен неміс ұлтының 265 адамы қамауға алынды. Бұл Шығыс Қазақстанда қуғын-сүргінге ұшырағандардың жалпы санының 3,01%-ын құрайды [12, 239 б.].

Немістердің арасындағы Кеңес үкіметіне деген наразылығы 30-жылдардың басында орын алған. 1934 жылғы шілдедегі БК(б) П Қазақ өлкелік комитетіне жіберілген «Немістер туралы» қызметтік жазбада 1929 жылдан Қазақстан территориясына неміс эмиграттарының жаппай қозғалысының басталғаны айтылады. 1933 жылдан Германиядағы фашистердің билігіне келуіне байланысты контрреволюциялық неміс астыртын қызметінің кеңеске қарсы жаңа толқыны байқалады. Қазақстандағы кеңестік жүйеге қарсылық барысы Новосібір қаласындағы Германия консулдығы арқылы жүзеге асырылып отырылған. Немістердің баптистік «Брокгауз» қоғамына Шығыс Қазақстан облысының Цюрупин ауданының Заборовка поселкесінен колхозшы Екатерина Унру «Біз киімсізбіз, жалаңаяқ күн сайын жұмыс істеуге мәжбүрміз. Менің сізге өтініш айтудан басқа шығу жолын білмеймін. Барлық есіктерді қағудамын. Маған мұның бәрін сипаттап айту қиын, не боларын да білмеймін, Сізден көмек сұраймын» деген мазмұндағы хат жолдаған. Алайда, осы жазбада колхозшының колхозға мүше болып, сиыры барлығы, 200 еңбек күнінен де көп табыс тапқандығын, жеткілікті мөлшерде нан алғандығы келтірілді. Осындай мазмұндағы хаттар Қазақстанның басқа неміс поселкелерінен де барған [13, 14-15 п.].

ХХ ғасырдың басында Ақмола, Семей, Павлодар, Омск, Барнауыл аймақтарында неміс қоныстары көбейе түсті. Олар теміржол бойындағы шаруашылыққа қолайлы жерлерді сатып алды. Қоныстанушылар арасында зергерлер, шеберлер,

қолөнершілер көп еді. Ал олар шығарған тауарлар жергілікті өнімдерден арзан әрі сапалы болды. Алайда немістерге қазақ жерінің топырағы мен қытымыр ауа райы ұнамаған. Ресейдің ішкері аймақтарындағы суармалы, шұрайлы жерге үйренген олар, алғашқы жылдары өнімнің төмен болғандығын айтып, кері қайтуға сұранған. 1930 жылдың 25 ақпанында өткен Казрайком бюросының жабық отырысы хаттамасының көшірмесінде барлық облыстарда атқарылып жатқан шараларға қанағаттанарлық емес деген теріс баға берілген. Семей, Ақмола, Ақтөбе, Павлодар, Петропавл және Орал облыстарында неміс елді мекендеріндегі шаруашылық және мәдени іс–шаралардың баяу жүргізілуіне, эммиграциялық үрдісті түбегейлі тоқтатуға мән берілмегендігіне орай, ескертулер жасалған. Ескерту жасай отырып, ОК облыстардың жоспарлы шараларына бірқатар түзетулер енгізеді. Олар наурыз–сәуір айларында қайта сайлаулар өткізу, іс қағаздарын неміс тіліне көшіру, шұғыл түрде жеті жылдық неміс мектептерін ашу сияқты тапсырмалар еді. Бұл бұйрықтар дереу іске асырылып, есеп берілу керектігі ескертілген.

Міне, осындай большевиктік идеологияға қарсылық барысы, одан кейінгі жылдары да орын алғандығы сонша, 1935 жылдың 5 қаңтарында Ішкі Істер Халық комиссары Г.Г. Ягоданың қол қоюымен Ішкі Істер Халық комиссариаты Басқармаларына арналған Біріккен Мемлекеттік Саяси Басқармасының циркулярын шығарып, онда еңбек мигранттарының құқықтарын қалпына келтірудің жаңа тәртібі айтылды. Осы циркуляр бойынша шаруашылық жағынан орналастырылмаған еңбек мигранттарының құқықтарын жаппай қалпына келтірілуі оларды жіберілген қонысынан кетулеріне жол берілгенді хабарланды. Осындай жағдайдың алдағы уақыттарда қайталанбасы үшін, ГУЛАГ ІІХК-ның санкциясынсыз құқықтарды жаппай қалпына келтіруге жол бермеу, өз жұмысы бойынша қоныстанған жерлерге қана құқықтарын қалпына келтіру, олардың арасында жаппай насихат жұмыстарын өрістету және шаруашылық ұйымдардан көмек көрсету мәселесі қолға алынатын болды. 17 қаңтарда Г.

Ягода И.В. Сталинге еңбек құқығы қалпына келтірілген қоныстанушыларды қонысынан шығу құғығынан айыру туралы ұсыныс түсірді [14].

1935 жылдың 19 шілдесіндегі мәліметке сүйенсек, Шығыс Қазақстан облысының құрамына енген 25 аудан мен 2 қаланың 23 ауданында қазақтармен өзге ұлт өкілдері мекендеген [15, 27-28 п.]. 1939 жылғы санақ барысына сүйенсек, халықтың басым бөлігі ауылды жерлерде тұрған. Дегенмен 1926 жылғы санақпен салыстырсақ, 1939 жылы қала халқының санының 3 есеге өскенін байқауға болады. Осылардың ішінде Семей облысында қалада тұтатын халықтың пайызы 40,6% болса, Шығыс Қазақстан облысында 25%-ға жеткен [16, 21 б.].

Қортындылай келе 1937-1938 жылдардағы қуғын-сүргін Шығыс Қазақстан өңірі халқының әлеуметтік-демографиялық дамуына ерекше әсер етті. Жаппай қуғындалу барысынан жергілікті халықтың саны азайды. Алайда халық санының өсімі өзге ұлт өкілдерін департациялап әкелумен толықтырылды. Сөйтіп, өзге этностарды қазақ жеріне әкеліп орналастырудың нәтижесінде ұлттық құрам өзгеріске ұшырады.

ӘДЕБИЕТТЕР:

1. Саркенова К.А. 1920-1930 жылдардағы Қазақстан халқы. – Алматы: Қазақ университеті, 2011. – 220 б.
2. Материалы к серии «Народы Советского Союза. Ч. 4. – М., 1990. – С.681.
3. Алексеенко А.Н. Население Казахстана. 1920-1990 гг. – Алматы: Гылым, 1993. – 126 с.
4. Тәңірбергенқызы Л. Қазақ жеріндегі поляктардың тарихи тағдыры // Жұлдыз, 1997. – №2.
5. Волков А. Қазақстандағы поляктар // NOMAD – KAZAKHSTAN, 2006. – №2 (8).
6. ҚРОМА. 1987-қ., 1-т., 13-іс. 23-п.
7. ҚР ОМА. 1208-қ., 1-т, 47-іс. 217-п.
8. Омарбеков Т. Қазақстан тарихының XX ғасырдағы өзекті мәселелері. Көмекші оқу құралы. – Алматы: «Өнер», 2003. – 552 б.
9. Қозыбаев М.Қ. Тарих зердесі (Замана асуы). 1-кітап. – Алматы: Ғылым, 1998. – 344 б.
10. Асылбеков М.Х., Галиев А.Б. Социально-демографические процессы в Казахстане (1917-1980). – Алма-Ата: Гылым, 1991.
11. Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы. – Алматы: «Арыс»-«Қазақстан», 1998. – 428 с.
12. Материалы международной научно-практической конференции «Знать, чтобы не забыть: тоталитарная власть и народ в 20-50-х годов XX века». 30-31 мая 2014 года. – Усть-Каменогорск: «Медиа-Альянс», 2014. – 577 с.
13. ҚР ПА. 141-қ., 1-т., 6662-іс. 14-15-пп.
14. Из истории депортаций. Казахстан 1930-1935 гг. Сборник документов. – Алматы: LEM, 2012. – 772 с.
15. ҚР ПА. 141-қ., 1-т., 8302-іс. 27-28-пп.
16. Асылбеков М.Х., Асылбекова Ж.М. Основные итоги Всесоюзного переписни населения 1939 года по Казахстану /Население Казахстана по Всесоюзной переписи населения 1939 года. В 5 т. – Алматы: Арыс6 2009. – Т. 1. – 400 с.

Дюсупова С. Т.

ЖАСАНДЫ ИНТЕЛЛЕКТТІҢ ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ТУУ ДЕҢГЕЙІНЕ ЫҚПАЛЫ: ҚАУІПТЕР МЕН МҮМКІНДІКТЕР

Аннотация

Мақалада Қазақстандағы туу көрсеткіштерінің өзгерістері мен демографиялық үрдістерге әсер ететін факторлар талданады. Зерттеу барысында халық санының өсуіне ықпал ететін жасанды интеллекттің (AI) даму мүмкіндіктері қарастырылған. Жасанды интеллекттің медицина саласындағы қолданылуы бедеулікті емдеуде, жүктілікті бақылауда, перинаталдық ди-

агностикада оң нәтижелерге қол жеткізуге ықпал еткені айтылған. Сонымен қатар, AI технологияларының экономикалық және әлеуметтік аспектілері, туу көрсеткіштері мен отбасылық құрылымға әсері зерттеледі. Мақалада этно-мәдени ерекшеліктердің туу тенденциясына ұзақ мерзімді әсері сақталатыны және AI ықпалының уақытша сипатта болатыны атап көрсетілген. Жасанды интеллект пен репродуктивті денсаулық арасындағы өзара байланыс жаңа технологиялардың тиімді пайдаланылуын талап етеді.

Түйінді сөздер: Қазақстан, туу көрсеткіші, демографиялық үрдістер, жасанды интеллект (AI), репродуктивті денсаулық, этномәдени ерекшеліктер, перинаталдық диагностика, туу коэффициентінің жиынтығы.

Abstract

The article analyzes changes in fertility and demographic trends in Kazakhstan, as well as factors influencing these processes. Special attention is paid to the role of artificial intelligence (AI) in creating new opportunities for population growth. The advantages of using AI in medicine, including infertility treatment, pregnancy monitoring and perinatal diagnostics, are considered. The economic and social aspects of the introduction of Ai, its impact on fertility rates and family structure are investigated. It is noted that the ethnocultural characteristics of Kazakhstan continue to have a steady impact on demographic trends, despite the temporary changes caused by the introduction of AI. The relationship between technology and reproductive health highlights the need for the rational use of new developments.

Keywords: Kazakhstan, fertility, demographic trends, artificial intelligence (AI), reproductive health, ethnocultural features, perinatal diagnosis, total fertility rate.

Қазіргі қарқынды дамып жатқан әлемде халықтың өсу тенденциялары жаңа технологиялардың дамуымен байланысты. Халықтың туу көрсеткіші қоғамның репродуктивті қатынасына байланысты, мысалы, Қазақстанда тәуелсіздік алғаннан бері туудың жалпы коэффициенті (ЖТҚ) толқындық сипатқа ие болды, ал ТЖК төмендеуі 2007 жылғы кезең ішінде айқын көрінді. реформалар және жалпы Республиканың қалыптасуы. Қазақстан Республикасының халық санағы бойынша ең төменгі ТҚК көрсеткіші (әйелге шаққанда 1,8 бала) 1999 жылы көрсетілді, кейін жыл сайын бұл көрсеткіш жоғарылай бастады (диаграмма 1, 2).

Қазақстандағы экономикалық және саяси құрылымдағы өзгерістер демографияда да көрініс табады: халықтың саны көшіқонға байланысты өзгереді, туу, өлім, неке көрсеткіштерінің күрт өсуі байқалады. Бұған өткен статистикалық деректердің, сондай-ақ Қазақстандағы халық санақтарындағы цифрлар дәлел. Дегенмен, республикадағы экономикалық және саяси өзгерістерге қарамастан, жаңа шындыққа «бейімделуден» кейін халықтың табиғи өсімінің көрсеткіштері қайтадан қолайлы өсімге ие болды (диаграмма 1).

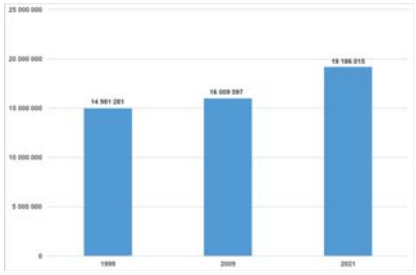


Диаграмма 1 – Қазақстан Республикасының 1999, 2009 және 2021 жылдардағы халық санағы бойынша адам саны.

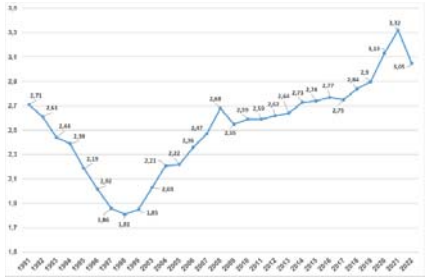


Диаграмма 2 – Туудың жалпы коэффициенті Қазақстан Республикасында 1991-2022 жж

Дереккөз: www.stat.gov.kz *Қазақстан Республикасының Ұлттық статистика бюросы*

Жоғары технологияларды, атап айтқанда жасанды интел-

лектті (AI) әзірлеу және қолдану уақытының келуі және мұндай даму туу көрсеткіштеріне әсер ете алады ма? AI белсенді дамуы кезінде Қазақстанда туу үрдісінде қандай қауіптер мен қиындықтар күтіледі?

Көршілес Ресей Федерациясының зерттеулері бойынша 2023 жыл технология саласында жасанды интеллектпен айқындалған жыл болды: 12 айдың ішінде ИИ құралдары танымалдыққа ие болып, интернетте баршаға қолжетімді бола түсті деп атауда. 2023 жылдан 2030 жылға дейін жасанды интеллект құралдарының саны жыл сайын шамамен 40%-ға өседі деп күтілуде. Бұл ИИ-дің ешқайда кетпейтінін, керісінше, жастар мен олардың отбасыларына технологиялық прогрестен қалмас үшін оған бейімделу қажеттілігін көрсетеді екені туралы *«Национальный портал в сфере искусственного интелекта»* журналында айтылған [1].

Жасанды интеллект және оның белсенді дамуы туу көрсеткішіне ықпал етеді, өйткені кез келген технологиялық инновация белгілі бір нәтиже береді және өзін бірнеше аспектіде көрсете алады.

Бірінші аспект, медициналық технологиялар мен генетикалық сынақтар: медицинадағы AI жүктілік диагностикасын жақсартуда, ана мен ұрықтың денсаулығын бақылауда, сондай-ақ дені сау баланың туылуына мүмкіндік беретін бедеулікті емдеудің инновациялық әдістерін әзірлеуде пайдалы өзгерістерге әкеледі. Тірі туылған, қалаған нәрестелер, сондай-ақ сәтті жүктілік пен босану ықтималдығын арттырады. 2022 жылы Қазақстанда ана өлімі едәуір қысқарды – 3,2 еседен астам, нәресте өлімі деңгейі пандемияға дейінгі деңгеймен салыстырмалы болып, 2021 жылмен салыстырғанда 6,0%-ға төмендеді.

Қазақстан Республикасы Денсаулық сақтау министрлігі мәлімдеуінше жүктілік кезеңіндегі бақылаумен қамту деңгейі 99,2%-ды құрап, 12 аптаға дейінгі мерзімде жүкті әйелдерді ерте қамту 5%-ға өсіп, 89,5%-ды құрады. Пренатальды УДЗ-скринингпен қамту 5%-ға, биохимиялық скринингпен қамту 10%-ға артты. Сондай-ақ, 1 жасқа дейінгі балаларды проактивті бақылаумен және скринингпен қамту 81%-ға дейін ұлғайды. Бұл көрсеткіштерге жету үшін жаңа технологиялар мен дәрігерлерді заманауи оқыту нәтижесінде болды деп есеп береді [2].

Нәресте өлім-жітім көрсеткіштері жыл сайын төмендеудің бір себебі ретінде жаңа технологиялардың медициналық тұрғыда пайдалануды айтуға болады. Демек, 2000 жылға қарағанда 1000 тірі туылғандарғандарға шаққанда 1 жасқа дейінгі өлім көрсеткіші 18,82-ден 2022 жылы 7,68 коэффициентіне дейін түскен. Бұл көрсеткіштер қала мен ауыл аумақтарын жеке қарастырғанда да жақсы тендецияларды көрсетеді (диаграмма 3).

	ҚР	қала	ауыл
2000	18,82	20,33	17,17
2005	15,15	16,63	13,02
2010	16,59	16,75	16,43
2015	9,41	9,66	9,08
2016	8,59	8,45	8,77
2017	7,93	7,48	8,55
2018	8,03	7,9	8,21
2019	8,37	8,61	5,38
2020	7,77	8,43	6,84
2021	8,41	10,45	5,52
2022	7,68	7,2	8,41

Диаграмма 3 – Қазақстан Республикасындағы 1 жасқа дейінгі өлім, 1000 тірі туылғанға шаққанда, қала мен ауыл.

Халықаралық ауқымды зерттеулердің мәліметтері бойынша, әлемде шамамен 186 миллион адам бедеулікпен бетпе-бет кездеседі. Бұл мәселе жылдан жылға ушығуда – бедеу жұптардың саны артуда. Клиникалық тәжірибеге қосалқы репродуктивтік технологияларды, әсіресе жасанды ұрықтандыруды енгізудің арқасында бұл мәселені шешуге үміт пайда болды. Алайда, қазіргі репродуктивтік медицинаның жоғары деңгейде дамығанына қарамастан, араласулардың тек үштен бір бөлігі ғана сәтті аяқталады. Бедеулікті дәл диагностикалау және емдеуді тиімді ету үшін медициналық қауымдастыққа күнделікті

тәжірибеде жасанды интеллект технологияларына негізделген бағдарламалық өнімдерді қолдану орынды. Бұл үлкен деректер жиынтығындағы ықтимал байланыстарды уақытылы анықтауға және зерттеуге, сондай-ақ машиналық оқыту әдістерін қолдана отырып сенімді болжамдық модельдер жасауға мүмкіндік береді [3].

Бүгінде босанғаннан кейінгі қан кетумен күресудің жаңа тәсілдері мен Қазақстандағы мемлекеттік дәрежедегі жобалар арасында «Фетальная медицина» атты проектік инновациялар белсенді қолданылуда. Жоба аясында 11 іштегі операция жүргізіліп, соның ішінде тоғыз ұрықтың өмірі сақталғаны туралы Orda.kz өз сайтында жариялады.Сонымен қатар, неонаталдық хирургияны дамыту туа біткен ақаулары бар жаңа туған сәбилердің өмір сүру деңгейін 86%-ға дейін арттырды. Қазақстанда жыл сайын 1500 нәрестеге хирургиялық ем жүргізіледі, ал аз инвазивті операциялардың үлесі 40%-ға жетті [4].

Болашақта генетикалық технологиялардың дамуымен интеллект генетикалық ауытқуларды зерттеуге әсер етеді және дені сау ұрпақтардың болу мүмкіндігін арттыруға, сол арқылы босанғанға дейінгі және нәресте өлімін барынша азайтуға ұсыныстар жасайды [5].

Сондай-ақ, AI бедеулікке ұшыраған әйелдер санын азайтуға мүмкіндік береді (бірақ ананың туу жасы көрсеткіштерін арттырады). Технологиялардың даму тарихына жүгінсек, мысалы, ең жаңа ультрадыбыстық зерттеу аппараттарын қолдану көптеген іште пайда болатын аурулардың алдын алып, эмбриондардың жағдайын жақсартуға және сау балалардың дүниеге келуіне ықпал етті. Экстракорпоральды ұрықтандырудан (ЭКҰ) кейінгі эмбрионды таңдау кейінгі жүктіліктің сәттілігін анықтайтын шешуші фактор және оң нәтижелі медициналық технология ретінде Life Whisperer AI моделінің жоғары дәлдігі клиникалық жағдайда пайдаланылған кезде IVF жүктілік табысының жоғарылауына әкелуін айтады.

ЭКҰ дамуымен фертильділікке үлес қосылды және Қазақстанда айтарлықтай сәтті болды. Қазақстанның тәуелсіздік

алған жылдарында 27 жыл ішінде экстракорпоралды ұрықтандыру (ЭКҰ) бағдарламасы бойынша 100 мыңнан астам бағдарлама жүзеге асырылды, соның арқасында 28 500 бала дүниеге келді [6].

Осыған ұқсас тәжірибені зерттеу барысында, *екінші аспектіні* де атап өтуге болады, мұнда туу тенденциясына жағымды әсер ететін негізгі факторлардың бірі — жүктілік пен баланы жоспарлау кезеңінде жасанды интеллектіні (AI) пайдалану, бұл ұрықтану үшін ең қолайлы кезеңдерді анықтау және репродуктивті денсаулықты бақылауға мүмкіндік береді.

Қосымшалар мен алгоритмдер ұрықтану үшін оптималды кезеңдерді анықтауға және ұрықтану ықтималдығын болжауға көмектеседі. Сонымен қатар, заманауи интеллектуалдық жүйелердің отбасын құру және балаларды дүниеге әкелу үшін қолайлы некелік одақтар жасауға көмектесетініне оң ықтималдық бар. Коммерсант (kommersant.ru) сайтындағы «Нейрондық желілер мен бақытты некелер» атты мақалада Чуваш мемлекеттік университетінің мамандары жасанды нейрондық желілерді отбасылық қатынастарды болжауға үйреткені баяндалады.

Бұл жоба идеясы жасанды интеллектті (AI) пайдалана отырып, неке ұзақтығының болжамын жасауға бағытталған. Қолданыстағы немесе болашақ некеге қатысты деректерді енгізгеннен кейін, модель неке ұзақтығын болжайды. AI сіз таңдаған факторлар негізінде некенің ең ұзақ мерзімді болуына ықпал ететін жағдайларды анықтауға көмектеседі. Бұл болашақ жар таңдағанда қандай қасиеттерге назар аудару керек екенін, немесе қазіргі некеде қандай өзгерістер қажет екенін көрсетуге мүмкіндік береді. AI арқылы ұзақ мерзімді («бақытты») отбасының құрылу шарттарын анықтап, отбасылық қатынастарды диагностикалауға, дағдарыс себептерін түсінуге және мәселені шешудің жолдарын жасауға болады [7].

Үшінші аспект – жасанды интеллект білім беру материалдарын және репродуктивті денсаулық туралы ақпаратты ұсына отырып, жасөспірімдер мен ересектерге отбасы жоспарлауға және балаларды дүниеге әкелуге қатысты саналы шешімдер қа-

былдауға көмектеседі. Репродуктивті денсаулық, контрацепцияны пайдалану туралы білім – күтпеген жүктілікті және оның салдарын болдырмаудың ең жақсы тәсілі.

Экономикалық аспектте (*төртінші аспект*) AI экономикалық жоспарлауда және туу деңгейінің проблемасына айналмауы үшін халықтың қартаюы және еңбекке қабілетті халықтың жетіспеушілігі балаларды дүниеге әкелуді ынталандыру бағдарламаларын әзірлеуде көмекші ретінде пайдаланылатын болады.

Қазақстандағы туу мәселелерін зерттей отырып, қала мен ауылдық жерлердегі, өңірлер мен халықтың этникалық ерекшеліктері арасындағы бар дифференциацияны атап өткен жөн. Жасанды интеллект тудыра алатын қолайлы жағдайлар қала мен ауылдық жерлердегі туу коэффициенттері арасындағы айырмашылықты азайтады. Жаңа технологиялар қаладағы әйелдерге жүктілікті тиімді жоспарлауға мүмкіндік береді, ал балаларды күту мен отбасылық мәселелерде AI пайдалану көмектеседі.

2024 жылы жасанды интеллект біздің үйреніп қалған барлық тұрмыстық құрылғыларымызда пайда болады. LG компаниясы интеграцияланған жасанды интеллекті бар кір жуу және кептіру машинасын жасады. Алгоритм матаның текстурасын, ластану деңгейін, жүктеме салмағын анықтап, ең қолайлы жуу режимін таңдайды. Samsung компаниясының AI Family Hub жүйесі бар Bespoke тоңазытқышы AI Vision Inside жүйесімен жабдықталған. Встроенный камера 30-дан астам өнімді таниды және сол ингредиенттерден дайындалған тағамдарды ұсынады. Сонымен қатар, құрылғы өнімдердің жарамдылық мерзімін бақылап, мерзімі өткен жағдайда хабарландырулар жібереді. Жасанды интеллект негізіндегі Samsung Food қызметі тағам дайындауға арналған рецепттерді іздеп, адамның тамақтануын жоспарлап, асүй техникасын басқарады. LG компаниясы үй роботына жасанды интеллектіні енгізді. Құрылғы тұрмыстық техниканы, IoT құрылғыларын басқарып, үйді қорғайды және иелерімен сөйлеседі. 2024 жылдың соңына қарай Apple компаниясы жасанды интеллектіні жаңа iPhone және iPad-қа интеграциялайды [8].

Алайда, жасанды интеллекттің жағымды және жағымсыз әсерлері болатынын атап өткен жөн: ИИ-дің отбасындағы қолданылуы үйдегі тұрмысты жеңілдетіп, балаларды дүниеге әкелу мен тәрбиелеуден экономикалық жағынан тиімді құрал болуы мүмкін. 2024 жылы биометриялық компаниялар шынайы адамдардың бейнелері орнына синтетикалық деректерді тану жүйелерін оқыту үшін қолдана бастады, бұл болашақта балалардың немесе ерлі-зайыптылардың болуын алмастыра алады. Қазақстан қоғамындағы мұндай құбылыстар этно-мәдени құрылымының ерекшеліктеріне байланысты ең төменгі ықтималдыққа ие. Балаларды дүниеге әкелуді нақты жоспарлау нәтижесінде көп балалы аналар санының азаюы мүмкін, ал ИИ мүмкіндіктері арқылы қалаулы жынысты баланың дүниеге келуі табиғи жыныс балансын бұзуы мүмкін және тек ұлдарды немесе тек қыздарды дүниеге әкелуге әкелуі ықтимал.

Жасанды интеллекттің туу мәселесіндегі рөлі аналық жас деңгейінің орташа өсуін арттыру қаупімен байланысты. Соңғы 20 жылда (2000-2020 жылдар) Қазақстанда аналықтың орташа жасы 26 жастан 29 жасқа дейін өсті (алғашқы жүктілік). 2020 жылы бұл көрсеткіш 29,2 жасты құрады, 2019 жылы 28,9 жасты, 2018 жылы 28,7 жасты көрсетті. Қазақстан Республикасында баланың дүниеге келу кезінде ананың орташа жасының жыл сайын өсуі байқалады, жасанды интеллекттің дамуы нәтижесінде мұндай тенденцияның жасы үлкен, бұрын балаларды дүниеге әкелмеген әйелдер үшін жүктілікті жоспарлау арқылы жеделдеу ықтималдығы бар. Аналық жас деңгейінің өсу тенденциясы дамыған елдердің көпшілігінде кең таралған, мысалы, Ұлыбритания мен АҚШ-та 40 жастан асқан әйелдердің саны 20 жасқа дейін ана атанған әйелдерден әлдеқайда көп. Алғашқы баланың дүниеге келу кезінде ананың орташа жасының өсуі 1995 жылы 26,2 жастан 2014 жылы 28,9 жасқа дейін 25 ОЭСР елінде орташа 2,7 жылды құрады. Ананың алғашқы баласы дүниеге келген кездегі орташа жасы ОЭСР елдерінің барлығында артты, олардың басым көпшілігінде 2 жылдан астам уақытқа. Чехияда (4,8 жыл), Оңтүстік Кореяда (4,5 жыл), Венгрияда, Литвада, Слове-

нияда және Эстонияда (шамамен 4 жыл) алғашқы баланың дүниеге келу жасы орташа 5 жылға ұлғайды.

Мәдениеттер әрдайым уақыт өте келе, жаңа технологияларға, әлеуметтік динамикаға және жаһандық әсерлерге бейімделе отырып, эволюцияланады. Жасанды интеллект – бұл үздіксіз эволюциядағы тағы бір қадам. Жасанды интеллектіні қабылдап, оның мүмкіндіктерін пайдалана отырып, мәдениеттер технологиялық инновациялар жағдайында эволюцияланып, гүлдене алады. Дегенмен, қазақтардың дәстүрлі туу сценарийлері мәдениет пен отбасы дәстүрінің негізгі көрсеткіштерінің бірі болып табылады. Сондықтан әлемдегі технологиялық жаңалықтарға қарамастан, Қазақстан қоғамы дәстүрлі мәдениеттің призмасы арқылы өтіп, ғасырлар бойы қалыптасқан мәдениет пен тұрмысқа сәйкес туу сценарийлерін жалғастыра береді. Егер дамыған елдерде туу деңгейін арттыруға, оның құлдырауын тежеп, немесе көтеруге бағытталған әрекеттер үнемі сәтсіздікке ұшыраса, онда Қазақстанда мемлекеттік бағдарламалардың әсері туу деңгейінің өсуінің негізгі себебі емес, себебі этно-мәдени стереотиптер отбасы туралы қоғамның репродуктивті көзқарастарына тереңдеп енгізілген. Жасанды интеллектінің әсерімен туу және некелік тенденциялар қысқа мерзімді серпілістер көрсетуі мүмкін, бірақ қазақтар этникалық репродуктивті көзқарастар сценарийі бойынша халықтың табиғи өсу тенденциясын қалпына келтіреді. Қазақ этносына жататын мәдениеттердің бірқатары репродуктивті дәстүрлерін өзгертпейді, ал мұндай сыртқы факторлар, мысалы, жасанды интеллект, тек қысқа мерзімді әсер ететін болады.

ӘДЕБИЕТТЕР:

1. Национальный портал в сфере искусственного интелекта: Born connected: The rise of the AI generation, Qustodio Журнал. 01.02.2024 https://ai.gov.ru/knowledgebase/investitsionnaya-aktivnost/2024_roghdennye_podklyuchennymi_rascvet_pokoleniya_iskusstvennogo_intellekta_born_connected_the_rise_of_the_ai_generation_qustodio/
2. Ившин А.А., Болдина Ю.С., Гусев А.В. Роль искусственного интеллекта в прогнозировании преждевременных родов. Проблемы репродукции, 2021. – Т. 27, №5. – С. 121-129 https://doi.org/10.17116/repro202127051121.
3. Ившин А.А., Багаудин Т.З., Гусев А.В. «Искусственный интеллект на страже репродуктивного здоровья» - 1) ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет», медицинский институт, кафедра акушерства и гинекологии, дерматовенерологии, Петрозаводск, Россия; 2) ООО «К-Скай», Петрозаводск, Россия
4. «Казахстан сохранил здоровье двух тысяч рожениц с помощью новых методов в акушерстве» 11 октября 2024 / Министерство здравоохранения Республики Казахстан: «Минздрав РК усилил меры по охране материнства и детства: цифры и факты» 24 января 2023 https://www.gov.kz/memleket/entities/dsm/press/news/details/493690?lang=ru
5. Титова А. За 27 лет в Казахстане реализовано более 100 тысяч программ ЭКО. Ссылка: За 27 лет в Казахстане реализовано более 100 тысяч программ ЭКО - МК Казахстан (mk-kz.kz) 16.09.2022 в 15:40.
6. Абруков В., д.ф.-м.н., профессор, завкафедрой прикладной физики и нанотехнологий Чувашского государственного университета Нейронные сети и счастливый брак – Наука (kommersant.ru) от 08.04.2021, 17:53
7. Хлыстов Р. Искусственный интеллект в 2024 году: основные тенденции развития. Малые языковые модели, интернет AI-агентов и синтетические данные. 15 февраля 2024: https://ai.sber.ru/post/iskusstvennyj-intellekt-v-2024-godu:-osnovnye-tendencii-razvitiya.
8. Позднее материнство. Аналитический доклад. Ссылка: Позднее материнство, аналитический доклад (kipd.kz) Астана, 2023.
9. Щербакова Е. В некоторых странах ОЭСР средний возраст матери при рождении первого ребенка поднялся до 30 лет и выше, доля женщин, не родивших за свою жизнь ни одного ре-

бенка, - до 20%. Институт демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» № 731 – 732 5 - 18 июня 2017. Ссылка: В некоторых странах ОЭСР средний возраст матери при рождении первого ребенка поднялся до 30 лет и выше, доля женщин, не родивших за свою жизнь ни одного ребенка, - до 20% (demoscope.ru)
10. Вишневский А. Научные теории и географическая реальность. // Четвертые Сократические чтения по географии. Сборник докладов / Под ред. В.А.Шупера. М., Эслан, 2004. – С. 35-47.

Еремин А.А.

АЛТАЙСКИЙ КРАЙ НА ФОНЕ РОССИЙСКОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

Аннотация

Современная демографическая ситуация в России общепризнанно считается весьма неблагополучной. В Алтайском крае демографические вызовы, стоящие перед страной, преломляются через комплекс его региональных характеристик, формируя уникальную демографическую картину территории. Целью работы выступает анализ данной картины и оценка ее типичных и специфических черт на общероссийском фоне. Результаты исследования демонстрируют, что по многим демографическим параметрам край совпадает со страной в целом, либо же лишь немного от нее отличается, в целом двигаясь в русле общегосударственных тенденций. Однако ряд региональных параметров заметно выбиваются из общей картины, и, к сожалению, нередко в худшую сторону, создавая дополнительную напряженность в сфере демографического воспроизводства. Исследование основано на базе официальной статистики населения и включает как самые свежие демографические данные, так и длительные ряды показателей за последние десятилетия.

Ключевые слова: Алтайский край, Россия, численность населения, рождаемость, смертность, половая структура, возрастная структура, демографическая картина

Abstract

The current demographic situation in Russia is generally considered to be very unfavorable. In the Altai Krai, the demographic challenges facing the country are refracted through a set of its regional characteristics, forming a unique demographic picture of the territory. The purpose of this work is to analyze this picture and evaluate its typical and specific features against the all-Russian background. The results of the study demonstrate that in many demographic parameters the region coincides with the country as a whole, or only slightly differs from it, generally moving in line with national trends. However, a number of regional parameters are noticeably out of the picture, and, unfortunately, often for the worse, creating additional tension in the field of demographic reproduction. The study is based on official population statistics and includes both the most recent demographic data and long-term series of indicators over the past decades.

Keywords: Altai Krai, Russia, population size, fertility, mortality, sex structure, age structure, demographic picture

В настоящее время демографическая ситуация в России многими наблюдателями (как специалистами, так и обывателями) характеризуется как неблагополучная или даже кризисная. Кроме того, хорошо известно огромное территориальное разнообразие страны с точки зрения любых социально-экономических параметров, в том числе и особенностей воспроизводства населения в широком смысле слова. Таким образом, важной задачей, стоящей перед исследователями, выступает изучение региональных демографических обстановок, выявление их особенностей в контексте происходящих в стране общественных процессов.

Целью данной работы является анализ современной демо-

графической картины в Алтайском крае и оценка ее типичных и специфических черт на общероссийском фоне. Источниковой базой исследования послужили данные Федеральной службы государственной статистики России (Росстат) и ее Управления по Алтайскому краю и Республике Алтай (Алтайкрайстат), а также материалы Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС).

Первым делом обратимся к анализу ***численности населения***. По данным Росстата [10], на 1 января 2024 года население России составило 146 млн 151 тыс. человек, из них 109 млн 527 тыс. человек приходилось на городское население (74,9%), а 36 млн 624 тыс. – на сельское (25,1%). Алтайский край в рейтинге регионов страны по показателю общей численности постоянного населения занимает 22 место, концентрируя на своей территории около 1,5% российского населения (рисунок 1).

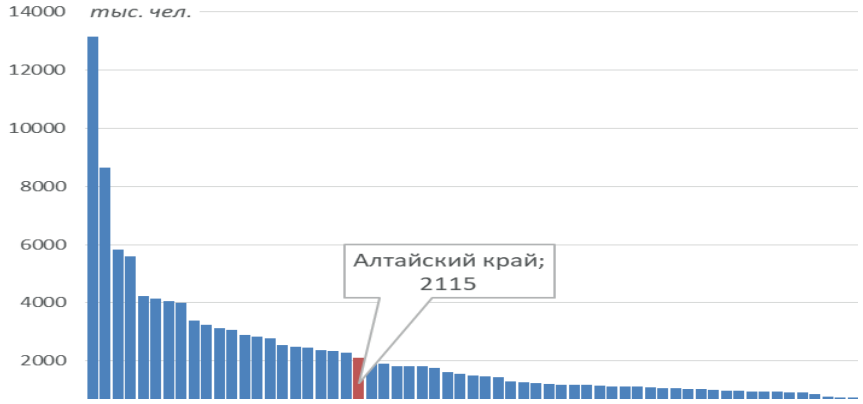


Рисунок 1 – Численность постоянного населения регионов России, на начало года *Источник: создано автором по [10].*

Общее число жителей в регионе составило 2 млн 115 тыс. человек, при этом доля горожан в крае существенно ниже таковой для страны в целом – лишь 58,5%. По удельному весу сельских жителей в населении региона (41,5%) Алтайский край занимает 12 место в стране, уступая лишь десяти национальным

республикам юга Европейской России и юга Сибири, а также Краснодарскому краю (рисунок 2).

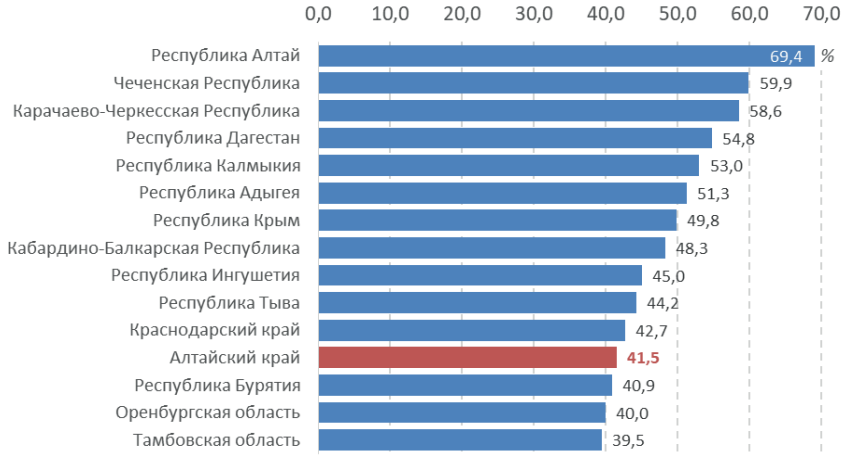


Рисунок 2 – Топ-15 регионов России с наибольшей долей сельского населения, на начало года. *Источник: создано автором по [10].*

За прошедший 2023 год население России сократилось на 296,6 тыс. человек, при этом естественная убыль населения превысила 500 тыс. человек, но была частично компенсирована миграционным приростом в 203,6 тыс. человек [10]. Таким образом, общие коэффициенты естественного и миграционного приростов составили -3,4‰ и 1,4‰, соответственно, а темп прироста населения страны равнялся -0,2%. При этом население Алтайского края сокращалось «под двойным давлением» как естественного, так и миграционного движения: аналогичные показатели для региона составили -6,6‰, -0,8‰ и -0,7%, соответственно. В абсолютных значениях снижение численности населения края превысило 15,6 тыс. человек, из них 13,9 тыс. приходились на естественную и 1,7 тыс. – на миграционную убыль.

В этой связи нельзя не упомянуть следующий немаловаж-

ный факт. После обнародования итогов последней Всероссийской переписи населения 2020 года выяснилось, что данные по общей численности населения Алтайского края по текущему учету разошлись с переписными данными примерно на 100 тыс. человек. Традиционно такие расхождения объясняются недоучетом текущей миграционной убыли и впоследствии ретроспективно пересчитываются на весь межпереписной период. В начале 2024 года ряд подобных пересчетов был опубликован Алтайкрайстатом. В результате по данным текущего учета за период 2011-2021 годов суммарная миграционная убыль в регионе составила около 58 тыс. человек [4], а с учетом ВПН-2020 – уже более 170 тыс. [3]! Поэтому к публикуемым текущим показателям миграции населения на региональном уровне стоит относиться весьма осторожно и оценивать их критически.

Для дальнейшего анализа, в частности для изучения долгосрочной динамики численности и структур населения, на основе данных ЕМИСС [12-13] нами были рассчитаны ряд ключевых демографических показателей, которые и представлены далее.

Важно констатировать фундаментальную характеристику современной демографической ситуации изучаемого региона, заключающуюся в том, что население Алтайского края непрерывно сокращается с 1995 года, то есть на протяжении уже практически 30 лет. За это время число жителей региона снизилось почти на 580 тыс. человек, или на 21,5%. Картина динамики численности населения РФ в целом заметно отличается: достигнув пика в начале 1993 года на отметке 148,6 млн человек, население страны падало в течение полутора десятилетий, сократившись к 2009 году до 142,7 млн человек (т.е. почти на 6 млн), затем тренд переменился, и до начала 2020 года число жителей росло, увеличившись к этому моменту до 148 млн, однако затем вновь проявилась нисходящая тенденция и за последние пять лет устойчивого сокращения населения убыль превысила 1,8 млн человек (рисунок 3).

Рисунок 3 – Динамика численности постоянного населения России и Алтайского края, на начало года. *Источник: создано автором по [12-13].*

В этом контексте также упомянем, что за 2023 год население сокращалось в подавляющем большинстве регионов страны, лишь около двух десятков из них испытали прирост числа жителей. Если же сравнить значение численности населения на начало 2024 года, скажем, с началом 2000 или даже 1990 годов, то сразу же бросается в глаза весьма устойчивая региональная картина, в которой население растет примерно в одних и тех же 20-22 субъектах РФ. Иными словами, с точки зрения долгосрочной динамики, прирост населения характерен лишь для ¼ регионов страны, в то время как основная масса территорий перманентно пребывает в режиме депопуляции, нередко дополняемом непрерывной миграционной убылью.

Рассматривая ***половую структуру*** населения России, отметим, что на начало 2024 года мужское население страны составило 67 млн 917 тыс., а женское – 78 млн 233 тыс., следовательно, женщин в стране было на 10,3 млн больше, чем мужчин;

показатель соотношения полов, таким образом, составил 1152 женщины на 1000 мужчин. Половая структура населения Алтайского края характеризуется следующими параметрами: на 01.01.2024 насчитывалось 965 тыс. мужчин и 1150 тыс. женщин, перевес последних, соответственно, составлял 185 тыс. человек, а соотношение полов равнялось 1192 женщины на 1000 мужчин. Таким образом, половые диспропорции в населении края выражены заметно сильнее, чем в населении страны в целом. При этом в середине 1990-х годов ситуация была обратной: Алтайский край отличался более сбалансированной половой структурой – 1117 женщин на 1000 мужчин, при общероссийском показателе в 1131 женщину на 1000 мужчин. Однако с тех пор вот уже в течение почти трех десятилетий половой дисбаланс в регионе непрерывно нарастает, в то время как соответствующий показатель РФ имел волнообразную динамику, то нарастая, то снижаясь, но в целом оставаясь более-менее на одном уровне (рисунок 4).

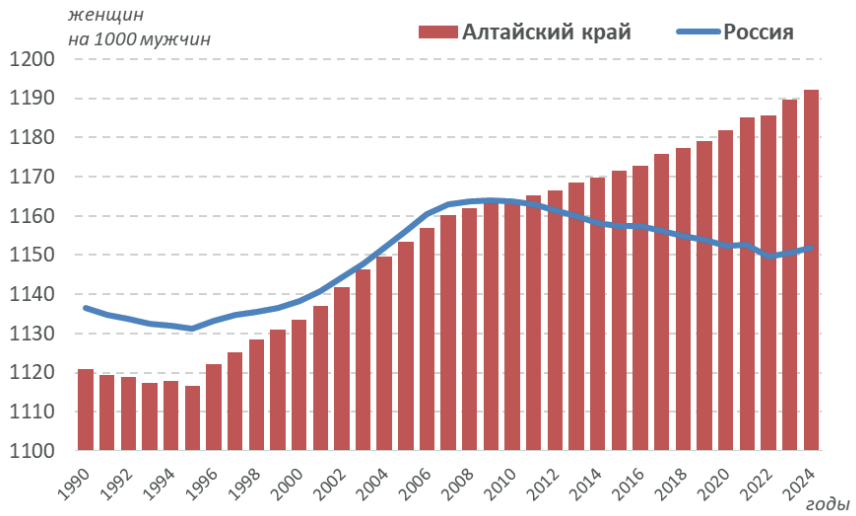


Рисунок 4 – Динамика соотношения полов в населении России и Алтайского края, на начало года. *Источник: создано автором по [12-13].*

Возрастная структура населения в общих чертах может быть представлена с помощью показателей удельного веса в населении трех *основных возрастных групп* – детского (до 15 лет), взрослого и пожилого (65+ лет) населения, а также показателя среднего возраста населения. Сразу укажем на тот примечательный факт, что к настоящему моменту в РФ названные младшая и старшая возрастные группы количественно практически сравнялись и весьма вероятно, что в течение текущего года впервые в истории нашего государства число и доля лиц 65 лет и старше превысит таковые для лиц в возрасте 0-14 лет. Так, на начало 2024 года детское население России составило 25,1 млн чел (или 17,2%), а пожилое – 25,0 млн (17,1%). В Алтайском крае оба показателя немного выше – 378,4 тыс. (17,9%) и 379,9 тыс. (18,0%), соответственно. И, можно заметить, что в регионе это символическое событие уже как раз произошло в прошлом 2023-м году.

Нельзя не подчеркнуть, что наблюдающееся соотношение укрупненных возрастных групп явилось результатом долгосрочной демографической динамики возрастной структуры, главным трендом которой выступает *демографическое старение*. В 1990 году доля населения 0-14 лет в стране равнялась 23,0%, а в регионе – 24,4%, в то время как удельный вес лиц 65 лет и более составлял, соответственно, 9,9% и 9,6%. И вот, спустя три с небольшим десятилетия, эти показатели в результате заметного снижения первого и резкого взлета второго сравниваются, причем в последние 10 лет население Алтайского края стареет ускоренными темпами в сравнении со среднероссийским значением (рисунок 5). При этом доля лиц в средней возрастной группе падает с 2011 года и в регионе, и в стране в целом, однако в крае это происходит заметно быстрее: с примерно одинакового уровня в 72% и там, и там до 64% в регионе и 66% в стране (рисунок 6).

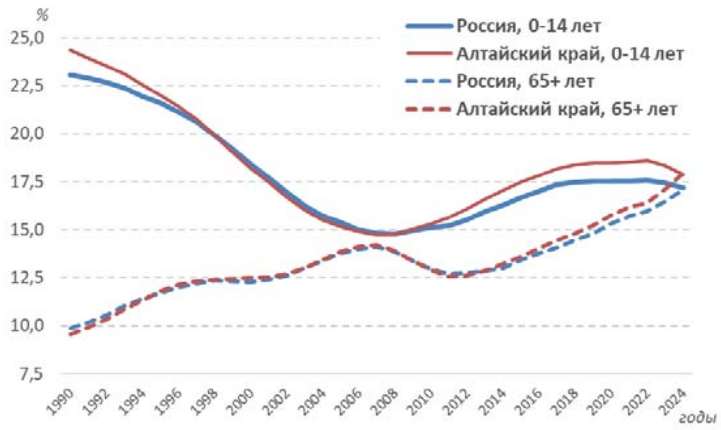


Рисунок 5 – Динамика долей молодого (0-14 лет) и пожилого (65+ лет) возрастов в населении России и Алтайского края, на начало года.

Источник: создано автором по [12-13].

Рисунок 6 – Динамика доли лиц среднего возраста (15-64 лет) в населении России и Алтайского края, на начало года

Источник: создано автором по [12-13].

По данным Демографического ежегодника России [2], на начало 2023 года *средний возраст* населения в России составил 40,7 лет (для мужчин 38,1, для женщин 43,0), а в Алтайском

крае – 40,6 лет (37,8 и 43,0, соответственно). Вместе с тем сельское население края характеризуется более высоким значением показателя – 41,4 против 40,9 лет, и в особенности сельские женщины – 43,7 против 42,9 лет.

Переходя к анализу ведущего демографического процесса – ***рождаемости***, зафиксируем, что и Россия, и Алтайский край уже более полувека характеризуются показателями рождаемости, недостаточными для простого воспроизводства населения. Более того, лишь очень небольшое количество регионов страны на протяжении последних трех десятилетий могут похвастаться уровнем суммарного коэффициента рождаемости выше 2,1 ребенка на женщину: в 1990 году таковых было больше 20-ти, в 2010 году – 5, в 2023 году – 2. По последним имеющимся данным [11], суммарный коэффициент рождаемости в России составляет 1,41 ребенка на женщину, а в Алтайском крае – 1,30. При этом еще в 2014 году эти показатели равнялись 1,75 и 1,84, соответственно. Таким образом, уже на протяжении практически десятилетия этот индикатор рождаемости неизменно сокращается, причем в крае падение происходит заметно более быстрыми темпами (рисунок 7).

Рисунок 7 – Динамика суммарного коэффициента рождаемости в России и в Алтайском крае

Источник: создано автором по [11].

Возрастной профиль рождаемости в 2022 году, по данным демографического ежегодника [2], при сравнении региональной картины с общестрановой демонстрирует, что уровень рождаемости у женщин в возрастах моложе 25 лет, а также у женщин 35 лет и старше фактически совпадают, а наблюдающаяся в суммарном коэффициенте разница создается за счет более низкой рождаемости в ключевом возрастном диапазоне матерей – женщин 25-34 лет.

В то же время *распределение родившихся по очередности рождения* в Алтайском крае и России совпадают практически до процентного пункта. Так, в 2022 году [2] среди новорожденных первенцы занимали 37-38%, вторые дети – 34%, третьи – 19%, а на четвертых и последующих приходилось 9-10%.

Упомянем в этом контексте также такой показатель, как доля родившихся у женщин, *не состоящих в зарегистрированном браке*. По данным за 2022 год [2], она составила в России 22,8% для всего населения, при намного более высокой доле у сельских жителей – 28,1% против 21,0% у горожан. Краевая картина любопытным образом отличается: 24,0%, 30,5% и 19,3%, соответственно. Иными словами, в городской местности региона доля детей, рожденных вне брака, ниже общероссийской, а в сельской – выше.

Большой прогресс проделан российским обществом за последние десятилетия в деле снижения уровня *абортов*. Число прерываний беременностей и их относительные измерители (число абортов на 100 родов или число абортов на 1000 женщин репродуктивного возраста) сократились в разы, что может быть оценено, как по-настоящему позитивный тренд. В этом процессе Алтайский край преимущественно двигался весьма синхронно с Россией, однако в последние 10 лет [2] снижение этого показателя происходит более медленными темпами и не очень устойчиво, с некоторыми откатами назад и нарастанием разрыва между регионом и страной.

Теперь обратимся к другому главному демографическому процессу – ***смертности***, и рассмотрим ряд ключевых ее показателей. Общеизвестно, что при изучении смертности особое значение придают показателю *младенческой смертности*. Долгосрочная динамика этого важнейшего демографического индикатора является одним из очень немногих (наряду с отмеченными выше абортами) примеров длительного устойчивого прогресса в сфере воспроизводства населения России. Так, по данным Росстата [5], еще в 1950 году этот показатель составлял 88,4‰, в 1990 году – 17,4‰, а в 2020 году – 4,5‰. По оперативным данным о естественном движении населения за 2023 год [9], коэффициент младенческой смертности в России снизился до 4,2‰, а в Алтайском крае – до 4,0‰. В целом же отметим, что снижение этого показателя происходило в регионе достаточно синхронно со страной в целом, однако до самого последнего времени край заметно отставал в деле сокращения смертности детей на первом году жизни, и лишь в последние несколько лет догнал и даже перегнал общероссийский показатель.

Другим важнейшим измерителем уровня смертности выступает *ожидаемая продолжительность жизни при рождении* (ОПЖ). По данным за 2023 год [7], в Алтайском крае этот показатель составил 70,8 лет (для мужчин 64,5, для женщин 77,1), что заметно ниже соответствующих значений показателя для России в целом: 73,4, 68,0 и 78,7 лет (рисунок 8). Глядя на эти цифры, можно заметить, что ситуация в крае является значительно менее благоприятной, поскольку не только общий показатель для обоих полов отстает от среднероссийского на 2,6 года, но и разрыв в значениях ОПЖ для женского и мужского населения оказывается намного большим – 12,6 против 10,7 лет.

Рисунок 8 – Динамика ожидаемой продолжительности жизни при рождении в России и в Алтайском крае

Источник: создано автором по [7].

Данная картина несомненно указывает на сохранение значимого неблагополучия в сфере смертности населения в регионе, и особенно в ее половой дифференциации. Заметим также, что очень тревожным симптомом выступает тот факт, что после завершения пандемии ковида, когда естественным трендом динамики показателя является восстановление на допандемийную траекторию, для мужского населения Алтайского края этого практически не произошло: продолжительность жизни мужчин в регионе фактически не растет и остается как в эпоху коронавируса.

Обоснованность этих опасений можно также отчасти проверить с помощью помесячных данных показателей ожидаемой продолжительности жизни, которые Росстат стал публиковать с 2022 года [8]. Эта статистика позволяет детальнее рассмотреть развитие ситуации и увидеть, что постковидный восстановительный рост показателя очень быстро прекратился, и на протяжении последних 1,5-2 лет никаких улучшений в сфере смертности населения не происходит (рисунок 9). Ожидаемая продолжительность жизни не вернулась ни на предшествующий позитивный тренд устойчивого роста (2005-2019 годов), ни на доковидный рекордно высокий уровень. Для России показатель стагнирует, начиная с января 2023 года, а для Алтайского края – с осени 2022 года. Более же всего настораживает, что в 2024 году показатель в регионе устойчиво снижается от месяца к месяцу уже более полугода, а это значит, что имеет место рост смертности. Падение за полгода почти на целый год. К сожалению, помесячные данные в половом разрезе не публикуются, однако есть основания считать, что снижение продолжительности жизни для обоих полов происходит преимущественно или исключительно за счет увеличения смертности мужского населения. Эта гипотеза, безусловно, требует проверки. Если она верна, то годовые данные показателя мужской ОПЖ за 2024 год продемонстрируют спад.

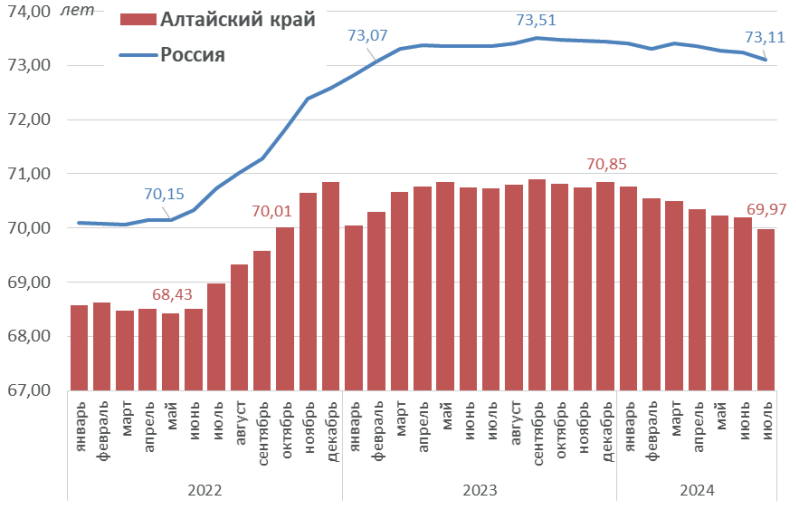


Рисунок 9 – Динамика ожидаемой продолжительности жизни при рождении в России и в Алтайском крае

Источник: создано автором по [8].

При анализе *смертности по причинам смерти* остановимся на последних доступных данных стандартизированных коэффициентов смертности по основным классам причин [2]. В 2022 году в России ведущей причиной смерти выступали болезни системы кровообращения (41%), следом шли новообразования (15%) и внешние причины (12%). В сумме на первые три наиболее распространенных класса причин смерти приходится более 2/3 всех смертей. Болезни органов пищеварения, дыхания и некоторые инфекционные и паразитарные болезни ответственны за 6%, 5% и 2%, соответственно, смертей. Все прочие классы причин, вместе взятые, занимали оставшиеся 19%. Структура смертности по причинам в Алтайском крае была очень близка к описанной среднероссийской, однако болезни органов дыхания и некоторые инфекционные и паразитарные болезни были более распространены и характеризовались несколько большее высоким стандартизованным коэффициентом смертности.

Рождаемость и смертность в совокупности формируют процесс естественного ***воспроизводства населения***. Одним из основных его измерителей выступает *коэффициент естественного прироста*, демонстрирующий разницу между числом родившихся и числом умерших, выраженную на 1000 населения. Можно заметить, что, начиная с 1992 года, то есть уже на протяжении более чем трех десятилетий, Алтайский край непрерывно живет в режиме естественной убыли населения. Вместе с тем ее уровень за это время испытывал значительные колебания. С середины 1990-х до середины 2000-х годов коэффициент держался на уровне около - 5,5‰, после чего стал уверенно расти и в 2012-2013 годах поднялся выше уровня - 1‰. Однако, так и не достигнув нулевой отметки, тренд сменился на противоположный, и коэффициент устремился вниз примерно с той же скоростью, с которой рос на восходящей волне. 2020 и 2021 годы ввиду разразившейся глобальной эпидемии новой коронавирусной инфекции принесли резкое увеличение масштабов естественной убыли населения региона, однако и после ухода пандемии в качестве ведущего форс-мажорного фактора роста

смертности жителей края коэффициент продолжил оставаться в рекордно неблагополучной зоне – в последние 5 лет средняя величина общего коэффициента естественного прироста составляет около - 8‰. Сравнение с общероссийской динамикой демонстрирует высокую степень сходства траекторий динамики показателя при несколько более высоком уровне значений показателя для России в целом.

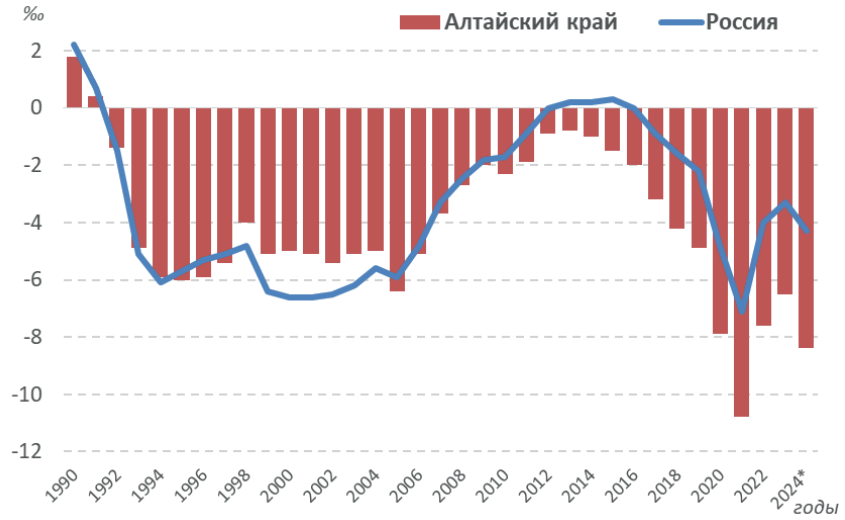


Рисунок 10 – Динамика коэффициента естественного прироста населения России и Алтайского края, * – оперативные данные за январь-июль 2024 года

Источник: создано автором по [1; 6; 9].

В завершении нашего обзора приведем такой важный обобщающий демографический показатель, характеризующий процесс замещения поколений, как *нетто-коэффициент воспроизводства населения*, также называемый иногда чистым коэффициентом воспроизводства. Он представляет собой меру замещения материнского поколения дочерним в условном (гипотетическом) поколении. По данным демографического ежегодника [2], нетто-коэффициент в Алтайском крае в 2022 году составил 0,639

для всего населения, 0,565 для городского и 0,829 для сельского. В то же время для России в целом были зарегистрированы следующие значения: 0,678, 0,652 и 0,762, соответственно. Таким образом, сельское население края характеризуется более высоким значением показателя, чем в стране, а городское – наоборот, более низким.

Итак, по результатам проведенного исследования можно заключить, что в целом демографически Алтайский край представляет собой весьма типичный регион России. В нем, как и в большинстве других субъектов РФ, фиксируется снижение численности населения в основном за счет естественной убыли, наличие существенной диспропорции полов, устойчивый рост доли пожилых людей и среднего возраста населения, падение рождаемости и изменения ее возрастного профиля, крайне неустойчивая динамика смертности в последние годы на фоне пандемии короновируса и дальнейших общественных потрясений, связанных с военными действиями, а также в целом показатели естественного воспроизводства намного ниже уровня замещения поколений. В то же время по уровню и/или динамике некоторых демографических показателей край выделяется на среднероссийском фоне: здесь намного более высокая доля сельского населения, большая и непрерывная миграционная убыль, ускоренное нарастание полового дисбаланса, более выраженное старение населения, более низкая и быстрее снижающаяся рождаемость, несколько повышенный уровень абортов и внебрачных рождений, существенно более низкая продолжительность жизни и увеличенный разрыв в ее значении для мужчин и женщин.

Выявленные в данном исследовании типичные и специфические демографические черты Алтайского края требуют проведения дальнейшего тщательного анализа причин и последствий описанной картины. Вместе с тем они могут и должны быть учтены при разработке целей и мероприятий региональной демографической политики, для более полного учета комплекса местных факторов, влияющих на воспроизводства населения

края. Срок действия Концепции демографического развития в Алтайском крае (как и Концепции демографической политики РФ) заканчивается в 2025 году. Стратегические документы требуют обновления, которое, вне всяких сомнений, должно осуществляться на надежной основе научных исследований и профессионального демографического знания. И кроме того, исключительно важно вдумчиво и всесторонне проанализировать эффективность и результативность реализации как указанных выше концепций, так и других фундаментальных документов в сфере демографического воспроизводства (в первую очередь национального проекта «Демография» за период 2018-2024 гг.), с тем чтобы дать объективную оценку качеству работы ответственных за это органов власти, а также на этой основе определить ближайшие и среднесрочные демографические перспективы страны и региона.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Естественное движение населения в разрезе субъектов Российской Федерации за июль 2024 года // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/EDN_07-2024.xlsx
2. Демографический ежегодник России 2023. Приложение к сборнику (информация в разрезе субъектов Российской Федерации) // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Pril_Demogr_ejegodnik_2023.xls
3. Миграционный прирост населения Алтайского края и коэффициент миграционного прироста за период 2011-2021 гг. (с учетом итогов ВПН-2020) // Алтайкрайстат. Население. URL: https://tinyurl.com/yc279ks4
4. Миграция населения Алтайского края // Алтайкрайстат. Население. URL: https://22.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/%D0%BC%D0%B8%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F%20%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F_843036.xlsx
5. Младенческая смертность // Росстат. Демография. URL:

https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/demo22_2022.xls
6. Общий коэффициент естественного прироста // ЕМИСС. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/31267
7. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении // ЕМИСС. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/31293
8. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (помесячные данные) // ЕМИСС. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/62200
9. Оперативные данные по естественному движению населения Российской Федерации за январь-декабрь 2023 года // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/EDN_2023.rar
10. Оценка численности постоянного населения на 1 января 2024 г. и в среднем за 2023 г. и компоненты ее изменения // Росстат. Демография. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/OkPopul_Comp2024_Site.xlsx
11. Суммарный коэффициент рождаемости // ЕМИСС. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/31517
12. Численность постоянного населения - женщин по возрасту на 1 января // ЕМИСС. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/33459
13. Численность постоянного населения - мужчин по возрасту на 1 января // ЕМИСС. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/31548

Есимова А.Б.

РОЖДАЕМОСТЬ В КАЗАХСТАНЕ В 1990-е ГОДЫ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Аннотация

В данной статье на основе статистических данных рассматривается рождаемость в Казахстане в 90-е годы XX века. Эти годы ознаменовались значительными изменениями в демографической ситуации, затронувшими такой важный демографический показатель как рождаемость. Автор анализирует общий коэффициент рождаемости, коэффициент суммарной рождаемости, возрастные коэффициенты рождаемости. На основе данных показателей выделяется несколько периодов в динамике рождаемости.

Ключевые слова: рождаемость, Казахстан, 1990-е годы, статистические данные, коэффициент рождаемости.

Abstract

This article examines fertility in Kazakhstan in the 90s of the twentieth century on the basis of statistical data. These years were marked by significant changes in the demographic situation, affecting such an important demographic indicator as fertility. The author analyses the birth rate, total fertility rate, and age-specific fertility rates. Based on these indicators, fertility dynamics is divided into several periods.

Keywords: fertility, Kazakhstan, 1990s, statistics, fertility rate.

Развитие населения Казахстана в 90-е годы XX века ознаменовалось значительным сокращением общей численности населения, изменениями в половозрастной, этнодемографической структуре населения, сокращением рождаемости, брачности, усилением миграционной активности жителей страны. Такие значительные изменения поставили перед исследователями еще в начале 1990-х годов изучение социально-демографических проблем в ранг приоритетных исследовательских направлений.

Все эти кардинальные социо-демографические изменения не только актуализировали изучение состояния и перспектив демографического развития страны, но и способствовали формированию государственной политики по регулированию миграционных процессов, проведению социальной политики по поддержке материнства и детства, становлению законодательства в социально-демографической сфере.

В 1990-е годы изменились половозрастная структура, этнодемографическая структура населения, которые отразились на

таком важном демографическом показателе как рождаемость. Если проанализировать работы по социально-демографической проблематике, то можно сказать, что исследование рождаемости не получило широкого научного внимания. Так, поисковая система Google Scholar, по ключевым словам, «миграция, Казахстан, 1990-е годы» предлагает 6160 статей, а, по ключевым словам, «рождаемость, Казахстан, 1990-е годы» – всего 1870 статей. Высокий интерес исследователей к вопросам миграции, скорее всего, обусловлен несколькими причинами – активизацией миграционной подвижности населения в 1990-е годы; появлением новых типов миграций; политизацией миграционных процессов; изменение статуса границы из внутренней в государственную превратило внутреннюю миграцию в международную; миграционные процессы намного «виднее», чем рождаемость.

Одним из важных демографических процессов является рождаемость, от которой зависит численность населения. Общая численность населения считается наиболее весомым показателем не только демографического, но и социально-экономического, общественно-политического развития страны.

В 90-е годы произошло значительное сокращение численности населения с 16 млн. 451 тыс. чел. в 1991 году до 14 млн. 901 тыс. чел. в 1999 г. [1, с. 5]. Такие демографические потери являются как следствием миграционного оттока населения, так и сокращения рождаемости и повышения смертности.

Анализ статистических данных показывает, что по численности населения 1990-е годы условно можно поделить на три этапа. Первый – с 1990 года по 1992 год, когда наблюдается небольшой рост численности населения. Второй – с 1992 года по 1994 год показатель не меняется, происходит его относительная стабилизация. Третий – период с 1994 года по 1999 год, происходит неуклонное снижения численности жителей страны.

Одним из показателей рождаемости является общий коэффициент рождаемости (ОКР). Анализ данного показателя за исследуемый период свидетельствует, что с 1993 г. по 1999 г. ОКР

снижался и с 1997 г. по 1999 г. были зафиксированы его самые низкие показатели [2, с. 13].

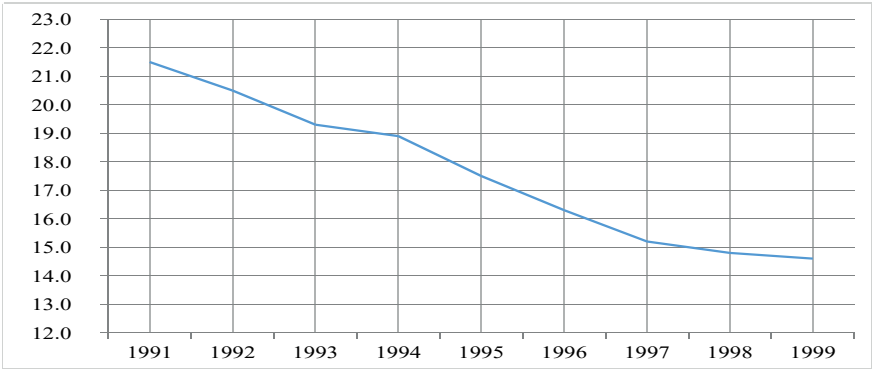


Рисунок 1 – Общий коэффициент рождаемости, 1991-1999 гг., на 1000 чел. [3, с. 14].

Общий коэффициент рождаемости в 1990 году в городской местности составил 19,4 промилле, а в 1997 году – 12,9 промилле. Значительное снижение общего коэффициента рождаемости произошло в сельской местности – с 25,7 промилле в 1990 г. до 17,0 промилле в 1997 г. [4, с. 48; 5, с. 17].

Также в 90-е годы XX века в некоторых областях страны были отмечены признаки депопуляции населения. Снижение рождаемости до крайне низкого уровня впервые было зафиксировано в 1994 году в городском населении Северо-Казахстанской и Восточно-Казахстанской областей. Естественный прирост в вышеуказанных регионах составил -0,1 и -0,8 промилле соответственно [6, с. 43; 7, с. 9-10].

Суммарный коэффициент рождаемости (СКР) как среднее число рождений у одной женщины в гипотетическом поколении за всю ее жизнь показывает, что в исследуемый период данный показатель неуклонно падал. Статистические материалы свидетельствуют, что СКР в период перестройки в 1987 году был достаточно высоким, но с 1988 года начинает снижаться. Зная, что динамика рождаемости имеет инерционный характер,

можно предположить, что причины снижения рождаемости в 90-е годы появились еще в годы перестройки, которые характеризовались кризисом как в экономической жизни общества (инфляция, товарный дефицит и др.), так и в общественно-политической (обострение межэтнических отношений, потеря социальных ориентиров и др.). На графике видно, что 1990-е годы – это период стремительного снижения СКР. Только с 2000 года начала происходить стабилизация данного показателя, а потом и дальнейший рост.

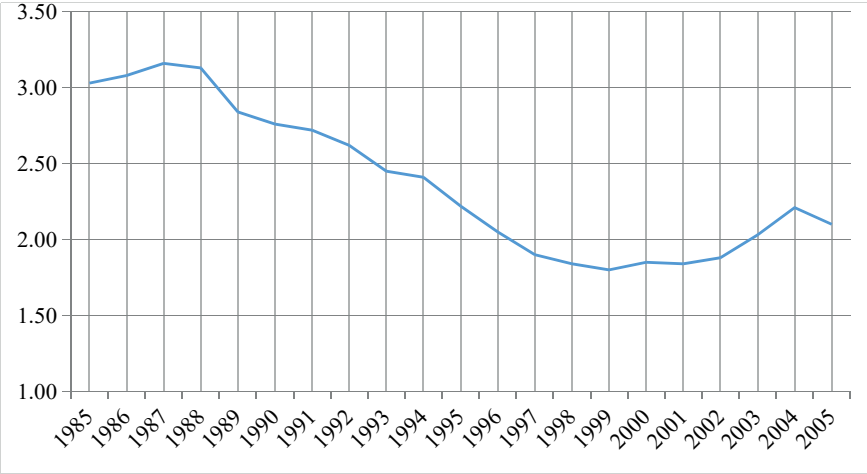


Рисунок 2 – Коэффициент суммарной рождаемости [8].

Средний уровень рождаемости в каждой возрастной группе в календарном году показывает возрастные коэффициенты рождаемости. В 1990-е годы заметны четыре этапа, в которых происходит преимущественно падение показателей рождаемости и относительная стабилизация.

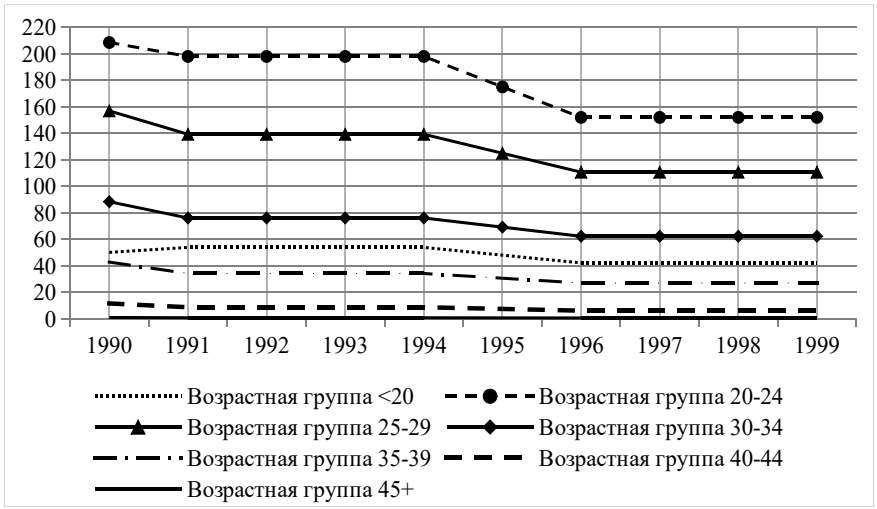


Рисунок 3 – Возрастные коэффициенты рождаемости (на 1000 женщин) [9].

Возрастные коэффициенты рождаемости с 1991 г. по 1999 г. показывают, что в 1990-1991 гг. происходит снижение рождаемости (кроме возрастной группы младше 20 лет, где наоборот происходит небольшой рост), затем с 1991 г. по 1994 г. во всех возрастных группах коэффициенты рождаемости стабильно держатся на одном уровне. С 1994 г. по 1996 г. вновь начинается снижение показателей рождаемости, которые с 1996 г. стабилизируются, образуя до 1999 г. некое «плато». Следует отметить, что наибольшее снижение коэффициентов рождаемости происходит в период с 1994 по 1996 годы и значительное ее снижение наблюдается в возрастных группах 20-24 года и 25-29 лет, которые вносят самый большой вклад в рождаемость. Получается, что возрастные группы 20-29 лет в 1990-е годы отложили рождения, которые реализовали позже в начале 2000-х годов. Сравнивая статистические данные 1991 г. и 1999 г. можно отметить, что снижение коэффициентов рождаемости затронуло все возрастные группы.

Анализ демографических показателей позволяет сделать

вывод, что за довольно короткий исторический отрезок демографическое развитие Казахстана претерпело существенные негативные изменения. В динамике рождаемости в Казахстане в 1990-е годы условно можно выделить два периода. Первый период – с 1991 г до 1994 г., когда еще сохранялись некоторые характеристики репродуктивного поведения 80-х годов, второй – с 1994 г. по 1999 г., характеризующийся негативными, низкими показателями рождаемости.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Казахстан за годы независимости. 1991-2007. Стат. сб. Астана, 2008.
2. Казахстан в цифрах. 1991-2008 гг. Стат. сб. Астана, 2009.
3. Казахстан за годы независимости. 1991-2007. Стат. сб. Астана, 2008.
4. Статистический ежегодник Казахстана. 1994-1997. Стат. сб. Алматы, 1998.
5. Статистический ежегодник Казахстана. Стат. сб. Алматы, 1997.
6. Демографический ежегодник Казахстана, 2000. Статистический сборник. Алматы, 2001.
7. Женщины и мужчины Казахстана. Краткий статистический сборник. Алматы, 2004.
8. 15 новых независимых государств. Коэффициент суммарной рождаемости, 1958-2018 // Демоскоп Weekly. https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng__tfr.php
9. Возрастные коэффициенты рождаемости (на 1000 женщин), 1960-2016 // Демоскоп Weekly. https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_asfr.php?reg=5

Игнатьева Л. Н., Тагакова А. И.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КНР: ТРАНСФОРМАЦИЯ, ПРОБЛЕМЫ, РЕЗУЛЬТАТЫ

Аннотация

Большинство государств, столкнувшись с демографическими проблемами, начинают реагировать на ситуацию путем проведения определенной демографической политики. КНР с момента появления на политической карте мира столкнулась со сложной задачей в виде большой численности населения. Последовательную и законодательно оформленную политику по ограничению рождаемости Китай начинает проводить с конца 1970-х годов. А с 2016 г. начинается новая политика, так как политика «Одна семья – один ребенок» привела к большим проблемам, которые руководители КПК и государства не смогли просчитать. После отмены политики по ограничению рождаемости, китайцам разрешили иметь двух детей, но это никак не отразилось на желании семей рожать второго ребенка. Поэтому с 2021 г. населению Китая разрешают, а потом настоятельно рекомендуют иметь в семье трех детей, особенно это касается членов партии. Как показала практика, современные китайцы, особенно жители города, не стремятся становиться многодетными родителями. Но для решения современных демографических проблем КНР просто разрешения иметь трех детей мало, демографическая политика должна предусматривать и другие меры стимулирования рождаемости.

Ключевые слова: демографическая политика, рождаемость, воспроизводство населения, политика «Одна семья – один ребенок», гендерный дисбаланс, «черные дети», старение населения.

Abstract

Confronted with demographic challenges, the majority of countries begin to respond by implementing specific population

policies. The People's Republic of China, since its inception on the global political landscape, has grappled with the complex issue of a large population size. China commenced a comprehensive, legislatively-enshrined policy to restrict fertility rates in the late 1970s. However, this «One Child Policy» led to significant problems that the Communist Party of China leadership failed to fully anticipate. Consequently, a new policy was introduced in 2016, permitting Chinese families to have two children. Yet, this modification did not substantially increase the desire for second children among the populace. Therefore, in 2021, the Chinese government not only authorized, but actively encouraged families to have three children, especially for Communist Party members. Empirical evidence shows that modern Chinese people, especially urban residents, don't want to become parents of large families. However, for China to solve its current demographic problems, simply allowing three children is not enough - the population policy must also include other measures to incentivize higher birth rates.

Keywords: Population policy, birth rate, reproduction of population, One-child policy, gender imbalance, "black children", population ageing.

Существует довольно много определений понятия «демографическая политика». Большинство из них в качестве основного объекта регулирования демографической политики выделяют воспроизводство населения. Наиболее обобщенное формулировка дается в «Современном социоэкономическом словаре». В нем демографическая политика рассматривается как «совокупность концепций, программ и деятельности государственных органов различного уровня, направленных на прямое или косвенное регулирование демографических процессов» [1, с. 110]. Что касается демографической политики Китая, то меры, предпринимаемые правительством и КПК, практически всегда были направлены на регулирование воспроизводства населения. При этом чаще всего это были сиюминутные реагирования на возникающие демографические проблемы.

Власти Китайской Народной Республики с момента её возникновения считали большое население основой могущества и величия страны, главным «строителем» её силы и благополучия, поэтому не было ограничений количества детей, рожденных в браке, а дети, рожденные вне брака, были уравнены в правах с законными братьями и сестрами [2]. Принятый в 1950 г. Закон «О браке» установил обязательную регистрацию брака в органах местного управления, а также возраст вступления в брак – для мужчин 20 лет, для женщин – 18 лет [2].

Первые экономические преобразования новой власти привели к улучшению ситуации в стране, что привело к росту рождаемости. Это, по мнению китайского руководства, тормозило развитие экономической сферы. Член Госсовета Шао Лицзы в своем докладе на первой сессии ВСНП в 1954 г. отмечал, что слишком большое население – источник больших проблем. Первая кампания по ограничению рождаемости, основанная на докладе Чжоу Эньлая на VIII съезде КПК (сентябрь 1956 г.) проводилась в 1956 – 1958 гг. В докладе говорилось о том, что «в целях охраны материнства и детства, воспитания и образования нашего молодого поколения, охраны здоровья и процветания всего народа и страны мы согласны, что желательны меры по контролю над рождаемостью» [3]. Было заявлено о необходимости проводить пропаганду мероприятий в области народонаселения.

Но проведение политики «большого скачка» отодвинуло демографические проблемы на второй план. Не только это стало причиной провала мероприятий по контролю над рождаемостью. В это время среди китайцев были популярны взгляды: «Контрацепция не соответствует законам природы» и «Рождение детей – личное дело семьи, нельзя его нарушать». Все что связывалось со снижением фертильности или ограничением процесса зачатия детей, признавалось неэтичным. Свою роль играли экономическая необходимость и традиционность китайского общества. В деревне нужны были «рабочие руки», а в городе – дети – это «благополучная старость». Политика в

области народонаселения в 1950-1960-е годы носила двоякий характер. С одной стороны, велась пропаганда малодетности и позднего вступления в брак, с другой стороны политика Мао Цзэдуна требовала большого количества рабочих рук.

В 1964 г., согласно данным Второй национальной переписи населения КНР, общая численность населения достигла 694,5 млн человек и постоянно возрастала [4]. Поэтому в начале 1970-х годов правительство Китая осознало, по сути, главную проблему, влияющую на социально-экономическую сферу и вынуждено, было решать её не просто «рекомендательными мерами» в виде пропагандистских кампаний. Госсовет КНР в 1971 г. принимает декрет № 51, согласно которому органы власти всех уровней, за исключением слаборазвитых районов и районов проживания национальных меньшинств должны были вести активную пропаганду планового деторождения и обязательность вступления в брак. Была предпринята попытка изменения традиционного сознания китайцев с помощью лозунгов: «Один ребенок – это жизнь в благополучии, два ребенка – в постоянных трудностях, три ребенка – это ещё одна могила (или «жизнь в постоянном ужасе»)», «…лучше выращивать много свиней, чем много детей…» [5, С. 115].

В 1973 г. при Госсовете КНР была создана Руководящая группа по вопросам планирования рождаемости, которую контролировало Министерство здравоохранения. В её функции входило: координация пропаганды планового деторождения, исследований в области контрацепции, контроль за обеспечением населения средствами ограничения рождаемости [6, с. 544]. Соответствующую деятельность проводили органы власти в провинциях. Всекитайским совещанием по вопросам планирования рождаемости в 1973 г. установлены показатели, к которым должны прийти при регулировании рождаемости – естественный прирост в городах должен снизиться до 1 % в год, в сельской местности – до 1,5 % к 1975 г. Также стали популяризировать принцип «поздно, редко, мало», что значило «поздно» - время, приемлемое для вступления в брак, то есть возраст, раньше которого вступать в брак и рожать детей «нежелательно». Для женщин – это 23 года, для мужчин – 25 лет. При этом женщинам рекомендовали рожать ребенка не ранее 24 лет. «Редко» - частота, с которой семья может заводить ребенка (интервал 3 года), «мало» - возможность иметь не более двух детей [6].

К концу 1970-х годов непростая экономическая ситуация в Китае была отягощена большим населением. Дэн Сяопин в рамках Программы «Четырех модернизаций» обратил внимание на то, что быстрый рост населения может негативно повлиять на её осуществление. В 1978 г. в новой Конституции КНР статья 53 была дополнена положением о том, что «государство поощряет, оказывает поддержку планированию семьи» [7]. Это стало стартом проведения новой демографической политики. В октябре 1978 г. Центральный Комитет КПК принял документ № 69 «лучше всего - один ребенок, максимум - двое» [8].

В 1981 г. ВСНП учредило Национальный комитет по планированию деторождения – это исполнительный орган, в функции которого входило проведение демографической политики. В городах, провинциях, округах и поселках формировались местные контролирующие комитеты. А в 1982 г. в ст. 49 новой Конституции закрепляется положение о том, что планирование рождаемости становится прямой обязанностью каждой семьи [9]. За нарушение политики планового деторождения предусматривались различные наказания. Так, партийные работники могли лишиться работы или подвергнуться дисциплинарным взысканиям. Женщины, находящиеся в положении второй раз принуждались к прерыванию беременности, по улицам и домам проводились рейды в поисках нарушителей. Из заработной платы нарушителей вычитали 10 % после рождения третьего ребенка, 15 % после рождения четвертого, 20 % после рождения пятого [10, с. 85]. Стандартным наказанием за нарушение главного правила, проводимой политики был штраф, который назывался взносом в качестве социальной компенсации. Его размер зависел от того, кем был нарушитель – жителем села или города, какова численность населения населенного пункта, годового

дохода на душу населения, дохода членов семьи в общем и по отдельности.

В рамках политики «Одна семья – один ребенок» предусматривалась обязательная государственная регистрация новорожденных детей. Зарегистрировать ребенка нужно было в течение месяца с момента рождения, если это был «лишний» ребенок, то нужно было ещё приложить документы о выплаченном штрафе. Иногда семьи, чтобы не платить штраф и не подвергаться государственному осуждению, не регистрировали «лишних» детей.

Помимо карательных мер, для семей предусматривались и меры поощрения. Так, женщинам, которые соблюдали ограничения, выдавали удостоверения «отличника планирования рождаемости». Обладатели данного удостоверения получали каждый месяц денежную выплату (10 % от месячной заработной платы), а также для них отменялся налог на образование и воспитание. Семье с одним ребенком было проще устроить ребенка в детский сад и школу, получить медицинское обслуживание и найти жилье.

К 1986 г. правительство Китая приходит к необходимости корректировки политики «Одна семья – один ребенок». Были внесены дополнения в некоторые положения, проводимой политики, при акцентировании внимания на том, что половозрастная структура населения меняется, поэтому проводить дальше политику планового рождения детей будет труднее, следовательно необходимо усилить координацию контролирующих комитетов между собой и центральными органами, способствовать усилению контроля за всеми районами, особенно за отсталыми сельскими, чтобы «обеспечить седьмую пятилетку, и, по крайней мере, стабилизацию демографической политики на ближайшие годы» [11]. Согласно внесенным изменения, Программа демографической политики стала включать следующие положения: 1. население должно придерживаться поздних браков и позднего рождения детей; 2. все чиновники, бюджетники, простые работники, кроме особых случаев и при наличии специальных

разрешений, могут иметь только одного ребенка; 3. сельские жители должны иметь одного ребенка, но при определенных условиях в плановом порядке разрешалось рождение второго ребенка; 4. представители меньшинств могут заводить двоих детей, в некоторых случаях – троих [12]. Основные ограничения на рождения детей касались ханьцев.

Политика «Одна семья – один ребенок» к началу XXI века стала приносить результаты. Хотя уже к этому времени начали выявляться определенные проблемы. Рост численности населения все же замедлился, но не так как планировали. Население Китая росло, причем темпы роста в отдельных регионах страны отличались. Самый значительный рост отмечался в восточных и южных регионах, в остальных – умеренный. Снижение прироста населения будет достигнуто только в 2010-е гг.

На 25-м заседании Постоянного комитета Всекитайского Собрания Народных Представителей 29 декабря 2001 года был принят Закон «О народонаселении и планировании рождаемости». [13] Согласно ст. 18 Закона «Государство занимается стабилизацией политики рождаемости, поощряет граждан поздно вступать в брак и заводить детей, а также выступает за то, чтобы в семье был один ребенок. Если пара соответствует условиям, предусмотренным законами и другими нормативными актами, она может обратиться с прошением о разрешении рождения второго ребенка. Национальные меньшинства также должны были придерживаться данного положения» [13].

В 2013 г. на фоне возникших проблем при проведении политики «Одна семья – один ребенок», правительство начинает делать послабления. Парам, где хотя бы один из супругов был единственным ребенком разрешалось иметь второго ребенка. В октябре 2015 г. на пятом Пленуме 18 созыва ЦК КПК было выдвинуто предложение «о реализации политики, согласно которой пара может иметь двух детей» [14]. В декабре 2015 г. были внесены соответствующие поправки в Закон «О народонаселении и планировании рождаемости». Но снятие ограничений на рождение второго ребенка не привели к желаемым результатам.

Поэтому 20 августа 2021 г. в данный Закон в ст. 18 вновь были внесены изменения. В новой редакции семьям разрешалось иметь трех детей [13]. Также новации коснулись ст. 22, теперь в ней говорилось, что «дискриминация и жестокое обращение с женщинами, рожающими девочек, и бесплодными женщинами запрещены. Дискриминация, жестокое обращение и отказ от рождения девочек запрещены» [13]. Чтобы стимулировать рождаемость, КПК выступила с призывом к членам партии, чтобы они стали примером в проведении политики «трех детей» и рожали третьего ребенка.

Таким образом, демографическая политика, проводимая в КНР, прошла долгий путь от рекомендаций по ограничению рождаемости или, наоборот, рожать больше, до жестких мер по ограничению рождаемости и вновь к призывам рожать больше (трех детей). До конца 1970-х годов демографическая политика носила несистемный характер и в основном сводилась к пропагандистским кампаниям, а с 1978 г. приобретает законодательное и организационное оформление. При этом политика «Одна семья – один ребенок» была направлена на ограничение рождаемости, без просчета всех рисков, к которым она могла привести. Прежде всего не были учтены особенности китайского общества, его нацеленность на рождение сына, так как именно сын должен был содержать родителей в старости, а учитывая неразвитость в тот период пенсионной системы в городе и полное её отсутствие в деревне, то при рождении ребенка предпочтение отдавалось мальчикам. Следствием этого стал гендерный дисбаланс (мужчин больше женщин более чем на 30 млн). Обязательная государственная регистрация новорожденных, а также желание иметь сына, привело к появлению феномена «черных детей». Это дети, рожденные в период проведения политики «Одна семья – один ребенок», но не зарегистрированные в системе Хукоу. Они не имеют паспортов, прописки и соответственно не могут пользоваться правами граждан Китая. То есть это дети, которых родили вне плана. На 2010 г. таких было 13 млн человек [15]. Но считается, что это далеко не полные данные, хотя этих людей пытаются вывести из тени. Ещё две проблем, порожденные демографической политикой, проводимой с 1978 по 2016 г., - старение населения и сокращение трудоспособного населения. Введение разрешения на рождение второго и третьего ребенка пока проблемы не решает и вряд ли решит в ближайшее время, политика «Одна семья – один ребенок» проводилась почти сорок лет, поэтому быстро исправить ситуацию не удастся.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Рейзберг Б.А. Современный социоэкономический словарь. М.: ИНФРА-М, 2010.
2. 婚姻法全文 (Закон КНР «О браке»). – 1950. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://zhidao.baidu.com/question/3757923
3. Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. М., 1956.
4. Основные статистические данные второй переписи населения (1964). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/12314775/
5. Симонова А.И. Китайский опыт в политике планирования рождаемости: результаты и последствия // Архитектура безопасности и сотрудничества в Восточной Азии доклады, представленные на IV международной конференции молодых востоковедов в Институте Дальнего Востока РАН. Институт Дальнего Востока Российской академии наук; Совет молодых ученых ИДВ РАН. – 2017.
6. Чжунго жэнькоу юй цзихуашэнъюй даши яолань (Обзор важных событий по решению проблем народонаселения и планового деторождения). Пекин, 2001. https://ru-chinafamily.livejournal.com/4360.html
7. 中华人民共和国宪法1978 (Полный текст Конституции КНР 1978 года). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://china.usc.edu/sites/default/files/article/attachments/peoples-republic-of-china-constitution-1978.pdf

8. Ansley J. Coale. Rapid Population Change in China, 1952-1982. Washington, D.C.: National Academy Press. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://archive.org/details/rapidpopulationc0000coal
9. 中华人民共和国宪法1982 (Полный текст Конституции КНР 1982 года). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.window2china.ru/upload/iblock/51e/Konstitutsiya-KNR.pdf
10. Баженова Е.С. Китай в демографическом измерении. М.: Наука, 1992.
11. Gu Baochang China's Local and National Fertility Policies at the End of the Twentieth Century / Gu Baochang, Wang Feng, Zhigang Guo, and Erli Zhang // Population and Development Review. – New York: Population Council. – 2007. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.semanticscholar.org/paper/China's-Local-and-National-Fertility-Policies-at-of-Gu-Feng/de8ae9a334f075f58470ae31addb02769c05be79
12. Hardee-Cleaveland K. Fertility Policy and Implementation in China, 1986-88 / Karen Hardee-Cleaveland and Judith Banister // Population and Development Review. – New York: Population Council, 1988. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.semanticscholar.org/paper/Fertility-policy-and-implementation-in-China%2C-Hardee-cleaveland-Banister/17125faae92f631dcb4b8107e5b57ee0423366e4
13. 中华人民共和国人口与计划生育法 (Закон КНР «О народонаселении и планировании рождаемости») - 2001. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zh.wikisource.org/zh-hans/中华人民共和国人口与计划生育法_(2001年)
14. Доклад 5 пленума 18 созыва ЦК КПК, октябрь 2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russian.people.com.cn/n/2015/1031/c95181-8969671.html
15. China's Hidden Children. The country's one-child policy has created an astonishing number of unregistered children. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://thediplomat.com/2015/03/chinas-hidden-children/ (Дата обращения: 25.04.2024)

Илеуова Г. Т., Симакова О. А.

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ВДОЛЬ И ПОПЕРЕК: ПОПЫТКА ПРОДОЛЬНОГО И ПОПЕРЕЧНОГО АНАЛИЗА АДАПТИВНОСТИ ПОКОЛЕНИЙ

Аннотация

В статье на основе накопленных социологических данных представлен анализ уровня адаптивности двух поколений казахстанцев – условных «детей» и условных «родителей» - в трех временных точках 2005, 2013 и 2021 годах. Основное внимание уделяется динамике показателей социальной адаптации и описанию их различий для двух групп в разные временныt периоды. Исследовательский подход включает в себя использование продольного и поперечного подхода демографического анализа для исследования социальных явлений и процессов. Результаты показывают, как меняются мнения и оценки казахстанцев в зависимости от смены возрастного статуса, а также демонстрируют различия в позициях одних и тех же возрастных когорт в разные периоды времени. Статья интересна описанным в ней междисциплинарным подходом в исследованиях.

Ключевые слова: социальная адаптация, поколение, когорта, поперечный и продольный анализы, социальное самочувствие

Abstract

The article analyzes the level of adaptability of two generations of Kazakhstanis - conditional "children" and conditional "parents" - at three time points in 2005, 2013 and 2021 on the basis of accumulated sociological data. The main attention is paid to the dynamics of social adaptation indicators and the description of their differences for the two groups in different time periods. The research approach includes the use of a longitudinal and cross-sectional approach of demographic analysis to investigate social phenomena and processes. The results show how the opinions and assessments of Kazakhstani people change depending on the change of age status,

and also demonstrate the differences in the positions of the same age cohorts in different time periods. The article is interesting because of the interdisciplinary approach to research described in it.

Keywords: social adaptation, generation, cohort, cross-sectional and longitudinal analyses, social well-being

Масштабность социально-экономических изменений, которые происходят в нашем обществе с начала 90-х годов XX века, вызвала необходимость выработки у населения страны эффективных адаптивных механизмов к меняющейся реальности.

При этом, как отмечается многими авторами, адаптационный процесс является целостным и непрерывным, он «обеспечивает приспособление человека к сложившейся социальной среде за счет умения анализировать текущие социальные ситуации, осознания своих возможностей в сложившейся социальной обстановке, умения удерживать свое поведение в соответствии с главными целями деятельности. Множественность и сложность конкретных проявлений различных уровней социального образования реализуется единым механизмом – процессом социальной адаптации» [1].

Вместе с тем, необходимо учитывать двойственную природу социальной адаптации, которая «есть процесс и результат активного приспособления индивида к условиям новой социальной среды. Для личности социальная адаптация носит парадоксальный характер: она разворачивается как гибко организованная в новых условиях поисковая активность, выход индивида за пределы готовой конечной формы. Чем менее выражено в индивиде личностное начало, тем более социальная адаптация носит характер приспособления к условиям социальной среды» [2]. Можно сказать, что высокий уровень адаптационных навыков у населения при незначительном количестве проявлений девиации отражает способность большинства приспосабливаться к меняющимся (чаще в негативную сторону) условиям жизни, что в конечном итоге выступает залогом стабильного, бесконфликтного развития общества.

Поскольку оценка социально-экономической ситуации в Казахстане от опроса к опросу общественного мнения чаще всего оценивается как неясная/неопределенная, то логично предположить, что казахстанцы находятся в постоянном процессе адаптации к тем или иным изменениям в повседневной жизни. Для исследователей появляется много вопросов, требующих изучения. И один из них: является ли умение постоянно приспосабливаться к меняющимся условиям бытия приобретенной характеристикой общества, а адаптационный механизм включается лишь в моменты сложных социально-экономических коллизий, будь то экономические и финансовые кризисы или пандемия, поэтому срабатывает в определенный период времени, или проявляется только у некоторых социальных групп населения, например, отдельных поколений, имеющих отличный от других исторический опыт?

Попытаемся ответить на этот вопрос используя принципы поперечного и продольного анализа для результатов анкетных опросов двух когорт. В качестве базы будут использованы результаты сопоставимых опросов (объем выборки 1600–2000 респондентов), проведенных во всех регионах страны по методике «Евразийского монитора» с шагом в 8 лет – за 2005, 2013 и 2021 гг. [3]. Ретроспективный шаг в 8 лет является наиболее длинным интервалом, который мы смогли применить, будучи ограничены наличием доступных динамических рядов, удовлетворяющих условиям для анализа, а также тем, что последнее исследование было проведено летом 2021 года [4]. Также нужно сделать еще одну важную оговорку. Время опроса совпало с периодом пандемии COVID-19, и, по нашему представлению, данный факт не мог не сказаться на ответах респондентов в силу высокого негативного влияния, которое оказала пандемия на их социально-экономическое положение. В этой связи для сравнения показателей были привлечены итоги исследований, которые были проведены по аналогичным вопросам в 2020 [5] и 2022 [6] годах с целью проследить особенности поколенческой социальной адаптации на коротком временном отрезке в усло-

виях кризиса.

Таким образом в фокусе внимания оказались две когорты, имеющие, предположительно, разный жизненный опыт и/или мировосприятие: условные «дети» (респонденты, которым в 2005 году было 22–24 года, рождение в период 1982-84 гг.) и условные «родители» (респонденты, которым в 2005 году было 42–44 года, рождение в 1962-64 гг.). В последующем оценки этих двух поколений, согласно логике продольного анализа, были «проведены» вдоль линии их жизни через годы наблюдений (с 2005 по 2022 годы) для сравнения их мнений по ряду вопросов, касающихся удовлетворенности жизнью, социального оптимизма, материального положения семей и экономического положения страны, а также одобрения деятельности правительства. В этом случае мы можем наблюдать, как менялись мнения поколения «детей» и поколения «родителей» во времени, на отрезке в 17 лет.

В таблице 1 приведены количественное распределение возрастных групп, принимавших участие в опросах, по годам.

Таблица 1 – Количественное распределения респондентов по возрастным группам в зависимости от года.

Год	Категории респондентов	Число	Всего
2005	Дети (22–24)	122	256
	Родители (42–44)	134	
2013	Дети (30–32)	88	156
	Родители (50–52)	68	
2020	*Дети (37–39)*	*56*	*93*
	Родители (57–59)	*37*	
2021	Дети (38–40)	95	189
	Родители (58–60)	94	
2022	*Дети (39–41)*	*86*	*148*
	Родители (59–61)	*62*	

В рамках поперечного анализа для сравнения в каждом из рассматриваемых периодов (2005, 2013, 2021 гг.) были взяты мнения тех респондентов, которые в указанный год находились в возрасте 22–24 лет и 42-44 лет. Т.е., в этом случае в каждом временном периоде (год) сравнивались оценки когорт условных «детей» и условных «родителей» одного и того же возраста.

В таблице 2 приведено количественное распределение возрастных групп, принимавших участие в опросах, по годам.

Таблица 2 – Количественное распределение респондентов по когортам в зависимости от года.

Год	Категории респондентов	Число	Всего
2005	22–24	122	256
	42–44	134	
2013	22–24	143	143
	42–44	100	
2020	*21–23*	*48*	*99*
	41–43	*51*	
2021	22–24	79	180
	42-44	101	
2022	*23-25*	*98*	*198*
	43-45	*100*	

Оценка социальной адаптации возрастных когорт проводилась по трем аспектам – социальному, экономическому и политическому, - которым соответствуют три индекса - социального самочувствия (социальный аспект), благосостояния (экономический аспект) и одобрения правительства (политический аспект). В таблице 3 описаны показатели, которые были приняты для расчета того или иного Индекса, и те вопросы анкеты, которые послужили эмпирической основой для расчетов.

Таблица 3 – Индексы и их составляющие.

Название индекса	Показатели	Вопросы анкеты
Индекс социального самочувствия	1.Показатель удовлетворенности жизнью; 2. Показатель социального оптимизма	1. Скажите, в целом, Вы удовлетворены или не удовлетворены жизнью, которую вы ведете? 2. Как Вы считаете, через год Вы (Ваша семья) будете жить лучше или хуже, чем сейчас?
Индекс благосостояния	1. Показатель оценки материального положения; 2. Показатель потребительского потенциала семьи	1. Как бы Вы оценили в настоящее время материальное (экономическое) положение Вашей семьи? 2. К какой из следующих групп населения (по потребительскому потенциалу) Вы скорее могли бы себя отнести?
Индекс одобрения правительства	1. Показатель оценки экономического положения страны; 2. Показатель оценки работы правительства	1. Как бы Вы оценили в настоящее время экономическое положение нашей страны? 2. Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность правительства РК?

Социальная адаптация вдоль

Итак, на основе предложенных индексов попробуем измерить социальную адаптацию указанных в таблице 1 возрастных групп населения Казахстана. На диаграммах 1 и 2 представлена динамика показателей социальной адаптации поколений «детей» и «родителей» на протяжении 17 лет на основе предложенных индексов - социального самочувствия, благосостояния и одобрения правительства.

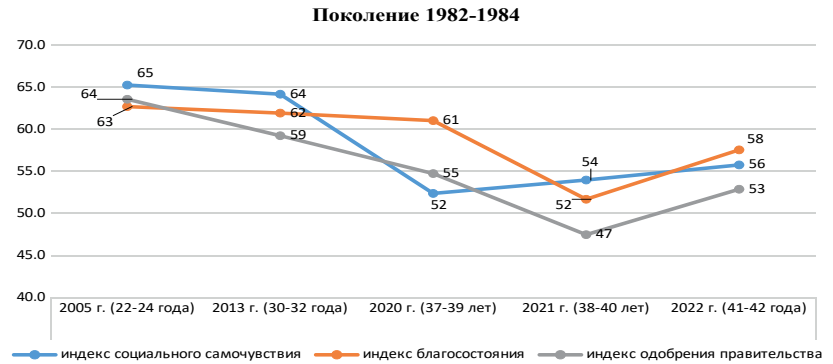


Диаграмма 1 – Социальная адаптация поколения «детей» (родившиеся в 1982–1984 гг., в период с 2005 по 2022 гг.).

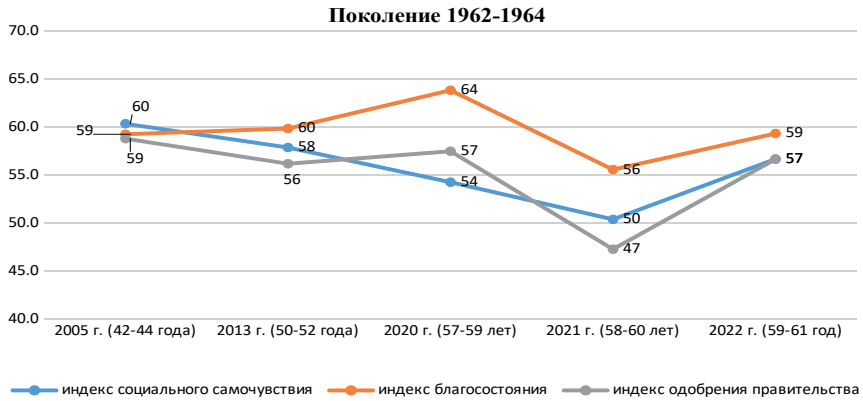


Диаграмма 2 – Социальная адаптация поколения «родителей» (родившиеся в 1962–1964 гг., в период с 2005 по 2022 гг.).

В таблице 4 приведены количественные показатели индексов социальной адаптации, на основе которых были построены диаграммы 1 и 2.

Таблица 4 – Таблица индексов социальной адаптации «детей» и «родителей» (данные 2005, 2013, 2020–22 гг., %).

		индекс социального самочувствия	индекс благосостояния	индекс одобрения правительства
Поколение 1982–84 г.р (от 22 до 41 года)	2005 г.	65,3	62,7	63,6
	2013 г.	64,2	61,9	59,2
	2020 г.	*52,4*	*61,0*	*54,7*
	2021 г.	54,0	51,7	47,5
	2022 г.	*55,8*	*57,6*	*52,9*
Поколение 1962–64 г.р. (от 42 до 61 года)	2005 г.	60,4	59,3	58,8
	2013 г.	57,9	59,9	56,2
	2020 г.	*54,3*	*63,8*	*57,5*
	2021 г.	50,4	55,6	47,3
	2022 г.	*56,7*	*59,3*	*56,7*

Как видим, поколение «детей» показывает более высокий уровень адаптивности, чем поколение «родителей»: показатели все трех индексов в «детей» выше, чем в «родителей». В 2005 году [7] у обоих поколений наблюдается сравнительно высокий уровень синхронизации показателей (колебания 1-3%), что может говорить о поколенческой схожести, с одной стороны, а с другой – о непротиворечивости протекающих адаптационных процессов.

В 2013 году [8] при переходе в другие возрастные группы расхождение показателей индексов в обеих группах увеличивается. В первую очередь это коснулось политического аспекта: и в группе «детей», и в группе «родителей» наблюдается заметное снижение индексов одобрения деятельности правительства (-4 п.п и -3 п.п соответственно). Также заметно, что в группе «родителей» наметился тренд на снижение индекса социального самочувствия (-2 п.п.), т.е. снизились оценки удовлетворенности жизнью и социального оптимизма; при этом на том же уровне, по сравнению с 2005 годом, сохранился индекс благосостояния.

В группе же «детей» в 2013 году оба индекса не претерпели статистически значимых изменений по сравнению с 2005 годом. Это указывает на то, что за прошедшие 8 лет с точки зрения обоих поколений в стране изменились политические условия, при этом экономический аспект остался приемлемым. В социальном плане группа «родителей», перешагнув 50-летний рубеж, стала испытывать больший пессимизм, чем «дети», возраст которых на момент опроса составлял 30-32 года.

Спустя еще 7 лет, в 2020 году [9], в обоих поколениях сохраняется высокий показатель индекса благосостояния. Причем, если у «детей» этот показатель демонстрирует устойчивость, начиная с 2005 года (61-62%), то в группе «родителей», по сравнению с 2013 годом, заметен рост (+4п.п.). Особенностью 2020 года становится снижение в обоих группах индекса социального самочувствия, т.е. снижение оценок удовлетворенности жизнью и социального оптимизма. Но, если в группе «родителей» снижение было поступательным, начиная с 2013 года (-3п.п.), то в группе «детей», подходящих к 40-летнему рубежу своей жизни, - драматичным (-12п.п.). Впервые отмечается расхождение в показателях индекса одобрения правительства: если в группе «родителей» показатель остается устойчивым (56-57%), то в группе «детей» заметно снижение позитивных оценок в адрес правительства (-4п.п.). Напомним, что за год до проведения опроса, в марте 2019 году в Казахстане произошла передача власти от первого президента ко второму; в феврале 2019 года правительство Б.Сагинтаева ушло в отставку, премьер-министром был назначен А.Мамин, многие министерства пережили реорганизацию, и страна наблюдала кардинальные кадровые перемены.

В 2021, постковидном, году, по сравнению с 2013 годом, наблюдается значительное снижение индексов благосостояния, которые до этого демонстрировали устойчивость: в группе «детей» почти на 10%, в группе «родителей» - более 8%. Индексы социального самочувствия и одобрения правительства также ожидаемо снизились, по сравнению как с 2013 годом, так и с

2020 годом, достигнув минимальных значений за все годы наблюдений: 48% в группе «детей» и 47% - в группе «родителей». Но, если в группе «детей» снижение можно рассматривать в рамках тренда, то в группе «родителей» - как реакцию на изменение ситуации.

Однако уже в 2022 году, после окончания пандемии, мы видим повышение показателей всех трех индексов в обоих исследуемых поколениях. В целом, если проанализировать и сравнить показатели индексов за период 2020–22 гг., включающий в себя пандемию, то можем наблюдать интересную картину. С одной стороны, заметное «проседание» в 2021 году показателей по двум индексам – благосостояния и одобрения правительства, – в то время как показатель социального самочувствия не подвергся значительным колебаниям. С другой стороны, в 2022 году все индексы вернулись к пандемийным значениям, кроме индекса благосостояния. Какими бы масштабными и катастрофичными ни виделись перспективы социально-экономического развития страны во время пандемии, население смогло в достаточно в короткие сроки приспособиться и вернуться к настроениям, характерным для более стабильного времени.

Сравнивая настроения поколений «детей» и «родителей» на протяжении рассматриваемого времени, можно сделать несколько выводов. Поколение «детей» более оптимистичное, и приобретенный в ковид опыт заставил их пересмотреть свои взгляды. Восстановление индекса социального самочувствия в этой группе происходит быстрее, чем в группе «родителей». И плохое самочувствие, зафиксированное при опросе в феврале 2020 года, после пережитого локдауна, приобрело тенденцию к росту. При этом наиболее чувствительным для этого поколения надо рассматривать экономический аспект, восстановление индекса благосостояния в этой группе идет медленнее, чем индекса социально самочувствия.

Для поколения «родителей», которое ко времени последнего опроса вступило в предпенсионный возраст, наиболее чувствительным оказался социальный аспект, основанный на оценках

удовлетворенности жизнью и видением ее перспектив. В отличие от поколения «детей», у «родителей» наиболее низкий показатель индекса социального самочувствия наблюдается не в 2020 году, а в 2021 году, как следствие пережитого кризиса. Также поколение «родителей» демонстрирует большую лояльность к центральным властям, нежели поколение «детей».

Для обоих групп характерным является линейная зависимость индексов благосостояния и одобрения правительства.

Социальная адаптация поперек

Теперь остановимся на сравнении данных согласно второму подходу, т.е. сопоставлении индексов социальной адаптации возрастных когорт 22–24 лет («20-летние») и 42–44 лет («40-летние») в разные годы. В качестве характеристик групп надо отметить, что группа «20-летних» чаще всего представлена студенческой молодежью, необремененные семьей и детьми; «40-летние». Результаты сравнений по когортам представлены на диаграммах 3 и 4.

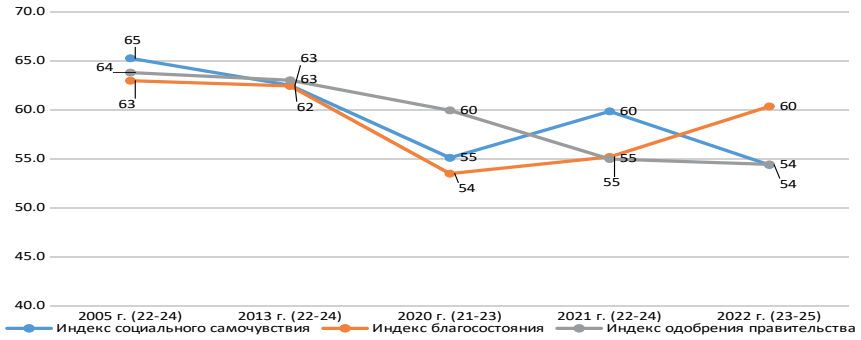


Диаграмма 3 – Социальная адаптация когорты 22–24 лет (сравнительные данные 2005, 2013, 2020–22 гг.).

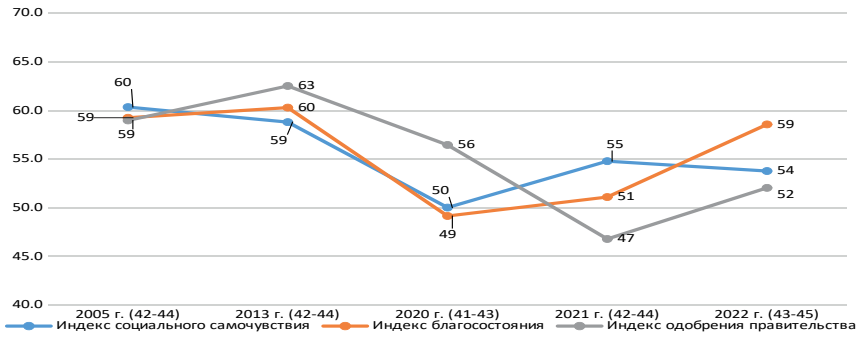


Диаграмма 4 – Социальная адаптация когорты 42–44 лет (сравнительные данные 2005, 2013, 2020–22 гг.).

В таблице 5 приведены значения индексов социальной адаптации, представленные в диаграммах 3 и 4, в разрезе по годам в табличном варианте.

Таблица 5 – Таблица индексов социальной адаптации когорт 22–24 лет и 42–44 лет (данные 2005, 2013, 2020–22 гг., %).

		Индекс социального самочувствия	**Индекс благосостояния**	**Индекс одобрения правительства**
22–24 лет	2005 г.	65,3	63,0	63,8
	2013 г.	62,5	62,4	63,0
	2020 г.	*55,1*	*53,5*	*60,0*
	2021 г.	59,9	55,2	55,0
	2022 г.	*54,4*	*60,4*	*54,4*
42–44 лет	2005 г.	60,4	59,3	59,0
	2013 г.	58,8	60,3	62,5
	2020 г.	*50,0*	*49,2*	*56,5*
	2021 г.	54,8	51,1	46,8
	2022 г.	*53,8*	*58,6*	*52,0*

Сравнение показателей индексов в группах «20-летних» и «40-летних» позволяет сделать вывод о том, что показатели индексов в обеих группах демонстрируют одинаковую тенденцию по годам, разница лишь в наполнении показателей. В молодежной группе показатели индексов всегда выше аналогичных показателей в группе «40-летних», что указывает на наличие схожих оценок ситуации, но более оптимистичный настрой в молодежной группе.

Более детальный разбор показывает, что когорта «20-летних» демонстрирует хорошую способность к адаптации в 2005 и 2013 гг.: показатели индексов выше 60%, расхождения показателей минимальны. По факту и оценки социального самочувствия, и благосостояния, и одобрения правительства находятся на одном уровне. Флуктуации индексов начинаются с 2020 года и вызваны известными событиями. В 2020 году у «20-летних» показатели индексов заметно снижаются, при этом, как и у «40-летних» имеют место более низкие индексы социального самочувствия и благосостояния.

В 2021 году у «20-летних» снижаются показатели индексов благосостояния и ободрения правительства, что является ожидаемым в постковидный период, при этом индекс социального самочувствия лишь немногим отличается от показателя 2013 года. По факту негатив февраля 2020 года нивелировался выходом из локдауна. Это указывает на относительно высокий уровень адаптивности молодого поколения казахстанцев и непротиворечивости их адаптационного процесса. Вместе с тем общее снижение показателей индексов социальной адаптации может свидетельствовать об изменении/ухудшении условий жизни, в частности материального положения этой группы (снижение индекса почти на 8% в период с 2013 по 2020 гг.). Однако интересно то, что период пандемии не оказал значимого негативного влияния на оценки этой возрастной когорты, хотя определенное постпандемическое улучшение настроений можно констатировать на основе повышения индекса благосостояния с 55,2% в 2021 году до 60,4% в 2022 году.

Что касается представителей возрастной когорты 42–44 лет, то в 2005 году эта группа, также, как и «20-летние», показала достаточно высокий уровень адаптивности к социальной среде. В 2013 году когорта 40-летних, в отличие от подобной возрастной группы 2005 года, демонстрировала большую лояльность власти. В 2021 году «40-летние», как ядро экономически активного населения страны, попавшего в локдаун и понесшего существенные экономические издержки, показали низкий уровень индекса благосостояния, который конвертировался в еще более низкий уровень индекса одобрения правительства. При этом более персонифицированный индекс социального самочувствия, основанный на показателях удовлетворённости жизнью и видением перспектив, как и у группы «20-летних» оказался достаточно высоким, всего -4 п.п. по сравнению с 2013 годом. Конечно, этот феномен может объясняться влиянием фактора снятия локдауна и возвращением свободы перемещения людей, возможности восстановления межличностных контактов с родными и друзьями. Тем не менее, сравнительный анализ с показателями 2022 года, в котором обозначилась новая комбинация индексов, где индекс деятельности правительства и благосостояния демонстрировали заметный рост, а индекс социального самочувствия практически не изменился.

В целом, можно говорить, что когорты «20-летних» и «40-летних» в силу своих возрастных особенностей в любые годы имеют хороший адаптивный потенциал. Причем, с высокой долей вероятности можно говорить о том, что «20-летние» в своем восприятии событий и оценках чаще всего двигаются в фарватере «40-летних», отличаясь чуть большим оптимизмом.

Таким образом, если говорить о поколениях условных «детей» и «родителей», то годы социологических наблюдений показали, что с 2005 года в группе родившихся в 1962–64 гг. («родители») происходило постепенное снижение индекса социального самочувствия (с 60,4% в 2005 году до 50,4% в 2021 году). В группе рожденных в 1982–84 гг. («дети») также имело место снижение социального самочувствия, но оно не носило такого

выраженного характера, как в поколении «родителей» (с 65,3% в 2005 году до 52,4% в 2020 году с некоторым ростом в 2021 году – 54,0%). Поколение «родителей», в силу своего жизненного опыта, оказывается более чувствительным к переменам, что накладывает влияние на оценки удовлетворенности жизнью в данной группе. С социологической точки зрения, субъективное благополучие людей содержит важную информацию о качестве социальной системы, в которой они живут. И если люди начинают чувствовать себя плохо, это может служить сигналом того, что социальная система перестает отвечать потребностям для комфортного проживания людей [10].

Показатели индекса благосостояния, напротив, снижались в группе «детей» в анализируемый период (с 62,7% в 2005 году до 51,7% в 2021 году), в то время как у «родителей» явно выраженной направленности показателя индекса не выявлено – он то повышался (до 63,8% в 2020 году), то заметно снижался (до 55,6% в 2021 году), то оставался без изменений (59,3% и 59,9% в 2005 и 2013 гг.). Отметим, что поколение «родителей», пережившее в качестве экономически активной части общества кризисные годы начала Независимости и ощутившие все издержки того периода, вынесли в качестве опыта более ответственное отношение к вопросам повседневных трат, планированию расходов и наличию финансовой подушки («кубышка», «на черный день»).

Схожим образом менялись показатели индекса одобрения правительства: в поколении 1982–84 г.р. от года к году индекс снижался (с 63,6% в 2005 году до 47,5% в 2021 году), в поколении «родителей» явно выраженного тренда не было, но в 2021 году индекс одобрения правительства также был самым низким за все годы наблюдений – 47,3%.

В свою очередь, если делать выводы на основе поперечного анализ, то видно, что, несмотря на разные условия сравниваемых периодов и, соответственно, различающийся социально-экономический контекст, адаптация у молодой когорты (22–24 лет) носит непротиворечивый характер, и даже кризисные ситуации, как, например, пандемия, не оказывают влияние на потен-

циал адаптивности данной возрастной группы. Чего не скажешь о возрастной когорте 42–44 лет, представители которой отличаются заметной непредсказуемостью и разнонаправленностью своих оценок. Так, колебания индекса одобрения правительства находились в диапазоне от 62,5% в 2013 году до 46,8% в 2021 году, а индекса благосостояния от 60,3% в 2013 году до 50,1% в 2021 году (при этом уже в 2022 году индекс благосостояния вырос 58,6%). Можно предположить, что базовым с точки зрения эффективности процесса социальной адаптации для этой группы выступают удовлетворенность своей жизнью и вера в улучшение жизни в ближайшее время (социальный оптимизм), составляющие индекса социального самочувствия. Именно сохранение высоких показателей данного индекса позволяют этой когорте в кризисные периоды находить в себе силы и с высокой степенью адаптивности их преодолевать.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Овшинов А.Н. «Общесоциологическая парадигма социальной адаптации» //Вестник Калмыцкого университета, 2014г. №4 (24) - file:///C:/Users/GULMIRA/Downloads/obschesotsiologicheskaya-paradigma-sotsialnoy-adaptatsii.pdf
2. Энциклопедический социологический словарь, под ред. Академика РАН Осипова Г.В., 1995. – С.7
3. ОФ «ЦСПИ «Стратегия» проводит мониторинговые замеры социального самочувствия с 2004 года в рамках международного проекта «Мониторинг социального самочувствия населения стран бывшего СССР» под эгидой МНАИА «Евразийский монитор», https://eurasiamonitor.org/.
4. Исследование проводилось в рамках выполнения на базе Кафедры политологии и политических технологий факультета Философии и политологии КазНГУ им. аль-Фараби научного проекта грантового финансирования Комитета науки МОН РК на 2020–2022 гг. по теме «Протестный потенциал в Казахстане: особенности, факторы и тренды» (грант AP08857524).

5. В 2020 году ОФ ЦСПИ «Стратегия» провел массовый опрос населения Казахстана (n=1103) в феврале, за месяц до объявления локдауна.
6. В 2022 году ОФ ЦСПИ «Стратегия» провел массовый опрос населения Казахстана (n=1612) в марте.
7. Напомним, в 2005 году была проведена делимитация границ с Россией; Казахстан вошел в пятерку самых динамичных экономик мира; прошло повышение пенсий, стипендий и зарплат в бюджетной сфере, и как, следствие, увеличение реальной заработной платы на 10%; начался потребительский кредитный бум; состоялись выборы Президента.
8. Напомним, что в 2013 году началась реализация Стратегии развития РК до 2050 года, где была поставлена цель вхождение Казахстана в тридцатку самых развитых стран мира; Президентом была раскритикована бесконтрольная выдача потребительских кредитов и заявлены соответствующие меры; принято решение о повышении пенсионного возраста; страну сотрясли социальные и политические скандалы, связанные с урезанием декретных, заражением детей гепатитом С, строительством курорта Кок-Жайляу и делами М.Аблязова и Б.Рыскалиева.
9. Как уже отмечалось ранее, 2020 и 2022 г.г. были взяты, как контрольные годы для сопоставления с данными пандемийного 2021 года. И в то же время на этом коротком временном периоде (2020–22 гг.) можно увидеть скорость адаптации в период кризиса.
10. Ruut Veenhoven. Sociological theories of subjective well-being. https://www.researchgate.net/publication/254805273_Sociological_theories_of_subjective_well-being. Дата обращения: 29.11.2024.

Касенова А. Ж.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАЗАХОЯЗЫЧНОГО И РУССКОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация

В статье рассматривается историческая память казахоязычного и русскоязычного населения Восточно-Казахстанской области, учитывая значительное полиэтничное разнообразие и богатое историческое наследие региона. Исследование направлено на выявление различий в исторической памяти двух групп людей, говорящих на разных языках и их роли в формировании общественного самосознания. Метод социологического опроса использовался для анализа отношения к различным историческим периодам, событиям, трагическим моментам и источникам информации о прошлом. Результаты опроса позволяют сравнить восприятие истории между казахоязычным и русскоязычным населением, выявив особенности и сходства в их исторических представлениях. Исследование имеет большое значение в контексте культурных, языковых и социополитических особенностей региона, обеспечивая глубокое понимание исторической памяти как ключевого фактора в развитии общенационального единства и взаимопонимания между различными этническими группами.

Ключевые слова: историческая память, казахоязычное население, русскоязычное население, историческое наследие, социологический опрос, общественное самосознание, восприятие истории, общественное мнение.

Abstract

The article examines the historical memory of the Kazakh-speaking and Russian-speaking population of the East Kazakhstan region, taking into account the significant multiethnic diversity and rich historical heritage of the region. The research is aimed at identifying differences in the historical memory of two groups of people who speak different languages and their role in shaping public self-awareness. The sociological survey method was used to analyze attitudes towards various historical periods, events, tragic moments and sources of information about the past. The results of the survey allow us to compare the perception of history between the Kazakh-speaking and Russian-speaking populations, revealing features and similarities in their historical representations. The research is of great importance in the context of the cultural, linguistic and sociopolitical characteristics of the region, providing a deep understanding of historical memory as a key factor in the development of national unity and mutual understanding between different ethnic groups.

Keywords: historical memory, Kazakh-speaking population, Russian-speaking population, historical heritage, sociological survey, public consciousness, perception of history, public opinion.

Восточно-Казахстанская область, отличающаяся своим полиэтничным составом и богатым историческим наследием, представляет уникальный интерес для изучения вопросов исторической памяти различных этнических групп. Особенно актуален вопрос различия в исторической памяти казахоязычного и русскоязычного населения, который лежит в основе данного исследования. Важность такого изучения обусловлена не только культурными и языковыми особенностями региона, но и его социополитическим контекстом, где историческая память играет ключевую роль в формировании общественного самосознания.

Главной целью исследования является выявление, анализ и сравнение исторической памяти казахоязычного и русскоязычного населения Восточно-Казахстанской области. Для достижения этой цели был выбран метод социологического опроса, который включал в себя ряд вопросов, направленных на выяснение отношения респондентов к различным историческим периодам и событиям, а также их представления о трагических и значимых моментах в истории Казахстана.

Опрос позволяет собрать данные о том, какие историче-

ские периоды наиболее значимы для разных этнических групп, как они относятся к обсуждению трагических страниц истории страны, какие источники информации они считают наиболее достоверными. Анализ этих данных дает возможность понять, насколько различается восприятие истории у казахоязычного и русскоязычного населения, что в свою очередь может способствовать более глубокому пониманию межэтнических отношений в регионе.

Исследовательский вопрос заключается в выявлении различий исторической памяти казахоязычного и русскоязычного населения Восточного Казахстана.

Методы исследования: социологический опрос (соцопрос) — метод социологического исследования, заключающийся в сборе и получении первичных эмпирических сведений об определённых мнениях, знаниях и социальных фактах, составляющих предмет исследования, путём устного или письменного взаимодействия исследователя (интервьюера) и заданной совокупности опрашиваемых (интервьюируемые, респонденты).

Опрос для исследования составлен на двух языках (казахском и русском) и состоит из 20 вопросов, содержащих 6 вопросов общего характера, 14 вопросов об исторической памяти (12 закрытых и 2 открытых).

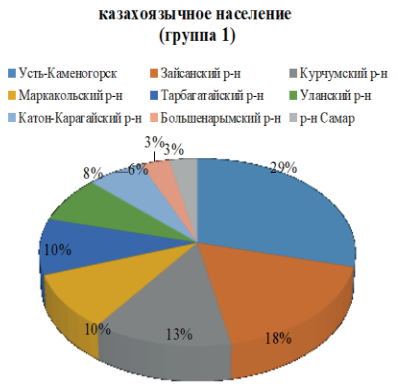


Рисунок 1 – Группа 1

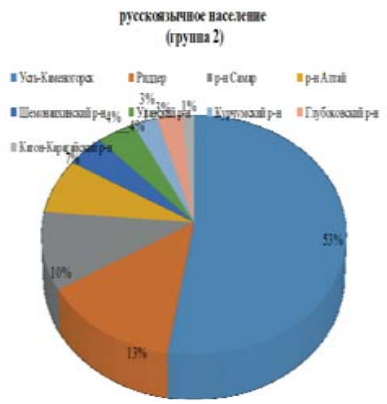


Рисунок 1 – Группа 2

Респондентами являются 140 представителей Восточно-Казахстанской области: 70 человек казахоязычное население (группа 1) и 70 русскоязычное население (группа 2). На рисунке 1 можно увидеть процентное содержание респондентов с регионов. Большинство респондентов было опрошено в городах Усть-Каменогорск и Риддер, Зайсанском, Курчумском и Самарском районох. Возраст группы 1: от 15 до 75 лет; пол: 75,7% женщины, 24,2% мужчины; национальность – 98,5% казахи, 1,5% узбеки; образование: 57,9% - высшее, 18,8% - средне специальное, 23,1% - среднее. Возраст группы 2: от 18 до 78 лет; пол: мужчина - 24,2%, женщины – 75,7%; национальность: 62,8% - казахи, 27,1% – русские, 4,2% - татары и 1,4% - эстонцы; образование: 49,2% - высшее, 39,1% - среднее специальное, 11,5% - среднее.

Первый вопрос заключался в наиболее значимых исторических периодах для Казахстана. Обращаясь к рисунку 2, можно сделать вывод, что период независимости является наиболее важным как для казахоязычного населения (группа 1), так и для русскоязычного (группа 2) с разницей в 7,1%. Примечательно, что советский период и период вхождения в состав Российской империи для группы 2 являются значительнее. Это может быть связано с тем, что советский период для них ассоциируется с модернизацией, образованием, развитием городов и культурных центров, а в период вхождения в состав Российской империи русскоязычное население могло принимать активное участие в политической и экономической жизни, достигать социального продвижения и развития. В то же время, для казахоговорящего населения эти периоды могут быть связаны с потерей традиционного образа жизни, коллективизацией, политическими репрессиями, потерей культуры, традиции и языка. Для них более важно средневековье, так как это оно связано с культурными корнями и национальной историей казахского народа.

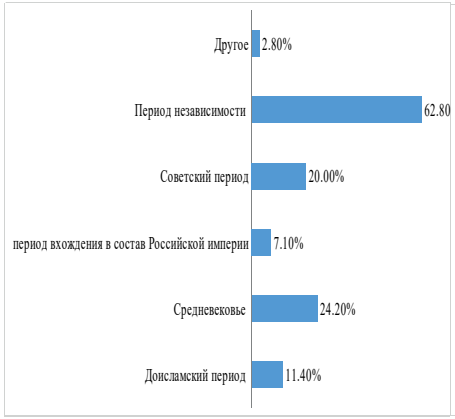


Рисунок 2 – Группа 1

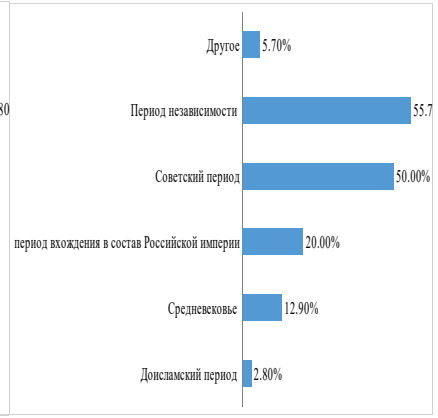


Рисунок 2 – Группа 2

На вопрос об отношении к обсуждению трагических страниц истории Казахстана, таких как голод 1930-х годов, обе группы относятся положительно и считают, что это должно обсуждаться открыто. Однако стоит отметить, что 22% голосов русскоязычного населения было отдано за ответ «скорее положительно, но с оговорками», это может говорить о сдержанном подходе к обсуждению трагических страниц истории из-за своей исторической и культурной принадлежности.

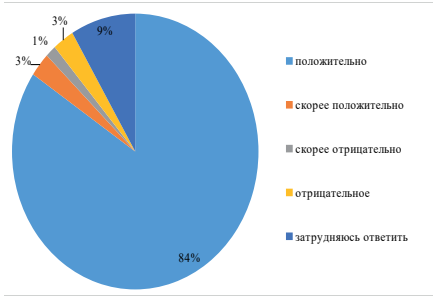


Рисунок 3 – Группа 1

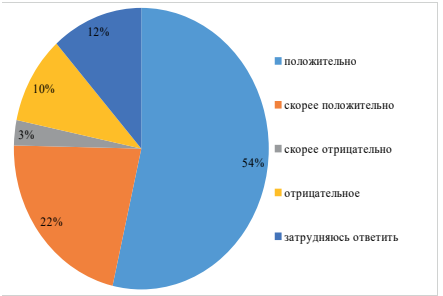


Рисунок 3 – Группа 2

На вопрос о название войны, проходившей в 1940-х годах, 45% казахоязычного населения склоняется к тому, что это Великая отечественная война, 32% считают Второй мировой войной и 20% затрудняются ответить. 60% русскоязычного населения склонно называть ее также Великой отечественной войной, 25% Второй мировой и 12% затрудняются ответить. Причиной таких ответов может быть различный уровень осведомленности и понимания этого исторического периода, а также немаловажный фактор – это возраст респондентов, вне зависимости от языка, респонденты старше 50 лет склоняются к ответу «Великая отечественная война», младшее поколение к - «Вторая мировая война». Это может быть связано с тем, что люди старшего поколения имеют более прямое и личное отношение к историческим событиям, а млпдшее более восприимчиво к общемировому контексту исторических событий.

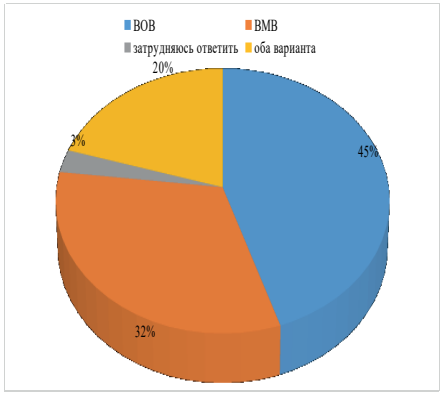


Рисунок 4 – Группа 1

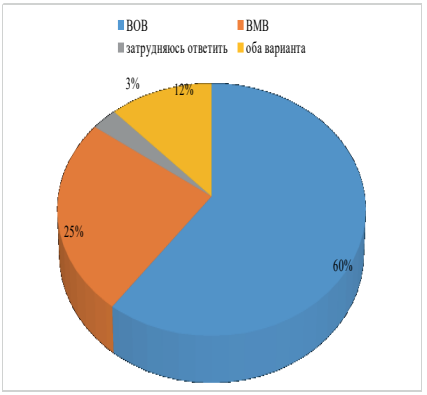


Рисунок 4 – Группа 2

На вопрос о том, какие события истории Казахстана нуждаются в более глубоком исследовании, обе группы отметили декабрьские (1986 г.) и январские события (2022 г.), голод 1930-х, период независимости, но со значительной разницей в процентном содержании, что может быть связано с тем, что для казахоязычного населения декабрьские события 1986 года связаны с национальным пробуждением; январские события 2022 года, голод 1930-х годов, период независимости имеют прямое отношение к национальной истории и казахской идентичности, а

также для казахоязычного населения важным вопросом являются репрессии, невинно наказанные люди, политическая партия «Алаш», так как это является частью их личной и коллективной истории, которая оказывает влияние на их сознание и идентичность. С другой стороны, русскоязычное население более склонно к рассмотрению событий формирования независимости и роли Казахстана в истории как самостоятельного государства, а также к событиям, связанным с периодом присоединения к Российской империи и советским периодом. Для них также важны Великая Отечественная война и события, связанные с развитием казахской культуры и письменности.

Группа 1	Группа 2
▸Декабрьские события – **50%** ▸Январские события – **38,8%** ▸Голод – **33,3%** ▸Период независимости – **27,7%** ▸Репрессии, невинно наказанные – **27,7%** ▸Алашорда – **22,2%** ▸Приход ислама/ мусульмане в Казахстане – **11,1%** ▸Образование каганатов – **5,5%** ▸Период Советского союза – **5,5%** ▸Период Золотого человека – **5,5%** ▸Письменные источники древнего Казахстана – **5,5%** ▸Современный период – **5,5%** ▸Происхождение предков – **5,5%** ▸Все события – **5,5%**	▸Январские события – 2**8,5%** ▸Становление и эпоха независимости – **28,5%** ▸Декабрьские события – **23,8%** ▸Голод – **19%** ▸Становление государственности на территории Казахстана (первые государственные образования) – **19%** ▸Период присоединения к Российской империи – **14,2%** ▸Образование казахского ханства - **14,2%** ▸Советский период–**14,2%** ▸Все события 20 века – **14,2%** ▸ВОВ – **9,5%** ▸Доисламский период – **9,5%** ▸Джунгарский период– **4,7%** ▸Период Золотой Орды– **4,7%** ▸Развитие письменности и культуры – **4,7%** ▸События досоветского периода – **4,7%** ▸Современный период – **4,7%** ▸Все, что происходило под грифом «Секретно» – **4,7%** ▸Изучение этнических особенностей– **4,7%** ▸Переселение и депортация народов в Казахстан– **4,7%** ▸Сакский период– **4,7%** ▸Все периоды – **4,7%**

На вопрос, какие исторические события оказали наибольшее влияние на историю Казахстана, обе группы населения придерживаются единого мнения о том, что наиболее важными событиями являются: получение независимости, принятие Конституции РК, закрытие полигона и январские события 2022 г.

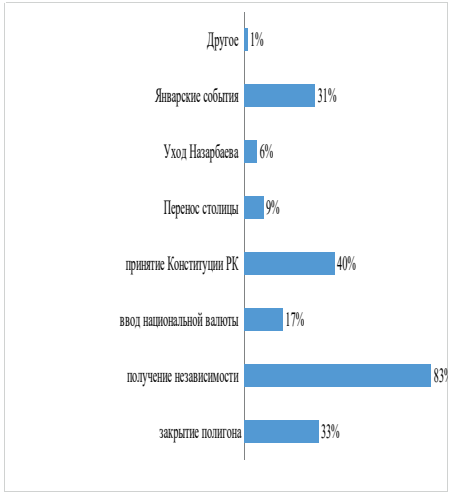


Рисунок 5 – Группа 1

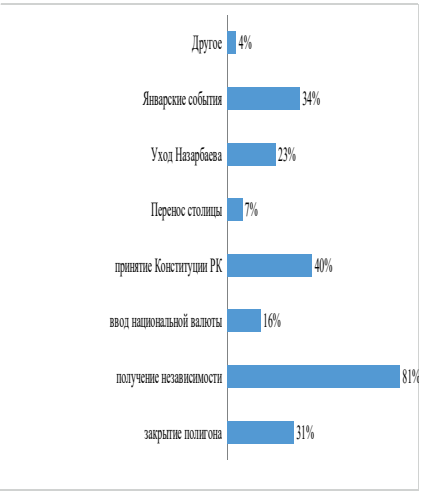


Рисунок 5 – Группа 2

Это можно объяснить принципиальным значением данных событий для формирования и развития государственности, правового статуса и мирного характера развития Казахстана. Все они оказали существенное влияние на становление страны как суверенного и независимого государства.

Наиболее выдающимися личностями Казахстана казахоязычное население считает А.Байтурсынова, А.Кунанбаева и А.Букейханова, а русскоязычное население А.Кунанбаева, Д.Конаева и Н.Назарбаева, что можно связать с различиями в культурной и исторической памяти, а также восприятием значимости различных фигур и событий в истории Казахстана. Казахоязычное население, вероятно, больше ценит деятелей, которые активно отстаивали интересы казахского народа и внесли значительный вклад в культурное и образовательное развитие

страны. А русскоязычное население, возможно, отмечает лидеров, которые играли важную роль в политической и экономической истории Казахстана, а также в формировании его современного облика.

Группа 1	Группа 2
▸А. Байтурсынов – **30%** ▸А. Кунанбаев – **20%** ▸А. Букейханов – **20%** ▸Д. Конаев – **18,5%** ▸М. Дулатов – **15,7%** ▸Ы.Алтынсарин – **11,4%** ▸Абылай хан – **10%** ▸Н. Назарбаев – **10%** ▸С. Сейфуллин – **10%** ▸К. Сатпаев – **10%** ▸Б. Майлин – **8,5%** ▸Кенесары хан – **7,1%** ▸Алашординцы – **7,1%** ▸И. Жансугуров – **5,7%** ▸Толе би – **5,7%** ▸М. Жумабаев – **4,2%** ▸Керей и Жанибек – **4,2%** ▸М. Ауэзов – **4,2%** ▸Касым хан – **2,8%** ▸Ч. Валиханов – **2,8%** ▸Казыбек би – **2,8%** ▸Айтике би – **2,8%** ▸Абулхаир хан, О.Суйлеменов, Ш.Калдаяков, С.Нурмагамбетов, Р.Кошкарбаев, К.Рыскулбеков, Кабанбай батыр, Ходжа Ахмет Яссауи, Ж.Жабаев, Ш.Кудайбердиев, К.Токаев, М.Утемисов, С.Отен, М.Шаханов, Б.Сапарбаев, Бухар жырау, М.Аблязов, У.Жанибеков, Б.Момышулы, М.Сейсембаев – 1,4% (28%)	▸А. Кунанбаев – **35,7%** ▸Д. Конаев – **32,8%** ▸Н. Назарбаев – **27,1%** ▸Ч. Валиханов – **15,7%** ▸Керей и Жанибек – **12,8%** ▸К. Сатпаев – **11,4%** ▸Абылай хан – **11,4%** ▸А. Букейханов – **8,5%** ▸О. Суйлеменов – **8,5%** ▸А. Байтурсынов – **7,1%** ▸Кенесары хан – **7,1%** ▸К.Токаев – **5,7%** ▸Ы.Алтынсарин – **5,7%** ▸Ш. Кудайбердиев – **4,2%** ▸Ж. Жабаев – **2,8%** ▸Чингисхан – **2,8%** ▸М. Утемисов – **2,8%** ▸О. Рыпакова - **2,8%** ▸Абулхаир хан –**2,8%** ▸М. Аблязов – **2,8%** ▸М. Ауэзов - **2,8%** ▸Д. Кудайбергенов - **2,8%** ▸Аттила, алашординцы, Айтике би, Казыбек би, Толе би, Кабанбай батыр, М.Дулатов, Касым хан, Курмангазы, Аль-Фараби, Ч.Айтматов, Т.Рыскулов, Культегин, А.Ермеков, Ш.Калдаяков, С.Нурмагамбетов, Р.Кошкарбаев, Махмуд аль-Кашгари, Ходжа Ахмет Яссауи – 1,4% (26,6%)

В ответах на вопрос, насколько в школьной программе достаточно внимания уделяется истории Казахстана, мнения респондентов групп разделилось. 55% респондентов казахоязычной группы склоняется к ответу «да, достаточно/скорее да, чем

нет», 42% все же считают наоборот «скорее нет, чем да/ нет, недостаточно» и 3% затрудняются ответить. 43% респондентов русскоязычной группы считают, что «да, достаточно/скорее да, чем нет», 47% к ответу «скорее нет, чем да/ нет, недостаточно» и 10% затрудняются ответить. Это может быть связано с уровнем осведомленности респондентов об образовательном процессе в Республике, а также восприятие и значение, придаваемые изучению истории страны.

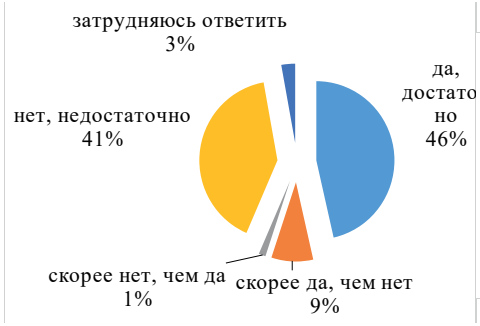


Рисунок 6 – Группа 1

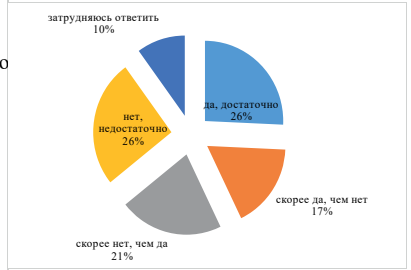


Рисунок 6 – Группа 2

Рисунок 7 – Группа 1

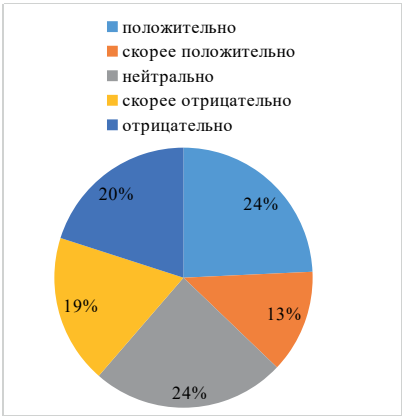


Рисунок 7 – Группа 2

Вопрос об историческом переименовании городов и улиц в Казахстане достаточно актуальный и приводит к большим дис-

куссиям и спорам. Обращаясь к рисунку 7, можно увидеть, что, большинство респондентов казахоязычной группы относятся к данному вопросу положительно.

Возможно, это объясняется тем, что для них изменения имен соответствуют их национальной идентичности и являются символом уважения к культуре и истории Казахстана, а также шаг к укреплению национального самосознания и сохранению культурного наследия.

Наиболее достоверными источниками об истории Казахстана, респонденты считают исторические хроники и документы, учебники и научную литературу, а также музеи и выставки. Наименее - интернет ресурсы, лекции и семинары. Примечательно, что респонденты казахоязычного населения семейные рассказы считает наиболее достоверным источником, чем респонденты русскоязычного населения. Это может быть связано с тем, что для казахоязычного населения семейные рассказы являются частью их культурного наследия и традиций, а русскоязычное население полагается на более формальные источники и может относиться к семейным рассказам с определённым скепсисом из-за недостатка доступных подтверждающих документов или доказательств.

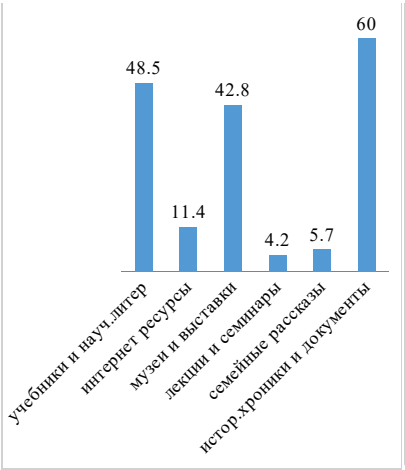


Рисунок 8 – Группа 1

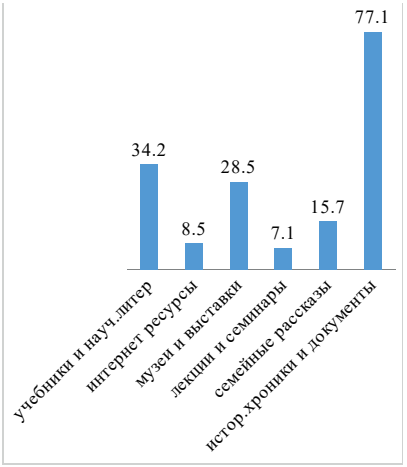


Рисунок 8 – Группа 2

На вопрос достаточно ли производится качественного контента, посвященного истории, 52% респондентов казахоязычной группы ответили «скорее нет, чем да/нет, не достаточно», 38% считают «да, достаточно/скорее да, чем нет» и 10% затрудняются ответить. 54% респондентов группы 2 склоняются к ответу «скорее нет, чем да/нет, не достаточно», 30% к ответу «да, достаточно/скорее да, чем нет» и 16% затрудняются ответить. Ответы о недостаточности контента у обеих групп может указывать на то, что существует недостаток качественного контента по истории, который удовлетворял бы их интересы. Доля тех, кто затрудняется ответить, в обеих группах оказалась сопоставимой (около 10-16%). Это может свидетельствовать о недостаточной осведомленности респондентов о существующем контенте по истории на обоих языках или о недостаточной привлекательности представленного контента. Обе группы респондентов высказали определенные опасения относительно количества качественного контента и возможно, это может быть зоной для улучшения и расширения доступного контента по истории для обеих языковых групп.

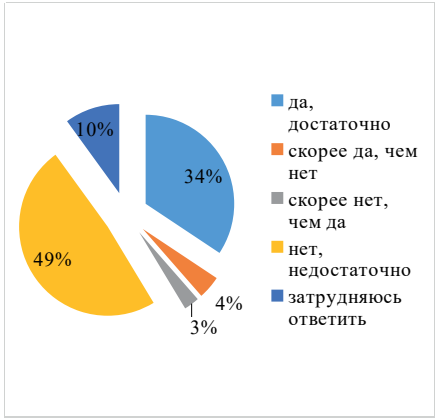


Рисунок 9 – Группа 1

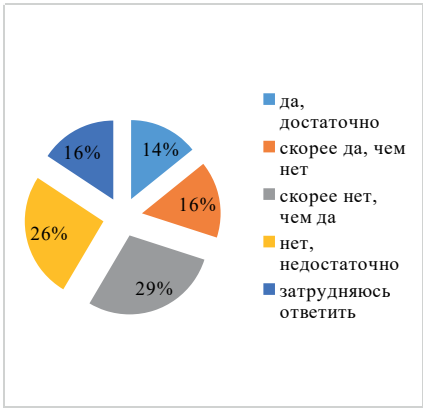


Рисунок 9 – Группа 2

На вопрос «Как вы относитесь к изменениям в официальной исторической политике Казахстана за последние годы?»

62% казахоязычной группы склоняется к варианту «положительно/скорее положительно», 15% к «скорее отрицательно/отрицательно» и 12% к варианту «нейтрально». С другой стороны, 37% русскоязычной группы относятся к изменениям в официальной исторической политике «положительно/скорее положительно», 27% «скорее отрицательно/отрицательно» и для 36% эта тема нейтральна. Данные результаты говорят о том, что в целом большинство казахоязычной группы и значительная часть русскоязычной группы респондентов положительно относятся к изменениям в официальной исторической политике за последние годы. Однако следует обратить внимание на то, что есть значительная часть респондентов, как казахоязычной, так и русскоязычной группы, относятся к этим изменениям нейтрально. Важно учитывать позиции обеих групп и проводить более детальное исследование причин различий в их мнениях по данному вопросу.

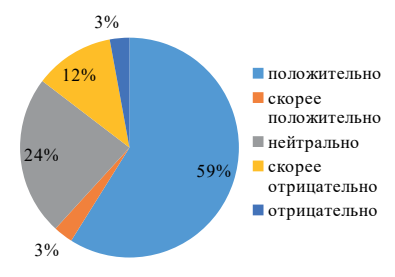


Рисунок 10 – Группа 1

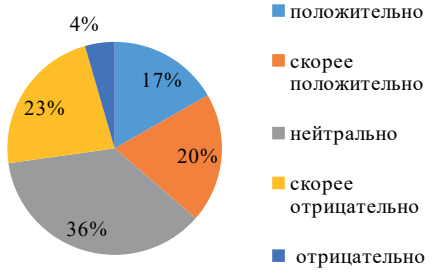


Рисунок 10 – Группа 2

На вопрос о том, как оценивается эпоха СССР в Казахстане, мнения казахоязычной группы разделились, одна часть (31%) склоняется к варианту «положительно/скорее положительно», другая же к «скорее отрицательно/полностью отрицательно». Примечательно, что 27% респондентов группы 1 оценивают эпоху СССР полностью отрицательно. 50% респондентов русскоязычной группы выбрали вариант «положительно/скорее положительно», 10% относятся отрицательно. Достаточно высокий процент нейтральности, 24% респондентов обеих групп не знают, что может указывать на недостаток информации или сложность в оценке данного периода истории. Данные результаты показывают разнообразие мнений в отношении оценки эпохи СССР среди казахоязычной и русскоязычной группы респондентов в Восточном Казахстане.

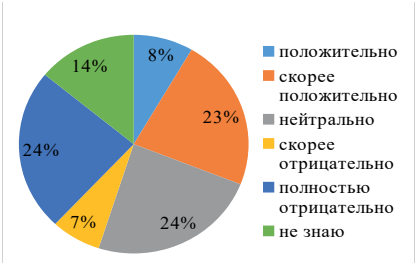


Рисунок 11 – Группа 1

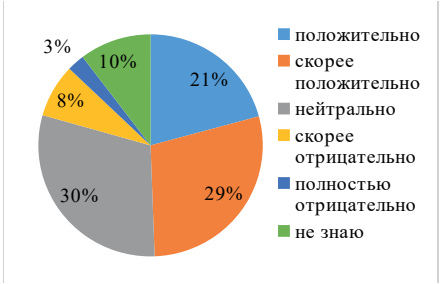


Рисунок 11 – Группа 2

«Золотым веком» в истории Казахстана респонденты обеих групп считают Казахское ханство. Это говорит о том, что как для казахоязычной, так и для русскоязычной группы этот исторический период имеет высокую ценность и значимость. На втором месте у казахоязычной группы эпоха саков, а у русскоязычной эпоха Советского союза, группа 1 больше склоняется к историческим периодам, связанным с кочевыми племенами и культурой, в то время как группа 2 отдает предпочтение советскому периоду истории, что может быть связано с их историческим и культурным наследием. На третьем месте у обеих групп эпоха независимости, что отражает значимость этого исторического периода для страны. Примечательно, что 20% респондентов казахоязычной группы считают «золотым веком» Золотую орду, а русскоязычной группы всего 4,4%. Это может указывать на различия в восприятии и оценке роли и влияния Золотой орды в истории Казахстана между двумя группами респондентов. Всего 4,2% респондентов казахоязычной группы указали эпоху Тюркского каганата, что можно связать с различными подходами к истории и интерпретации периодов прошлого. Каждый на-

род и национальное сообщество имеют свои собственные представления о том, какие исторические эпохи и события считаются ключевыми и значимыми для формирования собственной идентичности.

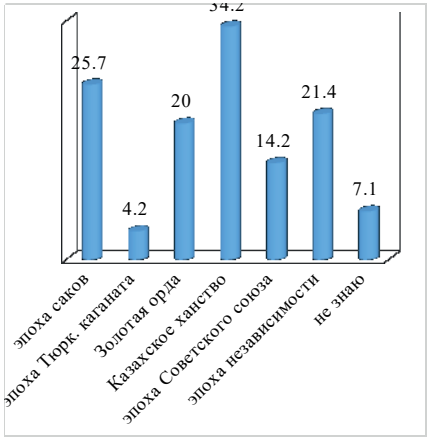


Рисунок 12 – Группа 1

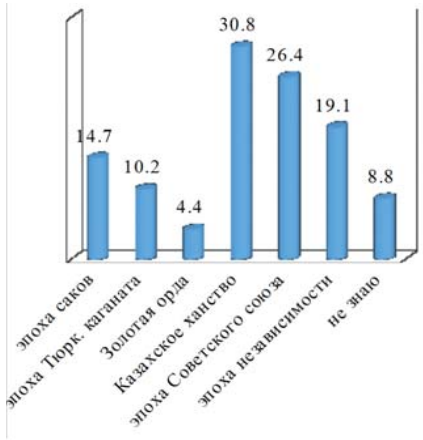


Рисунок 12 – Группа 2

На вопрос, «С какого периода или события нужно начинать отсчет истории Казахстана как государства?», казахоязычная группа респондентов считает, что отсчет нужно начинать со времен образования Казахского ханства и сакских племен, это свидетельствует о значительном влиянии их исторического долга на формирование национальной идентичности и понимания истории. 14% респондентов склоняются к варианту «со времен образования Золотой орды, 11% к «со времен образования Алашской автономии в 1917 г.» и 10% к варианту «с обретения Независимости в 1991 г.». Респонденты русскоязычной группы считают, что отсчет следует начинать со времен образования Казахского ханства, 22% склоняются к варианту «с обретения Независимости в 1991 г.», 16% затрудняются ответить и 11% считают, что со времен образования сакских племен. Важно отметить, что некоторые респонденты обеих групп затрудняются ответить на вопрос о начале отсчета истории, что может свидетельствовать о сложности в определении ключевых моментов и

событий в истории своей страны.

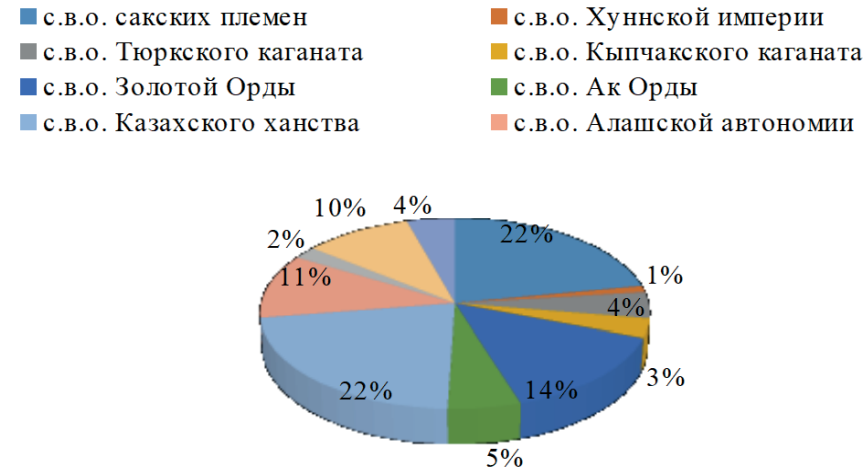


Рисунок 13 – Группа 1

Рисунок 13 – Группа 2

В ходе исследования исторической памяти казахоязычного и русскоязычного населения Восточного Казахстана были выявлены значительные различия в восприятии исторических событий, периодов и источников информации. Результаты со-

циологического опроса позволили сравнить представления об истории между двумя группами и выявить особенности и сходства в их исторических представлениях.

Можно сделать вывод, что основными факторами, влияющими на ответы респондентов, являются культурные и языковые особенности, личное отношение и их возраст. Понимание и восприятие истории сильно зависят от того, какие события были значимыми и важными для конкретной личности в ее жизни. Также играет роль возраст: современные поколения могут видеть исторические события с другой стороны, отличной от поколений, которые их непосредственно пережили.

Сходства обеих групп можно проследить в схожести ответов о Казахском ханстве и независимости Республики Казахстан, которые влияют на формирование исторического сознания, национальной идентичности и взглядов на современное состояние страны. Под четко выраженными различиями можно отметить отношение к Советскому союзу, обсуждению трагических событий истории, переименованию городов и улиц, так как эти темы являются актуальными и болезненными для большинства казахоязычного населения.

Изучение этих различий поможет лучше понять, как формируется историческое сознание в различных группах населения, как влияет на их взгляды прошлое и настоящее. Глубокое понимание исторических особенностей и значимости событий для различных культур и языковых групп может способствовать укреплению взаимопонимания и сотрудничества на межэтническом и межкультурном уровне.

Исследование подчеркивает важность понимания исторической памяти как ключевого фактора в формировании общенационального единства и взаимопонимания между различными этническими группами. Оно также предоставляет глубокое понимание культурных, языковых и социополитических особенностей региона, что имеет большое значение для развития межэтнических отношений и общественного самосознания.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ключарева В.В., Корусенко С.Н. Модернизация исторической памяти и национальной идентичности в Республике Казахстан: средства формирования и трансляции // Вестник археологии, антропологии и этнографии, 2023. № 3 (62).
2. Гижов В.А., Учаев А.Н., Шалаева Н.В. Механизм формирования исторической памяти о Великой Отечественной войне в молодежной среде (по результатам регионального социологического опроса студентов Саратова и Волгограда) // Общество: философия, история, культура. 2022. № 2. С. 57–62.
3. Фадеев П. В. Историческая память россиян в социологических опросах: основания, реальность, проблемы. // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12. №2. – С.36–54.
4. Головашина О.В. Историческая память на современном этапе социокультурной трансформации. // I n e t e r n u m. 2013. № 1. – С. 47-56.
5. Мысливец Н.Л., Романов О.А. Историческая память как социокультурный феномен: опыт социологической реконструкции // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 1. – С. 9-19.

Қожан М. С.

ХХ ҒАСЫРДАҒЫ ҚАЗАҚСТАННЫҢ ДЕМОГРАФИЯЛЫҚ ДАМУ МӘСЕЛЕЛЕРІ (ДЕМОГРАФИЯЛЫҚ КОНФЕРЕНЦИЯ МАТЕРИАЛДАРЫН ТАЛДАУ НЕГІЗІНДЕ)

Аннотация

«Қазақстандағы және іргелес аумақтардағы этнодемографиялық процестер» халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференциясы еуразиялық кеңістікте беделді және ұзақ тарихы бар боп саналады. Қазақстан үшін отандық қана емес, шетелдік зертте-

ушілерді де қамти отырып, демографиялық тақырыпқа назар аудара отырып, үлкен тарихы бар конференция бірегей болып табылады. Мақалада XX ғасырдағы Қазақстанның демографиялық даму мәселелеріне қатысты тақырыптарды зерттейтін авторлардың ғылыми мақалалары талданады. XX ғасырдағы Қазақстан халқының демографиялық жағдайы яғни, халықтың табиғи өсімі,өлім деңгейі, көші-қон процестері, халықтың сауаттылық деңгейі, қала халқы үлесі бойынша мақалалар қарастырылды. «Қазақстандағы және іргелес аумақтардағы этнодемографиялық процестер» халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференциясы аясында мәліметтер жинақталып, кесте түзілді.

Түйін сөздер: демографиялық даму, табиғи өсім, халық санағы, динамика, этнодемография.

Abstract

The international scientific and practical conference «Ethnodemographic processes in Kazakhstan and adjacent territories» is considered prestigious and has a long history in the Eurasian space. The conference, which has a long history, is unique for Kazakhstan; it involves not only domestic but also foreign researchers working on demographic topics. The article analyzes scientific articles by authors exploring topics related to the demographic development of Kazakhstan in the twentieth century. Articles on the demographic situation of the population of Kazakhstan in the twentieth century are considered, namely: natural population growth, mortality, migration processes, the level of literacy of the population, the share of the urban population. Information was collected and a table was compiled within the framework of the international scientific and practical conference «Ethnodemographic processes in Kazakhstan and adjacent territories».

Keywords: Demographic development, natural increase, population census, dynamics, ethnodemography.

Халықтың туу, өлім, неке, ажырасу процесстері демографиялық ахуалды қалыптастырады. Демографиялық ахуал бірқалыпты орныққан жағдайда демографиялық даму болады.

Демографиялық даму бұл – халықтың туу көрсеткішінің кему процессінен едәуір жоғары болуы, халықтың экономикалық дамуы, жұмыспен қамту, халықтың тұрмыс жағдайы бойынша ақпарат береді. Ал демографиялық дамуға кері әсерін беретін жайттарға: бала туудың азаюы, өлім деңгейінің жоғары болуы, көші-қон процессінің едәуір ұлғаюы әсерінін дамуға теріс әсерін береді. XX ғасырдағы Қазақстан халқының демографиялық жағдайы, динамикасы әр түрлі деңгейде болды. XX ғасырдағы Қазақстан халқының демографиялық дамуына кері әсерін тигізген саяси оқиғалар нәтижесінде халықтың өлу деңгейінің жоғары болуы, көші-қон процесінің ұлғаюы халықтың демографиялық дамуын тежеді. Демографиялық ахуал және демографиялық даму мемлекет үшін маңызға ие.

«Қазақстандағы және іргелес аумақтардағы этнодемографиялық процестер» халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференциясы осы мақала үшін үлкен дереккөз жинағы болды. Себебі, конференцияда демография аясында түрлі мақалалар жинақталған. Конференция аясында XX ғасырдағы Қазақстан халқының демографиялық даму ерекшеліктерін түрлі кезеңдер арқылы зерттеуге мүмкіндік туды. Яғни, XX ғасыр үлкен мерзім, саяси оқиғалар, түрлі демографиялық ахуалдар орын алған кезең. Сондықтан осы конференцияны талдауды жөн көрдім.

«Қазақстандағы және іргелес аумақтардағы этнодемографиялық процестер» халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференциясы 1998 жылы Өскемен қаласында тарих ғылымдарының докторы, профессор Алексеенко Александр Николаевич және оның пікірлестерінің бастамасымен, Шығыс Қазақстан облысы және облыстық Достық үйінің негізінде, «Қазақстандағы және іргелес аумақтардағы этнодемографиялық процестер» атты дәстүрлі конференция өткізіліп келеді. Конференция нәтижесінде Өскемен Қазақстанның «демографиялық ғылымның астанасы мәртебесіне ие болды. 1998 жылы 28-29 мамыр күндері алғашқы конференция өткен болатын. Бірінші конференцияда 38 мақала жарық көрді. Конференциялардың қорытындысы

бойынша ғылыми жинақтар шығарылады. Қазіргі күнге дейін жиырма екі конференция жарық көрді.

Кесте 1 – XX ғасырдағы Қазақстанның демографиялық даму мәселелерін демографиялық конференция материалдарын бойынша талдау.

Конференция	Жалпы мақала саны	XX ғ. бойынша жалпы мақалалар саны	оның ішінде XX ғ. бойынша мақалалар саны								
			Халықтың демографиялық құрылымы: жас, жыныс, этнодемографиялық құрылымы	Неке, отбасы	Туу	Өлім	Көші-қон (миграция, депортация)	Халықтың денсаулық жағдайы	Қала халқы өсімі, саны	Халықтың білім деңгейі	Демографиялық саясат
I	38	17	10	3	0	0	3	0	0	1	0
II	36	16	10	1	1	0	2	0	1	0	1
III	81	17	10	1	0	0	2	0	2	2	0
IV	66	18	8	0	3	1	4	0	1	0	1
V	39	11	6	0	1	1	2	0	0	0	1
VI	55	11	6	0	0	1	2	0	1	1	0
VII	55	14	8	0	0	2	1	1	0	2	0
VIII	60	9	6	0	0	0	2	0	0	1	0
IX	37	7	2	0	1	0	4	0	0	0	0
X	60	9	4	0	0	0	3	0	0	1	1
XI	68	10	8	0	0	1	1	0	0	0	0
XII	55	14	8	2	0	1	3	0	0	0	0
XIII	49	10	7	0	0	1	1	0	0	1	0
XIV	48	6	3	0	0	0	2	0	0	1	0
XV	67	4	3	0	0	0	0	0	0	0	1
XVI	57	8	3	1	0	1	1	0	2	0	0
XVII	39	7	3	1	0	1	1	0	1	0	0
XVIII	43	4	1	0	0	1	2	0	0	0	0
XIX	37	7	2	0	0	0	5	0	0	0	0
XX	23	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0
XXI	40	9	5	0	0	0	3	0	1	0	0
XXII	47	9	5	1	0	0	2	0	1	0	0
Жалпы саны	1100	218	119	10	6	11	46	1	10	10	5

Конференцияны талдау үшін аумақтың және уақыттық шеңберді көрсететін мақалалар таңдалды (Қазақстан XX ғасыр). Жоғарыда айтып өткеніміздей XX ғасыр Қазақстан халқы үшін

үлкен мерзім. Яғни, саяси оқиғалар, түрлі демографиялық ахуалдар, жайттарды талдауымыз үшін критерийлерге бөліп қарастыру керек. Сондықтан 1-кестеде халықтың демографиялық жағдайын көрсету үшін 9 бағанға бөлінген кесте түзілді.

1-кесте бойынша жиырма екі конференция жинағында барлығы 1100 мақала жарияланған, оның 218-і Қазақстанның XX ғасырдағы демографиялық даму тарихына қатысты. Динамикаға қарасақ, конференцияның алғашқы жылдарында Қазақстанның демографиялық проблемалары ең өзекті болды. Халықтың демографиялық құрылымы: жас мөлшері, жынысы, этнодемографиялық құрылымы бойынша 119 мақаланы құрайды; неке қатынастары, отбасы жағдайы жөнінде 10 мақала жарияланған; туу көрсеткіші бойынша яғни, табиғи өсім бойынша 6 мақала; өлім деңгейі бойынша 11 мақаланы құрайды; көші-қон миграция, репатриация, депортация жайында жазылған мақалалар саны 46; халықтың денсаулық жағдайы бойынша 1 мақаланы құрады; қала халқы өсімі, урбандалу деңгейі жөнінде 10 мақала жарыққа шыққан; халықтың білім деңгейі, сауаттылығы аясында 10 мақала жарияланған; ал демографиялық саясат бойынша саны 5 мақаланы құрайды.

Зерттеу сұрақтарына көз жүгіртсек, ең үлкен ғылыми қызығушылық халықтың демографиялық құрылымына қатысты тақырыпта болғанын көреміз (барлығы 119 мақала). Бұл тақырып бойынша ең белсенді авторлар Кочергина Л.Н., Рысбекова С.Т. мақалалар жариялады. Кочергина Л.Н. 1867-1926 жылдардағы жүргізілген халық санақтары бойынша Қазақстан халқының ұлттық құрамын зерттеді. 1926 жылғы халық санағы бойынша Қазақстанда ең көп таралған ұлт қазақ (57,2 %), екінші орында орыс (19,8 %) және басқа ұлттарды (22,6 %) құраған [1, 42 б.]. Рысбекова С.Т. 1950-1980 жылдардағы Батыс Қазақстан халқының әлеуметтік құрылымы жайлы зерттеген болатын. Яғни, Батыс Қазақстан халқын соғыстан кейінгі жылдарда жұмыспен қамту қандай деңгейде жүргендігі баяндалады. 1959-1989 жылдар арасындағы жұмыспен қамту бойынша динамика 849,3 мың адамнан 985,9 мың адам жұмыспен қамтылғанын

көрсетеді [2, 46 б.]. Зерттеушілердің халықтың этнодемографиялық құрылымына деген қызығушылығы оның неке және туу көрсеткіші сияқты маңызды демографиялық көрсеткіштердің жағдайына әсер етуімен байланысты.

Екінші көлемі бойынша үлкен топ көші-қон мәселелеріне арналған мақалалардан тұрады. 1-кестеде көші-қон процесі бойынша 46 мақала жарияланғаны көрсетілген. 46 мақаланың ішіне XX ғасырдағы Қазақстан халқының өзге елге қоныс аударуы, иммигранттардың Қазақстанға көшіп келуі, репатрианттардың Тәуелсіздік жылдары елге оралуы жайында мақалалар жарияланған. Көші-қон процестері бойынша авторлар Қаржаубаева А.И., Игнатьева Л.Н. мақала жариялаған болатын. Автор 50 жылдардағы соғыстан кейінгі Батыс Қазақстан халқының көші-қон процестерін зерттеді. Соғыстан кейінгі жылдары халықтың өсімі төмендеп кетті, ал бұл жағдайға оң әсер етіп халықтың көбеюіне ықпал еткен жайт тың және тыңайған жерлерді игеру. Яғни, тыңайған жерлерді игеру үшін мигранттар келе бастады. Мигранттардың ең қарқынды келген кезеңі 1954-1955 жылдары болды. Батыс Қазақстан халқының басым көпшілігін Ресейден келген иммигранттар құрады. Сәйкесінше Батыс Қазақстан халқының жергілікті халқының үлес салмағы төмендей түсті. 1955-1959 жылдары орыс ұлтының үлес салмағы 35,8 %-дан 41,5 %-ға дейін өскен. Соның нәтижесінде жергілікті халықтың үлесі 4,5 %-ға азайып 45,9 %-ды құраған [3, 52-53 б.]. Игнатьева Л.Н. 1950 жылдардағы Қазақ КСР-дегі еңбек миграциясы жайлы зерттеген болатын. 1952 жылы арнайы қаулы бойынша қоныс аударушыларға арнайы шаруашылық жоспар бекітіліп, қожалықтар ұйымдастырылды. Шаруа қожалықтарына республикадан 12 облыс бекітілді.Соның бірі Оңтүстік Қазақстан облысына 2027 шаруа қожалығы орналастырылды [4, 147 б.].

Отбасы және неке қатынастары бойынша конференцияда 10 мақала жарияланған. Соның бірі автор Уалиева С.К. Қазақстандағы отбасы және неке қатынастарының этнодемографиялық сипаттамасы туралы (1926 жылғы санақ материалдары негізінде) атты мақаласында нақты мәліметтер ұсынады. 1926 жылғы

Бірінші Бүкілодақтық халық санағының материалдарында, республика халқының отбасылық жағдайы, ажырасуы, жесір қалуы туралы деректерде көрініс тапты. Қазақ әйелдерінің 50 %-ы 20 жасқа дейін тұрмыс құрған болса, орыс және украин әйелдері 20 жастан өте тұрмыс құрған. Және қазақтардағы ер мен әйелдің жас айырмашылығы 10-20 жасты құраса, орыс және украин халқында 0-5 жас аралығында болғандығы мақалада жарияланған [5, 41 б.].

Халықтың сауаттылық деңгейі бойынша 10 мақала жарық көрген. Жазылған мақалаларға көз жүгіртер болсақ, автор Краснобаева Н.Л. 1897, 1920, 1926, 1939, 1959 жылдардағы халық санағы бойынша Қазақстанның сауаттылық деңгейі тақырыбындағы мақаласында: Бүкілхалықтың санақ нәтижесі бойынша, халықтың білім деңгейін анықтап сауатты халықтың үлес пайызын көрсетеді. 1926 жылғы халық санағы бойыншы сауатты халықтың үлесі 25,2 %-ды ғана көрсетеді. 1939 жылғы халық санағы бойынша сауатты халықтың үлесі 83,6 %-ға жеткен. 1959 жылғы Бүкілодақтық үшінші халық санағы Қазақстандағы сауатты халықтың тез өскенін көрсетті, сондықтан сауатсыз халықтың үлесі небәрі 3,1 % құрады. Дегенмен, Қазақстан халқының басым бөлігінің толық емес орта білімділері – 63,6 %, ал жоғары білімі барлардың аз ғана пайызы – 4,9 %-ды құраған [6, 18 б.].

Авторлар көбінесе Бүкілодақтық халық санақ материалдарын, соғыстан кейінгі жылдарды, тың игеру кезіндегі көші-қон процестерін, халықтың құрылымын зерттеуге баса назар аударған. Яғни 1926 ж, 1939 ж,1941-1945жж, 1955-1959 жж, 1989 жылдарды атап өтуіміз керек. Жоғарыда халықтың неке қатынастары жайлы айтып өттік, соның ішінде қазақ әйелдерінің тұрмыс құру жас мөлшері қызықты дерек ретінде көзге түседі. Себебі қазақ әйелдерін өзге ұлт өкілі әйелдерімен салыстыра отырып, ері мен әйелі арасындағы жас мөлшерін де зерттеген. Авторлар дереккөз ретінде санақ материалдарын пайдаланғанын атап өтуіміз тиіс. Себебі, жүргізіліетін санақ материалдары тек қана халықтың үлес салмағын ғана көрсетпейді, халықтың

сауаттылық деңгейін, жынысын, жас мөлшерін, қала және ауыл халқының үлесін айқын көрсететін таптырмас дерек.

Қорытындылай келе, конференциядағы мақалалардың басым бөлігі Қазақстанның этнодемографиялық даму ерекшеліктеріне арналғанын атап өтуге болады. Әрине, бұл конференция тақырыбының өзіне де, этникалық құрамдас бөліктің демографиялық дамуға күшті ықпалына да байланысты. Авторлар өз жұмыстарында ең алдымен статистикалық мәліметтерге сүйенеді.

Сондай-ақ конференциядағы мақалалардың айтарлықтай бөлігі XX ғасырдың 50-ші жылдарына арналғанын айта кеткен жөн. Яғни, соғыстан кейінгі халықтың жағдайы, халықтың үлес салмағы жөнінде қарастырылады.

Және Бүкілхалықтың халық санақтары мақалаға арқау болды. Сондай-ақ 1999 жылы демографиялық өзгерістерді талдаудың бастапқы негізін құрайтын бірінші ұлттық халық санағы жүргізілді.

ӘДЕБИЕТТЕР:

1. Кочергина Л.Н. XX ғасырдың бірінші ширегіндегі Қазақстан халқының ұлттық құрамының қалыптасуы (1897 және 1926 жылдардағы санақ мәліметтері бойынша) // Қазақстандағы және іргелес аумақтардағы этнодемографиялық процестер: Халықаралық ғылыми-практикалық конференция материалдары, Өскемен, 1999. – 86 б.
2. Рысбекова С.Т. 1950-1980 жыылдардағы Батыс Қазақстан халқының әлеуметтік құрылымындағы өзгерістер // Қазақстандағы және іргелес аумақтардағы этнодемографиялық процестер: Халықаралық ғылыми-практикалық конференция материалдары, Алматы, 1998. – 81 б.
3. Қаржаубаева А.И. 50 жылдардағы Батыс Қазақстандағы көшіқон процестері // Қазақстандағы және іргелес аумақтардағы этнодемографиялық процестер: Халықаралық ғылыми-практикалық конференция материалдары, Орал, 2002. – 116 б.

4. Игнатьева Л.Н. XX ғасырдың 50-жылдарындағы Қазақ КСР-дегі еңбек миграциясын реттеу // Қазақстандағы және іргелес аумақтардағы этнодемографиялық процестер: Халықаралық ғылыми-практикалық конференция материалдары, Өскемен, 2020. – 329 б.
5. Краснобаева Н.Л. 1897, 1920, 1926, 1939, 1959 жылдардағы халық санағы бойынша Қазақстанның сауаттылық деңгейі // Қазақстандағы және іргелес аумақтардағы этнодемографиялық процестер: Халықаралық ғылыми-практикалық конференция материалдары, Өскемен, 2001. – 175 б.
6. Уалиева С.К. Қазақстандағы отбасы және неке қатынастарының этнодемографиялық сипаттамасы туралы (1926 жылғы санақ материалдары негізінде) // Қазақстандағы және іргелес аумақтардағы этнодемографиялық процестер: Халықаралық ғылыми-практикалық конференция материалдары, Өскемен, 1998. – 81 б.

Краснобаева Н. Л.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КАЗАХСТАНА В 50-80-е ГОДЫ XX ВЕКА

(Статья подготовлена в рамках реализации грантового научного проекта AP19676895 «Казахи как демографический потенциал Казахстана: ретроспектива и перспективы развития», финансируемого Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан)

Аннотация

В статье рассматривается социально-экономическая ситуация в Казахстане в середине XX века, когда закладывается дифференциация экономической деятельности и социального

обеспечения населения регионов. Выявляется последующее влияние регионального дисбаланса на этносоциальные процессы Казахстана.

Ключевые слова: население, миграция, социально-экономическое развитие.

Abstract

The article examines the socio-economic situation in Kazakhstan in the middle of the twentieth century, when the differentiation of economic activity and social security of the population of the regions is being laid. The subsequent influence of the regional imbalance on the ethnosocial processes of Kazakhstan is revealed.

Keywords: population, migration, socio-economic development.

Вторая половина XX века (50-е годы) стали для Казахстана временем масштабных экономических и социальных изменений, которые оказали влияние на дальнейшее развитие регионов страны. Основную роль здесь сыграли миграционные процессы, как следствие освоения целинных и залежных земель и капиталовложения за счет средств, предусмотренных по государственному плану.

Принятый Закон «О пятилетнем плане восстановления и развития народною хозяйства СССР на 1946-1950 гг.», предполагал выделение значительных средств на развитие тяжелой промышленности, прокладку новых железнодорожных линий, повышение урожайности сельскохозяйственных культур. В 1954-1958 гг. были построены и введены в эксплуатацию 730 промышленных предприятий и цехов. Внимание руководства Казахстана привлекали такие индустриально-промышленные регионы, как Центральный Казахстан (Карагандинский угольный бассейн, Карагандинский металлургический завод, угольный разрез в Экибастузе), Восточный Казахстан (Лениногорский свинцовый завод, Усть-Каменогорский свинцово-цинковый комбинат) и другие. Всё это позволило Казахстану к 1958 году выйти на третье место по выпуску продукции среди союзных республик.

В данный период формируется разность в социально-экономическом развитии областей Казахстана, в части особого финансирования социально-экономических программ для одних регионов и минимизация их для других.

С началом освоения целинных земель внимание руководства сосредоточено на Северном Казахстане [1]. Сюда направляются основные средства, здесь создаются новые рабочие места (таблица 1).

Темпы роста капитальных вложений за 1953-1955 годы в Северном регионе были выше, чем в Западном в 10,8 раза, в Южном - в 12,7 раза, в Центральном - в 19,6 раза, Восточном - в 18,2 раза.

Таблица 1 – Объем капитальных вложении за счет средств, выделенных по государственному плану (без Алматы), млн. рублей.

Области *	Годы		
	1953	1955	1955 г. к 1953, %
Акмолинская	165	1780	1079,0
Актюбинская	145	321	221,4
Алматинская	107	207	193,5
Атырауская	269	257	95,5
Восточно-Казахстанская	805	706	87,7
Жамбылская	134	301	224,6
Западно-Казахстанская	87	276	317,2
Карагандинская	1150	1598	139,0
Кзыл-Ординская	93	117	125,8
Кокшетауская	57	786	1379,0
Костанайская	117	1482	1267,0
Павлодарская	163	689	422,7
Северо-Казахстанская	106	515	485,8
Семипалатинская	100	237	234,0
Талдыкорганская	114	199	174,6
Южно-Казахстанская	355	460	129,6
Казахстан	3967	9931	250,3

** В таблицах используется современное название областей Казахстана*

Рассчитано по: Народное хозяйство Казахской ССР: Стат. сборник / Стат. упр. Казах. ССР. - Алма-Ата: Казгосиздат, 1957. – С.224.

И если в 1953 году объем капитальных вложений в Северный регион был на 32,1% ниже, чем в Южный, на 48,8%, чем в Восточный, на 8,9%, чем в Центральный и на 21,4% выше, чем в Западный регион, то через 2 года объем капитальных вложений в Северный регион был выше соответственно в 4,1: 6,1; 5,6: 3,3 раза.

Строительство и эксплуатация новых предприятий, образование большого числа совхозов создавало значительное количество новых рабочих мест. Темпы роста их числа в 1950-1960 годы наиболее высоки были в Северном регионе: - в 3 раза выше, чем в Восточном, в 2,8 раза, чем в Западном, в 2,5 раза, чем в Южном и на 4,9%, чем в Центральном [3]. В значительной мере эти рабочие места заполнялись мигрантами, многие из которых прибывали из-за пределов республики.

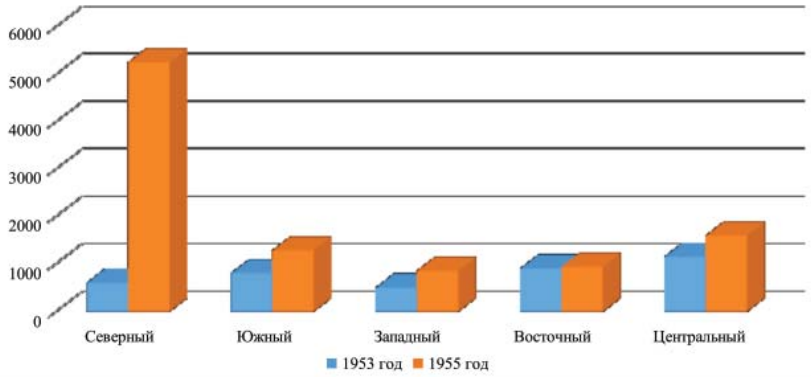


Рисунок 1 – Объем капитальных вложений (млн.рублей) [2].

В 1950-е годы увеличилось финансирование социальной сферы. Государство помогало инвалидам войны и семьям, потерявшим на войне кормильца. С конца 40-х годов государство стало выделять средства на строительство жилья. В Казахстане к концу 1950-х - началу 60-х годов начали строить многоэтажные жилые дома. При этом темпы введения в действие жилой площади в 1953-1955 годы в Северных областях были в 7 раз

выше, чем в Западных, в 12,1 раза, чем в Южных, в 12,5 раза, чем в Центральном Казахстане и в 14,1 раз, чем в Восточном (таблица 2).

Почти половина всей жилой площади в 1955 году приходилась на Северный район, хотя удельный вес населения там составил 29% населения республики. К примеру, в Южном регионе проживало в середине 50-х годов XX в. более трети жителей Казахстана, а процент введенной в действие жилой площади составил в 1955 году - 13,7%.

Таблица 2 – Построено и введено в действие общей площади жилых домов государственными предприятиями, учреждениями и местными советами по областям (тыс. кв. метров) (без г. Алматы).

Области	тыс. кв. метров		
	1953	1955	1955 г. к 1953, %
Алматинская	13,1	44,0	335,9
Акмолинская	33,1	293,8	887,6
Актюбинская	28,4	75,4	265,6
Восточно-Казахстанская	129,1	111,1	86,0
Атырауская	26,1	28,9	110,7
Жамбылская	37,4	67,5	180,5
Западно-Казахстанская	28,4	68,9	242,6
Карагандинская	248,6	399,9	160,9
Кзыл-Ординская	11,4	23,0	201,7
Кокшетауская	6,8	154,8	2276,5
Костанайская	18,7	293,8	1571,1
Павлодарская	35,9	148,9	414,8
Северо-Казахстанская	18,5	80,3	434,0
Семипалатинская	26,0	44,2	170,0
Талдыкорганская	19,3	38,7	200,5
Южно-Казахстанская	91,1	107,2	117,7
Экономические районы:			
Южный	172,3	280,4	162,7
Северный	113,0	971,6	860,0
Западный	82,9	173,2	208,9
Восточный	155,1	155,3	100,1
Центральный	248,6	399,9	160,9
Казахстан	771,9	1980,4	256,5

Рассчитано по: Народное хозяйство Казахской ССР: Стат. сборник / Стат. упр. Казах. ССР. - Алма-Ата: Казгосиздат, 1957. – С.226-227.

Несоответствие социально-экономических и демографических процессов с течением времени привело к существенным проблемам. Демографический взрыв, приведший к значительному увеличению естественного прироста казахов в 1950-60-х гг., в 1970-80-е гг. имел не менее значительные социальные последствия. Причем не только положительные. «Социалистический» вариант демографической истории Казахстана к концу советского периода обнаруживает определенные проблемы. Поколение демографического взрыва, появившееся на свет в 1950-60-е гг., в 1970 – 80-е гг. вступает в трудоспособный возраст и все более явно сталкивается с вопросами несоответствия демографического и социально-экономического развития. Противоречие заключается в том, что социально-экономический потенциал не в состоянии адаптировать потенциал демографический. Так как официально безработицы в СССР не было и трудоспособное население должно было быть занято в народном хозяйстве, то, по мнению авторов, данные среднегодовой численности рабочих, служащих и колхозников соответствуют количеству рабочих мест на государственных предприятиях. На эти рабочие места могли претендовать люди, в основном находящиеся в трудоспособном возрасте (за исключением работающих пенсионеров). Естественно, что не все, находящиеся в возрасте от 16 до 60 (55) лет, будут работать. Нами учтены следующие моменты:

1. Количество рожденных детей (с учетом младенческой смертности) в 1987–89 гг. в целом соответствует количеству женщин, находящихся в декретном отпуске;

2. Учащиеся школ и ПТУ, находящиеся в трудоспособном возрасте (16-17 лет);

3. Студенты вузов, ссузов;

4. Пенсионеры (военные, летчики и т, п,), находящиеся в трудоспособном возрасте, лица, получающие государственные пособия.

По нашим расчетам, доля населения, входящего в перечисленные пункты, составляла около 15% трудоспособного населения Казахстана. Данный коэффициент распространен на все области республики. Оговоримся, что каждая область имеет свои особенности, в одних выше рождаемость и, соответственно, число женщин, находящихся в декретном отпуске, в других больше пенсионеров. Не учтен и такой фактор, как получившие распространение в конце 1980-х гг. малые предприятия, кооперативы и т. д. Мы не преследуем цели выявить точное число безработных, это невозможно. Основная задача заключается в том, чтобы увидеть тенденцию, обозначить проблемы, возникающие в контексте демографического и социально-экономического развития. Результаты расчетов представлены в таблице 3.

Таблица 3 – Занятое и незанятое население в трудоспособном возрасте в 1989 г. (без учета г. Алматы).

регионы	Среднегодовая численность рабочих и служащих, тыс. человек	Численность населения в трудоспособном возрасте, тыс. человек	Занятые в трудоспособном возрасте, %	Не занятые в трудоспособном возрасте, %
Казахстан	**6206,0**	**7186,0**	**86,4**	**13,6**
Южный Казахстан	**1731,0**	**2289,0**	**75,5**	**24,5**
Алматинская	328,0	443,0	74,0	26,0
Жамбылская	359,0	461,0	77,9	22,1
Кзыл-Ординская	208,0	287,0	72,5	27,5
Талдыкорганская	262,0	320,0	81,9	18,1
Южно-Казахстанская	574,0	778,0	73,8	26,2
Северный Казахстан	**2073,0**	**2174,0**	**97,1**	**2,9**
Кокшетауская	308,0	312,0	98,7	1,3
Костанайская	586,0	591,0	99,1	0,9
Павлодарская	435,0	456,0	95,4	4,6
Северо-Казахстанская	290,0	284,0	102,1	-2,1

Продолжение таблицы 3				
Акмолинская	454,0	491,0	92,5	7,5
Западный Казахстан	**864,0**	**981,0**	**88,1**	**11,9**
Актюбинская	309,0	340,0	90,9	9,1
Атырауская	283,0	347,0	81,6	18,4
Западно-Казахстанская	272,0	294,0	92,5	7,5
Восточный Казахстан	**712,0**	**831,0**	**85,7**	**14,3**
Восточно-Казахстанская	396,0	440,0	90,0	10,0
Семипалатинская	316,0	391,0	80,8	19,2
Центральный Казахстан	**826,0**	**911,0**	**90,7**	**9,3**
Карагандинская	613,0	676,0	90,7	9,3
Жезказганская	213,0	235,0	90,6	9,4

Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. по Казахской ССР. Пол, возраст, состояние в браке (раздел 2), Алма-Ата, 1990. – С. 41-115; Народное хозяйство Казахстана за 70 лет. Алма-Ата, 1990. – С. 17–20.

Как видно из данных таблицы 3, наибольшие проблемы с занятостью имеются в Южном экономическом регионе - 24,5% населения в трудоспособном возрасте не заняты на государственных предприятиях. Наиболее тревожная ситуация сложилась в Кзыл-Ординской, Южно-Казахстанской и Алматинской областях. В Восточном экономическом районе дефицит рабочих мест составил 14,3%, причем положение в Семипалатинской области было намного сложнее, чем в Восточно-Казахстанской. В Западном регионе незанятыми оказались 11,9% трудоспособного населения, в Центральном – 9,3%. Налицо существенная разница в обеспечении рабочими местами, в первую очередь Северного и Южного экономических районов. Во многом это следствие действия демографической волны, возникшей в результате демографического взрыва казахов в 1950-60-е гг. Более

остро ситуация обозначилась в сельскохозяйственных регионах. Но в конце 1980-х гг. проблема аграрного перенаселения еще нейтрализовалась социалистической системой хозяйствования, в которой рыночные методы не работали (в СССР не должно быть безработицы). Так, например, в конце 1980-х гг. Н.Назарбаев отмечал на XVI съезде Компартии Казахстана, что созданные новейшие технологии в овощеводстве в два раза сокращают потребность рабочих, снижают себестоимость и повышают урожайность. Но эти технологии не применяются в областях южного Казахстана [4]. Вполне ясно, почему. В случае использования новейших технологий факт скрытой безработицы был бы выражен еще более явно.

Таким образом, проблема несоответствия векторов демографического и социально-экономического развития была актуальна еще в 1980-е гг. По настоящему острой она стала после распада СССР, когда экономика постсоветского пространства перешла на «рыночные» отношения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. С целью качественно рассмотрения особенностей и региональных различий территория Казахстана области объединены: Северный Казахстан (Северо-Казахстанская, Павлодарская, Кокшетауская, Акмолинская области); Южный Казахстан (Алматинская, Жамбыльская, Талдыкорганская, Южно-Казахстанская, Кзыл-Ординская); Западный (Западно-Казахстанская, Атырауская, Актюбинская); Восточный (Восточно-Казахстанская, Семипалатинская); Центральный (Карагандинская).
2. Источник: Народное хозяйство Казахской ССР: Стат. сборник / Стат. упр. Казах. ССР. - Алма-Ата: Казгосиздат, 1957. – С.224.
3. Рассчитано по: Народное хозяйство Казахстана за 50 лет. Стат. Сборник. - Алма-Ата, 1971. – С.189-240.
4. Назарбаев Н.А. О проекте основных направлений экономического и социального развития. Доклад на XVI съезде Компар-

тии Казахстана // Казахстанская правда, 1988, 9 февраля.

Куанганов Ф.Ш.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПООЩРЕНИЯ РОЖДАЕМОСТИ НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ В 2010-2014 гг.

Аннотация

Статья представляет экономическую модель поощрения рождаемости для Казахстана, разработанную автором в 2006 году для решения задачи демографического роста и реализованную в Северо-Казахстанской области. Теоретической основой программы послужила экономическая теория рождаемости американского экономиста Гэри Беккера, Нобелевского лауреата 1992 года. Цель данной статьи – представить результаты реализации программы стимулирования рождаемости в Северо-Казахстанской области «Ұрпақ қоры/Фонд поколений» на 2010-2014 годы. Предполагается, что статья даст понимание основных механизмов предлагаемой модели и параметров, необходимых для изменений в репродуктивном поведении семей, а также позволит оценить потребности в ресурсном обеспечении для возможной реализации экономической модели поощрения рождаемости в масштабах республики. Предметом настоящей статьи является научно-методологический анализ соответствия изменений в репродуктивном поведении населения поставленной задаче управления рождаемостью в условиях региона с невысоким уровнем доходов, релевантности предлагаемой модели теории рождаемости Г.Беккера, а также оценка возможностей применения модели в других регионах. В этой связи предлагаемая статья имеет не только теоретическое, но также важное практическое значение для разработки и реализации демографической политики в Казахстане.

Ключевые слова: демографическая политика, экономическая демография, поощрение рождаемости, Фонд поколений, экономическая теория рождаемости Г. Беккера, население Северо-Казахстанской области.

Abstract

The article presents an economic model of birth stimulation for Kazakhstan, developed by the author in 2006 to solve the problem of demographic growth and implemented in the North Kazakhstan region. The theoretical basis of the program was the economic theory of fertility of the American economist Gary Becker, Nobel laureate in 1992. The purpose of this article is to present the results of the implementation of the birth rate stimulation program in the North Kazakhstan region «Urpaq Qory/Generations Fund» for 2010-2014. It is assumed that the article will provide an understanding of the main mechanisms of the proposed model and the parameters required for changes in the reproductive behavior of families, as well as an assessing the needs in resource provision for the possible implementation of the economic model of nudging fertility on a national scale. The subject of this article is a scientific and methodological analysis compliance of changes in the reproductive behavior of the population with the task of birth rate control in the conditions of a region with a low income level; the relevance of the model proposed to the G.Becker's economic theory of fertility; as well as an assessment of the possibilities of applying the model in other regions . In this regard, the proposed article has not only theoretical but also important practical significance for the development and implementation of demographic policy in Kazakhstan.

Keywords: demographic policy, economic demography, promotion of fertility, Generation Fund, economic theory of fertility by G. Becker, population of the North Kazakhstan region.

Демографический рост – актуальная задача для большинства индустриально развитых стран. Наблюдаемые тенденции старения населения, низкой рождаемости и, как следствие, депопуляция создают серьезные социальные и экономические

вызовы для устойчивого развития этих стран. Происходящие процессы связаны с т.н. законом демографического перехода – переходом от высокого уровня рождаемости и смертности населения к низким показателям, свойственным развитым странам. По оценкам демографов, эти тренды – прямое следствие модернизации общества, т.е. перехода от аграрного общества к индустриальному, а потому неизбежны и необратимы в обозримой перспективе. В этих условиях аждая страна вынуждена искать свои решения.

Для Казахстана проблема демографического роста также стала приоритетной задачей устойчивого развития страны с первых лет обретения Независимости. После распада СССР в 1991 году в обществе возник запрос на восстановление трагических потерь населения Казахстана в 1920-40-х годах (свыше 3 млн.чел.).

Перспективы социально-экономического и территориального развития страны также связаны с растущим потребностями в человеческом капитале. Как страна с низкой плотностью населения (184 место) вкупе с огромными природными ресурсами и малоосвоенными территориями (9 место), Казахстан располагает значительным потенциалом демографического роста. Как этот потенциал будет реализован – за счет естественного роста или миграции извне, составляет основной вопрос демографической стратегии Казахстана. Согласно Докладу ООН о народонаселении 2022 года в субрегионе (Центральная и Южная Азия) уже сегодня проживает более 2 млрд. чел., а к 2100 году в некоторых соседних странах население вырастет более, чем втрое [1].

Проблема депопуляции и оттока населения проявилась особенно остро в Казахстане в 1990-е годы, как и в некоторых постсоветских странах с высоким уровнем индустриально развития. К 2001 году за пределы страны выехало более 2,5 чел., за 10 лет убыль населения составила почти 15 %.

В этой связи в 1997 году о необходимости сильной демографической и миграционной политики, как приоритете национальной безопасности, заявил первый Президент Казахстана Н.А.Назарбаев [2]. Был принят ряд программных документов, создано Агентство по миграции и демографии при Президенте РК.

Миграционные потери были частично восполнены за счет репатриации более 1 млн. этнических казахов в 1990-2000-х годах.

Государственный курс современного Казахстана также демонстрирует преемственность в вопросах демографического развития. Президент К.-Ж. Токаев подчеркивает, что для эффективной государственной политики требуется качественное научное и экспертно-аналитическое сопровождение [3].

Нехватка научно обоснованных подходов и методов остается основным препятствием в разработке и реализации эффективной демографической политики, направленной на стимулирование естественного роста населения. Программа демографического развития Республики Казахстан на 2001-2005 годы, нацеленная на расширенное воспроизводство населения и стабилизацию рождаемости, не достигла каких-либо значимых результатов и не получила продолжения. Одной из основных причин стало отсутствие научно обоснованной модели естественного роста населения. Теоретические и практические вопросы проблем управления естественным ростом населения, необходимых ресурсов по-прежнему актуальны и имеют решающее значение для разработки и реализации демографической политики в Казахстане.

Автор предложил свою модель демографического роста, которая была реализована частично на национальном уровне и в пределах одного региона. Полученный задел по пилотной программе поощрения рождаемости в Северо-Казахстанской области «Ұрпақ қоры /Фонд поколений» на 2010-2014 годы может быть использован для масштабирования в других регионах страны.

При исследовании предметных вопросов статьи были использованы общенаучные методы познания, в том числе об-

зорный анализ литературы по теме, ретроспективный и сравнительный анализ, системный анализ. При анализе литературы по предмету использованы признанные монографии, научные статьи и обзоры научных работ по решению проблем демографического роста в СССР, Европе и США, а также современных работ по развитию человеческого капитала. Сравнительный анализ применялся при изучении зарубежного опыта политики демографического роста. Системный анализ был использован при исследовании репродуктивного поведения семьи, как производства, с применением микроэкономических подходов, средств и методов изучения функции воспроизводства в домохозяйствах.

Анализ литературы по предмету исследования показывает три основных подхода к политике стимулирования рождаемости [4], а именно:

1) политические методы (Италия и Германия в 1930-е годы)**,**

2) социальные методы [5].

- либеральная модель (англосаксонские страны),
- эгалитарная модель (скандинавские страны)
- традиционной модель (Германия, Франция и другие страны)

3) экономические методы.

Наиболее релевантной выглядит практика **экономических методов стимулирования рождаемости** в царской России, а в новейшей истории – в США и Франции.

Как видно из **таблицы 1**, на фоне других стран Европы лидеры – Россия в начале XX века, США в 1960-1990-е годы и Франция в 2000-2010 годы с показателями рождаемости заметно выше других стран. На наш взгляд, эти показательные примеры высокой рождаемости связаны с присущими этим странам дополнительными экономическими стимулами.

Таблица 1 – Историческая эволюция рождаемости в XX веке в отдельных странах. Суммарный коэффициент рождаемости.

СКР	1900–1904	1930–1934	1960–1964	1990–1994	2010 2014
более 5	Россия				
4,0 – 5,0	Германия Испания Италия Нидер-ланды Фин-ляндия	Россия			
3,0 – 4,0	Англия [a] Швеция	Испания Италия	Нидер-ланды США[b]		
2,5 – 3,0	Франция	Нидер-ланды	Англия [a] Испания Фин-ляндия Франция		
2,0 – 2,5		США [b] Финляндия Франция	Германия [c] Италия Россия Швеция	США	Франция
1,5 – 2,0		Англия [a] Германия Швеция		Англия [a] Нидер-ланды Россия Финляндия Франция Швеция	Англия [a] Нидер-ланды Россия США Финляндия Швеция
менее 1,5				Германия Испания Италия	Германия Испания Италия

[a] включая Уэльс; [b] только для белого населения; [c] только для ФРГ

Источники:

1)J.-P. Sardon Population 45 (6): 952, Council of Europe 1997. Recent demographic developments in Europe.

2)World Population Prospects 2022: Summary of Results. UN DESA/ POP/2022/TR/NO. 3.

В царской России высокая рождаемость была характерна

для крестьян и связана с экономическими выгодами, пропорциональными числу детей в семье. Правила общинного землепользования в русской деревне предусматривали регулярное перераспределение земельных наделов среди членов общины в зависимости от количества «душ» или «едоков» в семье. Т.е. объемы урожая и доходы семьи были пропорциональны размеру семьи, а выгоды превышали затраты на содержание детей.

К началу XX века показатели рождаемости и числа рождений, приходящихся на одну женщину, были одними из самых высоких в мировой истории. Как пишет российский исследователь А.Г.Вишневский, «На рубеже столетий общий коэффициент рождаемости по 50 губерниям Европейской России был близок к 50 на тысячу человек населения (Рашин 1956: 168), тогда как в западноевропейских странах он колебался вокруг 30 на тысячу» [6].

Таким образом, надельное землепользование, т.е. экономический фактор был определяющим в репродуктивном поведении крестьян в царской России [7]. Истории известен уникальный случай рекордно большого числа детей, рожденных одной женщиной – жена российского крестьянина Федора Васильева родила 69 детей в период 1725-1765 годов [8]. Этот уникальный случай показывает насколько был высок фактор экономической мотивации в репродуктивном поведении крестьян в царской России. Инерция высокой рождаемости среди крестьян в России сохранилась вплоть до 1930-х годов, а затем, после политики коллективизации и разрушения традиционного уклада в сельском хозяйстве, резко пошла на убыль.

Спад рождаемости в России и других европейских странах в XX веке большинство демографов связывают с процессами модернизации и объясняют законом демографического перехода от аграрного типа воспроизводства населения к современному индустриальному, который отражается в снижении показателей смертности, а затем и рождаемости вследствие процессов модернизации. Исходя из общности тенденций в разных странах, принято считать, что тенденции демографического перехода неизбежны и необратимы по мере модернизации общества. Данный тезис принимается, как аксиома, т.к. убедительного научного обоснования в современной литературе не имеется.

В этой связи **экономическая теория рождаемости** американского экономиста Гэри Беккера вызывает особый интерес. Цикл его работ по микроэкономическому анализу демографического поведения человека, за которую он получил Нобелевскую премию 1992 года, легли в основу мер налоговой поддержки рождаемости в США – Плана помощи семьям Президента Никсона в начале 1970-х годов и Закона о льготах для налогоплательщиков 1997 года.

Основная идея Гэри Беккера [9] – рассматривать семью, как своего рода «малую фабрику», производящую основные товары - питание, образование и т. п. за счет использования рыночных товаров и времени ее членов и таким образом воспроизводящую кадры работников. Члены семейного хозяйства предлагают свое время на рынке труда за определенную заработную плату, а ее размер определяет стоимость времени (cost of time) для каждого потребителя. Идея Беккера – любое потребление стоит времени.

Решение иметь детей – тоже инвестиционное решение. Дети выступают согласно Г.Беккеру [10] своего рода «благами длительного пользования» – для родителей это источник удовлетворения их запросов (в современном обществе по преимуществу неденежных), но их содержание и воспитание требует немалых затрат, как явных, так и неявных (и прежде всего времени родителей). Спрос на детей поэтому отрицательно связан с издержками по их воспитанию и положительно – с уровнем дохода родителей.

Казалось бы, есть противоречие с тенденцией к сокращению размеров семьи при экономическом росте. Однако при более высоких ставках оплаты возрастает не только доход семьи – дорожает фактически и время родителей. Поскольку воспитание детей – процесс чрезвычайно времяемкий, «эффект цены» перевешивает «эффект выгод», так что с повышением заработной платы, предлагаемой на рынке, спрос на эти «блага» (т.е.

рождаемость) сокращается.

Кроме того, в планирования семьи важен выбор между количеством детей и их качеством (состоянием здоровья, уровнем образования и т.д.). Сокращение спроса на количество детей повышает спрос на их качество, но это вызывает еще большее падение спроса на количество, что в свою очередь подталкивает к дополнительному росту спроса на качество, и т.д. Поэтому даже небольшое удорожание содержания детей может запустить этот мультипликативный процесс и привести к резкому сокращению рождаемости.

В основе этого механизма лежит тот простой факт, что инвестиции в развитие детей не могут ограничиться одним ребенком, а распространяются на всех детей в семье. В обеспеченной семье может быть один подержанный автомобиль, и один – новый и дорогой, но разделение детей на «дорогостоящих» и «дешевых» вряд ли возможно.

Кроме того, экономический рост, повышая требования к образованию и соответственно стимулируя спрос на качество детей, также может соразмерно подрывать спрос на их количество.

Именно эти два фактора, согласно Беккеру, и лежали в основе резкого сокращения размеров семьи в индустриально развитых странах. То есть в этом основная причина падения рождаемости. Сам он оценивал анализ взаимосвязи между спросом на количество и качество детей как одно из крупнейших достижений экономической теории рождаемости [11].

В современной мировой практике связь с экономической теорией рождаемости Г.Беккера прослеживается в опыте США и Франции.

Налоговые льготы – основа экономического стимулирования рождаемости и многодетности в США [12]. Именно в этом причина высокого спроса на детей и усыновление, а не столько в особых человеческих качествах. В США почти нет детских домов, а усыновление идет по всему миру [13]. США, начиная с 1970-х годов, демонстрирует одни из самых высоких темпов

демографического роста среди индустриально развитых стран [14].

Политика поддержки многодетности во Франции нацелена главным образом на материальную и социальную поддержку семьи через систему налоговых льгот и пособий [15].

Благодаря реализации государственной программы «Большая семья» с 2004 году налоговые льготы и пособия для многодетных семей стали пропорциональны количеству детей, а их объем на одного ребенка – больше для детей, начиная с 3-го ребенка. Благодаря всем нововведениям население Франции ежегодно растет примерно на 0,4 % в год, а страна стабильно занимает 1-2 место в Европейском союзе по рождаемости.

Есть основания полагать, что и во Франции новая программа «Большая семья» была разработана под влиянием идей Г. Беккера.

Основная гипотеза и экономическая модель рождаемости

Эмпирический анализ приведенных выше успешных кейсов высокой рождаемости в царской России, США в 1960-90-е годы, Франции в начале 21 века дал основания для гипотезы, что в основе лежали одни те же закономерности. Суть гипотезы – рождаемость всегда высока, если экономические выгоды от наличия детей выше затрат на их воспитание.

На основе данной гипотезы автором в 2006 году была разработана модель экономического стимулирования рождаемости. Ее составляющие:

1) Перечисление средств из госбюджета $1500-2000 на депозиты каждого ребенка в семьях, где родился 3 и более ребенок. К 18 годам проценты по депозитам составляли бы до $8,5 тыс. на одного ребенка.

2) Пособия по рождению ребенка и воспитанию до 1 года по нарастающей (прогрессивной) шкале с максимальным уровнем у 4-го и более ребенка. Пособия многодетным матерям.

3) Оплата декретного отпуска за счет государства в размере среднемесячной зарплаты за последние 6 месяцев

В основе выбора указанных мер были положены основные факторы высокой рождаемости, выявленные по результатам социологических опросов населения Казахстан, а именно – покрытие расходов по рождению и уходу за ребенком, медицинское обеспечение и образование, а также обеспокоенность о будущем детей, связанная с началом их самостоятельной жизни – расходы на получение профессии, обучение в вузе, создание семьи, покупка жилья [16]. То есть текущие затраты по воспитанию детей и расходы будущих периодов.

Расходная часть модели также была просчитана. Так прирост каждого дополнительного миллиона рождений обходился в $600 млн. Для сравнения – это стоимость строительства около 200 км дорог автомагистрали Астана-Щучинск.

Кроме того, дополнительные преимущества модели заключались в том, что средства на депозитах были связаны на длительный срок и не оказывали инфляционного давления на экономику. Также рост накоплений в банках второго уровня создавал возможность кредитования экономики, особенно «длинных» проектов.

Запрос на предложенную модель появился в 2008 году – Президентом Н.Назарбаевым было дано поручение Правительству принять меры по повышению рождаемости. Предложения были проработаны совместно с Министерством труда и социальной защиты населения и включали внедрение с 2009 года пособий по рождению и воспитанию ребенка по прогрессивной шкале в зависимости от очередности рождения, оплату государством декретного отпуска по уходу за ребенком на уровне среднемесячной заработной платы матери за 6 месяцев.

Таблица 2 – Пособия и выплаты в связи с рождением и уходом за ребенком в 2010 году.

Пособия на 2010 год, в МРП-месячном расчетном показателе*					социальные выплаты по беременности и родам (на период до 140 дней)
очередность рождения	на рождение	по уходу до 1,5 лет	Многодетным семьям (4 и более)	Многодетным матерям (6 и более)	
1 ребенка	30	5,5	-	-	в размере средней зар.платы за 6 месяцев
2 ребенка	30	6,5	-	-	
3 ребенка	30	7,5	-	-	
4 ребенка	50	8,5	16,03	-	
5 ребенка	50	8,5	20,04		
6 ребенка	50	8,5	24,05	6,4	
7 ребенка	50	8,5	28,06	6,4	
8 и более ребенка	50	8,5	4**	6,4	

** - МРП в 2010 году составлял 1413 тенге, а минимальная зар.плата – 14952 тенге (10,5 МРП)*

*** - 4 МРП на каждого несовершеннолетнего или учащегося ребенка.*

Источник: Эталонный контрольный банк нормативных правовых актов Республики Казахстан в электронном виде [17].

Позднее размеры выплат и пособий пересматривались, в основном, в сторону увеличения.

Предложенные меры дали мощный толчок росту рождаемости в Казахстане, особенно в южных регионах (таблица 3).

Исходя из экономической теории рождаемости Г.Беккера, феномен высокой рождаемости был связан с тем, что предложенные государством в те годы денежные выплаты по защите материнства и детства были сопоставимы или превосходили затраты на рождение и воспитание ребенка для большинства казахстанских семей. Прожиточный минимум в 2010 году соответствовал минимальной заработной плате в 14952 тенге (10,5 МРП). Для детей прожиточный минимум в Казахстане не рассчитывается, как, например, в США, но можно предположить,

что этот показатель в условиях Казахстана будет не выше установленного прожиточного минимума для взрослого населения.

Таблица 3 – Динамика общего коэффициента рождаемости в регионах Казахстана, в 2000-2021 годах.

Регионы	Общий коэффициент рождаемости по годам, число рождений на 1000 жителей							
	2000	2003	2006	2009	2012	2015	2018	2021
Республика Казахстан	14,92	16,63	19,71	22,14	22,7	22,71	21,77	23,5
Акмолинская	12,79	13,86	15,3	17,92	18,35	17,12	16,82	17,5
Актюбинская	14,7	16,09	19,74	21,79	23,03	24,11	22,69	24,61
Алматинская	15,28	16,63	18,96	23,77	24,32	25,3	24,86	26,38
Атырауская	18,6	21,02	24,59	27,58	28,39	27,93	27,16	27,81
Восточно-Казахстанская	11,29	12,52	14,85	17,17	16,77	16,4	15,83	16,98
Жамбылская	17,26	18,7	23,73	27,38	26,76	25,72	24,18	26,63
Западно-Казахстанская	12,85	14,94	16,44	19,6	20,2	20,48	20,11	21,46
Карагандинская	11,66	13,8	15,69	17,29	18,02	17,73	16,64	17,46
Костанайская	11,05	12,53	12,58	14,21	14,9	14,47	13,3	12,97
Кызылординская	21,23	20,62	24,46	27,94	28,09	25,92	24,34	28,84
Мангыстауская	19,48	23,5	29,41	28,94	30,46	31,3	29,72	31,98
Павлодарская	11,33	12,98	14,82	16,95	17,2	16,87	15,72	15,58
Северо-Казахстанская	**11,32**	**12,2**	**12,55**	**14,92**	**14,99**	**14,25**	**12,93**	**12,01**
Южно-Казахстанская/ Туркестанская	22,84	23,96	27,91	29,71	30,22	29,03	27,33	31,58
г. Астана	10,87	12,74	17,83	24,16	25,59	30,29	27,67	25,9
г. Алматы	13,19	16,87	22,18	18,48	18,36	18,63	18,19	18,97
г. Шымкент	18,88	21,45	28,34	30,54	30,77	29,97	27,53	32,35

Источник: Демографические ежегодники, Бюро национальной статистики АСПиР РК [18]

Программа поощрения рождаемости «Фонд поколений (Ұрпақ қоры)» была разработана в 2010 году для Северо-Казахстанской области и реализована в 2010-2013 годах в бытность автора заместителем акима области.

Особенности региона в 2010 году:

1) Самый низкий общий коэффициент рождаемости в Казахстане за все годы наблюдения с 1980-х годов;

2) самое старое население – 17% жителей старше 60 лет;

3) отток населения, особенно молодежи. Численность жителей области непрерывно сокращалась с 912 тыс.чел. в 1989 году до 596 тыс. чел. в 2009 году.

1) один из самых низких уровней доходов населения в Казахстане (после Жамбылской области);

Основные механизмы программы «Фонд поколений»:

1) перечисление средств из местного бюджета на депозиты детей в семьях, где родился 4-й и более ребенок;

2) создание Центра репродуктивного здоровья и бесплатные медицинские услуги по ЭКО.

В результате уже к 2012 году в рейтинге регионов Казахстана по уровню рождаемости СКО обошел ряд областей и поднялся на 4 позиции вверх (таблица 4).

Таблица 4 – Суммарный коэффициент рождаемости в регионах Казахстана в 2009-2016 годах.

Регионы	2009	2010	2011	**2012**	2013	2014	2015	2016
Республика Казахстан	2,55	2,59	2,59	**2,62**	2,64	2,73	2,74	2,77
Акмолинская	2,29	2,2	2,25	**2,41**	2,31	2,37	2,31	2,32
Актюбинская	2,42	2,46	2,5	**2,49**	2,55	2,66	2,73	2,72
Алматинская	2,74	2,84	2,81	**2,83**	2,92	3,18	3,17	3,37
Атырауская	3,18	3,27	3,32	**3,32**	3,39	3,46	3,45	3,51
Восточно-Казахстанская	2,1	2,07	2,02	**2,09**	2,05	2,23	2,14	2,2
Жамбылская	3,28	3,34	3,37	**3,34**	3,39	3,58	3,42	3,46
Западно-Казахстанская	2,35	2,37	2,34	**2,42**	2,47	2,57	2,54	2,61
Карагандинская	2,04	2,06	2,13	**2,16**	2,19	2,28	2,21	2,2

Продолжение таблицы 4								
Костанайская	1,67	1,72	1,71	**1,77**	1,77	1,8	1,79	1,76
Кызылординская	3,48	3,63	3,6	**3,56**	3,43	3,53	3,39	3,34
Мангыстауская	3,22	3,2	3,35	**3,41**	3,63	3,75	3,76	3,84
Павлодарская	1,98	1,94	2,05	**2,07**	2,12	2,2	2,14	2,16
Северо-Казахстанская	**1,96**	**1,97**	**2**	**2,09**	**2,07**	**2,11**	**2,08**	**2,02**
Южно-Казахстанская	3,59	3,75	3,72	**3,66**	3,63	3,72	3,68	3,7
г. Астана	2,15	2,26	2,16	**2,21**	2,45	2,56	2,88	2,96
г.Алматы	1,83	1,78	1,69	**1,2**	1,71	1,7	1,74	1,72

Источник: Демографические ежегодники, Бюро национальной статистики АСПиР РК

Программа была презентована руководству страны в расчете на получение дополнительных средств. Однако решение Правительства затягивалось, а расходы стали расти настолько быстро, что программу «Фонд поколений» пришлось приостановить. В результате в последующие годы показатели рождаемости вернулись не прежние низкие позиции.

Заключение

1) Практические результаты программы «Фонд поколений» в Северо-Казахстанской области в 2010-2014 годах, а также комплексная национальная политика выплат и пособий для многодетных семей убедительно подтверждают гипотезу об универсальном характере теории рождаемости Г. Беккера и эффективности экономических механизмов рождаемости в условиях Казахстана.

2) Экономические механизмы поощрения рождаемости работают даже в условиях демографического перехода, характерного для развитых стран. То есть управление ростом рождаемости возможно в рамках демографической политики и для Казахстана, и для любой другой страны.

3) Основные принципы экономического метода повышения рождаемости:

- рождаемость растет, если выгоды от наличия детей сопоставимы или превышают расходы на их воспитание;

- **Важно избежать** ловушки момента выгод от рождаемости – экономические стимулы должны быть растянуты по времени на весь период воспитания;

- дифференцированный подход к группам населения по уровню доходов и по регионам проживания позволяет сформировать массовый спрос на рождение, при этом оптимизируя стоимость расходов государства (США, Франция)

Все это дает основания надеяться, что результаты исследования будут востребованы при разработке госпрограмм демографической политики не только в Казахстане, но и в других странах.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Доклад ООН «World Population Prospects 2022: Summary of Results». [Электронный ресурс] URL: https://population.un.org/wpp/Download/Standard/MostUsed/ (дата обращения: 01.04.2024).
2. Послание Президента страны народу Казахстана 1997 года «Казахстан – 2030. Процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев», [Электронный ресурс] URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K970002030_ (дата обращения: 01.04.2024).
3. Выступление К.-Ж.Токаева на втором заседании Национального курултая «Әділетті Қазақстан – Адал азамат», 2023 год, г.Туркестан, [Электронный ресурс] URL: https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-na-vtorom-zasedanii-nacionalnogo-kurultayaadiletti-kazakstan-adal-azamat-175233 (дата обращения: 01.04.2024)
4. Введение в демографию / Под ред. Ионцева В.А., Саградова А.А. 2002, МГУ, М. С.553
5. Подробнее - Антонов А.И., Борисов В.А. Лекции по демографии. М.: Академический проект, 2011. – С.484.
6. Демографическая модернизация России, 1900–2000. Под ред.

А.Г. Вишневского. М.: Новое издательство, 2006. – С.29.
7. Абрамов В.К. Регрессионный анализ влияния общинного землепользования на численность крестьянских семей (на примере деревни Мордовии) // Современные наукоемкие технологии. – 2005. – № 2. – С. 55-55.
8. Guinness World Records. [Электронный ресурс] URL: https://www.guinnessworldrecords.com/world-records/most-prolific-mother-ever (дата обращения: 01.04.2024)
9. Статья «Теория распределения времени» («A Theory of the Allocation of Time») в «Экономическом журнале» («Economic Journal») за 1965 год.
10. Becker G. An Economic Analysis of Fertility. In: Demographic and Economic Change in Developed Countries. Princeton, 1960
11. Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. Пер. с англ./ Сост.,науч. ред., послесл. Р.И. Капелюшников; предисл. М.И.Левин.- М.: ГУ ВШЭ, 2003.- 672 с.
12. Thomas L. Hungerford and Rebecca Thiess. The Earned Income Tax Credit and the Child Tax Credit History, Purpose, Goals, and Effectiveness. 2013. Economic Policy Institute. Washington, DC 20005. [Электронный ресурс] URL: https://www.epi.org/publication/ib370-earned-income-tax-credit-and-the-child-tax-credit-history-purpose-goals-and-effectiveness/ (дата обращения: 01.04.2024)
13. Подробнее здесь. Chris M. Herbst. The Rising Cost of Child Care in the United States: A Reassessment of the Evidence. IZA. Bonn. Germany, 2015.
14. Доклад ООН «World Population Prospects 2022: Summary of Results». [Электронный ресурс] URL: https://population.un.org/wpp/Download/Standard/MostUsed/ (дата обращения: 01.04.2024).
15. Ефанова Л.Д., Федорова К.А. Демографическая политика Франции. //Вестник университета. 2019. № 12. С. 189–192.
16. Репродуктивное и миграционное поведение населения Республики Казахстан, Агентство РК по статистике, 2002 год, 39 стр.
17. [Электронный ресурс] URL: https://law.gov.kz/client/#!/doc/24593/rus (дата обращения -30 октября 2024 года)
18. [Электронный ресурс] URL: https://stat.gov.kz/ru/publication/collections/?year=2007&name=16809&period= (дата обращения -30 октября 2024 года)

Кузнецова Я. А.

ИСТОЧНИКИ ФОРМИРОВАНИЯ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕГИОНАХ СЕВЕРА СИБИРИ В XX В.

Аннотация

Целью научного исследования является историческая реконструкция процесса урбанизации и формирования городского населения национальных регионов Севера Сибири в XX в. на основе механического прироста (миграций) и перехода сельского населения в статус городского в результате административных решений. В статье дана характеристика экономического развития регионов с началом форсированной индустриализации в стране, прослежены тенденции советской государственной политики по привлечению людских ресурсов и их закреплению на Севере, в том числе за счет материального стимулирования. Показаны изменения в административно-территориальном устройстве регионов, а также в структуре поселений. Рассмотрены новые, установленные нормативными актами, критерии к городам и городским поселениям, среди которых широкое распространение получила новая форма городских пунктов населения – рабочие поселки, формировавшиеся в районах концентрации производства лесной и рыбной промышленности, добычи и разработки сырьевых ресурсов северных регионов. На основе официальных статистических данных выполнен анализ численности городского населения.

Ключевые слова: Сибирь, Крайний Север, урбанизация, городское население, миграции, город, поселок городского типа, советская государственная политика.

Abstract

The purpose of the scientific research is the historical reconstruction of the process of urbanization and the formation of the urban population of the national regions of Northern Siberia in the twentieth century on the basis of mechanical growth (migrations) and the transition of the rural population to urban status as a result of administrative decisions. The article describes the economic development of the regions with the beginning of forced industrialization in the country, traces the trends of the Soviet state policy to attract human resources and consolidate them in the North, including through financial incentives. The changes in the administrative and territorial structure of the regions, as well as in the structure of settlements, are shown. The new criteria for cities and urban settlements established by regulatory acts are considered, among which a new form of urban settlements of the population has become widespread – working settlements formed in areas of concentration of production of the forestry and fishing industries, extraction and development of raw materials in the northern regions. An analysis of the urban population was carried out on the basis of official statistical data.

Keywords: Siberia, Far North, urbanization, urban population, migration, city, industrial settlement, Soviet state policy.

Проблемы формирования городского населения являются неотъемлемой частью исследований процесса урбанизации, который подчиняется определенным закономерностям исторического развития и имеет вполне конкретные экономические предпосылки. Рост индустриального развития, углубление территориального разделения труда, приводят к возрастанию роли городов в социально-экономическом, политическом и культурном развитии общества. Основные этапы общемирового процесса перехода сельского общества в городское в России проходили в XX столетии в рамках социалистической формации. Подчиняясь общим закономерностям, в стране бурными темпами, особенно во второй половине XX в. увеличивался удельный вес городского населения, число новых городов и городских поселений, формировались городские агломерации, что приводило к изменениям в структуре расселения, количественному и качественному составу населения. Отечественная урбанизация, начавшаяся в условиях новой политической и экономической системы, кардинально отличалась своим характером, темпами роста городского населения, механизмами градообразования, социально-экономическим содержанием. В условиях проводимой форсированной индустриальной модернизации основными источниками формирования городского населения в этот период был механический прирост, за счет интенсивной миграции населения в город, а также переход сельских населенных пунктов в городские на основе административно-территориальные преобразования.

На сегодняшний день актуальность этих исследований продолжает оставаться достаточно высокой, так как результаты урбанизации советского общества оказали довольно неоднозначное, противоречивое и по большей части негативное влияние на постсоветское и современное развитие городов. Заложенные механизмы в формировании городов и городского населения, после распада советской системы оказались не способными к адаптации в современных рыночных условиях и в целом обусловили проблемы и противоречия современного демографического развития. Особенно остро негативные тенденции проявлялись в отдаленных северных регионах страны, где население формировалось преимущественно за счет механического прироста, в том числе за счет организованных и принудительных переселений, а создание городских поселений происходило в местах концентрации промышленных объектов, на основе административных решений.

В данном исследовании научный интерес представляют на-

циональные регионы Севера Сибири – территории Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого, Таймырского и Эвенкийского национальных округов, а также Якутская АССР и Тувинской АССР (последняя вошла в состав РСФСР в 1944 г.), отличавшихся своими суровыми условиями жизни, спецификой ведения традиционного хозяйства, малочисленным и этнически разнообразным составом населения. К концу XX в. они превратились в быстроразвивающиеся индустриальные центры с высокой концентрацией населения и темпами урбанизации.

В начале XX в. формирование населения в северных регионах шло достаточно медленными темпами, структура поселений характеризовалась наличием, сложившихся еще со времен русской колонизации XVI–XVII вв., небольших оседлых поселений и городов – военно-административных центров, образованных на пересечениях основных речных коммуникаций (Тобольск, Березов, Сургут, Обдорск, Якутск, Туруханск, Мангазея и др.). Городское население состояло из служилых людей, промышленников, торговцев. С конца XVI в. Сибирь стала местом ссылки и численность городского населения периодически пополнялась за счет ссыльных поселенцев. Открытые в первой половине XIX в. месторождения золота в Западной и Восточной Сибири также способствовали активному привлечению рабочих на прииски и созданию новых поселений.

Проведение в конце XIX–начале XX вв. агарной «столыпинской» реформы, итогом которой стало самое масштабное организованное переселение крестьян в Сибирь, и открытие крупнейшей Транссибирской железнодорожной магистрали (далее – Транссиб) обеспечили в начале XX в. бурное социально-экономическое развитие и рост населения Сибири более чем на 3 млн человек [1, с.44].

Однако активизация экономической жизни и заселения касалась преимущественно наиболее благоприятных в природно-климатическом и хозяйственном отношении сибирских территорий. Основная полоса расселения и концентрация населения были сдвинуты к южным районам Сибири, протянувшимся вдоль построенной железной дороги. Далее к северу поселенческая структура по-прежнему характеризовалась очаговым характером расселения с небольшим числом городов (административных центров) и сельских поселений. С введением в эксплуатацию Транссиба, многие города потеряли свое торгово-экономическое значение, а затем, с началом советских административно-территориальных преобразований и введением новых критериев к городским поселениям, и статус города.

Согласно «Общему положению о городских и сельских поселениях и поселках» в 1924 г. к категории городских поселений были отнесены «населенные пункты с количеством взрослого населения не менее одной тысячи человек, при условии, если сельское хозяйство является основным занятием не более чем для 25 % населения» [2]. Кроме основных признаков, рекомендовалось учитывать также «...возможность обеспечения населенного пункта достаточным количеством земель, необходимых для городского хозяйства; развитие данного населенного пункта в отношении роста населения, торговых оборотов, концентрации промышленности и т. п.; близость населенного пункта к железной дороге или другим удобным пунктам сообщения» [2]. В 1926 г. постановлением «О рабочих поселках» была установлена новая форма городского населенного пункта – рабочий поселок. Это промежуточная форма между городом и деревней была введена для устранения противоречий между экономическими функциями и административным статусом, характерных для поселений России начала XX в. [3. с. 21]. Согласно постановлению, к этой категории относились поселки, в которых «...количество взрослого населения не менее четырехсот человек, причем для большинства населения (не менее 65 %) основным источником существования является заработная плата [4]. Предполагалось, что такие поселения с перспективным социально-экономическим развитием в дальнейшем перерастут в городские. В начале XX в. на фоне роста по стране числа рабочих поселков и новых городов, также наблюдался и обратный процесс, ввиду отсутствия перспектив, когда городам и рабочим

поселкам возвращали статус сельских поселений, как это произошло в северных регионах. Статуса города лишились Березов, Сургут, Обдорск, Туруханск.

В начале 1930-х гг. на волне национально-государственного строительства, национальные регионы Севера Сибири были выделены в отдельные административные единицы (Якутская АССР образована в 1922 г.). В 1930 г. на территории Тобольского округа образованы Остяко-Вогульский (с центром в с. Самарово) и Ямало-Ненецкий (с центром в с. Обдорск) национальные округа. На северных территориях Туруханского края были образованы Витимо-Олекминский (с центром в с.Усть-Муя, упразднен в 1938 г.), Таймырский (с центром в с. Дудинка) и Эвенкийский (с центром в п. Туринская культбаза) национальные округа. Согласно данным административно-территориального учета на 1931 г. население округов было сельским, за исключением Витимо-Олекминском округа, в котором в районе золотых приисков в 1931 г. был образован временный рабочий поселок «Им. 11 октября» с населением в 2 тыс. чел. (таблица 1).

Развитой поселенческой структурой и наличием городского населения отличалась только Якутская АССР, территория которой уже с середины 1920х гг. характеризовалась более активным хозяйственным освоением. Открытие золотоносных приисков в Алданском районе, положило начало быстрому развитию золотопромышленности в республике и появлению в структуре поселений в районе приисков еще одного городского поселения – Томмот в 1926 г. Всего в составе республики было шесть городов (Якутск, Верхоянск, Вилюйск, Олекминск, Средне-Колымск, Томмот) с городским населением в 20,2 тыс. чел. При этом численность населения составляла 288,7 тыс. чел., т.е. процент городского населения составлял всего 6,5 % (таблица 1).

Рассредоточенность поселений на огромных и малозаселенных территориях, отсутствие развитой системы путей сообщения, кочевой образ жизни части коренного населения, экстремальные условия ведения хозяйства, препятствовали быстрому

экономическому развитию и росту населения. Введение в действие советским руководством ряда нормативно-правовых актов для стимулирования и закрепления населения на Севере, установление ряда льгот и компенсаций, а также вербовка рабочих из близлежащих районов, в некоторой степени решали проблемы дефицита рабочей силы в регионах. В 1932 г. в постановлении «Об утверждении Положения о льготах для лиц, работающих на Крайнем Севере РСФСР» впервые районы Крайнего Севера РСФСР были выделены в отдельную группу, а действие льгот распространялись на работников всех государственных, кооперативных, общественных учреждений как союзного, так и республиканского значения. Работникам выплачивались 10 % надбавки к основному окладу за каждый год работы; медицинским и ветеринарным работникам, направленным на борьбу с эпидемиями и эпизоотиями, надбавка выплачивалась в размере 20 % за каждый год работы. Постановление также устанавливало жилищные, налоговые льготы, в том числе на обучение, компенсации за проезд, выплаты суточных и т. д. [5, с. 104].

С переходом к плановой экономике, началом массовой коллективизации и форсированной индустриализации в 1930-е гг. в социально-экономическом развитии регионов происходят радикальные перемены. Уже в начале 1930-х гг. в национальных округах были созданы первые государственные предприятия рыбной и лесной промышленности. В результате проведения геолого-разведочных экспедиций, открытия месторождений формировались отрасли добывающей промышленности (золото, уголь, вольфрам и олово в Якутии, уголь, графит и медно-никелевые руды на Таймыре, каменный уголь, исландский шпат, соли в Эвенкийском округе). В населенных пунктах развернулись работы по благоустройству и строительству учреждений здравоохранения, образования и культуры (русские и кочевые школы, техникумы, фельдшерско-акушерские пункты, больницы и поликлиники, библиотеки, музеи и т.д.).

При этом дефицит рабочей силы, тормозивший процесс освоения огромных труднодоступных территорий компенси-

ровался началом в 1930-е гг. массовых принудительных переселений в северные регионы и созданием здесь обширной системы спецпоселений, затем исправительно-трудовых лагерей. Все промышленные и сельскохозяйственные объекты, дороги, новые населенные пункты и их обустройство были введены в строй руками спецпереселенцев и заключенных. Подавляющее большинство рабочих этих предприятий были спецпереселенцы и заключенные. Сохранялся также организованный и вольнонаемный набор рабочих на производства, служебные переводы высококвалифицированных специалистов, управленческих кадров, обслуживающего персонала и снабженцев пополняли численность поселений.

В 1930-е гг. в результате административных мероприятий во всех национальных округах появились городские поселения. Так село Обдорск Ямало-Ненецкого округа было переименовано в поселок Салехард (1933 г.), в 1938 г. Салехарду был присвоен статус города. Административный центр Остяко-Вогульского округа из села Самарово был перенесен в новый, построенный спецпереселенцами рабочий поселок Остяко-Вогульск (1936 г.), в 1940 г. переименован в Ханты-Мансийск, а округ – в Ханты-Мансийский. В Таймырском округе в 1935 г. в районе начатого строительства Норильского горно-металлургического комбината был образован первый рабочий поселок. В 1938 г. Туринская культабаза Эвенкийского округа переименована в рабочий поселок Тура. В составе Якутской АССР в районах золотодобывающих приисков созданы десять новых рабочих поселков, а поселок Незаметный получил в 1939 г. статус города и переименован в г. Алдан. [6, с. 21, 73-74, 141]. К концу 1930-х гг. численность городского населения в национальных округах составила: в Остяко-Вогульском – 7,5 тыс. чел., в Ямало-Ненецком – 12,7 тыс. чел., Таймырском — 13,9 тыс. чел., в Эвенкийском – 1,6 тыс. чел. В Якутии численность выросла почти в 5 раз (таблица 2).

Начавшийся с середины 1950-х гг. процесс либерализации политической жизни в стране привел к разрушению принудительной переселенческой политики и системы исправительно-трудовых лагерей. В условиях разворачивавшейся научно-технической революции советская экономика нуждалась в свободном и высококвалифицированном труде. Отказавшись от использования принудительного труда советское руководство столкнулось с дефицитом трудовых ресурсов особенно на Крайнем Севере. В связи с этим в период 1960–1980-х гг. разрабатываются новые формы привлечения населения на Север: переводы с предприятий, организованный набор рабочих и специалистов широкого профиля, общественный призыв молодежи, привлечение спецконтингента, а также выпускников вузов и демобилизованного населения.

В 1960 г. в соответствии с указом «Об упорядочении льгот для лиц, работающих в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера» были установлены расширенные льготы и гарантии в области заработной платы, времени отпусков, порядка начисления стажа работы, компенсаций на переезд, а также в области права на жилье. При этом начисления надбавок к заработной плате производились не сразу, а ежегодно по 10 %, т. е. на первые 10 % можно было рассчитывать только через 1–2 года работы в зависимости от региона. Установленные указом льготы не обеспечили в полной мере притока трудовых ресурсов на Крайний Север ввиду недостаточной материальной заинтересованности. Новый указ 1967 г. «О расширении льгот для лиц, работающих в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера» значительно сократил срок продолжительности трудового договора для получения надбавок и закрепил снижение пенсионного возраста, предоставил все указанные льготы лицам, прибывшим в эти районы по собственной инициативе и т.д. [5, с. 111-113].

Таким образом, государственная политика стимулирования трудовой миграции на престижные стройки обеспечила значительный миграционный приток молодого, трудоспособного населения и экономическую привлекательность северных тер-

риторий. В этот период изменились и критерии для отнесения населенных пунктов к городам и рабочим поселкам. Согласно новому указу 1957 г. «О порядке отнесения населенных пунктов к категории городов, рабочих и курортных поселков» к городам могли быть отнесены крупные промышленные и культурно-политические центры с числом населения свыше 50 тыс. чел. К категории городов районного подчинения – крупные промышленные центры с населением не менее 12 тыс. чел., при наличии 85 % рабочих и служащих. Во внимание также принималось административное значение города и его перспективы промышленного развития [7]. К категории рабочих поселков относились населенные пункты при крупных заводах, фабриках, шахтах, рудниках и др. предприятий с население не менее 3 тыс. чел., при наличии не менее 85 % рабочих и служащих. В исключительных случаях к этой категории могли относиться населенные пункты с населением менее 3 тыс. чел., возникшие при особо важных стройках в районах Крайнего Севера и Дальнего Востока [7]. Эти касалось только новых образованных городов и рабочих поселков.

Таким образом, одним из важных условий помимо численности, стала занятость городского населения в промышленном производстве. При этом рабочие поселки уже не были промежуточной формой между городом и деревней, а стали еще одной постоянной формой городских населенных пунктов советской системы поселений, некоторые из которых существуют и сегодня.

Период 1960–1980-х гг. отмечен началом нового этапа в экономическом освоении Севера Сибири, подкрепленный политическими и геостратегическими задачами форсированного наращивания индустриального и людского потенциала северо-восточных регионов страны. Развернувшиеся геологоразведочные работы по изучению природных ресурсов Сибири привели к открытию и активной промышленной разработке крупных месторождений нефти и газа в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком округах и формированию промышленного Западно-Сибирского

нефтегазового комплекса в 1960-х гг. В Якутской АССР продолжалось развитие золотодобывающей промышленности, после открытия в 1954 г. алмазоносной провинции в республике сформировались крупные предприятия алмазодобывающей отрасли. Открытие месторождений графита, никеля, меди, цветных металлов и др. в Тувинской АССР [8], Эвенкийском и Таймырском национальных округах привели к строительству ряда предприятий горнорудной и металлургической промышленности. С созданием ресурсно-сырьевой базы в регионах развернулось железнодорожное строительство, развитие судоходства и полярной авиации. Мощным импульсом к хозяйственному освоению северных территорий Сибири и Дальнего востока послужило возобновившееся в 1974 г. строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. В первые годы ее сооружения миграционный приток населения составлял свыше 2 млн. чел. [9, с. 61]. Среди всех форм комплектования кадров в этот период самым массовым был вольный наём. Так, например, во второй половине 1960-х гг. на предприятиях Западно-Сибирского нефтегазового комплекса вольный наём составлял более 80 % рабочих [10, с. 177].

В период 1960–1980-х гг. Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий национальные округа характеризовались рекордным ростом численности населения, а также городов и рабочих поселков. По данным административно-территориального учета 1959 и 1989 гг. в Ханты-Мансийском национальном округе число городов выросло с одного (г. Ханты-Мансийск) до 11, рабочих поселков – с двух до 28. Статус города был присвоен промышленным поселкам Сургут и Урай (1965 г.), Нефтеюганск (1967 г.), Нижневартовск (1972 г.), Мегион (1980 г.), Радужный (1983 г.), Нягань, Когалым и Лангепас (1985 г.), Белоярский (1988 г.) Численность городского населения округа увеличилась более чем в 30 раз и составила в 1989 г. 91 % от всего населения (таблица 3, 4).

В Ямало-Ненецком национальном округе число рабочих поселков выросло с одного до девяти, городов – с одного (г. Сале-

хард) до пяти – Надым (1972 г.), Лабытнанги (1975 г.), Новый Уренгой (1980 г.), Ноябрьск (1982 г.) Численность городского населения увеличилась в 17 раз, это 77,8 % от всего населения округа. Эти показатели роста городского населения в округах значительно превышали показатели по другим регионам Севера Сибири. При этом в административных центрах округов в 1989 г. концентрировалась незначительная часть городского населения – в г. Ханты-Мансийске – 3 %, в г. Салехарде – 8,5 % всего городского населения округов. Основная часть городского населения была «рассеяна» по небольшим промышленным городам и рабочим поселкам (таблица 5).

Таймырский и Эвенкийский национальные округа не отличались таким высоким уровнем урбанизации как соседние округа. В структуре городских поселений изменений не произошло. В составе Таймырского национального округа числился один город Дудинка (1951 г.), в котором в 1989 г. было сосредоточено 87 % населения и один рабочий поселок Диксон (1956 г.). Норильск как союзный промышленный центр металлургии получил статус города в 1953 г., но был выделен из состава Таймырского национального округа. В 1989 г. его население в семь раз превышало население всего округа (37 тыс. чел.) и составляло 267,6 тыс. чел. Тем не менее, численность городского населения округа за период 1959 – 1989 гг. выросла в 1,8 раз, что составило в 1989 г. 67 % от всего населения округа (таблица 3,4).

Центром концентрации городского населения Эвенкийского национального округа оставался единственный рабочий поселок Тура, его численность выросла за этот период в 3,5 раза, но в целом сельское население в округе преобладало, процент городского населения был самый низкий среди всех регионов и составлял в 1989 г. 30 % (таблица 3,4).

В Тувинской АССР также произошли небольшие изменения в городской структуре поселений. В 1989 г. в республике числилось три рабочих поселка и пять городов. К существующим четырем городам, образованным в 1945 г. (Кызыл, Туран, Чадан, Шагонар), был отнесен строительный поселок Ак-Довурак

(1964 г.). Численность городского населения выросла за период 1959 – 1989 гг. в 2,5 раза, вырос и удельный вес горожан в населении и составил в 1989 г. – 51 %. Более половины городского населения было сосредоточено в 1989 г. в административном центре – г. Кызыле (таблица 3,4).

В Якутской АССР за период 1960 – 1980-х гг. число поселков городского типа выросло с 40 до 67, число городов с 7 до 11. Статус города приобрели такие бывшие геологоразведочные поселки как г. Мирный (1959 г.), г. Ленск (1964 г.), г. Нерюнгри (1975 г.), г. Удачный (1987 г.). Численность городского населения выросла в 3 раза, его удельный вес в населении республики в 1989 г. составил 66,6 % (таблица 3,4).

Таким образом, государственная политика материального стимулирования, оргнаборы и общественные призывы на масштабные стройки союзного значения обеспечили высокую миграционную активность в северные регионы во второй половине XX в. К концу 1980-х гг. почти все регионы, за исключением Эвенкийского национального округа, отличались высокими темпами урбанизации. Самый высокий процент городского населения был достигнут в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком национальных округах. Новая сформированная к концу 1980-х гг. структура городских поселений подчинялась территориальному принципу планового размещения промышленного производства в местах добычи и разработки сырьевых ресурсов, бывших геологоразведочных поселках. Концентрация городского населения во всех изучаемых регионах распределялась по-разному (таблица 5). В Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком национальных округах, Якутской АССР городское население было «рассеяно» по многочисленным рабочим поселкам и новым городам. В Таймырском и Эвенкийском национальных округах, Тувинской АССР городское население сосредотачивалось в административных центрах, что было в целом обусловлено отраслевой спецификой регионов, степенью и масштабами их промышленного освоения в этот период.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ильиных В.А. Социальные аспекты миграционных процессов в Сибири в первой трети XX века//Миграционные процессы в Азиатской России в XIX – начале XXI вв. Новосибирск, 2009. – С. 44–52.
2. Общее положение о городских и сельских поселениях и поселках. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 15 сентября 1924 г. Электронный ресурс: https://istmat.org/node/22720
3. Симагин Ю.А. Изменение роли поселков городского типа в системе расселения России на протяжении XX века//Вестник МГПУ. Серия «Естественные науки». 2009. – С. 20–27.
4. «О рабочих поселках» Пост. ВЦИК и СНК РСФСР 27 сентября 1926 г. Электронный ресурс: https://istmat.org/node/22721
5. Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. Государственные преференции для населения отдалённых и северных территорий России//Арктика и Север. 2017. – С. 90–127.
6. СССР. Административно-территориальное деление союзных республик на 1 октября 1938 г. М., 1938. – 327 с.
7. О порядке отнесения населенных пунктов к категории городов, рабочих и курортных поселков. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР 12 сентября 1957 г. [Электронный ресурс] https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/372663-o-poryadke-otneseniya-naselennyh-#mode/inspect/page/2/zoom/4
8. Вошла в состав СССР в 1944 г. как Тувинская автономная область, в 1961 г. преобразована в Тувинскую АССР.
9. Ефимкин М.М. Проблемы Востока России в контексте отечественной и мировой истории//Человек. Труд. Занятость. Вып. 2. Новосибирск, 1998. – С. 61–66.
10. Колева Г. Ю. Формирование кадрового потенциала предприятий ЗСНГК в период интенсивного нефтегазового освоения// Проблемы модернизации сибирского Севера. Сб. науч. тр. Тюмень: ТюмГНГУ, 2011. – С. 179–180.

Таблица 1 – Административно-территориальное устройство и численность населения Севера Сибири в 1931 г.

Республики, края и округа (административный центр)	Площадь км²	Число населенных пунктов				Численность населения (в тыс. чел.)			Процент городского населения	Население на 1 км²
		Города	Рабочие поселки	Прочие населенные места		В городских поселениях	В сельской местности	Всего		
Остяко-Вогульский национальный округ (с.Самарово)	703 000	-	-	979		-	49,9	49,9	-	0,07
Ямало-Ненецкий национальный округ (с. Обдорск)	466 000	-	-	-		-	14,0	14,0	-	0,03
Витимо-Олекминский (Эвенкийский) национальный округ (с.Усть-Муя)	209 840	-	1	-		2,0	7,2	9,2	22	0,04
Таймырский национальный округ (с. Дудинка)	683 352	-	-	10		-	7,7	7,7	-	0,01
Эвенкийский национальный округ (Туринская культбаза)	541 624	-	-	17		-	5,1	5,1	-	0,01
Якутская АССР (г.Якутск)	2 900 000	6	-	10		20,2	288,7	308,9	6,54	0,11

Составлено по: Административно-территориальное деление Союза ССР [с изменениями с 15 нояб. 1930 г. по 1 окт. 1931 г.]: Районы и города СССР / ЦИК СССР, Всерос. ЦИК. - М.: Власть Советов, 1931. – С. 70-71, 174–175, 180.

Таблица 2 – Административно-территориальное устройство и численность населения Севера Сибири в 1939 г.

Области, республики национальные округа	Площадь км^2.	Число городов	Число рабочих поселков	Численность населения (в тыс. чел.)			Процент городского населения	Население на 1 км^2.
				В городских поселениях	В сельской местности	Всего		
Остяко-Вогульский национальный округ (рп Остяко-Вогульск)	760 000	-	1	7,5	85,8	93,3	8,0	0,1
Ямало-Ненецкий национальный округ (г. Салехард)	466 000	1	-	12,7	33,1	45,8	27,8	0,09
Якутская АССР (г. Якутск)	3 030 900	6	10	111,5	301,6	413,2	26,9	0,1
Таймырский национальный округ (с. Дудинка)	712 600	-	1	13,9	14,8	28,7	48,3	0,04
Эвенкийский национальный округ (рп Тура)	541 600	-	1	1,6	7,9	9,5	16,6	0,02

Составлено и рассчитано по: Административно-территориальное деление союзных республик [Текст]: На 1 октября 1938 года / Информ.-стат. отд. при Секретариате Президиума Верховного Совета СССР. - Москва: Изд. и тип. изд-ва «Власть советов», 1938. - XXIII, 328 с.; Административно-территориальное деление союзных республик: изменения, происшедшие за время с 1/X 1938 г. по 1/III 1939 г. / Инф.-стат. отдел при Секретариате Президиума Верховного Совета СССР. - М.: Изд-во Ведомостей Верховного Совета РСФСР, 1939. - 143; Всесоюзная перепись населения 1939 г. Численность наличного населения СССР по районам и городам [Электронный ресурс] Демоскоп: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_pop_39_2.php Распределение численности городского и сельского населения северных регионов в 1939 г.

Таблица 3 – Административно-территориальное устройство и численность населения Севера Сибири в 1959 г.

Республики, края и округа (административный центр)	Площадь км^2	Число населенных пунктов		Численность населения (в тыс. чел.)			Процент городского населения	Население на 1 км^2
		Города	Рабочие поселки	В городских поселениях	В сельской местности	Всего		
Ханты-Мансийский национальный округ (г. Ханты-Мансийск)	550,8	1	3	37	87	124	30,1	0,2
Ямало-Ненецкий национальный округ (г. Салехард)	750,3	1	1	22	40	62	35,0	0,08

Продолжение таблицы 3								
Таймырский национальный округ (г. Дудинка)	860,2	1	2	20	13	33	60,5	0,04
Эвенкийский национальный округ (рп Тура)	745	-	1	2	8	10	19,8	0,01
Тувинская автономная область (г. Кызыл)	170,5	4	2	57	115	172	33,0	1,0
Якутская АССР (г.Якутск)	3 103,2	8	39	240	248	488	49,1	0,2

Составлено и рассчитано по: Народное хозяйство РСФСР в 1959 году (Статистический ежегодник). М. 1960. – С. 36–37, 53–54.

Таблица 4 – Административно-территориальное устройство и численность населения северных регионов России в 1989 г.

Области, республики национальные округа	Площадь тыс. км^2.	Число населенных пунктов		Численность населения (тыс.чел.)			Процент городского населения	Население на 1 кв.км.
		Города	Рабочие поселки	В городских поселения	В сельской местности	Всего		
Ханты-Мансийский национальный округ (г. Ханты-Мансийск)	523,1	11	28	1 153	115	1 268	91	2,4
Ямало-Ненецкий национальный округ (г. Салехард)	750,3	5	9	379	107	486	78	0,6
Таймырский национальный округ (г. Дудинка)	862,1	1	1	37	18	55	67	0,06
Эвенкийский национальный округ (рп Тура)	767,9	-	1	7	17	24	29	0,03
Тувинская АССР (г. Кызыл)	170,5	5	3	146	163	309	47	1,8
Якутская АССР (г.Якутск)	3103,2	11	67	721	360	1 081	66,7	0,3

Составлено и рассчитано по: Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. Статистический ежегодник. М. 1990. – С. 5–7, 60–61.

Таблица 5 – Численность населения административных центров Севера России в 1960–1980 гг.

Области, республики национальные округа	Административный центр	Численность населения 1959 г. (тыс.чел.)	Процент городского населения, проживающего в административных центрах 1959 г.	Численность населения 1989 г. (тыс.чел.)	Процент городского населения, проживающего в административных центрах 1989 г.
Ханты-Мансийский национальный округ	г. Ханты-Мансийск	21	56,7 %	34,4	3 %
Ямало-Ненецкий национальный округ	г. Салехард	17	77 %	32,3	8,5 %
Таймырский национальный округ	г. Дудинка	16	80 %	32,3	87 %
Эвенкийский национальный округ	рп Тура	2,0	100 %	7	100 %
Тувинская АССР	г. Кызыл	34,4	60 %	84,6	58 %
Якутская АССР	г. Якутск	74,0	30 %	187,0	26 %

Составлено и рассчитано по: Народное хозяйство РСФСР в 1959 году (Статистический ежегодник). М. 1960. – С. 39–41; Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. Статистический ежегодник. М. 1990. – 692 с.

Михнова П.В.

ПАБЛИК-АРТ КАК ДРАЙВЕР СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДОВ

Аннотация

Паблик-арт – неотъемлемая часть современной городской среды. Произведения искусства вышли из музеев и галерей на улицы города в разных формах: муралы, инсталляции, перформансы и пр. Арт-объекты перестают быть стационарными, статичными и даже материальными, побуждают у реципиентов разные формы сенсорно-перцептивной деятельности. Паблик-арт – широкое междисциплинарное понятие, включающее стрит-арт и граффити, креативную уличную мебель и архитектурный декор, а также шествия, акции, саунд- и веб-арт и пр.

Паблик-арт как результат социально-культурного проектирования, играет большую роль в формировании идентичности места, наделяя его смыслами, повышая его эстетику и популярность; в развитии туристической инфраструктуры, возрождении моногородов; в развитии и укреплении местных сообществ. Процессы институциализации паблик-арта и разработка инструментов его исследования осуществляется через деятельность разных организаций, компаний и программ: парка и школы «Никола-Ленивец», программы «Архитекторы.рф», КБ «Стрелка» и т.д.

Популярности паблик-арта способствует возросшие запросы горожан на высоко благоустроенную, уникальную и осмысленную среду открытых пространств, конкуренция среди девелоперов и застройщиков, развитие экономики впечатлений и эмоций.

Ключевые слова: городская среда, общественное пространство, социально-культурное проектирование, паблик-арт, стрит-арт, мурал.

Abstract

Public art is an integral part of the modern urban environment. Works of art came out of museums and galleries to the city streets in various forms: murals, installations, performances, and so on. Art objects cease to be stationary, static and even material and stimulate different forms of sensory-perceptual activity in the recipients. Public art is a broad interdisciplinary concept that includes street art and graffiti, creative street furniture and architectural decor, as well as marches, actions, sound and web art, and so on.

Public art as a result of socio-cultural design plays a major role in the formation of the identity of a place, endowing it with meaning, increasing its aesthetics and popularity; in the development of tourist infrastructure, revitalization of single-industry towns; in the development and strengthening of local communities. The processes of institutionalization of public art and the development of tools for its research are carried out through the activities of various organizations, companies and programs: art residence «Nikola-Lenivets», the program «Architects.rf», KB «Strelka», etc.

The popularity of public art is promoted by the increased demand of citizens for a highly landscaped, unique and meaningful environment of open spaces, competition among developers and builders, development of the economy of impressions and emotions.

Keywords: urban environment, public space, socio-cultural design, public art, street art, mural.

В условиях развития благоустроенной, эстетичной и комфортной городской среды набирает популярность паблик-арт, буквально «искусство в общественном месте». Если музеи и выставочные галереи посещают осознанно, иногда с ограниченным режимом доступа, то паблик-арт доступен для восприятия всем, независимо от статуса, возраста, уровня образования, в т.ч. художественного.

Паблик-арт объекты повышают привлекательность мест, создают насыщенную смыслами среду, формируют впечатления, а тематика таких произведений искусства отражает актуальные проблемы общества [1, с. 225].

Термин «паблик-арт» появился в конце 1960-х годов в США и Великобритании в связи с правительственными программами Per Cent for Art (процент на искусство), которые выделяют средства на общественные произведения искусства, связанные с капитальным строительством – возрождение городов, новые дороги, социальное жильё, общественные здания. Паблик-арт – междисциплинарное направление, объединяющее разные области изобразительного искусства, музейного менеджмента, истории искусства и государственного управления, что требует вовлечения разных стейкхолдеров [2].

Паблик-арт – не новое явление, так как искусство в городе было с появлением самих городов. Так, прототипом муралов и граффити можно назвать наскальные рисунки первобытного человека, а сфинксы, античные статуи, скульптуры Возрождения и барокко – исторический аналог современных инсталляций, в том числе кинематических. Такие знаковые объекты как Статуя Свободы или Эйфелева башня устойчиво связаны с конкретным местом и являются символами Нью-Йорка и Америки, Парижа и Франции соответственно.

Через искусство исторически формировалась и коммеморативная практика, основу которой составляет коллективная память о значимых событиях и личностях. Так, Триумфальные арки и памятные колонны аккумулируют в материале памятное событие и ключевую личность: Александрийский столп в Санкт-Петербурге, Колонна Нельсона в Лондоне, Триумфальные Арки в Риме и Париже. Такие паблик-арт объекты в городе не только наделены историческим смыслом, но и помогают в ориентации, навигации, фиксации места.

Местным жителям и туристам проще ориентироваться в городе и запоминать его черты тогда, когда у них появляется возможность фиксации пространства через ассоциации с «точками притяжения» (архитектура, памятники, малые архитектурные формы, арт-объекты) ... Обретая свойство пространственной метафоры и символа, неомонументы и неомуралы формиру-

ют новый слой локального текста, который реактуализирует и транслирует локальную память [3, с. 93-94].

Уличное искусство развивалось согласно текущей социально-политической повестке. Во многих городах постсоветского пространства остался паблик-арт советского реализма, который использовали в качестве политической и социальной пропаганды: скульптуры и барельефы пионеров, спортсменов и партийных деятелей, мозаичные панно на тему труда, спорта, семьи.

Статья посвящена выявлению роли паблик-арта в развитии городов, укреплении сообществ, организации знаковых мест и формировании социально-позитивного поведения. Методы исследования включают изучение научных и научно-популярных трудов по теме, материалов обучающих курсов от программы «Архитекторы.рф», мероприятий и кейсов арт-парка «Никола-Ленивец», фотофиксацию объектов паблик-арта, наблюдение, анализ принципов интеграции в городскую среду.

Современный паблик-арт представлен разными объектами по технике исполнения, форме подачи, тематике. Это связано, с одной стороны – с расширением границ и трендами в самом искусстве (появление видео-, веб-, саунд-арта), с другой – с развитием урбанистической культуры в парадигме экономики впечатлений и эмоций. На таком пересечении появляются муралы, инсталляции, лэнд-арт, видеомэппинг, а также перформативные действия (акции, шествия, хэппининги и пр.).

Более структурно классификация паблик-арта представлена в курсе «Искусство в городском пространстве: принципы интеграции паблик-арта» в программе «Архитекторы.рф» следующим образом: перформативный арт, визуальный 3Д-арт, визуальный 2Д-арт, невизуальный арт. Каждая из форм в свою очередь может нести историческую, эстетическую, функциональную нагрузку. Таким образом, весь паблик-арт представлен в матрице из 12 ячеек [2].

В последние годы города России заметно меняются в лучшую сторону: формируются общественные пространства, так называемые «третьи места», развивается безбарьерная среда,

велосипедная инфраструктура, практики фестивалей. Актуальное направление в экономике занимает развитие туризма. Для привлечения туристов и дальнейшей монетизации важно акцентировать внимание на особенностях города или региона. Это, в первую очередь, архитектура и ландшафтные особенности. Так, привлекательны города средней полосы России, Урала, Русского Севера и Сибири за счет уникального деревянного зодчества; Калининград с восточно-прусским наследием; Выборг с сохранившимися шведскими зданиями. Природными красотами отличаются Алтай, Карелия, озеро Байкал и пр. Изюминкой края могут стать и другие особенности, которые можно грамотно подать, в том числе с помощью паблик-арта.

Ярким примером влияния паблик-арта на имидж города является Зеленоградск в Калининградской области. Исторически на месте города была деревня прусских рыбаков, потом поселение, обслуживающее дорогу Кёнигсберг-Клайпеда по Куршской косе, и, наконец город Кранц, который в 1844 году получил статус королевского курорта. Этому способствовали наличие лечебных грязей, минеральных вод и Балтийское море. В отличие от Кёнигсберга Кранц практически не пострадал в ходе Восточно-Прусской операции. В 1946 году Кранц был переименован в Зеленоградск, однако большинство туристов знают Зеленоградск как «Город кошек». Почему так произошло? Изначально кошек в Зеленоградске было не больше, чем в любом другом городе, и точно меньше, чем в более южных городах. В 2010 году в водонапорной башне Зеленоградска был основан музей «Мурариум» с самой большой в России арт-коллекцией кошек. Музей оказался весьма востребованным и, в дальнейшем, это стало удачной темой для раскручивания имиджа города. Так кошки стали символом города, в 2018 году введена должность «котошефа», появились волонтеры, спонсирующие расходы. В результате всех действий, в Зеленоградске стало намного больше кошек, так как их стали привозить из других городов, создавая проблемы тем, кто о них заботится. Кошки стали излюбленной темой паблик-арта: в виде котов доска объ-

явлений, скамьи, скульптурные кошки встречают на въезде в город со стороны Калининграда и аэропорта Храброво, а также со стороны велотрассы из Светлогорска. Особую изюминку городу придают позитивные муралы с изображением кошек (рисунок 1). Туристический маршрут для кратковременного посещения города в рамках поездки на Куршскую косу построен с учетом не только архитектуры, но и самых красивых муралов на стенах зданий.

Рисунок 1 – Паблик-арт на тему котов в Зеленоградске, 2024 [4].

Историческая архитектура и акватория привлекали туристов, но именно тема котов - политически и социально нейтральная - стала драйвером активного развития города.

Паблик-арт, как правило, искусство институциональное, выполненное профессионалами, по утвержденным эскизам и согласованное со всеми инстанциями. Однако, к паблик-арту в отдельных случаях относятся и несогласованные «картины», в том числе на острые социально-политические темы. Самый сложный правовой аспект связан с рисунками на стенах зданий и сооружений – стрит-арт, граффити, муралы – так как инсталляцию можно перенести в другое место, временный паблик-арт закончится сам по себе, а надписи и рисунки на стенах при отрицательной реакции сообществ или властей остаётся только

закрасить, то есть уничтожить. Неформальным стрит-арт художникам приходится работать в более тяжелых условиях: быстро, в темное время, что требует виртуозного художественного и технического мастерства, заготовленных трафаретов. Одним из самых известных и загадочных художников стрит-арта является Бэнкси. Художник своими работами выражает позицию против ксенофобии, насилия, привлекает внимание к экологическим проблемам (рисунок 2). Несмотря на явное несоблюдение норм официального искусства, эпатаж и провокацию на зданиях в разных городах мира, авторские копии его граффити успешно продаются на аукционах («Девочка с воздушным шаром»), копии и авторские скульптуры выставляются в музеях, а новые рисунки всегда вызывают общественный резонанс.

Рисунок 2 – Социальный стрит-арт, Бэнкси. Слева: Сын мигранта из Сирии, Кале, лагерь мигрантов, 2015; справа: Приветствия Сезона, Порт-Толботе, Уэльс, 2018 [5].

Отношение к продуктам паблик- и стрит-арта складывается разное – со стороны горожан, отдельных сообществ и властей. Некоторые работы создают прецедент, запускают цепь событий, включающие другие формы паблик-арта. Так, в 2016 году на доме, где пятнадцать лет прожил поэт и драматург Даниил Хармс, основатель Объединения реального искусства, уличные художники Паша Кас (Казахстан) и Павел Мокич (Россия) нарисовали портрет к 74-летию со дня смерти писателя. Деликатный графичный рисунок удачно вписался в угловой торец дома. Предварительно договоренность о нанесении изображе-

ния была достигнута с председателем ТСЖ и жителями дома, однако с администрацией района согласования не было и в течение шести лет вокруг портрета разгорались споры: одни жители были против и хотели убрать изображение со своего дома, другим нравился этот мурал как память, как произведение искусства. Начались судебные иски и процессы с одной стороны, сбор подписей и акции в поддержку портрета с другой. Так, в защиту граффити с портретом писателя выступали губернатор Санкт-Петербурга Г. Полтавченко, директор Государственного Эрмитажа М. Пиотровский, бард А. Розенбаум, а неравнодушные жители провели акцию «#хармс_с_нами», читая произведения поэта и снимая видеозаписи с хештегом для распространения в социальных сетях.

Оставить граффити на месте Смольный также просили современные писатели. Представители Санкт-Петербургского Русского ПЕН-клуба и «ПЕН-Москва» подчёркивали, что это единственное место, которое напрямую связанно с поэтом: музеев, увековечивающих творчество Даниила Хармса, в Петербурге нет» [6].

Однако, в июне 2022 года потрет был закрашен. Для компромиссного решения был предложен видео-арт в виде проекции портрета Д. Хармса в темное время суток, не нарушая «паспорт здания», но это уже будет эпизодический или временный паблик-арт (рисунок 3). Эта история создала прецедент по согласованию, поиску компромиссных решений, проведению культурных акций поддержки. В результате была подготовлена версия регламента по граффити на будущее.

Рисунок 3 – Споры и судебные иски по поводу портерта Д. Хармса, Санкт-Петербург.
Слева: портрет Д. Хармса, П. Кас, П. Мокич, 2016-2022 [7];
в центре: компромиснное решение – апробация проекции портрета, 2022 [6];
справа: пустой торец, закрашенный портрет по решению суда, 2022-2024 [4].

Творчество на зданиях, особенно в центре города – сложный процесс. Но непросто рисовать и на заборах, трансформаторных будках, изначально не представляющих художественной ценности. Так, группа художников HoodGraff с 2014 года в Санкт-Петербурге изображает известных людей с портретным сходством на высоком профессиональном уровне, тем не менее около 70% работ закрашивают или портят без видимых причин. Иногда портреты завешивают рекламой и разговоры о том, что это, «искусство» или «вандализм», не прекращаются. Самые известные и популярные из сохранившихся работ – черно-белые портреты лидера рок-группы «Кино» Виктора Цоя и актера Сергея Бодрова – стали неформальными достопримечательностями. Люди со всей России фотографируются рядом с этими портретами. Оба портрета впервые появились в 2014 году, но в дальнейшем, авторы переписывали их, меняя исходные фото-

графии (рисунок 4).

Рисунок 4 – Работа стрит-арт художников HoodGraff,
Санкт-Петербург, 2024 [4].
Слева: С. Бодров; справа: В. Цой.

Тема паблик-арта особенно актуальна для территорий, которые, порой обладая богатым культурным и творческим наследием…испытывают некую депопуляцию. При этом особенно важны новые образы городской среды, которые укрепляют ее имидж. В регионах паблик-арт востребован в рамках активно растущего фестивального и биеннального движения. Фестивали «Архстояние» в Николо-Ленивце, «Стена» и “СНО! Artfest” в Екатеринбурге, «Место» в Нижнем-Новгороде, «Арт-проект» в Санкт-Петербурге, «АртОвраг» в Выксе, «ВолгаФест» в Самаре выступают главными площадками демонстрации паблик-арта [8, с 175].

Город – живой организм, где невозможно все предусмотреть. Так, интересна судьба Дома Советов в Калининграде для администрации Калининградского обкома КПСС и облисполкома. Здание начали строить в 1970 году в стиле модернизма, и только в 1988 году должны были ввести в эксплуатацию. Однако, во времена Перестройки строительные работы были приостановлены, здание переходило к разным собственникам, но так и стояло невостребованное еще более тридцати лет.

В мае 2023 года приступили к сносу Дома Советов, ставшему неофициальным символом города, маркером эпохи и по функции, и по стилю. В декабре 2023 года, когда часть здания была демонтирована, на фасаде появился видеомэппинг в виде разбитого сердца. Это пример временного паблик-арта, и, несмотря на простое изображение, треснутое сердце на здании тронуло сердца калининградцев. В июле 2024 года остался лишь фундамент, который до сих пор называют Домом Советов. Символично, что все экскурсии в туристическом Калининграде начинаются по адресу Дома Советов (рисунок 5).

С демонтажом здания Дома Советов его история не окончена. Музей «Дом китобоя» анонсировал конкурс концепций паблик-арт объекта «Дом Советов». В разработке концепции необходимо использовать блоки оконных конструкций из железобетона Дома Советов, сохраненные после демонтажа музеем. Возможно, не послужив по назначению, отдельные части здания обретут новую жизнь как паблик-арт.

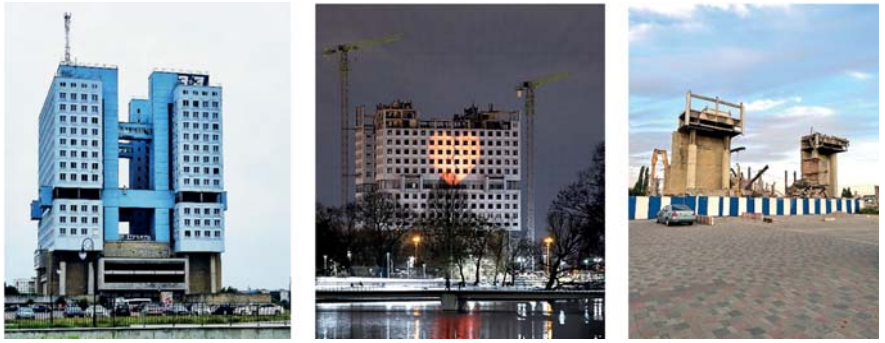


Рисунок 5 – Дом Советов, Калининград. Слева:
построенное здание, 1987 [9];
в центре: демонтаж здания, проекция «Разбитое сердце»,
2023 [10];
справа: завершение демонтажа, 2024 [4].

Активное развитие паблик-арта однозначно требует разработки четких критериев, регламентов, принципов интеграции. С одной стороны, должен соблюдаться дизайн-код для рекламы,

входных групп и муралов, с другой – оставаться возможность творчества в городе. Такие вопросы обсуждаются в рамках российской обучающей программы «Архитекторы.рф» по темам городского развития для архитекторов, проектировщиков и градостроителей. На сегодняшний день в России это самый актуальный источник информации по архитектуре, урбанистике, городской среде. Программа «Архитекторы.рф» реализуется с 2018 года в рамках реализации нацпроекта «Жилье и городская среда». Своей целью программа ставит обеспечение российских городов квалифицированными специалистами для создания доступного и качественного жилья и формирования комфортной городской среды.

Родиной российского паблик-арта считается парк современного искусства в Калужской области «Никола-Ленивец». Точкой отсчета стал первый недолговечный лэнд-арт объект «Снеговики» в 2000 году, который принес известность автору и идейному вдохновителю Н. Полисскому. С тех пор «Никола-Ленивец» – главное «место силы» российского паблик-арта. История развития арт-парка – это пример роли искусства в развитии территории, вовлечении местных жителей в креативные практики. Искусство стало градообразующим фактором: в соседние деревни Дзержинского района Калужской области (Кольцово, Звизжи) стали переезжать семьи, открываются мини-отели и гостевые дома (так как гостиничный фонд парка не может вместить всех желающих на мероприятия). С 2006 года в парке ежегодно проходят фестивали арт-объектов и с каждым годом их все больше: фестиваль архитектуры и паблик-арта «Архстояние», «Арт-Масленица», музыкальный фестиваль «Сигнал», спортивные забеги и пр. Арт-резиденция «Никола-Ленивец» играет ключевую роль в процессе институциализации паблик-арта, так как на его основе проводятся школы по социокультурному проектированию, семинары и конференции, тематические курсы по паблик-арту, формируется методика на основе реализованных кейсов, включающая стратегии и рекомендации по выстраиванию диалога с бизнесом, администрацией и сообществами, поиску финансирования, изучению правовых аспектов и пр.

Юлия Бычкова, продюсер фестиваля «Архстояние», «Архстояние Детское», «Арт-Овраг», «Алушта-Green», основатель Школы Никола-Ленивца отмечает, что «тренд на паблик-арт… обусловлен социальным запросом …на красоту и смыслы… Девелоперам приходится постоянно изобретать новые способы привлечения клиентов. И тут паблик-арт оказался одним из эффективнейших маркетинговых инструментов… Школа Никола-Ленивца…суммирует весь российский опыт – пока еще скромный – социокультурного программирования и создания объектов паблик арта [11].

Выводы:

1. Паблик-арт выполняет традиционную функцию искусства – эстетика, метафоры и символы, память – в общественных, доступных для всех пространствах. Интегрированный в городскую среду, паблик-арт реализует и важную культурно-образовательную миссию. Люди интересуются личностями, ставшими героями паблик-арта и событиями, с ними связанными. Искусство в городе развивает художественный вкус, способствует социально-позитивному поведению.

2. Паблик-арт играет большую роль в освоении новых территорий, жилых и общественных пространств. Застройщики и местные власти признают преимущества интеграции произведений искусства в программы реконструкций и реновации. Объекты паблик-арта материально фиксируют особенности места, делают его узнаваемым, вызывают заинтересованность, что важно в развитии туризма, диверсификации экономики в моногородах (Выкса, Мончегорск, Никола-Ленивец и пр.).

3. Паблик-арт является средством коммуникации, поднимая актуальные проблемы, транслируя идеи, приглашая к диалогу всех участников городской среды, включая власти. Паблик-арт создает прецеденты, формирует тематические дискурсы и сообщества в процессе совместных действий «за» и «против», запускает цепь других публичных мероприятий, которые также являются паблик-артом (чтение стихов Д. Хармса у дома с его

портретом в Санкт-Петербурге, цифровой арт в виде проекции сердца на разбираемом Доме Советов в Калининграде и пр.).

4. На сегодняшний день отсутствует четкое законодательство о паблик-арте. Нет специальной подготовки в вузах, регламента по процедуре нанесения муралов на стены зданий за исключением новостроек, где граффити сразу включены в проект и фестивалей, где заранее получены все согласования. Паблик-арт художниками становятся люди с художественным образованиям и навыками – архитекторы, дизайнеры. Большую роль в институциализации паблик-арта играет деятельность парка «Никола-Ленивец» и программа «Архитекторы.рф».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Михнова, П. В. Паблик-арт: экономика впечатлений и актуальные проблемы общества / П. В. Михнова // Инвестиции, градостроительство, недвижимость как драйверы социально-экономического развития территории и повышения качества жизни населения: материалы XIII Международной научно-практической конференции, Томск, 2023. – С. 225-231.
2. Курс «Искусство в городском пространстве: принципы интеграции паблик-арта» / программа «Архитекторы.рф». URL: http://архитекторы.рф
3. Сефер, К. Э. Актуальные коммеморативные арт-практики (на примере паблик-арта) / К. Э. Сефер // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. – 2022. – № 1(41). – С. 91-103.
4. Авторские фотографии
5. Работы Бэнкси. URL: https://crossarea.ru/street-art/works/banksy-works/
6. Закрашенный портрет Хармса**…** Деловой Петербург. URL: https://www.dp.ru/
7. Губернатор города предложил… Blog Fiesta. URL: https://www.fiesta.ru/spb/news/gubernator-goroda-predlozhil-sohranit-graffiti-s-daniilom-harmsom/
8. Карцева, Е. А. Российский паблик-арт: актуальные практики и тренды / Е. А. Карцева, О. В. Шлыкова // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2022. – № 1. – С. 169-181.
9. Дом Советов (Калининград). Материал из Википедии. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/ Дом_Советов_(Калининград)
10. Клопс. Разбитое сердце: в выходные на Доме Советов…
11. Зельдович, П. и др. Паблик-арт как новое благоустройство и его следствие. Сайт журнала «Проект Россия», ведущего профессионального журнала по архитектуре, градостроительству, строительным технологиям и дизайну в России. URL: https://prorus.ru/interviews/pablikart-kak-novoe-blagoustrojstvo-iego-sledstvie/

Омурова Ж.О., Урюстюмова А. И.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ КЫРГЫЗСТАНА И КАЗАХСТАНА В ПЕРИОД СУВЕРЕНИТЕТА

Аннотация

В статье дается краткий анализ научно-образовательной интеграции Кыргызстана и Казахстана. Сотрудничество между Кыргызстаном и Казахстаном с момента обретения ими независимости развивалось довольно активно, особенно за последние годы уровень культурно-гуманитарного взаимодействия в области науки и образования между государствами только вырос. К настоящему времени научно-образовательная интеграция с Казахстаном занимает одну из ключевых позиций во внешнеполитическом курсе Кыргызской Республики. Данная позиция создает благоприятные условия для динамичного развития двусторонних союзнических и партнерских отношений между двумя странами.

Ключевые слова: Казахстан, Кыргызстан, образования, наука, вузы, интеграция.

Abstract

The article provides a brief analysis of the scientific and educational integration of Kyrgyzstan and Kazakhstan. Cooperation between Kyrgyzstan and Kazakhstan has been developing quite actively since their independence, especially in recent years, the level of cultural and humanitarian interaction in the field of science and education between the states has only increased. At present, scientific and educational integration with Kazakhstan occupies one of the key positions in the foreign policy of the Kyrgyz Republic. This position creates favorable conditions for the dynamic development of bilateral allied and partnership relations between the two countries.

Keywords: Kazakhstan, Kyrgyzstan, education, science, universities, integration.

Укрепление дружбы и сотрудничества Кыргызстана и Казахстана – в приоритете внешней политики двух государств. 2–3 марта 2021 года президенты двух стран подписали Договор об углублении и расширении союзнических отношений между Казахстаном и Кыргызстаном, который должен придать импульс всем направлениям сотрудничества. И на основе культурно-исторической и языковой общности двух народов, можно отметить, что обе страны привержены к дальнейшему развитию сотрудничества в сферах науки, образования, здравоохранения, культуры, туризма, спорта и других областях.

В Договоре стороны намерены продолжить реализацию совместных образовательных и научно-технических программ. Также стороны выразили готовность оказывать содействие проведению совместных телевизионных проектов, выставок, фестивалей и иных культурных, научных мероприятий, консолидировать усилия в целях сохранения и продвижения общего исторического и культурного наследия [1].

Кыргызов и казахов объединяла и объединяет общность происхождения и языка, экономической и культурной жизни, множество родственных связей, территориальная близость, природно-климатические условия, совместное историческое

прошлое, схожее видение окружающего мира и общего будущего. Между двумя народами всегда были и есть тесно переплетенные взаимные контакты, являющиеся неотъемлемой частью повседневной жизни. Это духовное и идейное сходство устного народного творчества, и обмен в сфере литературы и на уровне различных профессиональных сообществ, обращение деятелей культуры к темам из жизни наших народов, взаимные переводы произведений литературы и др. В настоящее время Кыргызстан и Казахстан идут по пути независимости, самостоятельно определяют векторы своего развития, но продолжают сохранять и укреплять стратегическое партнерство и дружбу между народами.

Во время суверенитета между Кыргызстаном и Казахстаном создана обширная договорно-правовая база, охватывающая практически все сферы межгосударственного взаимодействия. Дипломатические отношения между Кыргызстаном и Казахстаном были установлены 15 октября 1992 года. В 1993 году открыто посольство РК в КР [2]. На сегодняшний день между государствами подписаны порядка 250 межгосударственных, межправительственных и межведомственных документов [3]. Основополагающим из них является Договор о вечной дружбе от 8 апреля 1997 года [4] и Договор о союзнических отношениях от 25 декабря 2003 года [5]. Большую роль в продвижении двустороннего сотрудничества в области образования сыграли взаимные государственные визиты, совершенные президентами двух республик в 2021 [6], 2022 [7], 2023 [8] гг. в которых определены общие стратегические цели, концептуальные подходы и направления долгосрочного и стабильного развития кыргызско-казахского сотрудничества.

Установленные союзнические отношения и партнерство создали условия для создания таких институциональных базисов, как Высший Межгосударственный Совет, Кыргызско-Казахский Межправительственный совет, Совет министров иностранных дел КР и РК. Для решения общих проблем и нахождения согласованных позиций по важным вопросам Кыргызстан

и Казахстан активно сотрудничают в рамках региональных и международных организаций, таких как Организация тюркских государств, Шанхайская организация сотрудничества, Организация Договора о коллективной безопасности и Евразийский экономический союз. В рамках 4-й Консультативной встречи, состоявшейся в Чолпон-Ате в 2022 году, между Кыргызстаном и Казахстаном было подписано Соглашение о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве в целях развития Центральной Азии в XXI веке. Ключевую роль в укреплении двустороннего политического сотрудничества играют регулярные встречи и переговоры на высшем и высоком уровнях. Таким образом, за годы независимости заложен прочный фундамент двусторонних отношений.

Значительно активизировались экономические связи, растет объем взаимной торговли, увеличивается объем инвестиций, что дает новый импульс для развития экономик наших республик. На сегодняшний день в Кыргызстане работает свыше 334 совместных предприятий с участием казахстанского капитала, а в Казахстане – порядка 250 [3].

В укреплении общественного согласия и общенационального единства в стране огромную роль играет Ассоциация казахов в Кыргызстане, насчитывающая более 30 тыс. человек. Казахи вносят большой вклад в развитие Кыргызстана во многих сферах, таких как экономика, культура, искусство, медицина, образование и наука.

В Казахстане также проживает более 40 тысяч представителей кыргызского этноса. В рамках Ассамблеи народа Казахстана действуют 10 региональных кыргызских этнокультурных объединений.

В последние годы плодотворно развиваются двусторонние отношения в области образования и науки. Ключевым документом в сфере развития научно-образовательного потенциала является Соглашение между правительствами Кыргызстана и Казахстана о сотрудничестве в области образования от 4 июля 2006 г. [9].

В настоящее время организации высшего образования активно налаживают взаимодействие, реализуют совместные проекты. Ректора вузов заключают соглашения об академическом обмене, программах мобильности для студентов. В 2021 году в Бишкеке проведена Первый форум ректоров вузов Кыргызской Республики и Республики Казахстан – «Трансформация современного высшего образования: основные тренды и траектории интеграции», который собрал на своей площадке ведущие вузы двух стран. В рамках Форума обсуждались основные задачи по развитию систем высшего образования двух стран. Были рассмотрены ключевые направления кыргызско-казахского сотрудничества в сфере подготовки кадров, академической мобильности студентов и преподавателей, научные проекты с учетом приоритетов двустороннего сотрудничества, опыт и перспективы интеграции систем образования Кыргызстана и Казахстана. Имели место содержательные дискуссии по дальнейшему укреплению дружественных связей между двумя республиками и народами. Одним словом, на полях Форума состоялся конструктивный диалог во имя укрепления нашего взаимодействия по всему спектру образовательных и научных связей. На Форуме были подписаны: Соглашения о сотрудничестве между Ассоциацией высших учебных заведений Кыргызской Республики и Советом ректоров организаций высшего и послевузовского образования Республики Казахстан; договоры о сотрудничестве между вузами Кыргызской Республики и Республики Казахстан [10]:

- Кыргызский государственный технический университет им. И. Раззакова и Алматинский технологический университет заключили соглашение о совместных программах подготовки бакалавров и магистров по направлениям «Технология и производство пищевых продуктов животного происхождения» и «Стандартизация, сертификация и метрология».
- Международный университет Кыргызстана подписал соглашение с Таразским государственным университетом им. М. Х. Дулати о реализации программы двойного диплома.

❖ Жалал-Абадский государственный университет укрепляет сотрудничество с Евразийской юридической академией им. Д. А. Кунаева, институтом им. М. Сапарбаева по программам академической мобильности, научных исследований.

❖ Подписано соглашение об открытии представительства Кызыл-Ординского университета им. Коркыт Ата в Кыргызском национальном университете им. Жусупа Баласагына.

А также согласно соглашениям между университетами двух стран существуют программы обмена, действуют квоты для кыргызстанцев на обучение в ведущих университетах Казахстана. Так, на 2022–2023 учебный год казахстанская сторона выделила квоту в 50 мест [11]. В свою очередь Кыргызстан ежегодно выделяет 10 мест для обучения граждан Казахстана в Кыргызстане. С целью подготовки специалистов, которые будут глубже понимать Казахстан и развивать совместные проекты, в Кыргызстане был открыт совместный Кыргызско-Казахский университет, а также филиалы двух крупных казахских вузов – Казахского национального университета им. Аль-Фараби и Евразийского национального университета им. Л. Гумилева [10]. В КазНУ им. Аль-Фараби обучение ведется по 13 образовательным программам на уровнях бакалавриата и магистратуры на государственном (киргизском), русском и английском языках. В перечень входят такие направления, как: биология и биотехнологии, механико-математические специальности, география и природопользование, востоковедение, информационные технологии, журналистика, филология, экономика и бизнес, юриспруденция, химия и химические технологии, философия и политология [12].

Ежегодно осуществляется обмен обучающимися по программам бакалавриата и магистратуры. По данным Национального статистического комитета Кыргызской Республики в различных вузах Кыргызстана за 2022 год учатся 3179 граждан Республики Казахстан [13]. Активно развивается академическая мобильность среди преподавателей, аспирантов и докторантов Кыргызстана и Казахстана. Ежегодно десятки преподавателей

проходят стажировку, повышение квалификации, обучение в Летних лагерях, на вебинарах и семинарах, проводимых вузами двух стран.

На уровне среднего общего образования ведется постоянное взаимодействие, в том числе при обсуждении новых методик, внедрения инновационных подходов, проводится конференции, идет обмен опытом. При поддержке Фонда Н. Назарбаева в Бишкеке и Оше построены школы. Школьники Кыргызской Республики каждый год участвуют в олимпиадах, организованных Республикой Казахстан, также учащиеся Казахстана участвуют в состязаниях, которые проводятся в Кыргызской Республике.

А также по инициативе Кыргызской Республики проводится международный детский этно-карнавал «Иссык-Куль собирает друзей». Данный карнавал проводится уже 14 лет на берегу озера. В карнавале принимают участие дети в возрасте 9-17 лет из Беларуси, Индии, Казахстана, России, Узбекистана и Кыргызстана. За эти годы участниками этно-карнавала стали около 10 000 детей. Этно-карнавал стал устоявшейся традицией на протяжении многих лет, он помогает продвижению межкультурного диалога среди детей всех вышеназванных стран и всех регионов Кыргызстана, а также введению участников в режим саморазвития, толерантности, укрепления патриотических качеств и социальной солидарности. В рамках этно-карнавала проходит Международный конкурс детского творчества «Иссык-Куль собирает друзей» по номинациям «Эстрадное пение», «Народные инструменты», «Народные танцы», «Театральное искусство». Конкурс дает возможность сохранить, развивать и знакомить участников фестиваля с искусством, традициями своих стран. Большую популярность имеют мастер-классы по направлениям искусства с известными мастерами из Кыргызстана, Казахстана и других стран [14].

Таким образом, в заключении можно сказать, что кыргызско-казахское сотрудничество продолжает динамично развиваться и в настоящее время, охватывая все более широкие сферы взаимодействия. Но некоторые исследователи и эксперты счита-

ют, что научно-образовательная интеграция Кыргызстана и Казахстана до 2022 г. не рассматривалась в качестве важной и актуальной темой, требующей внимания. И причиной тому является отсутствие какой-либо заметной динамики в этом направлении. В этом русле сегодня у стран есть потенциал осуществить ряд инициатив, которые придадут нашим научно-образовательным связям новый импульс, направленный на их качественное расширение и углубление. Так, Кыргызстан и Казахстан могли бы создать совместные технопарки, научно-исследовательские центры, которые способствовали бы эффективной цифровизации производственных процессов. Назрела необходимость проведения совместных серьезных исследований по актуальным социально-экономическим, образовательным темам и работать над научными проектами и создать аналитических центров. А также следует развивать и усилить сотрудничество в рамках сетевого взаимодействия вузов двух республик. Это могло бы стать стимулом для обмена образовательными программами, академической мобильности, стажировки студентов и преподавателей. В перспективе укрепление кыргызско-казахского сотрудничества и партнерства в области образования и науки является стратегически значимым для экономической стабильности и устойчивости двух стран.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Президенты Кыргызстана и Казахстана приняли совместное заявление [Электронный ресурс]https://ru.sputnik.kg/20210302/tokaev-zhaparov-sovmestnoe-zayavlenie-tekst-1051640140.html (дата обращенияhttps://ru.sputnik.kg/20210302/ 15.12.2021)
2. Как развивались киргизско-казахстанские отношения в течение 30 лет [Электронный ресурс]https://inbusiness.kz/ru/news/kak-razvivalis-kyrgyzsko-kazahstanskie-otnosheniya-v-techenie-30-let (дата обращения 17.09.2021)
3.Кыргызстан – Казахстан: сотрудничество и дружба, проверенные временем [Электронный ресурс] https://kutbilim.kg/ru/news/inner/kyrgyzstan-kazahstan-sotrudnichestvo-i-druzhba-proverennye-vremenem/ (дата обращения 15.12.2023)
4. Договор о вечной дружбе между Кыргызской Республикой и Республикой Казахстан (Ратифицирован Законом Кыргызской Республики от 24 июля 1998 года№ 112) [Электронный ресурс] http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/17031 (дата обращения 18.05. 2023).
5. О ратификации Договора о союзнических отношениях между Республикой Казахстан и Кыргызской Республикой (Закон Республики Казахстан от 9 ноября 2006 года N 187) // Сайт информационно-правовой системы нормативно-правовых актов Республики Казахстан. [Электронный ресурс] https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z060000187_ (дата обращения 20.05. 2023)
6. Завершился государственный визит Президента Садыра Жапарова в Казахстан // Официальный сайт президента Кыргызской Республики. [Электронный ресурс] https://www.president.kg/ru/sobytiya/18809_zavershilsya_gosudarstvenniy_vizit_prezienta_sadira_ghaparova_vkazahstan (дата обращения 20.05.2023).
7. Садыр Жапаров прибыл в Астану [Электронный ресурс] https://ru.sputnik.kg/20230607/sadyr-zhaparov-pribyl-v-astanu-1076043392.html (дата обращения 07.06.2023)
8. Президенты Казахстана и Кыргызстана провели переговоры в узком формате // Официальный сайт президента Республики Казахстан. [Электронный ресурс] https://akorda.kz/ru/prezidenty-kazahstana-i-kyrgyzstana-proveli-peregovory-v-uzkomformate-26431 (дата обращения 21.05.2023).
9. Соглашение между Правительством Кыргызской Республики и Правительством Республики Казахстан о сотрудничестве в области образования (от 4 июля 2006 года) // Сайт Министерства юстиции Кыргызской Республики. [Электронный ресурс] http://cbd.minjust.gov.kg/ act/view/ru-ru/17758?ckwds= (дата обращения 20.05. 2023).
10. Кыргызстан – Казахстан: новые вехи сотрудничества в сферах культуры и образования [Электронный ресурс]https://vesti.kg/obshchestvo/item/100434-kyrgyzstan-kazakhstan-novye-vekhi-

sotrudnichestva-v-sferakh-kultury-i-obrazovaniya.html (дата обращения 31.05.2022)
11. Кыргызстан и Казахстан укрепят сотрудничество в сфере образования и науки [Электронный ресурс] https://kutbilim.kg/ru/news/inner/kyrgyzstan-i-kazahstan-ukrepyat-sotrudnichestvo-v-sfere-obrazovaniya-i-nauki/ (дата обращения 04.03.2021)
12. Кудаяров К.А. Научно-образовательная политика Казахстана в Киргизии // Россия и мусульманский мир: научно- информационный журнал. 2023. № 3 (329). DOI: 10.31249/rimm/2023.03.03
13. Казахстан откроет в Киргизии филиалы лучших своих вузов [Электронный ресурс] https://news.myseldon.com/ru/news/index/251633273 (дата обращения 29.05.2021)
14. Кыргызстан и Казахстан: точки сближения//Республиканский информационно-аналитический журнал «Современное образование» [Электронный ресурс] https://www.bilim.expert/post

Сарсембаева Г.А.

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ СССР В 1950-1960 гг.: К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВНЫХ ФАКТОРАХ ПОВЫШЕНИЯ РОЖДАЕМОСТИ

(Статья выполнена в рамках грантового научного проекта AP19676895 «Казахи как демографический потенциал Казахстана: ретроспектива и перспективы развития», финансируемого финансируемого Комитетом науки Министерства науки и образования Республики Казахстан)

Аннотация

В статье освещается ряд социально-экономических реформ СССР в середине XX века через призму факторов повышения рождаемости. К числу таких факторов относятся: рост жилищного строительства, повышение уровня жизни населения, общая либерализация режима, реформы в системе здравоохранения и образования, строительство новых роддомов, детских садов и яслей и т.д. Акцент сделан на социально-экономических процессах, протекавших в исследуемое время в Казахстане, где темпы роста демографических показателей были достаточно высокими.

Ключевые слова: реформа, постановление, СССР, здравоохранение, образование, рождаемость, казахи, сельское население, колхоз, совхоз.

Abstract

The article highlights a number of socio-economic reforms of the USSR in the mid-twentieth century through the prism of factors increasing the birth rate. These factors include: growth in housing construction, improvement in the standard of living of the population, general liberalization of the regime, reforms in the healthcare and education systems, construction of new maternity hospitals, kindergartens and nurseries, etc. The emphasis is placed on the socio-economic processes that took place during the time under study in Kazakhstan, where the growth rate of demographic indicators was quite high.

Keywords: reform, decree, USSR, healthcare, education, birth rate, Kazakhs, rural population, collective farm, state farm.

В 1950-е гг. страна постепенно устраняла последствия Великой Отечественной войны, налаживала промышленное производство товаров широкого потребления, восстанавливала разрушенные города. С начала 1950-х гг. социально-экономический уровень жизни населения постоянно повышался, росли возможности удовлетворения материальных и культурных потребностей, главной среди которых была потребность в жилье. Наступившая эпоха принципиально отличалась от предыдущего периода своей ориентацией на человека и его потребности. С середины 1950-х гг. началась реализация широкой программы повышения заработной платы: в 1961 г. по сравнению с 1950

г. она возросла в 1,3 раза, а с учетом выплат и льгот из общественных фондов потребления – в 1,35 раза. Во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. в целом значительно расширились социальные возможности населения в области образования, здравоохранения, жилья, потребления продуктов питания и предметов домашнего обихода.

Происходит реформирование законодательства и правового регулирования, которое в большей степени затронуло экономику и сферу социальной защиты, в том числе, сельского населения.

Благодаря экономическим реформам, начатых в 1953 г. по инициативе Председателя Совета министров Г.М. Маленкова, была изменена налоговая политика в деревне: списаны недоимки по налогам, снижены налоговые ставки и увеличены закупочные цены на сельхозпродукцию и пр. Наряду с этим, в целях повышения материальной заинтересованности колхозников, были сняты ограничения на развитие личного подсобного хозяйства [1].

Были приняты Постановления Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию животноводства в стране и снижении норм обязательных поставок продуктов животноводства государству хозяйствами колхозников, рабочих и служащих» и «О государственных закупках излишков хлеба у колхозов» [2, 3].

Таким образом, впервые после НЭПа государство сделало ряд реальных шагов навстречу сельскому населению страны, в селах было решено ослабить давление на колхозников − снижались сельхозналоги, увеличивались размеры приусадебных хозяйств, повышались закупочные цены, причем существенно − на мясо в 5,5 раза, молоко и масло − в 2 раза, предоставлялись государственные дотации на выпуск ширпотреба. Эта линия открывала перспективу возможной интенсификации производства на базе возрастания материальной заинтересованности в труде, в результате чего уже в первой половине 1953 г. производительность труда возросла на 62%, материалоемкость снизилась на

5% [4].

В последующее время меры по материальной поддержке села, социальной политики, улучшению благосостояния населения в целом, продолжались. Так, на XX Съезде КПСС в феврале 1956 г. с проектом шестого пятилетнего плана (1956-1960 гг.) выступил Н.С. Хрущёв. Согласно плану, было предусмотрено повышение в течение пяти лет реальной заработной платы рабочим и служащим на 30%, а денежные и натуральные доходы колхозникам на 40%. Н.С. Хрущёвым были сформулированы основные пункты социальной программы такие как: повышение заработной платы низкооплачиваемым работникам и колхозникам, улучшение пенсионного обеспечения, расширение жилищного строительства, улучшение дела общественного питания, увеличение количества детских учреждений, домов престарелых и инвалидов, сокращение продолжительности рабочего дня, введение бесплатного и льготного питания для детей менее обеспеченных родителей, улучшение народного здравоохранения и др. [5].

В марте 1956 г. было принято Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О ежемесячном авансировании колхозников и дополнительной оплате труда в колхозах» [6]. Колхозам рекомендовалось по решению общих собраний значительную часть заработанных за трудодни средств выдавать ежемесячно авансом, не дожидаясь расчёта осенью, после окончания хозяйственного года. Ситуация в селе начала меняться. Росла производительность труда, среднегодовой прирост объёма сельскохозяйственного производства в 1954–1958 гг. составил 7%.

Вопрос о заработной плате колхозников обсуждался на протяжении 1950-1960-х гг. И, даже после мер по повышению оплаты труда лиц, занятых в сельском хозяйстве, принятых согласно решениям XX Съезда КПСС, данный вопрос оставался открытым. Наряду с заработной платой колхозников, актуальным был также вопрос о премировании и материальном поощрении работников сельского хозяйства.

Среди мер, которые были проведены государством для по-

вышения уровня жизни населения, важное место занимала пенсионная реформа. Закон о государственных пенсиях вступил в силу с 1 октября 1956 году. Он в значительной степени упрощал пенсионное законодательство, повышал уровень пенсионного обеспечения, устанавливал надбавки к основным размерам пенсии. Этот закон впервые давал право на пенсию по старости, что вело к заметному увеличению числа пенсионеров. Кроме того, были повышены нормы пенсии, назначенные ранее. Размер пенсий зависел от стажа работы и возраста. Мужчины уходили на пенсию в 60 лет (25-летний стаж работы), женщины в 55 лет (20 лет стажа).

Исключительное значение имело то, что впервые в стране устанавливались государственные пенсии для колхозников. Для них вводился более высокий возрастной ценз − мужчины в возрасте от 65 лет (выработанный трудовой стаж 25 лет) и женщины − от 60 лет (трудовой стаж не менее 20 лет), но лишь в том случае, если они продолжали работать в колхозах. Но если размер пенсии рабочих и служащих колебался от 30 до 120 рублей в месяц, то пенсия колхозников составляла всего 12–15 рублей. Считалось, что остальные средства для жизни сельчане могут получать от личного подсобного хозяйства [7].

Слабым местом нового пенсионного законодательства было то, что оно не распространялось на нетрудоспособных и пожилых колхозниц и колхозников. В октябре 1961 г. на XXII съезде КПСС была принята программа партии, в которой говорилось, что создание процветающего, развитого сельского хозяйства является одним из обязательных условий построения коммунизма [8]. Нелогичным было отсутствие единого пенсионного обеспечения колхозников – класса советского общества, который занимал второе по значимости место [9].

15 июня 1964 г. Верховным Советом СССР был принят «Закон о пенсиях и пособиях членам колхозов» [10]. Согласно закону, была установлена государственная система социального обеспечения колхозников за счет отчислений от доходов колхозов и ежегодных ассигнований по государственному бюджету СССР. До этого в СССР не существовало системного государственного пенсионного обеспечения колхозников, а пенсии устанавливались каждым колхозом в отдельности. Возраст выхода на пенсию колхозников по старости, а также рабочих и служащих, совпадал.

Членство в колхозе, являлось основным условием для того, чтобы приобрести право на пенсию. Членом колхоза признавалось лицо, которое было принято в колхоз в установленном порядке и выполняло требования его устава.

3 сентября 1964 г. было принято Постановление Совета Министров СССР о создании централизованного союзного фонда социального обеспечения колхозников, а 6 ноября 1964 г. – Постановление об организации комиссии по назначению пенсий и пособий колхозникам [11, 12].

В целом, законодательство, на котором базировалась советская модель пенсионного обеспечения, было доступным и понятным для больших масс трудящихся, конкретные нормы закона давали прямой ответ на вопросы о праве на пенсию и о её размере. Все это делало советскую модель пенсионного обеспечения одной из самых доступных в мире.

Следствием всех вышеотмеченных экономических реформ и позитивных изменений в сфере социальной защиты явилось повышение уровня жизни и численности сельского населения. В межпереписной период 1959-1970 гг. численность жителей сел республики увеличилась на 23,8%. При этом, численность сельских казахов выросла на 47,9% [13].

Реформы законодательства 1950-1960 гг. коснулись не только сферы экономики, но и образования, здравоохранения, защиты материнства и детства.

В октябре 1952 года на XIX съезде КПСС в директивах по пятилетнему плану развития СССР на 1951-1955 гг. было принято решение завершить к концу пятилетки переход от семилетнего на всеобщее среднее образование (десятилетка) в столицах республик, городах республиканского подчинения, в областных, краевых и крупнейших промышленных центрах.

Подготовить условия для полного осуществления в следующей пятилетке всеобщего среднего образования (десятилетка) в остальных городах и сельских местностях. Увеличить строительство городских и сельских школ на 70% по сравнению с предыдущим пятилетием. А также предполагалось приступить к осуществлению политехнического обучения в средней школе и провести мероприятия, необходимые для перехода к всеобщему политехническому обучению [14].

30 августа 1954 г. правительство СССР и ЦК партии приняли Постановление об улучшении подготовки, распределения и использования специалистов с высшим и средним специальным образованием. Госплан СССР и министерства определили потребность в специалистах на ближайшую перспективу, что послужило основой для открытия новых учебных заведений. В 1950-х гг. в СССР открылось свыше 80 новых вузов, главным образом в восточных районах (из них 9 – в Казахстане). В 1960 г. в СССР было 753 высших учебных заведения, из них в Казахстане – 27 [15].

В составе студентов вузов Казахстана наибольший удельный вес в 1960 приходится на русских – 44,1%. Однако казахи занимают второе место – 40,7%. Численность студентов-казахов в этом же году составила 31,4 тыс. человек [16].

Наряду с этим, государство выделяло необходимые средства для развития материальной базы общего и средне-специального образования. Значительно расширилась подготовка кадров через систему вечернего и заочного обучения, особенно по техническим и сельскохозяйственным специальностям.

Как уже отмечалось ранее, со второй половины 1950-х годов советское государство приступило к реализации новой социальной политики, приоритетными направлениями которой стали восстановление социальной справедливости, минимизация социального неравенства и повышение реальных доходов всех слоев населения. Эти изменения самым непосредственным образом отразились на советской образовательной системе, так как материальное положение учителей заметно улучшилось.

Постановлением Совета Министров СССР «Об оплате труда некоторых категорий работников общеобразовательных школ» заработная плата учителей была увеличена, вследствие чего сократилась текучесть педагогических кадров [17].

С середины 1950-х годов актуализируется вопрос организации и строительства школ-интернатов, что также можно проследить по ряду Постановлений Совета Министров и Центрального Комитета КПСС. В Казахстане в школах-интернатах обучались, преимущественно, дети животноводов или трудящихся из отдаленных районов, в селах которых не было школ.

Таким образом, образование в 1950–1960-е годы становится одним из главных приоритетов, ценностных ориентиров граждан страны. Записанное в Конституции СССР «право на образование» понималось населением буквально, оно было стержнем всех устремлений в образовательной сфере. Более того, государство посредством проведения реформ, коснувшихся как среднего, так и высшего (средне-специального) образования, делало его более доступным и, следовательно, более распространенным.

Отмена платы за обучение, расширение всеобщего среднего образования, реформы в сфере средне-специального и высшего образования послужили толчком для повышения образовательного уровня населения. Сказанное непосредственным образом коснулось и сельских жителей, в том числе, казахов. Мероприятия по улучшению и развитию культурно-образовательной сферы в республике легли на благоприятную демографическую почву – рост показателей рождаемости, повышение численности детей и молодежи. У сельских казахов появилась возможность дать своим детям не только среднее, но и высшее образование. Благодаря этому постепенно формируется статистически значимый слой образованной казахской молодежи, который впоследствии станет основным конструктом развития городского пространства Казахстана.

Как отмечалось, реформирование законодательства 1950–1960-х годов затронуло также сферу здравоохранения. При этом

реформы здравоохранения реализуются в нескольких направлениях.

Во-первых: оплата труда и социальная защита медицинских работников, в том числе, сельских. Во-вторых, меры по дальнейшему улучшению медицинского обслуживания и охраны здоровья населения. В-третьих, профессиональное обучение, подготовка и повышение квалификации медицинских кадров, в том числе, фельдшеров и ветеринарных врачей. В-четвертых, медицинская помощь и санаторное обслуживание детей.

В 1959 г. Верховный Совет СССР утвердил основы законодательства СССР и союзных республик о здравоохранении. В данном законодательстве были закреплены следующие принципы медицинской помощи населению: общедоступность, бесплатность, квалифицированность, охрана материнства и детства. Подчёркивалось, что охрана здоровья населения являлось функцией всех государственных органов и общественных организаций. Были предусмотрены меры по дальнейшему улучшению здравоохранения. Прежде всего, продолжали строиться крупные специализированные и многопрофильные больницы, поликлиники, диспансеры с целью повышения качества медицинского обслуживания и более полного обеспечения населения всеми его видами. Происходит расширение сети станций скорой помощи и санитарно-эпидемиологических станций, увеличение количества больничных коек [18].

Более динамичному развитию системы здравоохранения способствовало принятие в 1961 г. соответствующей программы КПСС. Еще одним шагом по улучшению работы в данной области стало повышение заработной платы медицинским работникам всех уровней в 1964 г.

Однако, несмотря на принятие программы и реформирование законодательства, многие насущные вопросы здравоохранения оставались нерешенными. Материально-техническая база медицинских учреждений была чрезвычайно слабой и требовала проведение мероприятий по её укреплению, расширению и совершенствованию. Госрасходы на здравоохранение увеличивались замедленными темпами. Так, доля расходов с 1953 г. по 1963 г. поднялась всего на 1,4%, в 1963 г. она составила менее 6% от всех расходов государственного бюджета, что никак не соответствовало ни потребностям развития отрасли, ни задачам социального реформирования [19].

Наиболее выпукло проблемы здравоохранения прослеживались в восточных районах СССР и в сельской местности. Так, в колхозах и совхозах (иногда, и в районных центрах) Казахстана наиболее актуальными вопросами здравоохранения были нехватка больниц (в том числе, детских), роддомов, женских консультаций, медицинского персонала и т.д. В рассматриваемый период происходит значительный рост рождаемости казахов (демографический взрыв), который еще сильнее актуализировал потребность в учреждениях здравоохранения.

Тем не менее, невзирая на вышеобозначенные проблемы, все же, именно реформы в системе здравоохранения были главной причиной сокращения смертности, прежде всего, детской и материнской, повышения показателей рождаемости казахов. Медицинские программы, реализуемые в сельской местности Казахстана, обусловили рост числа больниц, роддомов, медицинских участков и пунктов, женских консультаций, аптек. Именно в исследуемый период отмечается существенное сокращение уровня экзогенных заболеваний, в том числе массовых инфекционных, дифтерии, бруцеллеза, туберкулеза, увеличение продолжительности жизни человека. Большое внимание уделялось подготовке медицинских кадров и персонала, ориентированных на сельскую местность: медицинских сестер, акушеров и фельдшеров, в более поздний период (середина 60-х годов) врачей, в первую очередь, специалистов по детским и женским заболеваниям. Огромную роль играли профилактические мероприятия по предотвращению и сокращению всевозможных заболеваний, в том числе детских, воспитанию гигиены, технике безопасности и пр. Наряду с остальными тружениками села, медицинскими услугами были охвачены скотоводы и чабаны, жители отдаленных животноводческих хозяйств и ферм.

Позитивные изменения в сфере здравоохранения Казахстана наглядно иллюстрируют следующие показатели. Численность врачей всех специальностей в исследуемое время увеличилась на 447,1%, число коек для беременных – на 332,5%, число женских консультаций – на 256,4% [20].

Таким образом, реформирование системы здравоохранения СССР (Казахстана, в частности) привело к позитивным результатам – значительному росту численности казахов и формированию новых демографических тенденций в республике.

Во второй половине 1950-х – начале 1960-х годов социальные изменения затронули также охрану материнства и детства. 26 марта 1956 года Президиумом Верховного Совета СССР был принят Указ «Об увеличении отпуска по беременности и родам с 77 до 112 дней». В данное время женщины составляли 47% от общего числа рабочих и служащих, которые были заняты в народном хозяйстве. В 1961–1965 годах уровень занятости женщин возрос до 70%. Актуальным оставался вопрос о пособиях, выдаваемых женщинам, по беременности и родам. На протяжении анализируемого периода был принят ряд Постановлений Совета Министров СССР, частично снимающий остроту проблемы. А именно:

- «О пособиях по беременности и родам женщинам-молодым специалистам, направленным на работу по окончании учебного заведения»,

- «Об утверждении Положения о порядке назначения и выплаты пособий беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям»,

- «О порядке назначения женщинам работницам и служащим пособий по беременности и родам и выплаты рабочим и служащим, заболевшим во время отпуска, пособий по временной нетрудоспособности» [21, 22, 23].

Наряду с этим, Советом Министров СССР был принят ряд Постановлений, касающихся пособий по беременности и родам женщин-колхозниц. Например:

- «Об утверждении положения о порядке назначения и выплаты пособий по беременности и родам женщинам - членам колхозов»,

- «Об изменении порядке назначения и выплаты пособий по беременности и родам женщинам - членам колхозов» [24, 25].

В расположении авторов имеется статистика по выплате пособий многодетным матерям Казахстана в период 1960–1970 гг. Согласно данным, в указанное время численность многодетных матерей, получающих пособие, увеличилась на 8,1%. В том числе, с 6 детьми – на 37,9%, с 7 и более детьми – на 165,7%. Численность многодетных матерей с 4 и 5 детьми, напротив, сократилась на 28,8% и 6,3%. Приведенные статистические данные позволяют констатировать, что в республике наибольшее распространение в 1960-е годы получает многодетность с 6-7 и более детьми. Кроме того, матери, родившие третьего ребенка, получали единовременное государственное пособие [26].

С целью совмещения женщиной материнских обязанностей и активного труда на производстве, была создана система государственных детских учреждений. Они были очень важны и должны были сооружаться повсеместно наряду с первоочерёдными объектами. Строительство детских учреждений проводилось, как правило, по типовым проектам объединённых дошкольных учреждений, учитывая приближение их к месту жительства детей, сокращая тем самым затраты времени родителей на сопровождение дошкольников в детские учреждения. Разрабатывалась единая программа воспитания детей дошкольного возраста. Применялись меры дополнительного расширения сети детских дошкольных учреждений за счет приспособления пригодных зданий и удешевления их планового строительства.

В Казахстане строительство яслей и детских садов актуализируется с середины 1950-х годов (особенно, в сельской местности), в связи с демографическим взрывом казахов. В период 1950-1955 гг. численность указанных учреждений в целом по республике увеличилась на 20,8%, в 1955-1960 гг. – на 123,1%, в 1960-1965 гг. – на 124,3% и в 1965-1970 гг. – на 23,2%. В период с 1950 г. по 1970 г. число детских садов и яслей в целом по ре-

спублике выросло более чем в шесть раз, в сельской местности – более чем в десять раз [27].

Советским государством в рассматриваемый период проводилась социальная политика, направленная на повышение рождаемости в стране, защиту детства и поощрение материнства как основной функции женщины. Вместе с тем, анализ законодательства советского периода совершенно очевидно показывает обязательность включения женщины как члена социалистического общества в трудовые отношения, что воспринималось современниками совершенно привычно.

Итак, анализ социальной политики СССР в период 1950–1960 гг. выявляет постоянное изменение и развитие законодательства данной сферы. Реформы, проведенные в исследуемое время, положительно отразились на благосостоянии советского народа и показателях рождаемости, что явилось важным обстоятельством в преодолении огромных демографических потерь Великой Отечественной войны. Реформы коснулись практически всех сфер жизни советского человека: экономики, строительства, социальной защиты (повышение заработной платы, изменение пенсионного законодательства), образования, здравоохранения, охраны материнства и детства, семейной политики и пр. Благодаря им увеличивается число детских садов и яслей, школ, вузов, учреждений здравоохранения, происходит активное жилищное строительство, как в городах, так и в селах, что расширило социальные возможности населения в области образования, медицины, жилья. Можно также отметить бесплатное медицинское обслуживание, бесплатное обучение, рост различных видов пенсий и пособий, введение денежной формы оплаты труда в колхозах, премирование и материальное поощрение работников, переход на семи- и шестичасовой рабочий день, улучшение социальной инфраструктуры не только в городах, но и в сельской местности и т.д. Наступившая новая эпоха делала разворот экономики в направлении социальных проблем советского общества, преодолевая аскетизм первых десятилетий СССР. Идеологический пафос тех лет активно по-

пуляризировал успехи страны в здравоохранении, образовании, культуре, науке, социальной защите населения, повышении его благосостояния посредством СМИ всех уровней – от общесоюзных и республиканских до региональных.

Вышеобозначенные кардинальные трансформации повлекли за собой изменения в демографических показателях населения. В Казахстане начинает складываться качественно новая демографическая система. Происходит заметный рост численности населения. Но, если, у европейских этносов республики этот рост был, в большей степени, механическим, то у казахов - за счет повышения показателей рождаемости, т.е., естественным. В межпереписной период 1959-1970 гг. численность казахов выросла почти в два раза. Естественный прирост в 1960 г. достиг наивысшего значения в истории Казахстана – 30,6 на 1000 населения. Суммарный коэффициент рождаемости в 1958-1959 гг. составил 4,4, а у казашек был одним из самых высоких в СССР [28]. Формируется традиция многодетности у титульного населения Казахстана. Еще одним следствием, наряду с ростом численности казахов, является формирование долгосрочной тенденции их урбанизации. Уже в 1960-е годы темпы роста городского казахского населения превышали темпы роста сельского в 1,3 раза и были самыми высокими среди крупных этносов Казахстана. В период между переписями населения 1959 и 1970 гг. численность городских казахов выросла на 64,9% (русских – на 62,9%) [29].

Таким образом, обозначвишиеся новые демографические тенденции Казахстана периода 1950–1960-х годов были обусловлены, главным образом, изменениями законодательства социальной политики СССР, которые привели к кардильным реформам и новым программам. Государственная поддержка населения республики (в том числе, сельского), реализуемая практически во всех сферах (медицина, образование, экономика, строительство, социальная защита и пр.) и направлениях (экономическое, политическое, социальное, культурное) как единая взаимосвязанная и взаимодополняющая система, позво-

лила значительно увеличить численность населения и повысить качество его жизни, тем самым, простимулировать демографический взрыв.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Постановление Совета Министров СССР и Центрального Комитета КПСС 2214 21.08.1953 О повышении заготовительных и закупочных цен на продукты животноводства 43 122.
2. Постановление Совета Министров СССР 2457 21.09.1953 О мерах по дальнейшему развитию животноводства в стране и снижении норм обязательных поставок продуктов животноводства государству хозяйствами колхозников, рабочих и служащих 44 188-223.
3. Постановление Совета Министров СССР 2339 03.09.1953 О государственных закупках излишков хлеба у колхозов 44 30-32.
4. Григрьева А.Н. Становление государственной политики СССР в 1953-1964 гг. // Теория и практика общественного развития, 2011, №7, С. 277-280.
5. Хрущёв Н.С. Повышение благосостояния народа и задачи дальнейшего увеличения производства сельскохозяйственных продуктов. – С.328-330, 346.
6. Постановление Совета министров СССР и Центрального Комитета КПСС 311 06.03.1956 «О ежемесячном авансировании колхозников и дополнительной оплате труда в колхозах» 120 16-17.
7. Лебина Н.Б. Повседневность эпохи космоса и кукурузы. Деструкция большого стиля. Ленинград 1950-1960-е годы. – Л., 2015. – С.213-216.
8. Итоги XXII съезда КПСС и задачи организаций Всесоюзного общества по пропаганде Программы КПСС, решений и материалов XXII съезда партии. – М., 1962. – С.3-7.
9. Материалы XXII съезда КПСС. – М., 1961. – С. 214- 247.
10. О пенсиях и пособиях членам колхозов: закон СССР от 15 июля 1964 г. № 2688-VI // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1964. – №29. – С. 547–551.
11. Постановление Совета Министров СССР 746 03.09.1964 О порядке и размерах отчислений от доходов колхозов в централизованный союзный фонд социального обеспечения колхозников и об организационных мероприятиях, связанных с осуществлением закона о пенсиях и пособиях членам колхозов 360 13-14.
12. Постановление Совета Министров СССР 920 06.11.1964 Об утверждении положения о комиссии по назначению пенсий и пособий колхозникам 359 120-121.
13. Статистический сборник по отдельным показателям всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг. Алма-Ата, 1991. С. 13-15.
14. Нурлигенова З.Н. Особенности образовательной политики Центрального Казахстана в первой половине 1950-х гг. // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – № 2-2. – С. 281-283.
15. Иванова Г.М. Образовательные стратегии молодежи в СССР в 1950–1960-е годы // Историческая и социально-образовательная мысль. Том 13 №4, 2021, с. 40-41.
16. Народное хозяйство Казахстана, 1977. С.218; Народное хозяйство Казахстана за 70 лет, 1990. С.100.
17. Постановление Совета Министров СССР 1087 13.10.1960 Об оплате труда некоторых категорий работников общеобразовательных школ 230 175-176.
18. Владимиров М.А. Забота о благе народа – высший закон деятельности КПСС // Вопросы истории КПСС. – №6. – 1961. – С. 90 – 108.
19. Давыдова Ю.А. Экономические реформы в период «застоя» // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 7. – С. 77.
20. Народное хозяйство Казахстана за 40 лет. Алма-Ата. Госстатиздат, 1960. с. 490-491, 496-497; Народное хозяйство Казахстана в 1972. Алма-Ата. «Казахстан». 1973. с. 370-371; Народное хозяйство Казахстана в 1974 г. Алма-Ата, «Казахстан». с. 288.
21. Постановление Совета Министров СССР 526 19.02.1953 О

пособиях по беременности и родам женщинам-молодым специалистам, направленным на работу по окончании учебного заведения 37 131.
22. Постановление Совета министров СССР 879 29.06.1956 Об утверждении Положения о порядке назначения и выплаты пособий беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям 123 81-85.
23. Постановление Совета Министров СССР 1586 06.12.1956 О порядке назначения женщинам работницам и служащим пособий по беременности и родам и выплаты рабочим и служащим, заболевшим во время отпуска, пособий по временной нетрудоспособности 128 22.
24. Постановление Совета Министров СССР 915 04.11.1964 Об утверждении положения о порядке назначения и выплаты пособий по беременности и родам женщинам - членам колхозов 359 80-83.
25. Постановление Совета Министров СССР 265 09.04.1969 Об изменении порядке назначения и выплаты пособий по беременности и родам женщинам - членам колхозов 486 199-200.
26. Народное хозяйство Казахстана в 1972 г. Стат. сборник. Алма-Ата. «Казахстан», 1973. С. 280; Народное хозяйство Казахстана в 1974 г. Стат. сборник. Алма-Ата, «Казахстан№, 1975. С. 224.
27. Казахстан за 50 лет. Стат. сборник. Алма-Ата, 1971. с. 145; Народное хозяйство Казахстана в 1972 г. Стат. сборник. Алма-Ата, «Казахстан», 1973. – с. 339; Народное хозяйство Казахстана в 1974 г. Стат. сборник. Алма-Ата, «Казахстан», 1975. – с. 258.
28. Алексеенко Н.В., Алексеенко А.Н. Население Казахстана за 100 лет (1897-1997 гг.). Усть-Каменогорск: Изд-во ВКТУ., 1999. 158 с., с. 100.
29. Алексеенко А.Н. Население Казахстана. 1920-1990 гг. Алматы: Гылым, 1993. 126 с., с. 96-97.

Столярова Э.О., Аубакирова Ж.С., Краснобаева Н.Л.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАСТРОЕНИЙ В 1950–1980 ГГ. И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ КАЗАХСТАНА

(В рамках реализации проекта «Казахи как демографический потенциал Казахстана: ретроспектива и перспективы развития», финансируемого Комитетом науки Министерства науки и образования РК (ИРН AP19676895)

Аннотация

В статье представлены выводы и результаты, полученные на основе контент-анализа казахстанских республиканских и региональных периодических изданий, а также интервью с представителями поколений казахов 1950–1980 гг. рождения. На материалах исследования показано, как СМИ анализируемого периода отражают и фиксируют не только процессы социально-экономических и культурных преобразований, но и трансформацию общественных настроений от послевоенного подъема до разочарований позднего советского времени.

Ключевые слова: социально-экономическая модернизация, периодическая печать, казахи, демографические процессы, общественные настроения.

Abstract

The article presents the conclusions and results obtained on the basis of content analysis of Kazakhstani republican and regional periodicals, as well as interviews with representatives of generations of Kazakhs born in 1950-1980. The research materials show how the media of the analyzed period reflect and record not only the processes of socio-economic and cultural transformations, but also the transformation of public sentiment from the post-war upsurge to the disappointments of the late Soviet period.

Keywords: socio-economic modernization, periodicals, Kazakhs,

demographic processes, public sentiment.

Вторая половина XX века в Казахстане – это время интенсивных процессов социально-экономического преобразования и масштабных демографических перемен, вызванных в значительной мере внешними факторами. Освоение целинных и залежных земель (1954–1960 гг.) и индустриализация, которая началась еще в довоенный период и набрала новые темпы в 1950–1960 гг., потребовали значительного увеличения трудовых ресурсов. Эта задача решалась в первую очередь за счет миграционного притока из других регионов СССР. В результате возникла ситуация, когда в эти бурные события оказались вовлечены люди, для которых Казахстан не был родиной в то время, как представители казахского этноса участвовали в них в гораздо меньшей степени. Большинство казахского населения оставалось в сельской местности, на территориях исконного животноводства.

Тем не менее, процессы таких масштабов не могли не влиять на автохтонное население и это влияние нашло свое выражение в двух основных формах – во-первых, в аулы пришли важные социальные изменения: образование и медицина, промышленные и бытовые товары, приметы нового более благоустроенного быта. Во-вторых, казахи активно вовлекались в общее информационно-идеологическое пространство и важную роль в этом сыграла периодическая печать. Даже в отдаленные поселения, где не было доступно радио, доставлялись газеты, которые позволяли людям не только быть в курсе событий большой страны, но и чувствовать свою сопричастность с ними, впитывать и разделять эмоционально-идеологический настрой. Периодическая печать того времени не только распространяет политические установки, но и отражает и фиксирует, как на протяжении двух поколений меняются общественные настроения. В рамках реализации исследовательского проекта «Казахи как демографический потенциал Казахстана: ретроспектива и перспективы развития» был проведен контент-анализ республиканских

и региональных газет Казахстана - «Социалистік Қазақстан», «Казахстанская правда», «Коммунизм туы», «Рудный Алтай», а также собраны и обработаны материалов 100 интервью представителей двух поколений казахов (1950-1960х и 1970-1980-х гг. рождения). На основании этой информации были получены следующие результаты.

Итак, начиная с конца 1940-х, но особенно в 1950-1960-е гг. «жить стало лучше, жить стало веселее!» (в отличие от 1935 года, когда эта фраза была произнесена [1]). Безусловно, большое влияние оказывали средства пропаганды – государственные печатные издания, радио и кинематограф, а позже и телевидение. Но, и объективные социально-экономические изменения способствовали формированию позитивных настроений, трагедии первой половины XX века оставались в воспоминаниях, но сменялись уверенностью в счастливом будущем. Особенно это влияло на молодые поколения, которые социализировались в новых мирных и относительно благополучных условиях.

Несмотря на то, что демографическая ситуация в Казахстане этого периода в значительной степени определялась миграционными процессами, нельзя не учитывать и фактор естественного прироста. Благодаря уже указанным социальным преобразованиям изменяется соотношение структурных элементов воспроизводства – растет рождаемость (или сохраняется высокой), а показатели смертности снижаются.

Наряду с социально-экономическими и культурными преобразованиями, публикации в СМИ 1950-1980-х гг. отражают также значительные эволюции в демографическом развитии казахского этноса, а именно, демографический взрыв, его последствия и результаты. В изданиях указывается на рост численности роддомов, больниц (в том числе, детских), медицинских и фельдшерских пунктов, врачей (в первую очередь, специалистов по детским и женским заболеваниям), медицинского персонала, а также яслей, детских садов, школ, как в городах, так и в сельских поселениях. В газетах более позднего периода встречается информация об открытии детских садов и школ, рассчи-

танных на большое число детей, что указывает на последствия и результаты демографических эволюций 1950–1960-х годов (первая волна демографического взрыва) [2].

В период 1950–1980-е годы в материалах СМИ отмечается приоритет экономического развития страны над социально-репродуктивными и демографическими процессами. В структуре всего проанализированного материала преимущественное большинство публикаций посвящено вопросам индустриального развития, строительства и производства, экономическим проблемам агропромышленного комплекса.

Нарастание/снижение внимания государства к социорепродуктивным институтам отражалось в динамике количества соответствующих тематических публикаций. В изданиях 1950–1960-х гг. тема материнства, многодетности, семьи, рождаемости, социально-демографических тенденций, реформ в сфере здравоохранения и пр. освещается шире, и публикаций, посвященных данной проблематике, встречается больше, в сравнение с периодом 1970–1980-х гг.

Замечены некоторые особенности публикаций, которые также хотелось бы отметить. Например, в изданиях более позднего периода социальные роли главных действующих лиц вынесены из экономического контекста. Чаще встречаются упоминания семьи, как социального института, герои изображаются вместе с детьми или родителями в неформальной, домашней обстановке.

На протяжении всего советского периода СМИ были идеологизированы и политизированы. Но, в изданиях периода застоя (1970–1980 гг.) политизированность приобретает гипертрофированный характер и ограничивает критическое освещение других тем и сфер общественной жизни. Между строк привычных оптимистических статей и заметок, отчетов о бесконечных съездах и правительственных совещаниях все больше сквозит формализм, растущая «социальная усталость».

Материал газет указанного времени позволяет проследить процесс вовлечения титульного этноса в политическую жизнь

страны. Значительное число публикаций посвящено казахам – носителям новых политических статусов (делегат, депутат, коммунист, активист и пр.), а также их награждениям орденами, медалями и знаками отличия. Но, это касается газет, выходивших на казахском языке. В русскоязычных СМИ казахи представлены очень скудно, что позволяет говорить не только о биэтничном характере расселения (русский город и казахское село), но и о двух достаточно параллельных культурных пространствах, которые формировались СМИ, выходящими на разных языках. Если в сельской местности в результате политики распространения русского языка такие газеты, как «Казахстанская правда» читались хотя бы частью жителей, то в городах казахоязычные СМИ были мало востребованы.

Институциональный анализ публикаций, то есть отражение процессов развития важнейших общественных институтов, таких как образование, здравоохранение, строительство и т.д., выявляет как различия, так и общие моменты в региональных и республиканских периодических изданиях. На ряду с этим, можно отметить некоторую дифференцированность материала в зависимости от языка издания (казахоязычное или русскоязычное). А именно, в описании процессов и событий, тематике (городская и сельская), главных героях и их социальных (профессиональных) характеристик. Среди действующих лиц публикаций русскоязычных изданий, региональных и республиканских, представители казахского этноса встречаются значительно реже, чем представители европейских этносов, которые осваивали и развивали городское индустриальное пространство, а также целинные территории. Это касается публикаций, освещавших события и процессы, как в городах, так и в сельской местности. Соответственно, в визуальном сопровождении материалов русскоязычных газет встречается больше изображений представителей европейского населения. Вместе с тем выделяются основные типы героев, независимо от языка издания – передовики социалистического производства (чабаны, доярки, механизаторы, зоотехники, строители, рабочие и др.).

Наряду с отличиями, можно указать и на общие моменты. Прежде всего – это эмоциональный контекст, который был, преимущественно позитивный. Весьма вероятно, что важную роль во всплеске рождаемости (не умоляя значения социально-экономических факторов), оказало также субъективное восприятие реальности через оптимистичную призму публикаций в СМИ. Эмоциональный посыл газет внушал чувство стабильности, веры в светлое будущее. Тем не менее, во всех изданиях социально-репродуктивная функция носит подчиненный характер по отношению к функциям экономического развития. Центральное место в печати занимает тема развития производственной сферы: строительство новых промышленных объектов, перевыполнение планов производства, опережающие обязательства в сельском хозяйстве и т.д.

Сделанные на основе анализа публикаций выводы подтверждаются данными официальной статистики (рисунок 1). В данном случае показательным является даже не рост абсолютных чисел, а темпы их изменений. Так, за период с 1950 по 1960 гг. число детей, охваченных системой дошкольного воспитания в городах Казахстана, выросло в 3,7 раза. Динамика этого же показателя в сельской местности составила 6,3 раза. В следующие 15 лет численность детей в дошкольных учреждениях в городских поселениях увеличилась в 5 раз, а в сельской местности – в 6,9. Этот показатель, хоть и является косвенным, но достаточно наглядно подтверждает высокую рождаемость в селах, основное население которых составляли казахи.

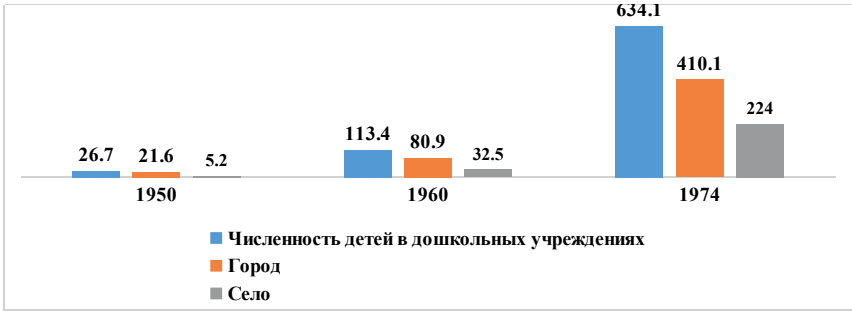


Рисунок 1 – Численность детей в дошкольных учреждениях (ясли, детские сады), тыс. [3].

Вместе с ростом числа детей увеличивается и количество дошкольных учреждений в республике, что показано на рисунке 2.

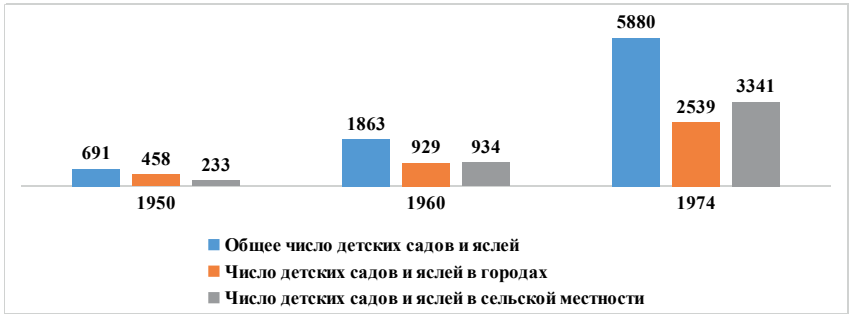


Рисунок 2 - Количество детских дошкольных учреждений [4].

Очень важную роль сыграло увеличение числа врачей, чья специализация напрямую связана со здоровьем детей и их мам (рисунок 3). Всего суммарное число врачей-специалистов с 1950 г. по 1974 г. в Казахстане увеличилось в 5,3 раза.

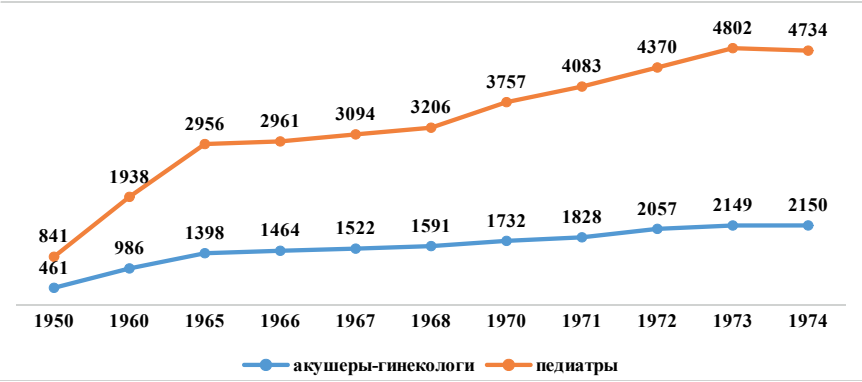


Рисунок 3 – Динамика численности врачей-специалистов [5].

Многочисленное поколение 1950-1960-х годов росло и уже нуждалось не в детских садах и яслях, а в школах. Эти школы не только были построены, но и находились на полном государственном обеспечении, то есть были полностью бесплатными для населения (рисунок 4).

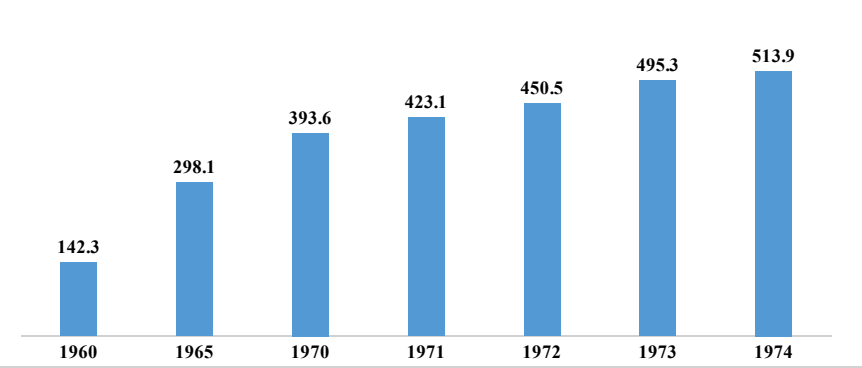


Рисунок 4 – Расходы на общеобразовательные школы, млн. руб. [6].

Подводя итог анализу региональных и республиканских СМИ за периоды 1950–1960-х и 1970–1980-х годов, можно выделить следующие важнейшие характеристики:

1. 1950-1960-е годы – период социального оптимизма и высокой рождаемости, время больших позитивных перемен и громких лозунгов. Годы, когда буквально каждый год строились новые школы и больницы, детские сады и ясли, открывались вечерние школы и заочные факультеты. Факты говорят о значительном улучшении медицинского обслуживания, снижении младенческой и материнской смертности. Так, из сочетания множества процессов и событий, сложились условия, которые обеспечили демографический взрыв казахов в 1950-1960-х годах.

2. 1970-1980-е годы – период социальной успокоенности, снижения темпов экономического роста и накала эмоций. Пришло время задуматься о том, кем растет новое многочисленное поколение, в каких условиях оно социализируется. На первый план выходит не количество яслей, детских садов и школ, а качество подготовки педагогов и уровень ответственности родителей. Как показывают официальные статистические данные и результаты анализа центральных и региональных печатных изданий – государство прикладывало значительные усилия для того, чтобы дети в Казахстане (и в городе, и в сельской местности) выросли достаточно здоровыми и образованными.

Анализ публикаций региональных и республиканских казахоязычных и русскоязычных газет Казахстана периода 1950–1980-х годов выявил, что сельской местности отводится обслуживающая роль, поэтому и жизнь сельского населения освещается в одном главном ракурсе – производство продукции для нужд города. В связи с чем, можно предположить, что реализация социально-экономических реформ, обусловившая значительный рост сельского (казахского) населения, была подчинена рациональной цели – увеличение численности населения, которое в перспективе смогло бы обеспечить возрастающие потребности города.

Изменения общественных настроений, которые нашли свое отражение в периодических изданиях, наложило отпечаток как на демографическое поведение казахов, так и на те ценности,

которые стали ориентирами в повседневной жизни.

Детство поколения казахов 1950–1960 гг. прошло в атмосфере послевоенного общественного подъема. Социальная политика советского государства была направлена на обеспечение самого широкого доступа к медицинским и образовательным услугам, но эти процессы шли от города к селу и потребовалось не менее двух десятилетий, чтобы практически все населенные пункты получили комплекс учреждений, удовлетворяющих широкие и разнообразные запросы населения. Приметами этого времени стали новые школы и детские сады, фельдшерские пункты и больницы, магазины и автолавки с промышленными товарами, клубы и библиотеки. Все это воспринималось как несомненное доказательство роста благосостояния и прогресса, который приходил в сельскую местность. Так как основным местом проживания казахов оставалось именно село, здесь позитивные перемены были заметны даже больше, чем в городах. При этом внутренняя семейная жизнь сохраняла сильное влияние традиции – брак обычно заключался один раз на всю жизнь, повторные браки были следствием семейных трагедий, а не разводов. Многодетность была основной репродуктивной нормой, сохранялась структура расширенной многопоколенной семьи. Таким образом, для этого поколения характерно сочетание сильного внешнего модернизирующего импульса, проводником которого стала не только система среднего образования, но и газеты того времени. При этом сохраняется и внутренняя семейная преемственность этнических традиций.

Так как годы наиболее активной социальной, экономической и репродуктивной самореализации для этого поколения пришлись на стабильные десятилетия, общее восприятие прошлого окрашено в позитивные цвета. Для этого поколения характерна высокая ценность профессионального образования, не обязательно высшего: многие родители детей, родившихся в это время, были полуграмотными, а любой квалифицированный специалист – учитель, бухгалтер, медсестра, тракторист, механизатор, агроном и т.д. – был в сельских районах буквально

на вес золота.

В отличие от 1950–1960 годов, следующее поколение казахов воспринимает доступную медицину, образование, культурно-бытовое обеспечение в селе как норму и все больше обращает внимание на еще не освоенное пространство – город. Именно в 1970–1980 годы формируется устойчивая тенденция учебной миграции как одна из основных форм перемещения уроженцев сельской местности в города. Свидетельством этому служат многочисленные публикации-объявления о приеме в высшие и средние учебные заведения, которые были сосредоточены в городах.

Кризис общественного развития, который постепенно нарастает в 1970–1980 гг., имел и такое специфическое проявление в СМИ, как пропаганда новой идеологической цели – формирование «единой советской культуры». Это явление существовало во всех республиках, но только в Казахстане по причине неблагоприятного численного соотношения казахов и казахстанцев других национальностей оно проявилось настолько ярко и имело такие заметные последствия. Еще два-три поколения и казахский язык, а вместе с ним и многие этнические традиции могли бы быть полностью утраченными. К концу 1980-х годов декларируемые в СМИ перспективы и ценности все больше расходятся с реальными опасениями казахов, их чувствами ущемленности и «второсортности» на собственной земле, что особенно ощущалось в городах. Время, когда большинство казахов безусловно верило в печатное слово, заканчивалось с ростом числа представителей титульного этноса в городах. Официальная печать больше не отражает реальных общественных настроений и не удовлетворяет информационные запросы населения.

Казахстанские периодические издания 1950–1980 гг. зафиксировали и сохранили для исследователей более позднего времени процесс трансформации общественных настроений от послевоенного подъема, основанного на реальной социально-экономической модернизации, до постепенного спада и разочарования, ставших следствием стагнации экономической плано-

вой системы и девальвации социалистических идей.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Сталин И. В. Сочинения: Т. 14, С 84. М.; Тверь, 1946–2006.
2. Аубакирова Ж. С., Сарсембаева Г.А., Столярова Э. О., Краснобаева Н. Л., Алексеенко А. Н. Отражение в СМИ социальных условий демографического развития казахов в 1950–1980 гг. (контент-анализ республиканской и региональной периодической печати). Аналитический отчет. – Усть-Каменогорск: Издательство «Медиа-Альянс», 2023. - 185 с.
3. Источник: Народное хозяйство Казахстана в 1972 г. Стат. сборник. Алма-Ата, «Казахстан», 1973. – с. 339; Народное хозяйство Казахстана в 1974 г. Стат. сборник. Алма-Ата, «Казахстан», 1975. – с. 258.
4. Там же
5. Источник: Народное хозяйство Казахстана в 1972 г. Стат. сборник. Алма-Ата, «Казахстан», 1973. – с. 372; Народное хозяйство Казахстана в 1974 г. Стат. сборник. Алма-Ата, «Казахстан», 1975. – с. 289.
6. Источник: Народное хозяйство Казахстана в 1972 г. Стат. сборник. Алма-Ата, «Казахстан», 1973. с. 400–401.

Төлегенова Д.М.

ШЫМКЕНТ ҚАЛАСЫНЫҢ ДЕМОГРАФИЯЛЫҚ ДАМУЫ: БІЛІМ АСПЕКТІСІ

Аннотация

Мақала Қазақстанның ірі қалаларының бірі Шымкенттің білім беру жағдай демографиялық процестерге әсерін зерттеуге арналған. Зерттеу барысында білімнің халық саны сияқты негізгі демографиялық көрсеткішке қалай әсер ететіні талданады. Статистикалық зерттеулердің деректері мен әлеуметтік сауалнамаларға сүйене отырып, мақалада білім беру бағдарламаларының және оқу орындарына инвестициялардың Шымкенттің экономикалық өсіміне және тұрмыс сапасының жақсаруына қалай ықпал еткені талқыланады. Сондай-ақ, білімнің қаланың әлеуметтік құрылымын және мәдени ландшафтын қалыптастырудағы рөлі қарастырылады.

Кілт сөздер: демографиялық даму, туу деңгейі, халықтың қартаюы, урбанизация, миграция, сауаттылық деңгейі, білімнің рөлі.

Abstract

The article is devoted to the study of the impact of the education policy of Shymkent, one of the largest cities of Kazakhstan, on demographic processes. The study analyzes how education affects a key demographic such as population. Based on statistical research data and social surveys, the article discusses how investments in educational programs and educational institutions contributed to the economic growth of Shymkent and the improvement of the quality of life. The role of education in the formation of the city's social structure and cultural landscape will also be considered.

Keywords: demographic development, birth rate, ageing population, urbanization, migration, literacy, role of education.

Шымкент қаласы республикалық маңызы бар қалалардың бірі. Соңғы жылдары Шымкент қаласында тек халық саны өсіп қана қоймай,түрлі жоғары оқу орындары мен білім ордалары көбейіп келеді. Демографиялық даму урбанизация мен экономикалық өсуге ықпал етеді. Халық саны көбейген аумақта түрлі салада бәсекелестік туындайтыны анық. Білім беру саласы да экономиканың бір құраушы бөлігі.

Шымкент қаласын демографиялық зерттелуін осыған дейінгі Альжанова Ф.Г., Сатпаева З.Т., Алибекова Г.Ж. қазіргі демографиялық дамудағы және урбанизацияның қазіргі тенденциялары мақаласында еліміздегі үшінші мегаполис табиғи өсімі басқа қалалармен салыстырғанда жоғары екенін айтып

өтеді. Зерттеуші Джанпаизова З.М. Қазақстанның Оңтүстігіндегі қазіргі демографиялық процесстердің ерекшеліктері мақаласында көрші аудандармен салыстырғанда Шымкентте қала халқы 1999-2009 жылдары 16.1%-ға көбейген. Ал тарихшы Найманбаев Б.Р. Шымкент халық саны мен өсімі XIX ғасырдың соңы – XXI ғасырдың басында мақаласында ең жылдам өсу тәуелсіздік алғаннан кейінгі екі кезеңде 1999-2009 және 2009-2018 жылдары Қазақстан Республикасының екі санағы арасындағы уақыт ішіндегі өсім қала тұрғындары 179 700 адамды құрады, ал 2009-2018 жылдар аралығында бұл көрсеткіш 336 мыңнан асты дейді. Бұл демографиялық дамудың оң көрсеткіштері басқа салаларға да тікелей әсер етеді.

Шымкент қаласының мысалында демографиялық дамудағы білім берудің рөлін қарастыру білім беру саясатының урбанизация мен әлеуметтік экономикалық дамуға әсерін тереңірек түсінуге мүмкіндік береді. Қазақстанның ірі қалаларының бірі Шымкент белсенді дамып келеді. Соңғы жылдары айтарлықтай демографиялық өзгерістерге ұшырады. Білім кедейлік деңгейінің төмендеуіне және халықтың денсаулығының жақсаруына ықпал ете отырып, өмір сүру сапасын жақсартуда шешуші рөл атқарады, бұл өз кезегінде қаланың демографиясына әсер етеді [1, 14 б].

Бұл мақалада Шымкенттегі ағымдағы білім беру бастамалары және олардың қаланың әлеуметтік-экономикалық дамуына қосқан үлесі талданады. Білім беру саясатының аймақтың демографиялық жағдайымен тікелей байланысты урбанизациялық процестер мен көші-қон ағындарына әсерін зерттеуге ерекше назар аударылады [2, 22-23 б], [3, 334-335 б].

Білім әртүрлі елдердегі демографиялық процестерге айтарлықтай әсер етеді және Финляндия мен Оңтүстік Кореяның тәжірибесін зерттеу бұл байланысты тереңірек түсінуге мүмкіндік береді.

Финляндияда 2002 жылы Forssen K., Laukkanen A.M., және Ritakallio V.M ., жүргізген зерттеу әйелдердің жоғары білім деңгейі туу және неке сияқты демографиялық тенденцияларға

қалай әсер ететінін көрсетеді. Білімді әйелдер көбінесе балалы болуды және некеге тұруды кейінге қалдырады. Алдымен өз мансабын құруды жөн көреді. Бұл жалпы туу деңгейінің төмендеуіне және отбасылық құрылымдардың өзгеруіне әкеледі. Репродуктивті заңдылықтардағы мұндай өзгерістер халықтың қартаюына ықпал етеді. Бұл тенденция елдің әлеуметтік және экономикалық саясатына жаңа қиындықтар туғызады. Зерттеу білім беру жетістіктері елдің демографиялық көрінісіне әсер ететін жеке және ұжымдық шешімдерге қалай әсер ететінін көрсетеді [4, 5 б]. Екінші жағынан, Оңтүстік Кореяда 2014 жылы Kye B., Arenas E., Teruel G., және Rubalcava L. жүргізген зерттеу білім берудің егде жастағы адамдардың денсаулығына әсерін және халықтың қартаю процестерін саралауды қарастырады. Талдау көрсеткендей, жоғары білім деңгейі егде жастағы адамдардың денсаулығы мен өмір сүру ұзақтығымен байланысты. Бұл салауатты өмір салты мен медициналық қызметтерге қол жетімділіктің жақсаруына, сондай-ақ білімді егде жастағы адамдардың экономикалық және әлеуметтік белсенділігінің артуына байланысты. Білім беруді жақсарту денсаулық сақтау және әлеуметтік қамсыздандыру жүйелеріне жүктемені азайту арқылы өмір сүру ұзақтығын ғана емес,өмір сүру сапасын да арттырады [5, 755-777 б].

Финляндия мен Оңтүстік Кореядан алынған бұл мысалдар білімнің демографиялық процестерге әсер ететін әлеуметтік өзгерістердің қуатты құралы бола алатындығын көрсетеді. Білімге инвестиция салу жеке әлауқаттың артуына ғана емес, сонымен бірге бүкіл ел үшін ұзақ мерзімді әлеуметтік және экономикалық пайда әкеледі. Екі елдің мысалында Шымкент қаласының білімнің рөлі демографиялық үрдістерге қалай әсер ететінін көрейік.

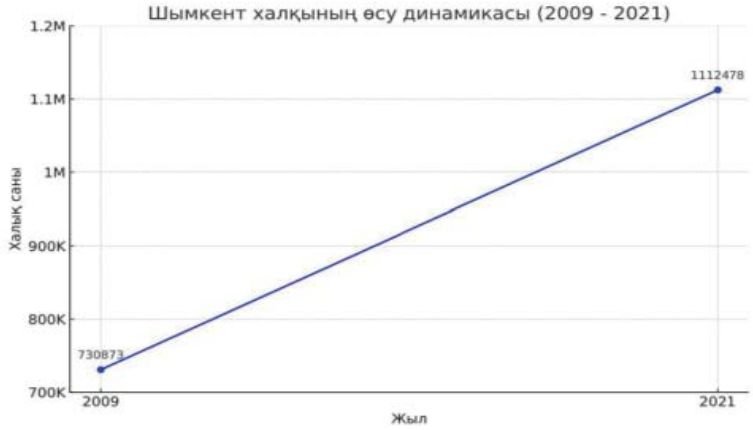


Диаграмма 1 – Шымкент халқының өсу динамикасы [6].

Ұсынылған графикте 2009 жылдан 2021 жылға дейін Шымкент халқының айтарлықтай өсуі байқалады. Бұл қаланың қарқынды дамуын көрсетеді. Қарқынды өсу білім беру инфрақұрылымының жақсаруымен және аймақтың экономикалық өсуімен байланысты болуы мүмкін. Қазақстан Республикасы Стратегиялық жоспарлау және реформалар агенттігінің ұлттық статистика бюросының деректеріне сәйкес 2024 жылғы 1 наурыздағы жағдай бойынша Шымкент қаласының халық саны 1 229 400 адамды құрады. Бұл 2009 жылдан бастап халық саны 730 873-тен басталып, 2021 жылы 1 112 478ге дейін жалғасқан халық санының өсу тенденциясының жалғасуын көрсетеді. Мұндай өсу қаланың қарқынды дамуымен, урбанизациямен, экономикалық жағдайдың жақсаруымен және білім беру инфрақұрылымымен байланысты болуы мүмкін.

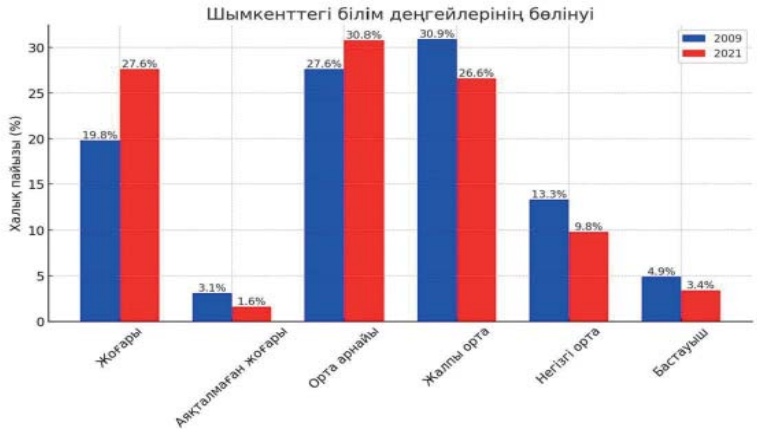


Диаграмма 2 – Шымкенттегі білім деңгейлерінің бөлінуі [7].

Диаграммада 2009 және 2021 жылдары Шымкент халқына білім берудің әртүрлі деңгейлерінің бөлінуі көрсетілген. Диаграммадан жоғары білімі бар халықтың пайызы айтарлықтай өскенін көруге болады. Бұл білім беру біліктілігінің артуы арқылы қаланың демографиялық дамуына әсер етуі мүмкін. Статистикалық деректерге сүйенетін болсақ, келесі тұстарды байқауға болады:

- Жоғары білімі бар халық үлесінің айтарлықтай өсуі.
- Аяқталмаған жоғары білімі бар халықтың үлесін төмендету.
- Орта арнаулы және жалпы орта білімі бар халықтың пайызындағы шамалы өзгерістер.

Бұл өзгерістер қаланың білім беру саясатындағы халықтың білім деңгейін арттыруға бағытталған оң тенденцияларды көрсетеді. Өзгерістер өз кезегінде аймақтың экономикалық және әлеуметтік әл-ауқатын жақсартуға ықпал етуі мүмкін.

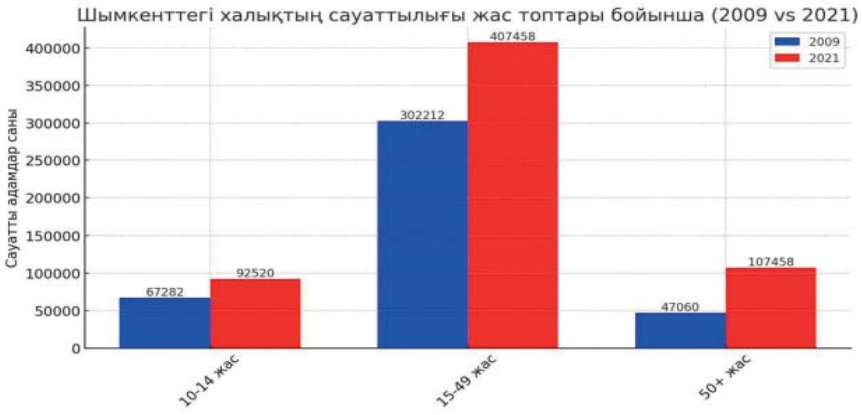


Диаграмма 3 – Шымкенттегі халықтың сауаттылығы жас топтары бойынша [7].

3-ші диаграммада 2009 жылдан 2021 жылға дейінгі кезеңде жас топтары бойынша Шымкент қаласының сауатты тұрғындары санындағы өзгерістер ұсынылған. Әр жас тобында сауатты адамдар санының айтарлықтай өсуі байқалды:

- 10-14 жас тобында сауаттылар саны 67 282-ден 92 520-ға дейін өсті,бұл бастауыш білімге қол жетімділіктің айтарлықтай жақсарғанын көрсетеді.
- 15-49 жас тобында 302 212-ден 407 458-ге дейін өсу жұмыс күшінің білім беру дайындығының жақсарғанын және көші-қон мен табиғи өсім нәтижесінде осы жас санатындағы халық санының көбеюін көрсетеді.
- 50 жастан асқан топта 47 060-тан 107 458-ге дейін өсу ересектерге арналған білім беру бағдарламаларының жақсаруына да,егде жастағы адамдар арасында білім берудің жалғасуына да байланысты болуы мүмкін.

Бұл өзгерістер білім беру бастамаларының маңыздылығын және олардың аймақтың экономикалық және әлеуметтік дамуына ықпал ететін халықтың жалпы сауаттылық деңгейін арттыруға әсерін көрсетеді.

4-ші диаграммада 2000 жылдардан 2021 жылға дейінгі Жоғары білім беру ұйымдары бітірушілері, техникалық және кәсіптік,орта білімнен кейінгі білімі беру орындары мен бітіруші магистранттардың өсуін көре аламыз.

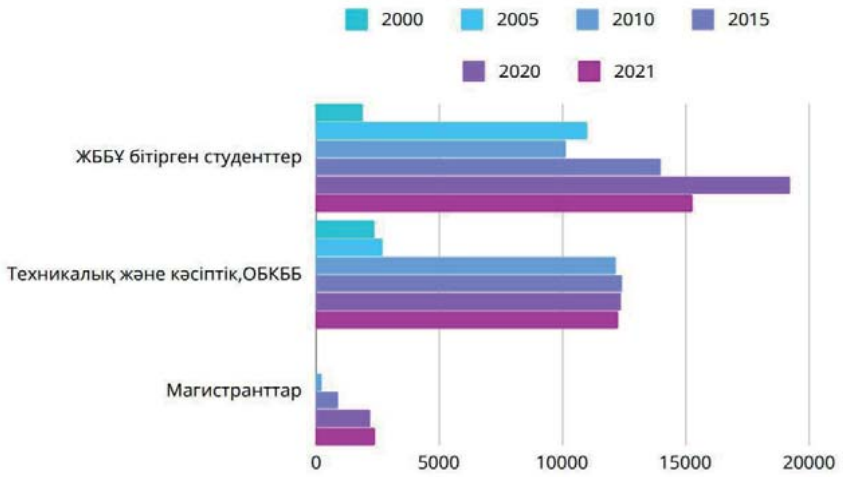


Диаграмма 4 – Шымкент қаласында бітіруші Жоғары білім беру ұйымдарының,техникалық және кәсіптік, орта білімнен кейінгі білім беру орындары мен бітіруші магистаранттар саны (2000-2021) [7].

Шымкент қаласында білімнің рөлі мен сауаттылық деңгейінің жоғарылауына қарамастан, халықтың саны өсуде деген тұжырымдамаға келдік. Бірақ,жоғарыда шет елдік тәжірибеге сүйенсек,әлемнің көптеген басқа бөліктерінде керісінше тенденция байқалып жатыр. Яғни, қоғамда білімнің рөлі артқан сайын, туу деңгейінің төмендеуі байқалуда. Бұл кереғар тенденцияның Шымкент қаласында орын алуының бірнеше себептерін анықтадық (кесте 1).

Кесте 1– Білім деңгейінің өсуі жағдайында халықтың көбеюінің ықтимал себептері туралы

Фактор	*Шымкент демографиясына әсері*
Мәдени және әлеуметтік нормалар	Берік отбасылық құндылықтар жоғары туу деңгейін сақтайды.
Экономикалық даму	Урбанизация және экономикалық өсу мигранттарды тартады, бұл халықты көбейтеді. Басқа аймақтар мен елдерден халық ағыны да халық санының өсуіне ықпал етеді.
Білім беру және әлеуметтік қолдау саласындағы саясат	Білім алуға қол жетімділікті жақсарту және балалары бар отбасыларды қолдау халықтың өсуіне ықпал етеді.
Алғашқы босану жасының кешігуі	Туудың уақытша төмендеуіне әсер етеді, бірақ міндетті түрде ұзақ мерзімді төмендеуге әкелмейді.

Кесте Шымкенттегі білім деңгейінің өсуі әртүрлі арналар арқылы демографиялық процестерге әсер ететінін көрсетеді. Білім деңгейінің жоғарылауымен бала туудың төмендеуінің жалпы әлемдік үрдісіне қарамастан, Шымкентте халық санының тұрақты өсуі байқалады. Мұны факторлардың жиынтығымен түсіндіруге болады,соның ішінде жоғары туу коэффициентін сақтайтын мәдени және әлеуметтік нормалар, отбасыларға Белсенді мемлекеттік қолдау, мигранттарды тартатын экономикалық даму және ұзақ мерзімді перспективада жалпы туудың айтарлықтай төмендеуіне әкелмейтін білімді әйелдер арасында алғашқы босану жасының кешігуі. Иммиграция жергілікті халықтың туу көрсеткіштерінің кез келген ықтимал төмендеуін өтеу арқылы да маңызды рөл атқарады. Бұл факторлар білім мен демография арасындағы өзара байланыстың күрделілігі мен көп қырлылығын баса көрсете отырып, Шымкент қаласының бірегей демографиялық профилін қалыптастырады.

Шымкент қаласының мысалында білім берудің демографиялық дамуға әсерін зерттеу демографиялық трендтерді қалыптастырудағы білім беру бастамаларының маңыздылығын көрсетеді. Шымкентте білім деңгейінің өсуімен туудың төмендеуінің жалпы әлемдік тенденцияларына қарамастан, халық саны артып келеді. Бұл бірқатар факторларға, соның ішінде күшті мәдени дәстүрлерге, отбасыларды мемлекеттік қолдауға, белсенді экономикалық дамуға және көші-қонға байланысты.

Білім беру Шымкент демографиясына жан-жақты әсер етеді: ол өмір сүру сапасын арттырады, экономикалық белсенділікке ықпал етеді, әлеуметтік бағдарлар мен нормаларды өзгертеді,-неке және бала туу туралы шешімдерге әсер етеді. Алайда, әлеуметтік-мәдени ерекшеліктер мен белсенді көші-қон саясатының арқасында қала білім беру саясаты мен демографиялық мінезқұлықтың бірегей синтезінің мысалы болып табылатын халықтың тұрақты өсуін көрсетеді.

Осылайша, Шымкент білім берудің жаһандану және қазіргі заманғы сын-қатерлер жағдайында динамикалық демографиялық өсуді қолдай отырып, әлеуметтік-экономикалық өзгерістердің катализаторы бола алатындығының мысалы ретінде ерекшеленеді. Бұл зерттеу білім беру стратегияларын ұлттық саясат пен жоспарлаудың кең контекстіне біріктіру қажеттілігін қолдайды. Бұл үрдіс білім беру арқылы демографиялық болашағын жақсартуға ұмтылатын басқа аймақтар мен елдер үшін эталон бола алады.

ӘДЕБИЕТТЕР:

1. Makhanov K. General socio-economic profile of the Turkestan region and the city of Shymkent. – 2019. – P. 128
2. Ешанқұл Қ.Қ. Тілекова Ж.Т. Шымкент қаласының қазіргі демографиялық жағдайы. – 2019 – 126 б.
3. Sapakova S., Paizolla A. Simulation of urbanization process of Shymkent city – 2021 – P. 365
4. Forssén K., Laukkanen A. M., Ritakallio V. M. Demographic trends in Finland. – 2002. – P. 32
5. Kye B.Arenas E., Teruel G., Rubalcava L. Education, elderly

health, and differential population aging in South Korea: A demographic approach // Demographic Research. – 2014. – P. 794
6. Ұлттық статистика бюросы. Қазақстан Республикасы стратегиялық жоспарлау және реформалар агенттігі. Динамикалық кестелер. [Электрондық ресурс]. – URL: https://stat.gov.kz/region/shymkent/dynamic-tables/4482/
7. Ұлттық статистика бюросы. Қазақстан Республикасы стратегиялық жоспарлау және реформалар агенттігі. Динамикалық кестелер. [Электрондық ресурс]. – URL: https://stat.gov.kz/region/shymkent/dynamic-tables/4485/

Черниенко Д.А.

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ СЕМИПАЛАТИНСКОЙ ГУБЕРНИИ ПО ПЕРЕПИСИ 1926 ГОДА И МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИИ А.С. БЕЖКОВИЧА 1927 ГОДА

Аннотация

В статье проводится сравнительный анализ этнического состава населения Семипалатинской губернии по официальным результатам первой Всесоюзной переписи 1926 г. и материалам, отраженным в публикации А.С. Бежковича по итогам этнографического изучения юго-восточной части губернии летом 1927 г. в рамках деятельности Казахстанской экспедиции Академии наук СССР. Статистические сведения характеризуют общую численность населения, а также отдельных народностей, их долю в составе населения в разрезе губернии, отдельных уездов и обследованных волостей. При наличии некоторых разночтений приведенные материалы показывают в целом близкую этническую картину Семипалатинской губернии. Вместе с тем, источник происхождения сведений А.С. Бежковича не установлен, сам автор указывал на «материалы, хранящиеся в Академии Наук СССР». Вероятно, в процессе обработки своих экспедиционных материалов и подготовки их к изданию в 1930 г. он имел возможность ознакомиться с предварительными результатами переписи, которые в дальнейшем до официальной публикации подвергались коррективам. Тем не менее, автор сохранил свои первичные сведения, не воспользовавшись официальной статистикой. Данный случай показывает, что история переписи 1926 г. еще имеет свои «белые пятна» и нуждается в дальнейшем изучении.

Ключевые слова: А.С. Бежкович, Всесоюзная перепись населения, Семипалатинская губерния, этнографическая экспедиция, этнический состав.

Abstract

The article is a comparative analysis of the ethnic composition of the population of Semipalatinsk province according to the official results of the first All-Union census in 1926 and the materials reflected in the publication of A.S. Bezhkovich on the results of ethnographic study of the south-eastern part of the province in the summer of 1927 within the framework of the Kazakhstan expedition of the Academy of Sciences of the USSR. Statistical data characterize the total number of population, as well as individual nationalities, their share in the population in the context of the province, individual counties and surveyed districts. In the presence of some discrepancies, these materials show a generally close ethnic picture of Semipalatinsk province. However, the source of origin of A.S. Bezhkovich's data is not established, the author himself pointed to "materials stored in the Academy of Sciences of the USSR". Probably, in the process of processing his expedition materials and preparing them for publication in 1930, he had the opportunity to familiarize himself with the preliminary results of the census, which were further corrected before the official publication. Nevertheless, the author retained his primary data without using official statistics. This case shows that the history of the 1926 census still has its "white spots" and needs further study.

Keywords: A.S. Bezhkovich, All-Union Population Census,

Semipalatinsk province, ethnographic expedition, ethnic composition.

Первая Всесоюзная перепись населения была проведена в течение нескольких дней с 17 декабря 1926 г., в целом она прошла успешно, но в ряде регионов, в том числе в среднеазиатских республиках, установленные сроки по разным причинам не были выдержаны и переписные работы продолжались ещё и в начале января 1927 г. [1, с. 51-52]. Дальнейшее подведение итогов переписи проходило в республиканских, краевых, областных и губернских статистических органах в феврале-марте 1927 г. Первичная разработка личных листков в основном была закончена к сентябрю 1928 г., в том же году был издан первый том окончательных итогов. Вся серия «Всесоюзная перепись 1926 г.» состояла из 56 томов, последний из которых вышел в свет в 1932 г. Результаты переписи 1926 г. считаются достоверными и, как правило, не ставятся под сомнение. Хотя уже в конце 1920-х гг. высказывались отдельные мнения о возможном недоучете населения [2, с. 171-173]. В научной литературе итоги переписи, в том числе по Казахстану, в разное время становились объектом пристального внимания со стороны статистиков, демографов, историков, этнологов, социологов [3; 4], но до сих пор нуждаются в критической переоценке.

Следует обратить внимание на то, что в официальных изданиях итогов переписи встречаются разные данные. Так, в VIII томе (Отдел I по народностям, родному языку) «Казакская АССР. Киргизская АССР» относительно общей численности населения КазАССР указано 6502699 и 6503006 чел. [5, с. 4, 57], по Семипалатинской губернии – 1310044, 1207599, 1309857 и 1310186 чел. [5, с. 4, 7, 12, 126]. В 1929 г. был опубликован IX том серии, сводный по РСФСР, где разночтения были уже устранены [6]. Перепись стала важным источником для оценки динамики численности и состава населения СССР и его регионов. В первые годы после установления советской власти происходили важные изменения, когда на демографические процессы

и формирование населения (численность и этнический состав) Казахстана существенное влияние оказали последствия Первой мировой войны, голода 1921–1922 гг., «столыпинского» переселения крестьян из центральных губерний России (на Семипалатинскую губернию пришлось 11,4% мигрантов), проводившиеся административно-территориальные реформы [7, с. 14]. В качестве важных факторов также рассматривают последствия Гражданской войны, новой экономической политики, земельно-водной реформы, передела сенокосных и пахотных земель и т.д. [8].

В результате указанных событий этническая карта Казахстана также претерпевала изменения – темпы роста численности были невысокими, миграционный приток переселенцев снижался [7, с. 17]. По данным переписи 1926 г., численность населения КазАССР составляла 6503006 тыс. человек и распределение жителей по территории республики было неравномерным. В Семипалатинской губернии проживало 1310186 чел., или 20,2% (основная часть – в Семипалатинском и Усть-Каменогорском уездах), в том числе казахи – 714,6 тыс., русские – 398,6 тыс., украинцы – 140,2 тыс., татары – 18,8 тыс., немцы – 11,8 тыс., прочие – 26,2 тыс. [6, с. 75].

Незадолго до переписи, в 1925–1926 гг. определился миграционный баланс, перешедший в положительное сальдо миграции. Большая часть мигрантов прибывала из Украины, Поволжья, севера, запада и центральной части РСФСР; меньшая – из Урала, Дальнего Востока, Сибири, Белоруссии и Средней Азии. Более 80% прибывших в республику поселились в сельской местности, большей частью в районах богарного земледелия в лесостепной и степной зонах, которые были близки по климатическим и почвенным условиям в районах выхода мигрантов. В том числе в Семипалатинской губернии разместилось 24% мигрантов. Многие приехавшие из европейской части России попадали в близкую этническую (славянскую) среду. В целом, Всесоюзная перепись населения 1926 г. зафиксировала продолжающийся рост многонационального состава Казахстана, со-

кращение доли казахского и увеличение славянских этносов в составе жителей республики [9].

Критические оценки результатов переписи связаны с высокой вероятностью недоучета некоторых категорий населения, главным образом казахского – детей, особенно грудного возраста, женщин и мужчин молодых возрастов. Принимая во внимание ряд социальных факторов, сложность административно-территориальной структуры края и распыленность кочевого и полукочевого населения, недоучет мог затронуть примерно до 2,5% казахского населения [10, с. 12].

В Семипалатинской губернии этнодемографические процессы несколько отличались от того, что происходило в целом в республике. Так, за межпереписной период 1920–1926 гг. численность населения Казахстана в сопоставимых границах увеличилась на 2,8% (при отсутствии значительного миграционного притока), при этом численность казахов и русских уменьшилась соответственно на 0,9% и 5,9%, немцев стало меньше на 7,2%. Среди крупных этносов почти на треть (29,6%) увеличилась численность украинцев, татар – на 1,5%, значительно выросла доля группы «прочих» этносов – на 83,4%. В Семипалатинской губернии за этот же период численность населения выросла на четверть, в том числе численность казахов увеличилась на 26,3%, русских – на 4,8%, украинцев – более чем в 2 раза, татар – на 30,6%, немцев – в полтора раза (51,3%), других этносов – в 2,4 раза [7, с. 19-20; 10, с. 22].

Летом 1927 г. по предложению начальника Антропологического отряда Казахстанской экспедиции АН СССР С.И. Руденко была организована исследовательская поездка в Семипалатинскую губернию с целью изучения степени и форм приспособления хозяйственного быта украинцев в новых физико-географических и культурно-экономических условиях Казахстана и элементов культурно-хозяйственного взаимовлияния украинцев и казахов [11]. Руководителем группы был назначен выпускник Ленинградского государственного университета, этнограф-славист Афанасий Семенович Бежкович (1890–1977), который на

тот момент имел опыт работы в Комиссии по изучению племенного состава населения России (КИПС) АН СССР, участвовал в составлении карты народов Северного Казахстана и был зачислен в штат Комиссии экспедиционных исследований АН СССР (Ленинград). В группу также входила сотрудница географического факультета ЛГУ София Николаевна Могилянская (1903–1975).

Ареалом исследования была выбрана юго-восточная часть Семипалатинской губернии, расположенная в треугольнике между рекой Иртыш, озером Зайсан и Зайсан-Семипалатинским трактом. Поездка имела замкнутый маршрут – началась и закончилась в Семипалатинске, всего было обследовано 30 населенных пунктов (села, поселки, заимки, коммуны, артели). Самой южной точкой на маршруте стал пос. Шелковниково (Усть-Буконь) на Иртыше. Работа выполнялась экспедиционно-стационарным методом, то есть в одних населенных пунктах группа была только проездом, в других задерживалась на более длительное время. Например, в селе Таврическом Пролетарской волости Усть-Каменогорского уезда (ныне – село Таврическое Уланского района Восточно-Казахстанской области) наблюдения велись больше месяца, в селе Георгиевском Свердловской волости того же уезда (ныне – село Калбатау Жарминского района Абайской области) – около трех недель.

Одним из результатов поездки стала публикация в 1930 г. в рамках серии «Материалы комиссии экспедиционных исследований» сборника статей «Украинцы-переселенцы Семипалатинской губернии» [12]. Помимо выявления, сбора и фиксации собственно этнографической информации А.С. Бежкович уделил внимание и характеристике местного этнического состава, для чего обратился к анализу статистических данных, оформленных в несколько таблиц, а также в этнографическую карту обследованного региона. К сожалению, точные указания на источники его сведений отсутствуют, в самом итоговом труде по этому поводу сказано, что карта (а значит и таблицы) «составлена нами на основании данных демографической перепи-

си 1926 г. по материалам, хранящимся в Академии Наук СССР» [12, с. 9].

А.С. Бежкович приводит численность населения Семипалатинской губернии в 1182798 чел. По его оценке, этнический состав региона был довольно сложным, перепись зарегистрировала 43 народности, приведено соотношение наиболее многочисленных этносов (табл. 1) [12, с. 6, 8]. Следует заметить, что в официальных результатах были указаны уже 66 народностей, проживавших в губернии, включая иностранцев, а также «прочих» и указавших «неточно» [5, с. 28-30].

Таблица 1 – Наиболее многочисленные народности Семипалатинской губернии (чел.).

Народность	По А. Бежковичу (далее – А.Б.)			По ВПН			Разница
	Всего	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	
Казахи	688521	366271	322250	714637	382067	332570	-26116
Русские	312750	153073	159677	398657	193348	203309	-85907
Украинцы	144350	72230	72120	140233	70954	69279	+4117
Немцы	11039	5490	5549	11859	5947	5912	-820
Белорусы	9213	4594	4619	9644	4852	4792	-431
Татары	5685	2935	2750	18765	9379	9386	-13080
Мордва	5158	2576	2582	4790	2426	2364	+368
Болгары	1715	876	839	1731	896	835	-16
Эстонцы	631	303	328	650	329	321	-19
Поляки	488	228	260	759	395	364	-271
Прочие	3248	1776	1472	8132	4563	5569	-4884
Итого	1182798	610352	572446	1309857*	675156	634701	-127059

* без учета иностранных граждан (329 чел.)

Сравнение данных, которыми располагал А.С. Бежкович, и официальных результатов переписи показывает, что общая разница в приведенных данных значительная – 127059 человек. Из приведенных 10 наиболее крупных этносов данные А.С. Бежковича выше по двум – украинцам и мордве. Наиболее существенные расхождения в отношении русских, казахов, татар и группы прочих народностей. При этом принципиальной разницы в общей этнической картине губернии нет. По сведениям А.С. Бежковича, несколько выше была доля казахов и украинцев, ниже – русских и других этносов (табл. 2) [12, с. 6].

Таблица 2 – Доля некоторых крупных народностей в структуре населения Семипалатинской губернии (%).

Народность	По А.Б.	По ВПН
Казахи	58,21	54,55
Русские	26,44	30,43
Украинцы	12,2	10,7
Прочие	3,15	4,32
Итого	100	100

А.С. Бежкович отмечает, что казахи, русские и украинцы были локализованы на территории губернии не равномерно (табл. 3) [5, с. 128-130; 12, с. 6]. В одних местах наблюдалось сплошное казахское население, в других – русское, живущее более или менее компактными группами, например, старообрядцы Южного Алтая («каменщики»), или бывшее сибирское казачье войско, растянувшееся своими станицами неширокой полосой вдоль Иртыша. Украинцы, как более поздние переселенцы, оседали менее компактными группами, они вклинивались между казахскими аулами и летовками и русскими селами, располагаясь то группами поселений, то отдельными поселками. В немногих местах встречались сплошные украинские поселения, иногда составлявшие большинство в той или иной волости [12, с. 7].

Таблица 3 – Доля отдельных народностей по уездам Семипалатинской губернии (%).

Уезды	Казахи		Русские		Украинцы		Прочие	
	А.Б.	ВПН	А.Б.	ВПН	А.Б.	ВПН	А.Б.	ВПН
Бухтарминский	31,6	31,01	56,2	58,33	8,9	7,59	3,3	3,06
Зайсанский	82,9	79,12	11,9	14,78	3,9	3,13	1,3	2,96
Каркаралинский	98,0	97,56	0,38	0,89	1,15	1,10	0,47	0,43
Павлодарский	58,75	54,92	12,23	16,07	25,0	23,43	4,2	5,57
Семипалатинский	51,2	44,46	32,3	38,81	12,2	9,42	4,3	7,28
Усть-Каменогорский	29,5	27,69	55,0	58,30	12,8	10,95	2,7	3,05

Сравнительный анализ данных показывает, что доля казахов и украинцев по всем уездам в официальных данных переписи была ниже, чем по данным А.С. Бежковича, доля русских по всем уездам оказалась в итоге выше, прочих народов – также выше, за исключением Бухтарминского и Каркаралинского уездов. По отдельным уездам наибольшие разночтения приходятся по всем этническим группам на Семипалатинский и Усть-Каменогорский уезды, и по казахам и русским – на Зайсанский уезд. Наибольшей (более половины населения) доля казахов была в Каркаралинском, Зайсанском и Павлодарском уездах, русских (более половины) – в Бухтарминском и Усть-Каменогорском уездах, почти четверть украинцев губернии проживала в Павлодарском уезде, около 10% – в Усть-Каменогорском и Семипалатинском.

Непосредственно территория проведения исследований охватывала 10 волостей: Усть-Каменогорский уезд – Свердловская, Колбинская. Буконьская, Мендешевская, Чарская, Пролетарская, Ленинская; Семипалатинский уезд – Красно-Октябрьская; Зайсанский уезд – Кокпектинская; Бухтарминский уезд – Тимофеевская. В них, по подсчетам А.С. Бежковича, проживали представители 26 народностей, казахское население составляло 43,3%, украинское – 28%, русское – 24,7%, остальные народности – ок. 4% [12, с. 8]. По официальным данным, это соотношение составляло 44,8% – 24,58% – 26,45% – 4,17% соответственно (табл. 4) [12, с. 9]. На обследованный район пришлось 7,9% всех казахов Семипалатинской губернии, 8,3% русских и 22% украинцев (по подсчетам А.С. Бежковича – 24%).

Таблица 4 – Этнический состав населения обследованного района (чел.).

№	Народности	Всего по А.Б.	В % ко всему населению	Всего по ВПН	В % ко всему населению
1	Казахи	53702	43,34	56326	44,80
2	Украинцы	34664	28,01	30985	24,64
3	Русские	30623	24,75	33261	26,45
4	Белорусы	1719	1,39	1495	1,19
5	Мордва	803	0,65	678	0,54
6	Немцы	778	0,63	726	0,58
7	Татары	604	0,49	629	0,5
8	Болгары	264	0,21	269	0,21
9	Эстонцы	208	0,17	185	0,15
10	Поляки	75	0,1	51	0,04
11	Прочие	317	0,26	1125	0,90
Итого		123757*	100	125730	100

* В публикации А.С. Бежковича указано итоговое значение 123665 чел., что является результатом арифметических ошибок в подсчетах численности белорусов, мордвы и немцев по отдельным волостям, и, как следствие, и в расчетах долей всех народностей.

Проживали разные народности на территории обследуемого района неравномерно, как в моноэтничных, так и смешанных населенных пунктах. По официальным данным переписи, казахи составляли подавляющее большинство в Чарской (99,5%), Мендешевской (97,1%), Колбинской (83,6%) волостях, более половины – в Буконьской (59,2%) и Красно-Октярьской (50,1%), в остальных – не более 10%. Русские составляли более 2/3 на-

селения Ленинской (67,3%) и Тимофеевской (64,1%) волостей, более половины в Кокпектинской (61,6%), более трети – в Пролетарской (33,9%), более пятой части – в Красно-Октябрьской (22,3%), в остальных волостях были представлены незначительно. Украинцы существенно преобладали в Свердловской (75,8%) волости, составляли более половины населения в Пролетарской (56,8%), около трети – в Тимофеевской (29,5%), более четверти – в Красно-Октябрьской (25,7%), Кокпектинской (24,8%), Буконьской (22,4%). Наибольшая доля представителей других народностей была в Кокпектинской (17,1%), Пролетарской (7,9%), Буконьской (6,6%) волостях. Белорусы относительно компактно проживали в Буконьской, Красно-Октябрьской, Ленинской и Пролетарской волостях, немцы – в Пролетарской, мордва – в Тимофеевской и Буконьской, татары – в Буконьской и Свердловской, болгары – в Кокпектинской, эстонцы – в Ленинской, поляки небольшими группами присутствовали в 8 из 10 волостей (табл. 5) [5, с. 128-130; 12, с. 11].

Таблица 5 – Численность отдельных народностей в структуре населения обследованных волостей (чел.).

Народности	Источник информации	Свердловская	Пролетарская	Кокпектинская	Красно-Октябрьская	Тимофеевская	Буконьская	Ленинская	Чарская	Колбинская	Мендышевская
Казахи	А.Б.	404	269	414	8495	157	10444	801	8495	9138	15085
	ВПН	450	151	438	8697	272	10404	858	9673	10170	15213
Русские	А.Б.	1407	3346	3565	2534	10990	1767	6005	15	717	277
	ВПН	1448	3608	3561	3870	11522	2061	6190	21	696	284
Украинцы	А.Б.	6553	6136	2423	5501	5788	4107	1690	1177	1235	54
	ВПН	6478	6043	1793	4469	5308	3937	1669	14	1234	40
Белорусы	А.Б.	5	103	135	268	253	725	182	-	40	8
	ВПН	4	152	150	287	-	696	161	-	28	17
Немцы	А.Б.	4	644	-	13	16	18	80	-	3	-
	ВПН	3	635	6	1	-	2	79	-	-	-
Поляки	А.Б.	9	16	3	-	13	9	19	-	-	6
	ВПН	3	7	4	-	9	5	15	-	2	6

Продолжение таблицы 5

Мордва	А.Б.	9	-	19	-	599	139	28	-	9	-
	ВПН	4	6	17	3	495	120	28	-	5	-
Татары	А.Б.	145	5	14	6	2	330	29	5	-	68
	ВПН	144	6	15	17	-	319	31	11	8	78
Эстонцы	А.Б.	-	21	-	-	38	-	149	-	-	-
	ВПН	-	24	-	-	17	1	143	-	-	-
Болгары	А.Б.	-	5	259	-	-	-	-	-	-	-
	ВПН	-	1	268	-	-	-	-	-	-	-
Прочие	А.Б.	5	21	71	21	78	23	36	-	30	32
	ВПН	15	12	642	13	348	19	18	-	28	30
Итого	А.Б.	8541	10566	6903	16838	17934	17562	9019	9692	11172	15530
	ВПН	8549	10645	6894	17357	17971	17564	9192	9719	12171	15668

Сравнение данных, приводимых А.С. Бежковичем и содержащихся в официальном издании итогов переписи, показывает в ряде случаев полное (мордва в Ленинской, поляки в Мендешевской волостях) или очень близкое (казахи в Буконьской, русские в Кокпектинской и Мендешевской, украинцы в Колбинской, белорусы в Свердловской, немцы, татары в Свердловской, Пролетарской и Ленинской, поляки, мордва, татары, болгары в Кокпектинской, эстонцы в Пролетарской и Ленинской волостях) совпадение статистических показателей. В большинстве случаев разница составляет несколько человек или несколько десятков в ту или иную сторону, за исключением Тимофеевской волости, где по данным А.С. Бежковича проживало 253 белоруса (в итоговых данных они отсутствуют), а также разница в той же волости по мордве в 104 человека.

По казахам наиболее существенные расхождения – более чем в тысячу человек – приходятся на Чарскую и Колбинскую волости; по русским – более 1,3 тысячи в Красно-Октябрьской и более 500 человек в Тимофеевской волостях; по украинцам – в 1163 чел. в Чарской, 1032 – в Красно-Октябрьской, 630 – в Кокпектинской, 480 – в Тимофеевской волостях. Также весьма значительная разница заметна в отношении группы «прочих» народностей в Кокпектинской и Тимофеевской волостях.

Украинцы оказались единственным из приведенных этносов, для которых в каждой из волостей официальные данные переписи зафиксировали показатели ниже, чем по данным А.С. Бежковича. Численность казахов и русских оказалась выше в

8 из 10 волостей. Особенно обращает на себя внимание казус Чарской волости (центр – уроч. Кара-Кантас), находившейся в юго-западной части Усть-Каменогорского уезда. Как отмечал А.С. Бежкович, в Чарской долине украинские поселения составляли единственный более или менее сплошной ареал [12, с. 10]. Этот ареал, показанный соответствующей штриховкой, нанесен им на этнографическую карту, согласно которой к югу от точки пересечения 50^0 восточной долготы с рекой Чар и Семипалатинском трактом, на правом берегу Чара вплоть до Георгиевки (Калбатау) располагались места компактного расселения украинцев. Противоположный левый берег Чара обозначен на карте как территория сплошного расселения казахов. Чарская волость была наименее разнообразна с точки зрения этнического состава – здесь проживали только казахи, украинцы, русские и татары, «прочие» народности переписью не учтены. По сведениям А.С. Бежковича, в Чарской волости казахов насчитывалось 8495 чел., украинцев – 1177, русских – 15, татар – 5, всего – 9692. Опубликованные официальные результаты показали следующую картину: казахи – 9673, русские – 21, украинцы – 14, татары – 11, всего – 9719. Следовательно, из учета «исчезли» почти все украинские переселенцы (1163 чел.), а численность казахов увеличилась на 1178 человек [5, с. 130].

Таким образом, в процессе обработки экспедиционных материалов А.С. Бежкович имел доступ, вероятно, к предварительным результатам Всесоюзной переписи населения. Однако, не ясно, были ли они известны ему еще на этапе подготовки к поездке, то есть до лета 1927 г., или уже по ее окончании в процессе написания статей. В любом случае, очевидно, что в 1927–1929 гг. итоги переписи до их официальной публикации подвергались изменениям (возможно, в процессе продолжавшейся работы с личными листками). Трудно установить, носили ли эти изменения сугубо технический или целенаправленный по ряду позиций характер. При наличии некоторых разночтений приведенные материалы показывают в целом близкую этническую картину Семипалатинской губернии. Научный труд А.С. Бежковича был издан по распоряжению АН СССР с визой и.о. непрменного секретаря академика В.Л. Комарова и под научной редакцией С.И. Руденко в 1930 г., то есть уже после опубликования результатов переписи в 1928–1929 гг. По каким-то причинам автор сохранил свои первичные сведения, не воспользовавшись официальными данными. Этот случай показывает, что еще не все «белые пятна» в истории переписи 1926 г. раскрыты и необходимо ее дальнейшее критическое осмысление.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Воробьев Н.Я. Всесоюзная перепись населения 1926 г. 2-е изд. М.: Госстатиздат, 1957. 108 с.
2. Переписи населения в России / Росстат. М.: Статистика России, 2022. 459 с.
3. Краснобаева Н.Л. Население Казахстана в конце XIX – первой четверти XX века. Дисс. … канд. ист. наук. Барнаул, 2004. 233 с.
4. Калиева К.С. Переписи населения как источник для изучения народонаселения Казахстана 1897–1926 гг. Дисс. канд. ист. наук. Барнаул, 2009. 174 с.
5. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. VIII. (Казакская и Киргизская АССР). Отд. 1 (народность, родной язык, возраст, грамотность) / Центр. статистич. упр. СССР. М.-Л.: Государственное Социально-Экономическое издательство, 1928. 288 с.
6. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Том IX. М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1929. 228 с.
7. Краснобаева Н.Л. Динамика численности и этнический состав населения Казахстана по данным I Всесоюзной переписи 1926 г. // Известия Алтайского государственного университета. 2004. С. 19-20.
8. Асылбек М.Х., Асылбекова Ж.М. Население Казахстана между Всесоюзными переписями населения 1926 г. и 1939 г. (31.12.2014) // Институт истории и этнологии имени Ч. Ч. Валиханова. URL: https://iie.kz/?p=4615

9. Население Казахстана в 1917–1939 гг. (05.09.2013) // Портал «История Казахстана». URL: https://e-history.kz/ru/seo-materials/show/29324
10. Алексеенко А.Н. Население Казахстана в 1926–1939 гг. // Компьютер и историческая демография. Сборник научных трудов. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2000. С. 9-26. URL: https://web.archive.org/web/20091202004413/http://new.hist.asu.ru/biblio/histdem/1.html
11. Черниенко Д.А. Казахско-украинское взаимодействие в скотоводческой обрядности (по материалам экспедиции А.С. Бежковича 1927 года в Семипалатинской губернии) // Дәстүрлі рәсімдер есте қаларлық мәдениеттің көрінісі ретінде: далалық Еуразияның символдық капиталының ресурстары мен стратегиялары. Халықаралық ғылыми-практикалық конференция материалдары. Астана: Алтын Кітап, 2023. С. 198-206.
12. Украинцы-переселенцы Семипалатинской губернии / Ред. С.И. Руденко; Академия наук СССР. Материалы Комиссии экспедиционных исследований. Сер. Казахстанская. Вып. 16. Ленинград: Издание Академии наук СССР, 1930. 253 с.

Чернышева Н.В., Ажигулова А.И.

ИСТОЧНИКИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СССР В 1930–1950-Е ГОДЫ

Аннотация

Основой научного исследования является источниковедческая база. При изучении истории сталинского периода в качестве источников применяют результаты Всесоюзных переписей населения, а также текущий статистический учет населения. Качество проводимого учета населения отражается на полноте необходимых сведений о численности, составе народонаселения. Этнодемографический аспект играл важную роль в период строительства нового государства. Существовавшие формы текущего учета велись исходя из региональных особенностей национального состава.

Ключевые слова: источники, перепись населения, этнодемографические процессы, население, статистический учет.

Abstract

The basis of scientific research is the source base. When studying the history of the Stalin period, the results of the All-Union population censuses, as well as current statistical records of the population, are used as sources. The quality of the population accounting is reflected in the completeness of the necessary information about the size and composition of the population. The ethnodemographic aspect played an important role during the construction of the new state. The existing forms of current accounting were conducted based on the regional characteristics of the national composition.

Keywords: sources, population census, ethnodemographic processes, population, statistical accounting.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01604, https://rscf.ru/project/23-28-01604/ и в Удмуртском государственном аграрном университете.

Советский Союз представлял собой самое большое государство в мире, не только территориальное, но и многонациональное. Взаимодействие различных культур в рамках одной страны многосторонний, сложный процесс. Важной стороной государственного регулирования народонаселения являются этнодемографические процессы, которые позволяют понять различия в демографических показателях разных народов в соответствии с их культурными и антропологическими особенностями. Изучение этнического состава различных регионов значительно при исследовании динамики численности населения и ее факторов, влиянии этнических аспектов на показатели естественного при-

роста, миграции и т.д.

Научное исследование этнодемографических процессов в СССР достаточно разнообразно. Большая часть работ посвящена изучению демографической и национальной политики, которая опиралась на марксистскую теорию и труды В.И. Ленина [25], важное значение придавалось интернациональному воспитанию [20]. После того, как перепись 1937 г. была признана дефектной, а ее результаты засекречены, исследования по демографии и этнодемографии в основном сводились к общим оценкам. Последующий после периода «оттепели» и первая послевоенная перепись населения 1959 г. дали толчок изучению вопросов народонаселения, демографической политики [7]. Выделяются труды А.Г. Бондарской, А.Я. Кваши о демографической специфике регионов [6]. Особенности территориального распределения народонаселения РСФСР рассматривал Л.Л. Рыбаковский. В 1990-е гг. исследователи делают акцент на русификации, ассимиляции в национальной политике СССР, но эти труды выделяются односторонним взглядом [1, 19, 24]. В конце 1990-х национальная политика в СССР оценивается как успешная в области построения межэтнической коммуникации [2, 3]. На современном этапе выделяются труды Д.А. Аманжоловой [2, 3], С.А. Кропачева [22, 23], С.Н. Уварова [29, 32], Д.С. Глухарева [11], М.В. Суриной [28] и т.д. Также необходимо отметить работы В.Б. Жиромской, В.А. Исупова, Г.Е. Корнилова посвященные численности и воспроизводству населения СССР в 1930–1950-е годы [12, 13, 16, 17, 18]. В них представлены не только сведения о численности, демографические показатели, но и дана оценка возможности использования статистических источников для расчетов демографических показателей.

Основными источниками при изучении этнодемографических процессов в СССР являются результаты Всесоюзных переписей населения 1926, 1937, 1939 и 1959 годов. Итоги переписей есть как в печатном, так и в электронном формате, ценность их в содержании сведений о численности, возрастном, половом, национальном составе населения, естественном движении, территориальном распределении. Интерес представляют и материалы статистических сборников, содержащих широкий формат сведений о народонаселении [8, 9, 10, 14, 26, 27, 34].

Архивные материалы, дошедшие до наших дней, представлены формами текущего учета населения, а также информацией, которая поступала в плановые и статистические органы от наркоматов, комитетов, бюро и других подведомственных органов. Данные источники содержат сведения о численности, половозрастном, национальном составе населения, его динамике, вопросах воспроизводства и миграции.

Основу любого историко-демографического исследования представляют статистические источники. Характеристика системы учета населения важна для систематизации, анализа самих источников.

После Революции 1917 года в стране создается целый ряд новых ведомственных структур по решению тех или иных вопросов. Декретом СНК РСФСР 1918 г. «О государственной статистике» начинается история советской системы учета населения. Уже в 1920–1930-е гг. в результате реорганизации статистические органы переходят в ведение Госплана СССР. Первичной единицей народнохозяйственного учета стал участковый инспектор, должность которого повсеместно вводится в 1932 г.

В 1941 г. Центральное статистическое управление народно-хозяйственного учета Госплана преобразовывается в Центральное статистическое управление Госплана СССР. Гибкость этой системы заключалась в возможности ее пополнения новыми источниками в зависимости от необходимости тех или иных сведений единовременного или текущего учета.

В Советском государстве, отличающемся плановым подходом в экономической, социальной, культурной сферах, большое значение придавалось учету населения. Именно численность населения и его состав позволяли составлять планы дальнейшего эффективного развития.

Первая Всесоюзная перепись населения СССР была проведена в 1926 г., допускались как метод опроса, так и самосчисле-

ния. Программа переписи включала 14 пунктов с подпунктами, такими как пол, возраст, национальность, родной язык, месторождение, брачное состояние и т.д. Краткие результаты переписи 1926 г. были готовы уже в конце 1920-х гг., а полные в начале 1930-х гг.

Следующая Всесоюзная перепись населения была проведена спустя 11 лет, в 1937 г., которая оказалась уникальной как по времени проведения, так и по политической оценке. Перепись 1937 г. была однодневной и учитывала лишь наличное население. Основные вопросы, содержащиеся в бланке переписного листа, – пол, возраст, национальность, родной язык, семейное положение, занятие и т.д. Итоги переписи не принесли запланированных результатов, поэтому она была признана вредительской, дефектной и засекречена. На сегодняшний день исследователи, изучавшие перепись 1937 г. подчеркивают ее высокую точность и достоверность.

Последняя предвоенная перепись населения была проведена в 1939 г., она учитывала постоянное и наличное население. В переписном листе содержались вопросы о поле, возрасте, состоянии в браке, национальности, месте работы, принадлежности к общественной группе и т.д. Сегодня известно, что перепись имела приписки, благодаря работе исследователей проведена оценка масштабов приписок, позволяющая определить примерную действительную численность населения страны.

Первая послевоенная Всесоюзная перепись населения проводилась в 1959 г. с учетом постоянного и наличного населения. Переписной лист 1959 г. базировался на листе переписи 1939 г., но был значительно дополнен и другими вопросами. Ученые, занимавшиеся исследованием результатов переписи 1959 г. подчеркивают ее высокую точность.

Таким образом, переписи населения в Советском Союзе, проводимые с определенной регулярностью и точностью, должны были с одной стороны помочь плановому строительству государства, исходя из численности граждан, с другой отвечать запланированным результатам роста народонаселения в социалистической стране.

Однако данных переписей для проведения этнодемографического исследования явно недостаточно. Межпереписные периоды исследуются благодаря наличию системы текущего учета населения. Зачастую сведения с 1939 г. по 1959 г. о народонаселении содержатся только в них, и используются исследователями наиболее часто для отражения демографической и этнодемографической ситуации. Однако проблема заключается в том, что в систему текущего статистического учета попадали лишь отдельные народы СССР. Определенную сложность создает также неравномерность их расселения.

Система текущего учета населения достигла наибольшего охвата в середине 1930-х гг., когда сведения ЗАГС передаются в ведение НКВД. С этого момента все формы текущего учета населения можно разделить на общие и специальные. Общие содержали сведения о демографических процессах и их характеристиках, а специальные содержали более полные сведения, характеризующие демографические процессы. К общим формам относились «Итоги регистрации актов гражданского состояния», «Сведения о естественном движении населения», «Общие итоги естественного движения населения» с учетом сельского и городского населения. К специальным формам относились «Сведения об умерших по возрастам и полу», «Сведения об умерших до 5 лет», «Сведения об умерших по полу, возрасту и причинам смерти», «Сведения о браках по возрасту брачующихся», «Сведения о разводах по возрасту разводящихся и продолжительности расторгнутых браков». Отдельное внимание уделялось младенческой смертности в разрезе отдельных районов, для того чтобы определить факторы, способствующие ее понижению и повышению [33, с. 69]. Данные сведения аккумулировались в соответствии с территориальным принципом, а не национальным, но они позволяют при наличии текущего учета по отдельным народам дать сравнительный анализ.

Разработанные и утвержденные ЦУНХУ СССР формы текущего учета населения предусматривали сбор отдельных де-

мографических сведений по национальностям. В частности, форма 3 включала сведения о родившихся, умерших, младенческой смертности. С 1938 г. – сведения о браках и разводах. Ранее сведения о браках и разводах по национальности заполнялись в формах 7 б и 8 б. «Инструктивные указания» определяли, что форма 3 заполнялась на 7 национальностей: русские, украинцы, белорусы, казахи, армяне, татары, евреи.

Таблица 1 – Численность народов СССР, включенных в обязательный учет статистических органов по данным Всесоюзных переписей населения 1939 г. и 1959 г. [8, 9].

Народы СССР	1939 г.		1959 г.	
	чел.	в %	чел.	в %
Всего	170 557 093	100,0	208 826 650	100,0
Русские	99 591 520	58,4	114 113 579	54,6
Украинцы	28 111 007	16,5	37 252 930	17,8
Белорусы	5 275 393	3,1	7 913 488	3,8
Казахи	3 100 949	1,8	3 621 610	1,7
Армяне	2 152 860	1,3	2 786 912	1,3
Татары	4 313 488	2,5	4 917 991*	2,4
Евреи	3 028 538	1,8	2 267 814	1,1

** – без крымских татар.*

В 1939 г. данные народы составляли 85,4% всей численности, в 1959 г. – 82,7%.

В Советских республиках в форму 3 могли быть включены и другие народы. В регионах РСФСР по усмотрению статистических органов могли быть выделены 2–3 национальности, изучение процессов воспроизводства которых для данного территориального образования наиболее востребовано [32, с. 89]. В послевоенное время к ее заполнению вернулись в 1958 г. с указанием сведений по рождаемости, смертности и младенческой смертности. Браки и разводы в форме не фиксировались, но в ней стали указывать в числе родившихся тех детей, у которых национальность отца и матери отличалась. Ранее национальность ребенка определялась национальностью матери. В последующие годы форма 3 заполнялась вплоть до 1996 г. с некоторыми перерывами.

Этнический состав мигрантов в формах статистического учета не указывался. Косвенно об этом свидетельствуют данные переписей с распределением населения по национальному составу. Принудительные перемещения отдельных народов СССР в сталинский период также позволяют использовать эти сведения не в полной мере.

В годы Великой Отечественной войны вся работа государственной статистики была подчинена оперативным нуждам. Необходим был полный и точный учет людских ресурсов страны. Статистические органы, определяя численность населения на начало 1940 г. и 1941 г. включали сведения о численности армии и спецконтингента в общую численность населения, однако, начиная с 1942 г., ставилась пометка: «Без армии, госпиталей и спецконтингента». В документах военного времени они часто обозначались как «нераспределенные территории» [33, с. 65].

В военные годы форма текущего учета подверглась ряду изменений в силу необходимости организации карточной системы на хлеб, хозяйственной системы сельсоветов и т.д.

Разумеется, анализ архивных документов и отчеты самих статистиков позволяют говорить о некоторой сложности в действовавшей системе учета естественного движения населения, например, высокий процент лиц категории «неизвестно», наличие и отсутствие дополнительных сведений, исправления Наркомздрава и т.д. В то же время специалисты отмечают, несмотря на сложность административно-территориального деления и изменения форм учетных листов, высокую точность проводимой работы статистиков.

Таким образом, система учета населения в СССР выстраивалась на протяжении длительного времени в зависимости от политических, экономических, социальных нужд. Гибкость системы заключалась в централизованном управлении и воз-

можности дополнения существующих отчетов необходимыми сведениями с помощью привлечения данных других структур, например, здравоохранения, сельских советов и т.д. В 1920–1930-е годы большое значение отводилось учету национального состава населения при оценке естественного движения, в годы Великой Отечественной войны оперативные нужды смещаются в сторону возрастно-половой системы учета. В послевоенные годы этническая составляющая в формах статистического учета вновь появляется лишь в 1958 г. Данные Всесоюзных переписей населения и формы текущего учета позволяют с разной степенью полноты проводить этнодемографические исследования советского периода 1930–1950-х годов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Авторханов А. Империя Кремля. Советский тип колониализма. Вильнюс: ИМОИ, 1990. – 239 с.
2. Аманжолова Д.А. Историография изучения национальной политики // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М.: АИРО-XX, 1996. – С. 308–332.
3. Аманжолова Д.А. Национальная политика России: история и современность. М.: Информ.-изд. агентство «Рус. мир», 1997. – 678 с.
4. Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Демографическая история России: 1927–1959. М.: Информатика, 1998. – 187 с.
5. Боевой и численный состав Вооруженных Сил СССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Статистический сборник № 1 (22 июня 1941 г.). М.: ИВИ МО РФ, 1994. – 334 с.
6. Бондарская Г.А. Рождаемость в СССР (этнодемографический аспект). М.: Статистика, 1977. – 128 с.
7. Валентей Д.И. Теория и политика народонаселения. М.: Высш. школа, 1967. – 184 с.
8. Всесоюзная перепись населения 1939 г. Национальный состав населения по республикам СССР // https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_39.php.
9. Всесоюзная перепись населения 1959 г. Национальный состав населения по республикам СССР // https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_59.php.
10. Гельфанд В.С. Население СССР за 50 лет (1941–1990 гг.): статистический справочник. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1992. – 284 с.
11. Глухарев Д.С. Этнодемографическое развитие Урала в 1960–1980-е годы: автореф. дис. … канд. ист. наук. Челябинск, 2006. – 22 с.
12. Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М.: РОССПЭН, 2001. – 201 с.
13. Жиромская В.Б. Жизненный потенциал послевоенных поколений в России: историко-демографический аспект. 1946–1960. М.: РГГУ, 2009. – 310 с.
14. Здравоохранение в СССР: Стат. сборник / Центр. стат. упр. при Совете Министров СССР. М.: Госстатиздат, 1960. – 22 с.
15. Исупов А.А. Национальный состав населения СССР (по итогам переписи 1959 г.) / под ред. П.Г. Подъячих. М.: Статистика, 1961. – 60 с.
16. Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: историко-демографические очерки. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. – 242 с.
17. Исупов В.А. Рождаемость населения России в 1939–1945 гг. // Российская история. 2015. № 1. – С. 3–18.
18. Исупов В.А., Корнилов Г.Е. Численность населения России в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.) // Уральский исторический вестник. 2017. № 4. – С. 46–53.
19. Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 342 с.
20. Ким М.М. Советский народ – новая историческая общность. М.: Политиздат, 1972. – 261 с.
21. Козлов В.И. Этнографические аспекты урбанизации в СССР

// Географические аспекты урбанизации. М.: Знание, 1971. – С. 65–78.
22. Кропачев С.А. Эволюция моделей демографического поведения этносов России в 1930-е годы // Русская старина. 2020. № 11. – С. 109–128.
23. Кропачев С.А. Этносы в России по Всесоюзной переписи населения 1926 г. / Отв. ред. В. Б. Жиромская. М.: «Директ-Медиа», 2022. – 132 с.
24. Кузеев Р. Г. Национальные движения и национализм в России // Этнографическое обозрение. 1993. № 6. – С.46–59.
25. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 45. М.: Издательство политической литературы, 1970. – 762 с.
26. Население России за 100 лет (1897–1997): Стат. сб. / Гос. ком. РФ по статистике (Госкомстат России); Редкол.: Ю.А. Юрков-пред. и др. М.: Моск. изд. дом, 1998. – 222 с.
27. Советская повседневность и массовое сознание 1939–1945 гг. / сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. М.: РОССПЭН, 2003. – 472 с.
28. Сурина М.В. Этнодемографическое развитие Урала во второй половине XX века: автореф. дис. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 2004. – 24 с.
29. Уваров С.Н. Этнодемографические процессы в Удмуртии в 1959–1989 гг. Ижевск: ФГБОУ ВО Ижевская ГСХА, 2019. – 281 с.
30. Урланис Б.Ц. Демографическая политика в СССР и ее влияние на уровень рождаемости // Научно-теоретическая юбилейная сессия, посвященная 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции (тезисы докладов). 24–26 октября 1967 года. М., 1967. – С. 173–177.
31. ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. М.: РОССПЭН, 2005. – 784 с.
32. Чернышева Н.В., Ажигулова А.И., Уваров С.Н. Этнодемографические процессы у удмуртов во второй половине 1930-х – 1950-х годах // Демографическое обозрение. 2024. Т. 11. № 2. – С. 86–99.

33. Чернышева Н.В. Население Волго-Вятского региона в 1939–1945 годы: историко-демографическое исследование: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2022. – 516 с.
34. Численность, состав и размещение населения СССР. Краткие итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. М.: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1961. – 64 с.

Шмидт В.

ИСТОРИЯ НЕМЦЕВ КАРАГАНДИНСКОЙ ОБЛАСТИ ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

Аннотация

В статье на основе архивных документов и материалов автор попытался рассмотреть вопросы формирования немецкой этнической группы на территории Карагандинской области. Хронологические рамки охватывают период со времени переселения немецких крестьян из различных регионов Российской империи в Степное генерал – губернаторство (современная территория Казахстана) до периода массовых депортаций немцев. Помимо этого, затронут также вопрос о деятельности партийных и административных органов Казахской республики по вопросу создания немецкого национального района на территории Карагандинской области в начале 30 – х годов.

Ключевые слова: Карагандинская область, немецкая этническая общность, архивные документы, национальный район, депортации.

Abstract

In the article, based on archival documents and materials, the author tried to consider the issues of the formation of the German ethnic group in the Karaganda region. The chronological framework covers the period from the time of resettlement of German peasants from various regions of the Russian Empire to the Steppe General

Governorate (modern territory of Kazakhstan) to the period of mass deportations of Germans. In addition, the issue of the activities of the party and administrative bodies of the Kazakh Republic on the issue of creating a German national region on the territory of the Karaganda region in the early 30s is also touched upon.

Keywords: Karaganda region, German ethnic community, archival documents, national region, deportations.

Одним из мало изученых аспектов истории современного Казахстана является проблема формирования и развития немецкой этнической общности на его территории. В этом плане интересны исторические сведения, отложившиеся в архивных и документальных материалах Центрального республиканского архива, в материалах Архива Президента Республики Казахстан и в фондах областных архивов. Архивные материалы содержат сведения и факты об истории немцев - переселенцев начиная с дореволюционного времени, а также в период строительства социализма в Казахстане, в которых освещены исторические события, связанные с развитием немецкой этнической группы на территории данного региона. Помимо этого, архивные документы раскрывают региональные особенности развития немецких переселенческих хозяйств на территории Казахстана. Важным направлением в историческом осмыслении прошлого национальных меньшинств Казахстана является рассмотрение региональных особенностей развития этих этнических групп, как в период Российской империи, так и в период социалистического строительства. К тому же региональные особенности развития немцев во многом раскрывают их взаимоотношения как с казахским, так и русским населением края.

В плане рассмотрения темы было бы не безосновательно обратиться к рассмотрению вопроса о прошлом немцев Карагандинской области, так как историческое прошлое этой группы населения Казахстана не стало предметом специальных исторических исследований. Хронологические рамки статьи охватывают период переселения немецких крестьян на территорию

Центрального Казахстана и завершаются периодом массовой депортации немецкого населения.

Надо отметить, что появление немцев в пределах современного Казахстана было вызвано общими политическими и экономическими особенностями развития Российской империи, а позднее Советского Союза. Заселение немцами территории Казахстана было прежде всего связано с крестьянским переселением, начавшимся в конце 90-х гг. XIX века и активно развернувшимся в первые десятилетия XX века. Переселение немецкого крестьянства в Казахстан в конце XIX – начале XX веков в пределы Степного генерал – губернаторства (территория современного Казахстана) происходило из Саратовской и Самарской губерний, а также из районов и областей Украины, Сибири и Урала. В основном немцы – переселенцы арендовали земельные участки [1, с.199].

В основном немецкие переселенческие деревни возникли на территории Центрального Казахстана, свидетельством этому является то, что к 1915 г. в Акмолинском уезде насчитывалось 4 волости – Покорная, Больше-Михайловская, Долинская и Астаховская (территории которых в настоящее время входят в состав Карагандинской области), в которых располагалось 12 сел с доминирующим немецким населением [2, Л.12]. Надо отметить, что вновь прибывшие переселенцы из числа немцев оказали огромное влияние на развитие экономической жизни этого региона Казахстана. Неслучайно о немцах – переселенцах бытовало мнение о том, что «народ этот все трезвый, экономный, обстоятельный, живущий общиной» [3, Л.56].

Во вновь образованных переселенческих поселках, которые заселялись немцами, переселенцы не только осваивали новые земли, но организовывали свои школы, где преподавание велось на немецком языке. Появление школ в немецких селениях вызвало раздражение чиновников колониальной администрации, не замедлевших отреагровать на возмутительное поведение немецких переселенцев. Поэтому в пределах Степного края в период с 1910 по 1912 гг. развернулась кампания по закрытию

школ с преподаванием немецкого языка, что, по мнению колониальной администрации края, «свидетельствовало о недостойном образе действий колонистов, как русских подданых.» [4, Л.42]. Так, например, попечитель Западно- Сибирского учебного округа в письме от 4 марта 1910 г. военному губернатору Акмолинской области настоятельно просил Акмолинское областное правление о принятиии распоряжения о закрытии в Акмолинской области немецких школ, действующих без официального разрешения [5, Л.1].

Немецкие поселения будущей Карагандинской области также не избежали враждебного отношения со стороны колониальной администрации края в годы, предшествующие Первой мировой войне. Так, например, в замечаниях по ревизии делопроизводства Долинского волостного правления акмолинский губернатор Невиров 27 июня 1912 г. указывал, что «В с. Долинском живут немцы, выходцы из Самарской, Волынской губ., упорно нежелающие говорить по-русски. В поселке была тайная немецкая школа, закрытая крестьянским начальником. Считаю недопустимым службу по сельскому и волостному управлению крестьян, не знающих русского языка, предлагаю немедленно всех таких лиц заменить другими, знающими хорошо русский язык. Нужно всеми мерами следить, дабы немцы, для которых Россия является родиной, русские поданные, обязательно сами учились и учили бы своих детей русскому языку» [6, Л.18 – 18 об.].

В дальнейшем политика руссификации приобрела более жесткий характер в период Первой мировой войны, когда колониальные и административные органы приняли ряд законодателных мер по ограничению влияния немецкого языка в общественной жизни края.

В постановлении Степного генерал – губернатора Сухомлинова от 4 июля 1915 г. прямо говорилось, что «воспрещается выставление вывесок и объявлений на немецком языке, а равно разговор на этом языке в публичных и общественных местах. Лица, виновные в нарушении сего обязательного постановления, подвергаются ответственности в административном порядке: тюремному заключению или аресту до трех месяцев или денежному штрафу до трех тысяч рублей» [7, Л. 181].

Ярким примером негативного отношения к немецким переселенцам со стороны административных служащих является письмо крестьянского начальника пятого участка Акмолинского уезда от 23 августа 1915 г. Акмолинскому губернатору о немецком населении села Долинского. В частности, он писал, что «присматриваясь к нравам, быту и поведению немецкого населения, которого в десяти поселках порядочно. Казалось бы, что у этих немцев должно быть только одно чувство благодарности к приютившей их России и ко всему русскому. Факты показывают совершенно противоположное: немцы не хотят знать русского языка и своим детям прививают лишь неприязненное чувство ко всему русскому. Распоряжений начальства не исполняют, как не исполнили распоряжения Акмолинского губернатора от 27 июня 1912 г. при проезде через с. Долинское, запрещавшего иметь в с. Долинском тайной немецкой школы, и отмечен тогда же факт незнания немцами русской разговорной речи» [8, Л. 14 – 14 об.].

В годы Первой мировой войны Казахстан не остался в стороне от проводимой политики царским самодержавием по борьбе с «немецким засильем». В частности, для Казахстана были приняты меры об упразднении немецких волостей и присоединении таковых к русским волостям. В этом плане интересны материалы «Журнала Акмолинского уездного съезда крестьянских начальников», в материалах которого отмечалось, что «при современном упразднении немецких волостей, селения присоединеные к русским волостям несомненно скоро обрусеют и кроме того, ввиду преобладающего состава выборных Волостного съезда от русского населения, все должностные лица будут русскими» [9, Л. 8- 8 об.].

Ко времени Октябрьской революции немецкие поселения на территории Казахстана вели обособленный образ жизни. В связи с обособленностью, немцы оставались вне поля зрения

административных и советских органов Казахстана. К моменту проведения переписи населения 1926 г. численность немецкого населения Казахстана составила 51000 человек. Из общего количества немецкого населения Казахстана, численность немецкого населения Центрального Казахстана в 1926 г. составила 5609 человек (2801 мужчин и 2808 женщин). Все немецкое население Центрального Казахстана являлось жителями сельской местности, за исключением г. Каркаралинска, в котором проживали 4 человека [10, с. 126-138].

В период социалистического строительства и проведения различных хозяйственных кампаний, по отношению к немецкому населению региона допускались различные перегибы, как и к другим народам, проживающим в Казахстане. Особенно обострились отношения между немецким населением и представителями советской власти в период сельскохозяйственных кампаний 1928 г. по хлебозаготовкам. Причиной этому послужило черезмерное обложение крестьян налогами. Каждое правительственное решение, направленое на ограничение экономических интересов крестьянства, в немецких поселениях Казахстана вызывало коллективный протест. Если в одних случаях крестьянство стремилось с помощью оружия решить данную проблему, то в других случаях оно пыталось найти возможность решения проблемы в Москве. Так, например, в сентябре 1928 г., в немецком селе Долинское (Промышленного района, Акмолинский округ, будущая территория Карагандинской области), крестьяне собрались на сход, чтобы решить, к кому обращаться в связи с грабительскими действиями агентов по хлебозаготовкам. Долинское было зажиточным немецким селом, насчитывающим 405 дворов и 2054 жителя. На сходе было было вынесено предложение о посылке в Москву делегатов к Председателю Президиума ВЦИК М.И. Калинину с жалобой на непомерную тяжесть поборов, с ходатайством о снижении единого сельскохозяйственного налога. В результате сложившейся ситуации в Промышленном райкоме партии встревожились, и поручили райисполкому расследовать дело. Для выяснения ситуации в

Долинское был направлен следователь. Информация о том, что немцы с. Долинского хотят послать делегатов М.И. Калинину, достигла Отдела по работе в ауле и деревне Казахского крайкома. В связи с этим ответственный секретарь Акмолинского окружкома партии Юрков в докладной записке сообщал, что «Поселок Долинское Промышленного района представляет из себя мощное нацменовское (немецкое) село с самостоятелным сельским бюджетом» [11, с.23 - 24]. Однако в докладной записке Юркова не были отмечены причины недовольства крестьян села Долинского, а уж тем более не были указаны причины, почему они намеревались направить делегатов к Калинину. Из докладной записки следует, что секретарь окружкома ушел от прямого ответа. Рекомендация Отдела о работе в ауле и деревне Казахского крайкома сводилась к тому, что Акмолинский окружком должен проявить особое внимание к немецкому крестьянству, следствием чего должно явиться не допущение поездки делегатов в Москву.

Однако ситуация еще более обострилась в 1929 г., когда немецкое крестьянство перестало искать защиту в местных органах власти, которые только усиливали налоговый пресс. Помощь и поддержку немецкое крестьянство региона стремилось получить в германском консульстве. В селе Долинском для этой цели был избран делегат для поездки в Москву в германское консульство.

В конце 1920-х гг. немецкими селениями Центрального Казахстана являлись: Баронское (604 человека), Волынское (104 человека), Долинское (Гнаденфельд) (1869 человек), Краснокутское (316 человек), Крестовское (234 человека), Майоровское (1100 человек), Новокронштадское (535 человек), Новоузенское (212 человек), Самаркандское (748 человек), Саратов (105 человек), Сарепта (265 человек). Большая часть перечисленных селений относилась к Промышленному району Акмолинского округа [12, с. 296 - 297]. В связи с компактным проживанием немцев на территории Карагандинской области в 1930 – е годы имелось 20 немецких школ: в Карагандинском районе – 4 шко-

лы, в Тельмановском районе – 5 школ, в Новочеркасском районе – 4 школы, в Еркеншилинском районе – 2 школы, в Акмолинском районе – 5 школ. Количество учащихся в этих школах составляло 2725 детей, преподавание в этих школах проводилось на немецком языке [13, Л. 36 – 36 об.].

В связи со все нарастающим потоком эмиграции немецкого населения партийные и советские органы республики искали возможность по ее приостановке. Одним из вариантов было создание немецкого национального района. Так, например, в письме ЦИК отмечалось, что «выделение национальных меньшинств в особые административно – территориальные единицы является одной из основных задач национальной политики Советской власти на пути социалистического строительства» [14, Л. 46]. Еще в феврале 1930 г. в служебной записке на имя председателя национального райисполкома Вагнера писалось: «Орго Акмолинского окрисполкома в срочном порядке представило информацию о роде работ по созданию немецкого национального района» [15, Л. 4]. В связи с тем, что в постановлениях ЦК ВКП (б) и Казахского крайкома неоднакратно указывалось на необходимость создания немецкого национального района, 5 января 1930 г. бюро Акмолинского окружкома партии приняло постановление, в котором отмечалось, что «В целях наиболее полного обслуживания немецкого населения, как в экономическом, так и в культурно – политическом отношении, с учетом специфических национальных особенностей, организовать самостоятельный немецкий район» [16, с. 623].

В докладной записке Акмолинского окружкома партии высказывалось мнение, что в связи с созданием немецкого национального района улучшится обслуживание немецкого населения с учетом национальной специфики их образа жизни. Но главной целью создания национального района являлась ликвидация эмиграционных настроений.

Создать новую административную единицу предполагалось на территории Промышленного и Революционного районов, где в 180 населенных пунктах имелись 500 немецких хозяйств

с населением 8 150 человек. Бюро окружкома утвердило председателем национального райисполкома Вагнера. В марте 1930 г. Президиум КазЦик рассмотрел предложение Акмолинского окружкома партии по вопросу создания немецкого национального района, но аргументация Акмолинского окружкома партии о необходимости организации немецкого национального района не была принята во внимание. При очередной корректировке плана административно – территориального деления Казахстана 1930 г., это предложение просто не было учтено. А, следовательно, данный проект, предложенный Акмолинским окружкомом партии с учетом государственной национальной политики, реализован не был.

В начале 30-х гг. Карагандинская область становиться местом ссылки крестьян из кулацких хозяйств. Причем национальный состав депортированных крестьян в 1930 – х гг. был разнообразен. Основную массу депортированных «кулаков» составляли русские, украинцы и немцы. В результате проведения сплошной коллективизации на территорию Казахстана было насильственно переселено 189 тыс. человек из центральных областей России. Из этого числа 150 тыс. человек было размещено в районах нынешней Карагандинской, Павлодарской и Кокчетавской областей. Приток немецкого населения в Карагандинскую область увеличился во второй половине 1930 – х годов, когда депортационная политика, проводимая Советской властью, приняла массовый характер.

В 1931 г. в Центральном Казахстане была проведена экспедиция, целью которой было экономическое обследование сельского хозяйства и определение дальнейших перспектив его развития. В материалах экспедиции были опубликованы сведения и о немецких селениях. Так, в 1931 г. население Тельманского района и Карагандинского поселкового совета состояло из 3658 хозяйств, куда входили 7 немецких сельсоветов в количестве 911 хозяйств. Непосредственно в Тельманском районе находилось 474 хозяйства, в том числе по сельсоветам: Самаркандский (181 хозяйство), Сарептский (41 хозяйство), Красно-Кутский (132

хозяйства), Вольский (67 хозяйств), Просторный (53 хозяйства). В Карагандинском поселковом совете немецкое население проживало в Ново-Узенском сельсовете (92 хозяйства).

28 апреля 1936 г. Совнарком СССР принял постановление за № 776–120 СС «О переселении, как политически неблагонадежных, поляков с Украинской ССР в Казахскую ССР». В постановлении отмечалось, что переселение и организацию поселений в Карагандинской области Казахской АССР для польских и немецких семейств, переселяемых из УССР в количестве 15 000 хозяйств – 45 000 человек, по типу существующих сельскохозяйственных трудпоселков возложить на НКВД СССР.

17 января 1939 г. в СССР была проведена очередная перепись населения. Общая численность немецкого населения Казахстана в 1939 г. составила более 92000 человек [17, с. 295]. Численность немецкого населения на территории Центрального Казахстана к этому времени составила около 15000 человек. Распределение городского и сельского немецкого населения в Карагандинской области было прямо противоположным другим регионам: 51% немецкого населения являлись жителями городской местности и 49% – сельской [18, Л. 18–19]. Причины столь высоко процента городского населения были связаны с активным промышленным строительством в Центральном Казахстане в 1930-е гг.

28 августа 1941 года Президиумом Верховного Совета СССР был издан Указ об упразднении немецкой автономной области в Поволжье, 12 сентября и 8 октября 1941 года ЦК ВКП(б) и СНК СССР были приняты постановления «О расселении немцев Поволжья» и «О переселении немцев из Грузинской, Азербайджанской и Армянской ССР», узаконившие массовую депортацию советских немцев. Основная масса немцев была расселена в Казахстане и Средней Азии, в районах Сибири.

ЛИТЕРАТУРА:

1.Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Киргизский край. СПб 1889. т. 18.

2. Центральный Государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф-И 369. Оп. 1. Д. 9487. Л.12.

3. ЦГА РК Ф-И 64. Оп.1. Д. 4711. Л. 56.

4. ЦГА РК Ф – И 64. Оп. 1. Д. 5935. Л. 42.

5. ЦГА РК. Ф- И 369. Оп.1. Д. 9137. Л. 1.

6. ЦГА РК. Ф- И 369. Оп.1. Д. 9515. Л. 18 – 18об.

7. ЦГА РК. Ф- И 840. Оп. 1. Д. 1. Л. 181

8. ЦГА РК. Ф- И 369. Оп.1. Д. 9515. Л. 14 – 14 об.

9. ЦГА РК. Ф- И 369. Оп.1. Д. 9515. Л. 8 – 8 об.

10. Всесоюзная перепись населения 1926 г. – Т. VIII. – М.: ЦСУ СССР, 1928, с. 126 – 138.

11. Из истории немцев Казахстана. (1921 – 1941). Сборник документов. Алматы – Москва 1997.

12. Козыбаев М. К., Алдажуманов К.С.: Тоталитарный социализм: реальность и последствия. Алматы, 1997.

13. ЦГА РК Ф – И 1692. Оп. 1. Д. 137. Л. 36 -36 об.

14. ГААО Ф- И 27. Оп.1. Д. 156. Л. 46.

15. ГААО Ф – И 27. Оп. 1. Д. 13. Л. 4.

16. Чеботарева В.Г. Национальная политика Российской Федерации 1925 – 1938 гг. –Москва0 2008.

17. Козина В.В. Народонаселение Центрального Казахстана (конец XIX – XX вв.). – Алматы, 2002.

18. ЦГА РК Ф – И 698. Оп. 21. Д . 45. Л. 18 – 19.

Уалиева С.К., Шеденова Н.У.

ОТНОШЕНИЕ «РУССКОГОВОРЯЩИХ» КАЗАХОВ К ИЗУЧЕНИЮ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ГЛУБИННЫХ ИНТЕРВЬЮ У ЛИЦ КАЗАХСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ)

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы отношения к изучению

государственного языка «русскоговорящими» казахами. Они получили образование на русском языке и прошли социализацию в советский период в городской русской среде. Исследование основано на анализе глубинных интервью, в выборке представлены респонденты разных возрастов и гендерной принадлежности.

Особый интерес представляет выявление основных мотивов и сценариев освоения и применения казахского языка «русскоговорящими» казахами в повседневной жизни в советский период и в современное время. Материалы интервью демонстрируют полярность мнений респондентов: от стремления выучить и освоить казахский язык до позиции, что для этого нет особой необходимости и мотивации. Безусловно, это показывает разнообразие мнений в обществе, от переосмысления создавшейся ситуации, поиска путей решения вопроса и вплоть до игнорирования.

В целом, расширяется регулярное использование казахского языка «русскоговорящими» казахами, однако происходит это очень медленно. Результаты нашего исследования показывают, что для русскоязычных казахов важна поддержка и толерантное отношение со стороны свободно владеющих государственным (казахским) языком.

Ключевые слова: «русскоговорящие» казахи, образование, идентичность, повседневная жизнь.

Abstract

The article considers issues of attitude towards learning the state language «Russian-speaking» Kazakhs. They were educated in Russian and socialized during the Soviet period in an urban Russian environment. The study is based on an analysis of in-depth interviews, with respondents of different ages and genders.

The identification of basic motives and scenarios of development and application of Kazakh language by «Russian-speaking» Kazakhs in daily life during the Soviet period and in modern times is of particular interest. The interview materials show the polarity of respondents' opinions: from the desire to learn and master the Kazakh language to the position that there is no special need or motivation for this. Certainly, this shows the diversity of opinions in society, from rethinking the situation, to finding ways to solve the issue and even ignoring it.

In general, the regular use of Kazakh language «Russian-speaking» Kazakhs is expanding, but it happens very slowly. Our research shows that for Russian-speaking Kazakhs, support and tolerance from those who speak the state (Kazakh) language is important.

Keywords: «Russian-speaking» Kazakhs, education, identity, everyday life.

В настоящее время, в свете изменений, происходящих в обществе, вопрос использования государственного казахского языка в повседневной жизни становится весьма актуальным, особенно для регионов со смешанным этническим составом, какими являются г. Усть-Каменогорск и г. Алматы. В фокусе нашего внимания так называемые «русскоговорящие» казахи, получившие образование на русском языке, и прошедшие социализацию в советский период в городской русской среде. Особый интерес представляет выявление основных мотивов и сценариев освоения и применения казахского языка «русскоговорящими» казахами в повседневной жизни в советский период и в современное время.

Целью нашего исследования является: выявить факторы и особенности, понять мотивы и причины в освоении либо отторжении казахского языка «русскоговорящими» казахами в условиях возрождения казахской культуры, «деколонизации сознания», роста применения казахского языка в стране на примере двух кейсов – г. Усть-Каменогорска как «русскоговорящего» города и г. Алматы как города, имеющего смешанный характер по функционированию казахского языка.

В изучении данной проблематики имеется ряд исследований, затрагивающих вопрос владения казахским языком в раз-

ные периоды времени. В работе Джусуповой Р.С. [1] рассматривается языковая ситуация в Казахстане, преобразования советской власти в сфере казахского языка, советское наследие и каким образом меняется ситуация с советских времен.

В книге Жакупова Ж. о шала-казахах, 2009 года издания, поднимаются вопросы языка в стране, рассматриваются современное состояние казахского языка, вопросы двуязычия. При этом автор отмечает, что двуязычие в Казахстане - это «огромный дар, который необходимо использовать с пользой» [2].

В совместной работе Saule K. Ualiyeva and Adrienne L. Edgar [3] рассматриваются вопросы идентификации людей смешанного происхождения, из межнациональных браков в Казахстане в советское время, и каким образом владение языками влияло на самоидентификацию. Проанализирована ситуация, как происходило создание «единого советского народа», как родители людей, вступивших в межэтнический брак, стремились в советские годы обучить детей русскому языку без акцента, поскольку, по их мнению, это могло повлиять на дальнейшую карьеру и успешность в советском обществе.

В монографии Adrienne Edgar [4] рассматриваются вопросы межэтнических браков в Центральной Азии в советский период, есть отдельная глава про смешанные семьи и русский язык. Автор отмечает, что по материалам глубинных интервью люди межэтнического происхождения в советское время стремились знать и говорить в большинстве своем на русском языке. Эдгар А. показывает, что русский язык был «советской лингва франка», и это была весьма неоднозначная политика.

В работе Мустояповой (Керней) А. [5] речь идет о деколонизации сознания, о переосмыслении советского прошлого, об освобождении от мифов. Данная работа имеет важное значение в контексте поднятия национального самосознания, в новом осмыслении коллективной травмы и освобождении от нее.

В написании статьи использованы исторические и социологические методы. На основе глубинных интервью, получены интересные материалы анамнестического анализа данных. В

выборке представлены информанты разных возрастов и гендерной принадлежности. Безусловно, социальные науки в последнее время по-новому осмысливают и используют нарративные методы.

Одним из важных был вопрос о влиянии языка обучения, поскольку, начиная с начальной школы, обучение формирует и мышление, и мировоззрение. В данном аспекте ключевая роль советского наследия состояла в том, что в городе возможности обучения на казахском языке практически не было, во всех сферах доминировал русский язык и соответствующая идеология, что «русский язык, как язык межнационального общения, сближает народы». Конечно, роль советского прошлого весьма значима, и инертность мышления продолжает играть свою роль, поскольку получив полное образование на русском языке, сложно изменять мышление и выходить из зоны языкового комфорта, переход на казахский язык требует существенных усилий. В исследовании поставлены вопросы, что будет этому способствовать и как мотивировать людей.

Информант «Гулмайда Сабырова» (псевдоним) [6], 49 лет, женщина, сфера образования, на вопрос про язык обучения и как повлияло это на её жизнь, отмечает, что она училась на русском языке. «Да, конечно, это повлияло на мою жизнь, потому что, в принципе в то время, в Усть-Каменогорске школ с казахским языком обучения не было, кроме школы-интерната имени Джамбула, где учились сельские дети.»

На вопрос употребления языка в повседневном общении, «Гулмайда» отмечает: «навыки повседневного общения – да, в магазине, дома, стараемся говорить на казахском, но хотя конечно есть сопротивление небольшое. Вот буквально несколько дней назад, я своему мужу сказала, давай говорить дома на казахском, потому что если мы с тобой это не начнем делать, то наши дети никогда не будут этого делать» [6].

По поводу того момента, что подвигло на изменение отношения к языку, наш информант отмечает: «1) наверное, большое влияние на меня оказали вот тот запрос в обществе, который

сейчас хорошо сформировался, и сейчас в социальных сетях, и везде эта тема активно поднимается, я думаю, это правильно. Большое влияние на меня оказал конечно же «Қантар», и нападение России на Украину; 2) большую роль сыграла, конечно, вот эта новая волна молодых, одаренных наших людей, которые начали создавать хиты на казахском; 3) большую, определенную роль сыграли наши тои, как бы ни говорили, если ходишь каждую субботу на той, там, где ставится казахская музыка, на казахском ведётся все, какие-то традиции, обычаи там начинают транслироваться. Это сыграло роль» [6].

Каким образом можно изменить ситуацию с языком, «Гулмайда» отвечает: «Ну вот сейчас нужно казахский язык сделать трендом! Прямо тренд, тренд! И прямо это популяризировать, чтобы это артикулировалось буквально каждым человеком, то есть, нужна такая мощная популяризация, может быть где-то мягкое давление, потому что пока давления нет, человек живет в таком комфортном состоянии. Например, почему мы не делали этого 30 лет, потому что мы не хотели выходить из зоны комфорта. Только когда ситуация вокруг изменилась, понимаешь, что это все-таки огромное упущение. Это такое культурное упущение. Это такой культурный удар по нашей национальной идентичности, то что мы это время упустили, это надо признать» [6].

Такое глубокое осознание респондентом современной ситуации заслуживает особого внимания, что свидетельствует о том, что эти вопросы анализировались, обсуждались, и сформирована собственная позиция. Следует подчеркнуть, что «Гулмайда» относится к именно к той части национальной интеллигенции, которую волнуют вопросы идентичности, культуры, языка. И пробуждение осознанности у ведущей научной и культурной интеллигенции будет способствовать дальнейшим положительным изменениям в обществе, осмыслению самими «русскоговорящими» казахами восприятия и употребления казахского языка.

Другой информант, Курманова Даметык Тайтуковна [7], 61 год, женщина, образовательная деятельность, отмечает, что она

на русском языке закончила и школу, и педагогическое училище, и институт. «Мы все обучались на русском языке. Это очень повлияло на мою жизнь, если бы изучали казахский язык, мне было бы намного легче конечно. Если бы мы в школе изучали казахскую литературу, казахский язык».

По поводу употребления казахского языка в повседневной жизни, Курманова Д.Т. отмечает: «вообще я согласна, раз собирается народ казахской национальности, почему они разговаривают на русском, тут надо мировоззрение как-то менять. Вот мы на кафедре собрались четыре преподавателя казахской национальности, и все равно разговариваем на русском. Вроде пытаемся, давайте будем разговаривать, начинаем, завершаем все равно на русском. У нас нет такого человека, который постоянно бы нас стимулировал и говорил» [7]. Таково мнение взрослого информанта, конечно, все изменения начинаются с нас самих, и для этого нужны определенные условия и усилия, и личности, способные реально действовать. Права Курманова Д.Т., отмечая, что мировоззрение нужно менять, и для этого нужны совместные усилия.

Следующее интервью было проведено с «Инарой Мухамеджановой» (псевдоним) [8], 46 лет, сфера финансов. На вопрос о том, насколько нужен казахский язык, как язык повседневного общения, рабочей деятельности, она ответила следующим образом: «Минимально, мне только на базаре приходится говорить, больше нигде не приходится говорить. На работе абсолютно не нужен, потому что у нас в основном коллектив, все говорят на русском языке, при необходимости у нас есть переводчики, что на английском, что на казахском. Все, поэтому я могу только пару слов сказать на базаре только, и то, очень редко, в основном все разговаривают на русском, проблем не было никогда.» Таким образом, в повседневной жизни казахский язык она не использует.

В отношении семьи, «Инара» отметила: «только мама говорит на казахском, а так, все сестры, братья двоюродные разговаривают на русском. Друзья у меня все русскоговорящие, мне

тяжело найти друзей, кто бы общался на казахском. Нет, везде, где прихожу, мне легче сформулировать мысль на русском. Если даже я вижу, что человек меня не понимает, мне тяжело будет ему объяснить, что я хочу» [8].

По поводу мотивации, «Инара» отметила, что: «для практичных людей, мотивация только то, что приносит доход. Все мы люди, и должны что-то есть и что-то зарабатывать. Хотя я понимаю, что у каждого человека должно быть хобби, но язык тяжело отнести к хобби. Поэтому мотивации у меня нет» [8]. Вот такой однозначный ответ человека средних лет, которая в ходе интервью обозначила, что совсем не задумывалась об этом вопросе, поскольку не было необходимости.

Информант Елюсизов Рустам [9], 18 лет, студент, на вопрос о положительных изменениях в развитии казахского языка в стране ответил: «в стране появился большой прирост использования казахского языка. Это очень радует, появилось множество статей, каналов в интернете, которые способствуют развитию казахского языка у молодежи. Так же сама молодежь, ребята, которые учатся в школе, либо уже в университете, они начали активно использовать казахский язык. И как я уже говорил, на государственном уровне в стране в плане кинематографа и музыки очень поднялись, это тоже способствует изучению казахского языка.»

На вопрос о круге его общения, Рустам отмечает: «тут немножко сложно идет, поскольку весь мой круг общения идет со школы, я учился в русском классе. Мы стараемся общаться на русском, но также у каждого есть личная жизнь, и ребята некоторые рассказывают, что они на работе, где-то в группе своего университета, в общежитии также изучают казахский язык и общаются на нем» [9]. Таким образом, среди молодежи наблюдаются определенные подвижки в направлении изучения и использования казахского языка. В этом отличие от старшего поколения, в новых установках и подходах.

Интересные материалы получены в Алматы. Так, информант Досекенов Мурат [10], 54 года, музыкант обучался в вузе

математике, коренной алматинец, школьное и высшее образование получил на русском языке, отмечает, что в свое время урок казахского языка в школе помог ему узнать синтаксис языка, но занятия 1-2 раза в неделю были недостаточны, чтобы обучиться казахскому языку.

Вместе с тем, это стало основой дальнейшего самостоятельного освоения языка. «Базовые знания, полученные в школе, помогают мне осваивать язык дальше. По мере необходимости я нахожу новые слова, их смысл, нахожу возможности выражать их, понимать. Развиваю навыки понимания, чтения, разговорного языка. Стараюсь читать, но многие смыслы я не понимаю, мне приходится обращаться к словарю, уже там находить скрытые формы, речевые фразы, двойные смыслы, сравнения, переплетения языка» [10]. Мурат периодически слушает новости на казахском языке, подкасты, улавливая в целом смыслы.

В повседневной жизни говорит на казахском на улице, в магазинах, на базаре, на работе старается говорить на нем с казахоговорящими гражданами. «Исключение составляют те, с кем я привык говорить по-русски» [10]. Это часть родственников, как правило, алматинцев, друзья. Но с родственниками из регионов страны, где главный язык казахский, особенно со старшими, он разговаривает и переписывается в мессенджерах на казахском, отмечая, что делает это вполне грамотно, без ошибок. Если ему не хватает казахского языка, они прекрасно понимают на русском. «Некоторые фразы на казахском для меня гораздо убедительнее, чем на русском. В бытовых, житейских обстоятельствах превалирует казахский язык на 90%» [10]. Официальную бумагу может написать со словарем. Однако ему не хватает знания на уровне литературного языка, практики разговора. Мурат отметил, что была ситуация, что как-то к с ним русскоговорящий казах также пытался начать разговор на казахском, но потом они перешли на русский.

В его родительской семье в советское время говорили по-русски, хотя родители прекрасно владели обоими языками. «Но, видимо, в то время русский язык был доминирующим язы-

ком, он имел перспективы, для меня как для ребенка в плане школы, потом высшего образования, дальнейшего обучения» [10]. Также от отмечает важность английского языка, на котором больше профессиональной информации. В детстве он практически не говорил по-казахски, хотя и понимал разговорную речь, спрашивал у родителей, что означает непонятная фраза. Мурат начал говорить на казахском языке, попав в казахоязычную среду в период служения в армии, и, хотя сослуживцы прекрасно понимали по-русски, он не хотел отставать от них и освоил бытовой язык, после старался уже говорить по-казахски.

Главным недостатком русскоговорящих казахов является то, что «мы не знаем казахский язык в том объеме, которым владеем русским языком. Если говорить о трехъязычии, то должно быть равное владение тремя языками» [10]. Мурат старается читать новости и на казахском языке, используя также онлайн переводчики, потому что освещение событий на казахском языке может быть другое. Как музыкант, Мурат особо слушает песни на казахском, «не все я понимаю, но мне нравится мелодика самого языка, она вообще уникальна… Если я хочу разобраться в тексте песни, я скачиваю ее и перевожу для себя. Стараюсь со всеми смыслами, фразеологическими оборотами разобраться» [10].

В действительности, пример Мурата, это показатель того, как «русскоговорящая» казахская творческая интеллигенция старается освоить казахский язык, материалы его интервью подтверждают, что желание человека очень много значит, его кропотливый труд в изучении, его стремление понять контексты и смыслы казахских песен. Особенно важно отметить, что у него произошло на глубинном уровне осознание идентичности, что дает такие прогрессивные результаты.

Его супруга училась на русском языке, дети также. Мурат отмечает: «не считаю, что было ошибкой, когда мы приняли решение отдать детей учиться в русской школе, это было веяние времени, на тот момент времени, это был мой личный взгляд и взгляд супруги на общество» [10]. Это было продиктовано желанием дать детям качественное образование, к чему они отнеслись очень серьезно, выбирая для них школу. Пока для его детей нет мотивации изучать казахский язык, хотя они его понимают, но не говорят на нем. Но, он полагает, если они попадут в ситуацию, где казахский будет превалировать, это заставит их выучить язык. В пример, он приводит свою маму, которая училась в русской школе, но, когда ей пришлось, будучи преподавателем университета, читать лекции по философии на казахском языке, она смогла это сделать.

Вместе с тем, есть существенные трудности с социализацией в казахоязычной среде детям из русскоговорящих семей. Информант «Айгуль Садвакасова» (псевдоним) [11], 42 года, психолог по образованию, преподает в университете, родилась в деревне Тюменской области РФ, в начале 1990-х с родителями перехали в город Петропавловск, где прожила около двадцати лет, и пять лет проживаетв г. Алматы. Обучалась на русском языке в школе и униерситете, ее супруг учился в первом наборе казахского класса в Петропаловске, и также на казахском учился в университете.

«Айгуль» отмечает, что у нее по сути не было выбора языка обучения, но сейчас для продолжения профессионального обучения она бы выбрала английский язык, поскольку на нем больше накоплено знаний. Их семья столкнулась с тем, что ребенку сложно оказалось учиться на казахском языке. До 4-го класса он обучался в казахской школе в Петропавловске, однако через полгода они переехали, и возникли определенные сложности: «с освоением материала на казахском языке из-за его недостаточного знания, его стали буллить в школе, называть «орыс бала», я подумала, что ему будет более комфортно в той среде, где он знает язык» [11]. Ребенка перевели в русскую школу, он адаптировался, нашел друзей. В данном случае переезд, перемена школы, и, пожалуй, языковая среда дома, все это в совокупности оказали наибольшее влияние. В любом случае, следует отметить желание родителей дать образование на родном языке, хотя и получилось это только в начальной школе, тем не менее,

для будущего ребенка это важно, как для изучения других языков, так и освоения казахского.

Респонденты получили образование на русском языке, при этом часть респондентов отдали своих детей учиться на казахском языке в современный период, а часть выбирают русскоязычные школы, потому что так им легче самим, как они говорят. Причины сложившейся ситуации в обществе понятны. Теперь важно осознать, каким образом это возможно изменить, какие методы использовать. Респонтент «Инара» отметила, что само участие в интервью стало поводом для нее задуматься над этим вопросом. Как отмечает Марат, это «должен быть выбор родителей, которые должны отвести детей в детский сад, где им привьют казахский язык» [10], впрочем, такая позиция показывает, что выбор родителей важен безусловно.

Наблюдения в городе Усть-Каменогорск, в 2023 на сдаче экзамена «КазТест», где оказались закончившие школу на казахском и на русском языках, из совершенно разных структур и профессий. При этом, в перерыве все разговаривали на русском языке друг с другом, что отразило определенные установки в подсознании, что на русском говорить «круче», и это проще в таком городе. В то же время, надо подчеркнуть, что необходимость сдачи «КазТеста» продиктована необходимостью сертификата для поступления в докторантуру или на программу «Болашак». По нашему мнению, это хороший метод для стимулирования изучения казахского государственного языка научной молодежью.

В городе Алмате наблюдение показывает, что казахский язык в повседневном общении на улицах, магазинах, в учреждениях больше превалирует, по сравнению с востоком. Так, на теннисном корте группа молодых людей, включавшая себя парней и девушек, общались между собой на казахском языке. Выяснилось, что язык их обучения казахский, часть из них еще являются студентами. Следует отметить, что с учетом затрат, играть в большой теннис могут позволить себе представители обеспеченных семей, и наблюдаемые как раз являются городскими казахами. Они представляют новое поколение, имеющее определенный статус в обществе, мыслят, разговаривают и обучаются на казахском языке, в отличие от советского прошлого, когда больше возможностей было у тех, кто хорошо владеет русским языком.

В фокусе нашего изучения было повседневное употребление казахского языка «русскоговорящими» казахами в городах, где прежде абсолютно доминировал русский язык общения, осознание самими информантами, насколько они могут и для каких задач они употребляют казахский язык. В целом, в условиях повышения значимости казахского языка и расширения сфер его функционирования постепенно расширяется регулярное использование казахского языка «русскоговорящими» казахами в рассмотренных нами городах – г.Усть-Каменогорске и г.Алматы. Однако происходит это достаточно медленно, что определяется средой общения, сферой деятельности информантов. На мотивацию изучения и использования казахского языка положительно влияет развитие современной музыки, создание новых интересных фильмов на казахском языке, его более широкое использование в медийном пространстве – в подкастах, Инстаграмме, Тик-токе.

Результаты научного исследования показывают, что для русскоязычных казахов важна поддержка и толерантное отношение со стороны свободно владеющих государственным (казахским) языком. На их основе выдвигаются рекомендации по развитию действенных способов развития языковых навыков «русскоговорящих» казахов через разговорные клубы, создания дружелюбной, поддерживающей среды коллегами на работе, знакомыми и родными, горожанами.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Джусупова Р.С. Языковая ситуация в Республике Казахстан: история и современные реалии. // «История и культура Центральной Азии и Казахстана: исследования молодых.» - Алма-

ты: «Аль-Фараби», 1998. – С.207-213.
2. Жакупов Ж. Шала қазақ: прошлое, настоящее, будущее. - Алматы, 2009. – 150 с.
3. Saule K. Ualiyeva and Adrienne L. Edgar “In the Laboratory of People’s Friendship: Mixed People in Kazakhstan from the Soviet Era to the Present” // chapter in the book «Global Mixed Race», Edited by Rebecca C. King-O’Riain, Stephen Small, Minelle Mahtani, and Paul Spikard. - NYU Press, 335 pages, p. 68-90, 2014.
4. Adrienne Edgar «Intermarriage and the friendship of peoples. Ethnic mixing in Soviet Central Asia» / Adrienne Edgar. – Cornell University Press, 2022. – 284 p.
5. Мустояпова А. Деколонизация Казахстана. / Алматы: AmalBooks, 2022. – 268 с.
6. Интервью с «Гулмайда Сабырова» (псевдоним), г. Усть-Каменогорск, 3.02.2023.
7. Интервью с Курманова Даметык Тайтуковна, г. Усть-Каменогорск, 7.03.2023.
8. Интервью с «Инара Мухамеджанова» (псевдоним), г. Усть-Каменогорск, 15.02.2023.
9. Интервью с Елюсизов Рустам Арманович, г. Усть-Каменогорск, 10.03.2023.
10. Интервью с Досекеновым Маратом, г. Алматы, 03.02.2023.
11. Интервью **с «**Садвакасовой Айгуль**» (**псевдоним), г. Алматы, 14.02.2023.

Эбель Е. М.

ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ГОРНОМ АЛТАЕ

Аннотация

В статье автор проследил последовательность проведения Всесоюзных переписей населения и их значимость при изучении социально-демографических процессов, происходящих в Горно-Алтайской автономной области. В статье рассмотрено значение переписей населения для получения информации, характеризующей численность, национальный состав населения региона, в том числе и по показателям, которые не являются объектами текущего учета населения. Показана значимость переписей населения как исторического источника для исследователей с целью проведения комплексного анализа социально-экономического и демографического развития населения на территории Горного Алтая.

Ключевые слова: исторический источник, алтайцы, титульная нация, перепись населения, Ойротская автономная область, население, архивные документы.

Abstract

In the article, the author traced the sequence of the All-Union population censuses and their significance in the study of the socio-demographic processes taking place in the Gorno-Altai Autonomous Region. The article considers the importance of population censuses to obtain information characterizing the number, national composition of the region’s population, including indicators that are not objects of current population records. The importance of population censuses as a historical source for researchers in order to conduct a comprehensive analysis of the socio-economic and demographic development of the population in the territory of Gorny Altai is shown.

Keywords: historical source, Altaians, titular nation, population census, Oirot Autonomous Region, population, archival documents.

Среди актуальных проблем особое место занимают вопросы демографической статистики. Изучение ретроспективных исследований современных социально-демографических процессов имеет не только научное, но и практическое значение, а также содействует определению путей формирования современной концепции и реализации приоритетных национальных

проектов. Статистические данные о населении, полученные в ходе проведения переписей являются важным источником информации для принятия ключевых решений в социально-демографическом развитии как страны в целом, так и субъектов Российской Федерации.

Переписи населения в сочетании с данными текущей статистики становятся надежной информационной поддержкой при разработке государственных программ социальной и семейной политики, в реализации мер, направленных на улучшение демографических процессов в Российской Федерации. Вся эта информация имеет огромное практическое значение, и может быть, использована при принятии управленческих решений.

За период становления государственности на территории Горного Алтая от уезда к республике, произошли значительные изменения в административно-территориальном устройстве, в составе населения, его расселении и уровне образования.

Республика Алтай (РА) образована в 1991 г., столицей является г. Горно-Алтайск, с населением 64 508 чел. (2024 г.).

В начале XX в. Горный Алтай находился в составе Бийского уезда, Алтайской губернии. 7 марта 1918 г. Учредительным съездом было принято решение об образовании Каракорум-Алтайского округа с центром в Улале. В декабре 1919 г. Каракорумский уезд был ликвидирован, Горный Алтай вновь был введен в состав Бийского уезда Алтайской губернии. Для управления регионом в Улале, Шебалино и Уймоне были образованы революционные комитеты (ревкомы), с подчинением Бийскому ревкому. 17 февраля 1921 г. Сибревком принял постановление «Об образовании самостоятельного Горно-Алтайского уезда Алтайской губернии» с административным центром в с. Алтайское.

1 июня 1922 г. был принят Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) «Об образовании автономной области Ойротского народа». Горно-Алтайский уезд был преобразован в автономную область с административным центром в Улале. В состав новообразованной области вошли 20 волостей Горно-Алтайского уезда и волости, изъятые

из Бийского уезда, Алтайской губернии. С образованием 25 мая 1925 г. Сибирского края Ойротская автономная область находилась в подчинении Сибирского краевого исполнительного комитета. В область вошли 10 аймаков (районов): Лебедской (с. Турочак), Успенский (с. Чоя), Улалинский (с. Улала), Чемальский (с. Чемал), Шебалинский (с. Шебалино), Горно-Онгудайский (с. Онгудай), Усть-Канский (с. Усть-Кан). Чулышманский (с. Чулышман), Кош-Агачский (с. Кош-Агач), Уймонский (с. Катанда). В 1928 г. село Улала получила статус города, 23 июня 1932 г. переименован в г. Ойрот-Тура. 30 июля 1930 г. постановлением ВЦИК был образован Западно-Сибирский край, в состав которого вошла Ойротская автономная область. 28 сентября 1937 г. был образован Алтайский край, и Ойротская автономная область была включена в его состав. В 1948 г. Ойротская автономная область была переименована в Горно-Алтайскую автономную область, а г. Ойрот-Тура – в г. Горно-Алтайск, Ойрот-Туринский район – в Майминский [1, с.21-25].

Население Горного Алтая является многонациональным, по итогам переписи населения 2021 г. зарегистрированы представители более 91 национальности. Алтайцы – тюркоязычная этническая группа Алтая. Самоназвание алтайцев – алтай-кижи, «человек Алтая». В 1922-1948 гг. в отношении алтайцев применялся этноним ойроты. Выделены этнографические группы северных (в дореволюционной литературе – черневые татары) и южных алтайцев (в дореволюционной литературе их именовали калмыками белыми, алтайскими, горными, порубежными, бийскими). Северные алтайцы, в связи с особенностями происхождения, относятся к уральскому типу, южные – к центрально-азиатскому и южно-сибирскому типу. Алтайцы принадлежат к алтайской языковой семье киргизо-кыпчакской подгруппе восточной ветви тюркской группы. В прошлом они делились на 8 родоплеменных групп-сеоков в зависимости от хозяйственной деятельности.

К северным алтайцам относятся тубулары (туба-кижи), проживающие в Чойском и Турочакском районах, челканцы – в Ту-

рочакском районе, кумандинцы – в Турочакском районе (по р.р. Лебедь и Бия), шорцы – в Чойском и Турочакском районах.

К южным алтайцам относятся собственно алтайцы или алтай-кижи, теленгиты, телесы, телеуты. Алтай-кижи сосредоточены в Онгудайском, Усть-Канском, Шебалинском и Майминском районах. Теленгиты в Улаганском и Кош-Агачском (долины Чуи, Аргута). Телеуты компактно проживают в Шебалинском и Майминском районах. Телесы – в Улаганском районе [2, с. 3-4].

В 1993 г. статус коренных малочисленных народов получили телеуты и кумандинцы, а в 2000 г., наряду с теленгитами, тубалары и челканцы. В советской и российской этнографической литературе они рассматривались как субэтнические группы в составе алтайцев и учитывались в переписях 1959, 1979 и 1989 гг. как алтайцы, а большая часть кумандинцев и телеутов, особенно вне пределов Горно-Алтайской автономной области, – как татары. Современная этническая ситуация в алтайской группе характеризуется стремлением «северных» алтайских групп отделиться от «южных». В сложных социально-экономических условиях у телеутов, кумандинцев и челканцев появилась возможность войти в Единый список коренных малочисленных народов России и получать федеральную помощь. Курултай казахов также ходатайствовал перед администрацией президента РФ о наделении алтайских казахов статусом «малочисленного этноса», а в пределах республики – статусом «коренного народа», третьего по численности после алтайцев и русских [2, с. 8].

Первая перепись проводилась 9 февраля (28 января по старому стилю) 1897 г. Единицей наблюдения было хозяйство, на которое и составлялся переписной лист, содержащий 14 пунктов. Программа переписи включала в себя социально-демографические характеристики опрашиваемых, брачное состояние, место рождения, вероисповедание, родной язык, грамотность и занятие. Проведённая перепись впервые дала возможность получить относительно полные данные о численности и национальном составе населения Российской империи. Итоги первой всеобщей переписи России были опубликованы в 89 томах

(110 книг) [3, с.11]. В 1897 г. в Горный Алтай была направлена специальная статистико-экономическая экспедиция, организованная Управлением Горного округа под руководством главного сотрудника Статистического отделения Главного управления Алтайского округа С.П. Швецова. Ими были проведены обследования переселенческих поселков, заимок русского и оседлого алтайского населения, быт и хозяйство кочевников.

При переписи 1897 г. в Горном Алтае было выявлено 68 родов (сеоков) [4, с. 20] и учтено 582 населенных пункта, в том числе 80 сел (деревень, поселков, заселков), 86 аилов, представлявших мелкие оседлые поселки, 44 заимки и 377 урочищ (кочевий, стойбищ). Все поселения, за исключением урочищ, являлись оседлыми. В селах проживало 43,6% всего населения, в том числе 28,3% алтайцев, в аилах – 1,2%, заимках – 0,2% и в урочищах – 56%, в том числе – 70,6% алтайцев. Если практически все русское и северо-алтайское население Горного Алтая было сосредоточено в селах и деревнях, то преобладающая часть алтайцев расселялась по кочевьям. Полукочевой образ жизни сохранялся среди алтайцев семи дючин и двух Чуйских волостей, кочевой с элементами полукочевого – среди чуйских казахов.

Население Горного Алтая составило 41 983 тыс. человек, из них 21110 мужчин и 20873 женщины. Разноплеменное, разноязычное население занималось в основном скотоводством. Кочевое население составляло 71.8%, 28% населения вели оседлый образ жизни, занимались земледелием и охотничьим промыслом. По переписи 1897 г. национальный состав выглядел следующим образом, алтайцы (ойроты) составляли 50,6 %, теленгиты –12,7 %, телеуты –14,1 %, тубалары – 10,9 кумандинцы – 9,5 % и чалканцы – 2,2 % всего коренного населения Бийского уезда [3, с. 32,64].

В течение советского периода было проведено девять переписей населения: в 1920,1923,1926,1937,1939,1959,1970,1979,1989 гг. и постсоветское 2002, 2010, 2021 гг.

Вторая перепись населения несколько раз откладывалась с

1910 на 1915 г., но не состоялась из-за Первой мировой войны, и была проведена лишь в 1920 г. Перепись населения проводилась одновременно с сельскохозяйственной переписью и переписью сохранившихся промышленных предприятий. На территории Горного Алтая было учтено 86 673 тыс. человек [5, с.67].

В 1923 г. была проведена перепись городского населения, особенностью которой стала разработка не только личного листа (т.е. единицей наблюдения был и отдельный гражданин), но и семейной карты.

Следующая всеобщая перепись населения была проведена в декабре 1926 г., в течение двух недель для сельского населения и недели для городского. Программа переписи разрабатывалась в течение двух лет.

Как и предыдущие переписи, учитывалось не только наличное население, но и жилой фонд. Программа переписи была сокращена до 14 вопросов, особенностью ее было изучение национального состава населения и характера занятости. Кроме личного листка для городского населения использовалась семейная карта, в которой было 20 вопросов о составе семьи, отношении друг к другу ее членов [6, с. 13-20].

Результаты переписи были опубликованы в 56 томах и остаются до сих пор образцом как по методологии, так и по представлению результатов. Итоги переписи населения имели большое значение для текущего и перспективного планирования отраслей народного хозяйства, развития экономики страны, здравоохранения, культуры.

Сибирским краевым статистическим отделом были опубликованы списки населенных мест по 20 округам Сибирского края, десятый выпуск был посвящен Ойротской области. Данное издание содержало информацию не только по населенным пунктам, но и труднодоступным местам автономной области, где на момент переписи находились люди. «Список домохозяев» позволил выявить численный состав населения по полу и возрасту, а также определить преобладающую народность в каждом отдельном населенном пункте.

Источником при составлении списка населенных мест послужил «Поселенный бланк», подготовленный Сибкрайстатуправлением, который дал возможность охарактеризовать каждый населенный пункт, его месторасположение и расстояние до административного, экономического или культурного центра. В Ойротской автономной области переписью 1926 г. было охвачено 925 населенных пунктов (924 сельских и 1 городской). Население составило 99632 тыс. человек, из них: русских – 51912, алтайцев – 35601, телеутов – 344, теленгитов – 3414, кумандинцев – 1384, шорцев – 7, казахов – 2326, ойратов – 1477 [7, с. 51].

Очередная перепись была запланирована на 1933 г., но проведена в январе 1937 г. Особенностью этой переписи было то, что она, как перепись 1897 г., была задумана как однодневная, но это требовало предварительного заполнения переписных листов, и более 1,1 млн работников были заняты в кампании по переписи населения.

В программу переписи были включены вопросы о религии, общественных группах, к которым принадлежит переписываемый, его образовательный статус. Но были исключены вопросы о миграции населения, изменена формулировка вопросов о семейном положении.

Данные переписи населения 1937 г. были признаны недействительными, засекречены, и доступ к ним был разрешен после распада СССР, а многие организаторы переписи были репрессированы.

Архивные данные свидетельствуют о том, что на территории Ойротской автономной области переписная кампания прошла успешно, все подготовительные работы проведены в соответствии с требованиями. Докладная записка «О проведении переписи населения в 1937 г. в Ойротской автономной области» подготовлена уполномоченным по переписи населения Ойротской автономной области начальник ОблУНХУ Лебедевичем.

В 1937 г. был образован Алтайский край, в который вошла и Ойротская автономная область, численность населения которой составила 150,2 тысяч человек, по национальному признаку

указана группа населения ойраты – 46508 [8, с.98].

С 1939 г. в практике советского переписного дела впервые было введено уголовное наказание за уклонение от переписи. Она продолжалась неделю в городах и 10 дней в сельской местности, учитывалось две категории населения – наличное и постоянное. При этом выписывался специальный документ – справка о прохождении переписи, затем проводились контрольные мероприятия в виде сплошного обхода. Переписной лист был отпечатан на 22 языках, инструкция по заполнению переписного листа на 15 языках.

Численность городского и сельского населения составила 162445 человек, 47% мужчины и 53% женщины. Проживало в сельской местности 85 % населения. Доля русского населения составила 70,5%, алтайского - 24,2%, казахского - 2,6 %. Грамотность населения в возрасте 9–49 лет, по сравнению с предыдущей переписью, выросла и составила 84,2%. Население по общественным группам распределилось следующим образом: рабочие составили 36,9%, служащие 16,2% и колхозники 44%.

Первая послевоенная перепись была проведена 15 января 1959 г. В программе переписи населения отсутствовал пункт о постоянном или временном проживании в данной местности, так как приводившиеся ниже вопросы дублировали его. Вопрос о грамотности был слит с вопросом об образовании. Перепись 1959 г. имела свои особенности, был установлен единый срок проведения переписи населения в 8 дней, ставший традиционным для всех последующих переписей.

По данным переписи 1959 г. численность постоянного населения Горно-Алтайской автономной области составила 156 тыс. человек, из них 69,4 тыс. – мужчины, 86,6 тыс. – женщины. 30 тыс. человек проживали в городской местности, 126 тыс. в сельской местности. По национальному составу - русских 69,8 %, алтайцев 24,2 %, казахов 3,0 %.

По сравнению с данными переписи 1939 г. доля грамотного населения (в возрасте 9-49 лет) увеличилась на 13,5% и составила 97,7% от общего числа постоянного населения области. Доля

грамотных мужчин составила – 98,9%, доля женщин – 96,6%. Отметим тот факт, что за 20 лет, прошедших после переписи 1939 г. число грамотных женщин, увеличилось на 19% [9, с. 23, 29, 40, 43, 50, 58, 59, 82, 85, 87].

Далее переписи населения становятся регулярными, с периодичностью раз в 10 лет. В организационном и методологическом отношении они соответствовали переписям 1939 и 1959 гг., но при проведении каждой из них вводились новшества.

При проведении переписи 1970 г., впервые в практике советских переписей ради экономии времени и средств, часть сведений была получена путем опроса у 25% жителей. В программу выборочной части переписи были включены 7 признаков: место работы, занятие, (для пенсионеров – прежнее основное занятие), характер и продолжительность работы в 1969 г. (для работавших в 1969 г. неполный год), общественная группа, продолжительность проживания в месте переписи, место предыдущего постоянного жительства и причина перемены места жительства.

Обработка материалов переписи проводилась на электронно-вычислительных машинах «Минск-32», которые помимо быстрого действия обладали широкими логическими возможностями для разного рода контрольных операций, а также печатали полученные результаты в виде таблиц.

Численность постоянного населения Горно-Алтайской автономной области составила 169,2 тыс. человек, из них 76,2 тыс. – мужчины, 93 тыс. – женщины. Русских 65,6 %, алтайцев 27,8 %, казахов 4,3 %. По сравнению с данными переписи 1959 г. численность населения возросла на 8,5%, при этом численность мужчин увеличилась на 9,8%, а численность женщин на 7,4%. Соотношение мужчин и женщин – 45% к 55% [10, с. 211, 240]. Процент грамотного населения в возрасте 9–49 лет составил – 99,4, грамотных мужчин – 99,6%, грамотных женщин – 99,3% [10, с.11].

При переписи 1979 г. учитывалось две категории населения - наличное и постоянное. Чтобы обеспечить полноту и правиль-

ность учета населения при переписи 1979 г., как и при прошлых переписях, были осуществлены контрольные мероприятия, составлялись контрольные бланки, выдавались справки о прохождении переписи, проводились контрольные обходы. Существенно отличалась от предыдущих организация и обработка материалов переписи населения 17 января 1979 г. Впервые в практике советской статистики записи, сделанные при опросе, вводились в ЭВМ с помощью специальных читающих устройств и записывались на магнитную ленту. Были добавлены новые вопросы, формулировки некоторых были скорректированы. Перепись дала обширные сведения об изменениях в составе населения, которые впоследствии широко использовались не только исследователями, но и при народнохозяйственном планировании.

При переписи 1979 г. впервые был поставлен вопрос о числе рожденных женщиной детей (для углубленного исследования динамики рождаемости и изучения факторов, влияющих на воспроизводство населения). Также при переписи были получены сведения о населении в трудоспособном возрасте, занятом в домашнем и личном подсобном сельском хозяйстве.

На момент переписи населения 1979 г. в составе Горно-Алтайской АО было 8 районов, 70 сельских советов, 261 населенных пунктов, численность постоянного населения составляла – 172 тыс. человек, из них 47,2 тыс. человек проживали в городской местности, а 124,8 тыс. человек в сельской местности. Наиболее многочисленными национальностями в области по данным переписи явились: русские 63,2% от общей численности населения, алтайцы 29,2% и казахи 5% [6, с. 93–94, 96,97-103].

Программа переписи населения 1989 г. содержала широкий круг вопросов, комплексно характеризующих социально-демографический состав населения, его размещения по территории страны. Она содержала 25 вопросов вместо 16 при переписи 1979 г.

Отличительной особенностью этой переписи было то, что впервые наряду со сведениями о населении были собраны сведения о жилищных условиях. Это позволило получить сведения о жилищных условиях различных социально-демографических групп населения во всех районах страны, о развитии жилищной кооперации, о степени обеспеченности людей жильем и его благоустройстве.

Горно-Алтайская автономная область на момент переписи населения 1989 г. состояла из 9 районов: Кош-Агачский (с.Кош-Агач), Майминский (с.Майма), Онгудайский (с.Онгудай), Турачакский (с.Турачак), Улаганский (с.Усть-Улаган), Усть-Канский (с.Усть-Кан), Коксинский (с.Усть-Кокса), Шебалинский (с.Шебалино), Чойский (с.Чоя), 79 сельских советов, 240 населенных пунктов.

Численность населения области составила 190,8 тыс. человек, из них 73% сельские жители, 27% горожане. По сравнению с данными предыдущей переписи населения 1979 г. численность населения области увеличилась на 11%. Разрыв в численности мужчин и женщин постепенно сокращается. Так, в 1959 г. он составлял 16,5 тысяч, в 1989 г. – 9 тысяч человек. Превышение численности женщин над численностью мужчин пришелся на возраст 50 лет и старше, что вызвано главным образом последствиями Великой Отечественной войны, а в возрасте до 50 лет их соотношение к 1989 г. выровнялось. Значительное превышение численности женщин обусловлено не только гибелью мужчин во время войны, но и более высокой смертностью последних в мирное время. В 1989 г. на 1000 мужчин приходилось 1098 женщин.

Занятое население составило 88,7 тыс. человек, большинство из них были заняты на предприятиях, в учреждениях 88,9% (от общей численности всех занятых), на втором месте – работающие в колхозах - 10%. Русское население является наиболее многочисленным и составляет более 60%. Грамотность населения выросла и составила 99,9% как в целом, так и мужчин, и женщин.

Особенностью организации и проведения переписей 1959–1989 гг. на территории Горного Алтай является наличие трудно-

доступной местности, где счет населения проводился в установленные сроки [6, с. 101-103].

Однако, социально-экономическое развитие региона, позволило проводить перепись в общепринятые сроки. В 1989 г. к труднодоступной местности были отнесены: Кош-Агачский район и частично: Улаганский, Усть-Канский, Усть-Коксинский и Турочакский районы, т.е. 53 населенных пункта с населением 30662 человека (18% от общей численности населения).

К третьей этнической группе в Горном Алтае относятся казахи. Основная часть проживает в Кош-Агачском, труднодоступном и суровом по природно-климатическим условиям районе. По переписи 1989 г. в Кош-Агачском районе казахи составляют 58%, алтайцы 39%, русские 4% населения. Являясь приграничным, Кош-Агач закрыт для свободного доступа. К тому же суровый климат и труднодоступность его не привлекали внимание переселенцев. Также казахи населяют три села Усть-Канского района. Сведения, содержащиеся в научной литературе, свидетельствуют о появлении казахов в Чуйской степи Кош-Агача в последней трети XIX в. [2, с. 7–8]. По данным переписей 1939 и 1989 гг., численность их увеличилась с 2326 до 8882 человек. Всего в Горном Алтае проживало 10692 казахов, но массовый выезд их в Казахстан, привел к сокращению численности. За 1991–1992 гг. выехало из Республики Алтай 2068 человек, около пятой части всех казахов Горного Алтая. Весной 1992 г. правительством России было принято постановление о приравнении Кош-Агачского и Улаганского районов к районам Крайнего Севера.

За столетний период население Горного Алтая значительно изменилось и увеличилось. По данным последней Всесоюзной переписи 1989 г., оно выросло с 41 983 тыс. человек до 191 649 тыс. человек, в том числе алтайцев с 34 до 59 тыс. человек [12, с. 32].

В целом, этап становления Горно-Алтайской автономной области, характеризуется как период устойчивого, социально-экономического развития территории в составе Алтайского края.

Далее начинается новый этап – этап повышения правового статуса автономной области и образования республики – важнейшее историческое событие XX столетия для населения Горного Алтая. Так, в 1991 г. образована Горно-Алтайская Советская Социалистическая Республика в составе РСФСР, затем Горно-Алтайская Советская Социалистическая Республика преобразована в Республику Горный Алтай. В 1992 г. Республика Горный Алтай переименована в Республику Алтай.

После распада СССР кардинальным образом изменилось государственное и политическое устройство страны, экономическая модель и социальная структура общества.

В настоящее время актуальным остается проблема сохранения языка, традиционной культуры и улучшения условий коренных малочисленных этносов Республики Алтай, как, впрочем, и всего алтайского народа.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Административно-территориальное деление Горного Алтая. Сборник архивных документов 1917 – 2016 гг. – Барнаул, 2016. – 400 с.
2. Кыдыева В.Я. К этнополитической и этнокультурной ситуации в Республике Алтай. – Москва, 1993. – 16 с.
3. Население России за 100 лет (1897–1997): статистический сборник. – Москва**:** Госкомстатом России, 1998. – 222 с.
4. Административно-территориальное деление Горного Алтая: сборник архивных документов 1917 – 2016 гг. – Барнаул, 2016. – 400 с
5. Итоги переписи 1920 г. – Москва: ЦСУ СССР, 1928. – 97 с.
6. Население Горного Алтая в зеркале статистики: по итогам переписей населения. К 90-летию образования Ойротской автономной области / редкол.: В. Н. Лацков [и др.]. – Горно-Алтайск: ООП Алтайстат, 2012. – 139 с.
7. Республика Алтай в цифрах. 2012: краткий статистический сборник Алтайстата / редкол. Лацков В.Н. [и др.]. – Горно-Ал-

тайск, 2012. – 127с.
8. Всесоюзная перепись населения 1937 года. Краткие итоги. – Москва, 1991. – 121 с.
9. Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги / сост.Ю.А. Поляков [и др.]. – Москва: Наука, 1992. – 255 с.
10. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959г. СССР (Сводный том) / ред. А.А. Слемзин, В. А. Солдатов. – Москва: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1962. – 284 с.
11. Национальный состав населения СССР: по данным всесоюзной переписи населения 1989г. – Москва: Финансы и статистика, 1991. – 160 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аблажей Наталья Николаевна **–** доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории СО РАН, Новосибирск, Российская Федерация.

Адильбаева Айгуль Серикановна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и географии Alikhan Bokeikhan University, Семей, Республика Казахстан.

Ажигулова Альбина Исламовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории и обществознания ФГБОУ ВО Оренбургского государственного педагогического университета, Оренбург, Российская Федерация.

Алексеенко Александр Николаевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Международного научно-исследовательского центра «Digital Social Research» Восточно-Казахстанского технического университета имени Д.Серикбаева, Усть-Каменогорск, Республика Казахстан.

Ақашева Дильназ Жулдызкызы – докторант кафедры истории и географии, Alikhan Bokeikhan University, Семей, Республика Казахстан

Алканова Жанар Ахметкалиевна – магистрант ОП «Этнополитология» Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан.

Аманбекова Нұргүл Даировна – преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин Медицинского университета Семей, Семей, Республика Казахстан.

Аубакирова Жанна Сакеновна – кандидат исторических наук, ассоциированный профессор, руководитель Международного научно-исследовательского центра «Digital Social Research» Восточно-Казахстанского технического университета имени Д.Серикбаева, Усть-Каменогорск, Республика Казахстан.

Әбдірашит Нұрсезім Нұрханқызы – магистрант Южно-Казахстанского педагогического университета имени Ө. Жәнібекова, Шымкент, Республика Казахстан.

Бакытжанова Анар Бакытжановна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и географии Alikhan Bokeikhan University, Семей, Республика Казахстан.

Баймагамбетова Айгерим Асылбековна – магистр истории, докторант, старший преподаватель Карагандинского исследовательского университета имени Е.А. Букетова, Караганда, Республика Казахстан.

Бармин Валерий Анатольевич – доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного педагогического университета, Барнаул, Российская Федерация.

Батешов Ержан Асанович – кандидат педагогических наук, старший преподаватель Казахского агротехнического исследовательского университета имени С.Сейфуллина, Астана, Республика Казахстан.

Бондаренко Светлана Ивановна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой гуманитарных наук Алтайского государственного аграрного университета, Барнаул, Российская Федерация.

Бургарт Людмила Александровна – магистр истории, референт-переводчик Римско-католического прихода Пресвятой Девы Марии Святого Розария, Усть-Каменогорск, Республика Казахстан.

Вазиров Зафар Кабутович – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории международных демографических исследований Института демографических исследований – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Российская Федерация.

Валитова Зульфия Хафизовна – кандидат социологических наук, ассоциированный профессор Карагандинского университета имени Е.А. Букетова, Караганда, Республика Казахстан.

Водичев Евгений Григорьевич – доктор исторических наук, профессор Новосибирского государственного технического университета, Национального исследовательского Томского государственного университета, Новосибирск, Томск, Российская Федерация.

Гарибова Фарзона Майбалиевна – младший научный сотрудник Лаборатории международных демографических исследований Института демографических исследований – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Российская Федерация.

Глушкова Лилия Николаевна – кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры педагогики и психологии Казахстано-Американского свободного университета, Усть-Каменогорск, Республика Казахстан.

Гольцова Евгения Викторовна – кандидат философских наук, декан социального факультета Иркутского государственного университета, Иркутск, Российская Федерация.

Гонина Наталья Владимировна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Российская Федерация.

Джакипова Танакоз Уалкановна – магистр истории, преподаватель Медицинского университета Семей, Семей, Республика Казахстан.

Дюсупова Сауле Туяковна – доктор PhD, профессор Астанинского международного университета, Астана, Республика Казахстан.

Еремин Алексей Алексеевич – кандидат географических наук, доцент кафедры экономической географии и картографии Алтайского государственного университета, доцент кафедры государственного и муниципального управления Алтайского филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Барнаул, Российская Федерация.

Есимова Айгуль Бегеновна – кандидат исторических наук, ассоциированный профессор Южно-Казахстанского педагогического университета имени Ө. Жәнібекова, Шымкент, Респу-

блика Казахстан.

Игнатьева Людмила Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и зарубежного регионоведения Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. Добролюбова, Нижний Новгород, Российская Федерация.

Илеуова Гульмира Токшалыковна – кандидат социологических наук, президент Общественного Фонда «Центр социальных и политических исследований «Стратегия», Алматы, Республика Казахстан.

Касенова Айгерим Жомарткызы – магистрант ОП «Этнополитология» Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан.

Қожан Мерейлі Серікқызы – магистр Южно-Казахстанского педагогического университета имени Ө. Жәнібекова, Шымкент, Республика Казахстан.

Краснобаева Нелли Леонидовна – кандидат исторических наук, главный научный сотрудник Международного научно-исследовательского центра «Digital Social Research» Восточно-Казахстанского технического университета имени Д.Серикбаева, Усть-Каменогорск, Республика Казахстан.

Куанганов Фархат Шаймуратович – магистр государственного управления, заместитель Председателя Совета директоров Международного научного комплекса «Астана», Астана, Республика Казахстан.

Кузнецова Янина Александровна – кандидат исторических наук, ученый секретарь Института истории Сибирского отделения Российской Академии наук, Новосибирск, Российская Федерация.

Кумарханова Еркежан – магистрант кафедры истории и географии Alikhan Bokeikhan University, Семей, Республика Казахстан.

Михнова Полина Владимировна – кандидат архитектуры, преподаватель СПб ГБПОУ «Академия управления городской средой, градостроительства и печати», Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Омурова Жамыйкат Орозбековна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой регионоведения и кыргызоведения Кыргызского национального университета имени Ж. Баласагына, Бишкек, Кыргызская Республика.

Сарсембаева Гульжан Алибековна – кандидат исторических наук, ассоциированный профессор Восточно-Казахстанского университета им. С.Аманжолова, Усть-Каменогорск, Республика Казахстан.

Симакова Ольга Александровна – магистр социологии, координатор проектов Общественного Фонда «Центр социальных и политических исследований «Стратегия», Алматы, Республика Казахстан.

Столярова Элеонора Олеговна – кандидат социологических наук, главный научный сотрудник Международного научно-исследовательского центра «Digital Social Research» Восточно-Казахстанского технического университета имени Д.Серикбаева, Усть-Каменогорск, Республика Казахстан.

Тагакова Алина Ильнаровна – ведущий специалист АО «НижКомАвто», Нижний Новгород, Российская Федерация.

Төлегенова Диана Мұратқызы – магистрант Южно-Казахстанского педагогического университета имени Ө. Жәнібеков, Шымкент, Республика Казахстан.

Черниенко Денис Аркадьевич – кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Филиала в г. Астана Института истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова КН МНВО РК. Астана, Республика Казахстан.

Чернышова Наталья Викторовна – доктор исторических наук, руководитель отдела исторической демографии Института демографических исследований ФНИСЦ РАН; профессор кафедры гуманитарных и социальных наук, МИРЭА – Российский технологический университет, Москва, Российская Федерация.

Шеденова Назым Утегалиевна – доктор социологических наук, доцент кафедры социологии и социальной работы Казахского Национального университета имени аль-Фараби, Алма-

ты, Республика Казахстан.

Шмидт Вальдемар, магистр истории, Регенсбург, Федеративная Республика Германия.

Уалиева Сауле Кабдымуликовна – кандидат исторических наук, ассоциированный профессор Медицинского университета им. С. Асфендиярова, Алматы, Республика Казахстан.

Урюстюмова Айзат Ишимбаевна – старший преподаватель кафедры Истории Казахстана и социально-политических дисциплин Восточно-Казахстанского технического университета имени Д. Серикбаева, Усть-Каменогорск, Республика Казахстан.

Эбель Елизавета Михайловна – доктор исторических наук, профессор Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Горно-Алтайский государственный университет», Горно-Алтайск, Российская Федерация.

СОДЕРЖАНИЕ:

Аблажей Н.Н.
МИГРАЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ В ГОРОДАХ СССР В ПЕРИОД ПАСПОРТИЗАЦИИ 1933–1934 гг. 3

Адильбаева А.С., Бакытжанова А.Б.
ЭТНИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА УРБАНИЗАЦИИ В ВОСТОЧНОМ КАЗАХСТАНЕ МЕЖДУ ПЕРЕПИСЯМИ 2009 и 2021гг. 24

Адильбаева А.С., Кумарханова Е. Б., Ақашева Д.Ж.
ВЛИЯНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ НА УХУДШЕНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ В ВОСТОЧНОМ КАЗАХСТАНЕ В 1990-Х ГОДАХ 35

Алканова Ж.А.
САЯСИ РЕФОРМАЛАРДЫҢ ШЫҒЫС ҚАЗАҚСТАН ОБЛЫСЫНДАҒЫ КӨРІНІСІ 44

Аманбекова Н. Д.
КЕҢЕС ӨКІМЕТІ ЖЫЛДАРЫНДАҒЫ ШЫҒЫС ҚАЗАҚСТАН ШАҒЫН ҚАЛА ТҰРҒЫНДАРЫНЫҢ ӘЛЕУМЕТТІК-ДЕМОГРАФИЯЛЫҚ ЖАҒДАЙЫ 51

Аубакирова Ж.С., Алексеенко А.Н., Краснобаева Н.Л., Столярова Э.О.
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНО ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ КАЗАХСТАНА В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА 69

Әбдірашит Н.Н.
1991-1999 ЖЫЛДАРДАҒЫ ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ НЕКЕ ЖӘНЕ АЖЫРАСУ ЖАҒДАЙЫ 84

Баймагамбетова А.А.
ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 91

Бармин В.А.
ЕЩЕ РАЗ ОБ ОБЪЕКТИВНЫХ ФАКТОРАХ, ОПРЕДЕЛЯВШИХ ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КУРС СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ОТНОШЕНИИ КИТАЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ СИНЬЦЗЯН В 1918-1949 гг. 100

Батешов Е.А.
О ВКЛЮЧЕНИИ КАНДАСОВ И ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В ТРУДОДЕФИЦИТНЫЕ РЕГИОНЫ КАК ПРЕТЕНДЕНТОВ НА ПОЛУЧЕНИЕ АРЕНДНОГО ЖИЛЬЯ ПО ГОСУДАРСТВЕННЫМ ПРОГРАММАМ 111

Батешов Е.А.
О НЕОБХОДИМОСТИ ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ ПРОВЕРКИ АНАЛОГИЧНЫХ ФАКТОВ У БЛИЗКИХ РОДСТВЕННИКОВ ЛИЦ, РАНЕЕ УЛИЧЕННЫХ В ДВОЙНОМ ГРАЖДАНСТВЕ 116

Бондаренко С. И.
ВЛИЯНИЕ ЦЕЛИННОГО ПРОЕКТА НА СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ АЛТАЯ И СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА 120

Бургарт Л.А.
НАСЕЛЕНИЕ КАЗАХСТАНА ПО ВЕРОИСПОВЕДАНИЮ ПО ИТОГАМ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПЕРЕПИСИ РК 2021 года 129

Вазиров З. К., Гарибова Ф. М.
ТЕНДЕНЦИИ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ 142

Валитова З.Х., Есимова А.Б.
ОСНОВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ВТОРОГО ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ 157

Водичев Е.Г.
ГОРОД И ГОРОДОК: КОЛЛИЗИИ ИДЕНТИЧНОСТИ ПРИ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА СИБИРСКОГО МЕГАПОЛИСА 164

Глушкова Л.Н.
СПЕЦИФИКА ПРОЯВЛЕНИЙ АГРЕССИИ И ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ 186

Гольцова Е. В.
МИГРАНТОФОБИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ (НА ПРИМЕРЕ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ») 196

Гонина Н.В.
ДИНАМИКА НАСЕЛЕНИЯ Г. КРАСНОЯРСКА В 1979–1989 гг 204

Джакипова Т.У.
XX ҒАСЫРДЫҢ 20-30 ЖЫЛДАРЫНДАҒЫ ШЫҒЫС ҚАЗАҚСТАН ӨҢІРІНІҢ ДЕМОГРАФИЯЛЫҚ ПРОЦЕСІ 218

Джакипова Т.У.
ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ БАСҚА ҰЛТТАР НЕМЕСЕ ЭТНИКАЛЫҚ ТОПТАР ТАРИХЫ 230

Дюсупова С. Т.
ЖАСАНДЫ ИНТЕЛЛЕКТТІҢ ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ТУУ ДЕҢГЕЙІНЕ ЫҚПАЛЫ: ҚАУІПТЕР МЕН МҮМКІНДІКТЕР 241

Еремин А.А.
АЛТАЙСКИЙ КРАЙ НА ФОНЕ РОССИЙСКОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ 252

Есимова А.Б.
РОЖДАЕМОСТЬ В КАЗАХСТАНЕ В 1990-е годы: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ 270

Игнатьева Л. Н., Тагакова А. И.
ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КНР: ТРАНСФОРМАЦИЯ, ПРОБЛЕМЫ, РЕЗУЛЬТАТЫ 277

Илеуова Г. Т., Симакова О. А.
СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ВДОЛЬ И ПОПЕРЕК: ПОПЫТКА ПРОДОЛЬНОГО И ПОПЕРЕЧНОГО АНАЛИЗА АДАПТИВНОСТИ ПОКОЛЕНИЙ 287

Касенова А. Ж.
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАЗАХОЯЗЫЧНОГО И РУССКОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ 304

Қожан М. С.
ХХ ҒАСЫРДАҒЫ ҚАЗАҚСТАННЫҢ ДЕМОГРАФИЯЛЫҚ ДАМУ МӘСЕЛЕЛЕРІ (ДЕМОГРАФИЯЛЫҚ КОНФЕРЕНЦИЯ МАТЕРИАЛДАРЫН ТАЛДАУ НЕГІЗІНДЕ) 321

Краснобаева Н. Л.
РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КАЗАХСТАНА В 50-80-е годы XX века 329

Куанганов Ф.Ш.
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПООЩРЕНИЯ РОЖДАЕМОСТИ НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ В 2010-2014 гг 338

Кузнецова Я. А.
ИСТОЧНИКИ ФОРМИРОВАНИЯ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕГИОНАХ СЕВЕРА СИБИРИ В XX в 355

Михнова П.В.
ПАБЛИК-АРТ КАК ДРАЙВЕР СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДОВ 375

Омурова Ж.О., Урюстюмова А. И.
НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ КЫРГЫЗСТАНА И КАЗАХСТАНА В ПЕРИОД СУВЕРЕНИТЕТА 389

Сарсембаева Г.А.
СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ СССР В 1950-1960 гг.: К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВНЫХ ФАКТОРАХ ПОВЫШЕНИЯ РОЖДАЕМОСТИ 398

Столярова Э.О., Аубакирова Ж.С., Краснобаева Н.Л.
ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАСТРОЕНИЙ В 1950–1980 гг. И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ КАЗАХСТАНА 415

Төлегенова Д.М.
ШЫМКЕНТ ҚАЛАСЫНЫҢ ДЕМОГРАФИЯЛЫҚ ДАМУЫ: БІЛІМ АСПЕКТІСІ 426

Черниенко Д.А.
ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ СЕМИПАЛАТИНСКОЙ ГУБЕРНИИ ПО ПЕРЕПИСИ 1926 ГОДА И МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИИ А.С. БЕЖКОВИЧА 1927 ГОДА 436

Чернышева Н.В., Ажигулова А.И.
ИСТОЧНИКИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СССР В 1930–1950-е годы 450

Шмидт В.
ИСТОРИЯ НЕМЦЕВ КАРАГАНДИНСКОЙ ОБЛАСТИ ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ 461

Уалиева С.К., Шеденова Н.У.
ОТНОШЕНИЕ «РУССКОГОВОРЯЩИХ» КАЗАХОВ К ИЗУЧЕНИЮ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ГЛУБИННЫХ ИНТЕРВЬЮ У ЛИЦ КАЗАХСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ) 471

Эбель Е. М.
ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ГОРНОМ АЛТАЕ 484

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 499

КГУ «Дом дружбы - центр общественного согласия» управления внутренней политики Восточно-Казахстанской области
Научно-экспертная группа Ассамблеи народа Казахстана ВКО
Международный научно-исследовательский центр «DIGITAL SOCIAL RESEARCH» Восточно-Казахстанского технического университета имени Д. Серикбаева
Алтайский государственный университет
Иркутский государственный университет
Тихоокеанский государственный университет
УНИЛ «Россия и Восток» Алтайского государственного педагогического университета

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КАЗАХСТАНЕ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

XXIII Международная научно-практическая конференция (04–05 декабря 2024 г.)

Сборник научных трудов
Ответственный за выпуск: В.П. Алексеева
Редактор: В.П. Алексеева
Верстка: А.А. Набокина

Подписано в печать 04.02.2025 г. Формат 60*84/16 Усл.-печ. 63,9
Усл.-изд. л. 64,6 Тираж 200 Заказ 005 Цена договорная

Издательство “Медиа-Альянс”
070005, г. Усть-Каменогорск, пр. Абая, 181/3

Отпечатано в типографии ТОО “Медиа-Альянс”